

Стр.	Стр.
III отдел — библиография.	
Обзор литературы по мировому хозяйству. <i>М. Бронский</i>	278
Обзор литературы по аграрному вопросу. <i>С. Дубровский</i>	295
Статистика 1918—1922 гг. <i>П. Попов</i>	311
Обзор научно-популярной литературы по теории относительности. <i>В. Балзаров</i>	324
Литература по чартизму. <i>Ф. Гамилетин</i>	342
Обзор литературы о революции 1848 г. <i>Ст. Крицков</i>	363
Старое и новое в доистории. (Обзор литературы по первобытной культуре.) <i>В. Никольский</i>	376
Рецензии.	
Оптимальные размеры с.-х. предприятий. (Труды Высшего Семинария с.-х. экономики и годички при Петровской С.-Х. Академии). <i>Т. Н. Нурцман</i>	400
Макс Адлер: Учение марксизма о государстве. <i>Г. Лукач</i>	407
Каюо. Куда идет Франция. <i>М. Павлович</i>	411
Приложение.	
Опыт библиографическ. указателя по истории крестьянского движен. <i>Е. А. Морозовец</i>	415
Указатель русской литературы по положению рабочего класса. <i>С. П. Каптур</i>	421
Книги изд. 1921 г., полученные в кабинет — Миров. войны и внеш. полит. — Соц. Акад.	433
IV отдел — хроника.	
Доклады в Социалистической Академии	441
Издание „Соц энциклопедии“	441
Подарок уральских рабочих	442
Секция советского строительства	442
Секция по общей теории и истории права и государства	443
Библиотека Социалистической Академии	443

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
 Москва, Знаменка, Мал. Знаменский, 11.
 Телефоны: 1-94-66, 1-94-64. Кремль, доб. 2-75.

№ 17/25
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

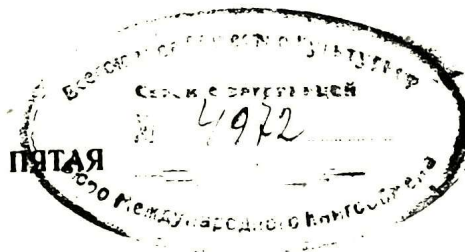
5
 КНИГА ПЯТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО
 МОСКВА—1928—ПЕТРОГРАД

ВЕСТНИК

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА ПЯТАЯ

АВГУСТ—СЕНТЯБРЬ

1923 год

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

I отдел.—Статьи.

	Стр.
Теория реализации Р. Люксембург:	
1) На старых позициях марксизма.— <i>Дволайцкий, Ш.</i>	5
2) О накоплении капитала и „третьих“ лицах.— <i>Крицман, Л.</i>	51
Материализация и пролетарское сознание.— <i>Лукач, Г.</i>	74
Революция 1905 г. и расслоение сельского населения.— <i>Тюменев.</i>	121
Трагедия художественного творчества у Гончарова.— <i>Пересергев, В.</i>	164

II отдел.—Стенограммы докладов, читаемых в Социалистической Академии.

Доклады, посвященные памяти Воровского: <i>Покровский, Фриче, Кры- лов, Тичерин.</i>	178
--	-----

III отдел.—Библиография.

Проблема логики в современной философии.— <i>Баммель.</i>	204
Обзор литературы по общей теории права.— <i>Пашуканис.</i>	227
Mautner. Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande. (Vier Bände). <i>G. Lukacs.</i>	233
Hermann Schmalenbach: Leibniz.— <i>G. Lukacs.</i>	237
Friedrich Kuntze: Die Philosophie Salomon Maimons.— <i>G. Lukacs.</i>	240
Wilhelm Dilteys gesammelte Schriften.— <i>A. Fogarasi.</i>	245

Приложение.

Опыт указателя литературы по истории партии Народной Воли.— <i>Дрей.</i>	250
Опыт библиограф. указат. по ист. крестьянск. движ. (Продолж.).— <i>Мо- розовец.</i>	276
Положение рабочего класса. (Указ. литер. на русск. языке).— <i>Каплун.</i>	290

Теория реализации Р. Люксембург.

I. На старых позициях русского марксизма.

(Ответ моим критикам).

«Что существуют многочисленные исторические и практические условия (не говоря уже об имманентных противоречиях капитализма), которые ведут и приведут гораздо скорее к гибели капитализма, чем к превращению современного капитализма в идеальный капитализм,—этого я, конечно, и не думаю отрицать. Но по чисто-теоретическому вопросу «относительно идеального капиталистического общества» я сохраняю свое прежнее мнение, что нет никаких теоретических оснований отрицать возможность расширенного воспроизводства в таком обществе».

В. Ильин. «Еще к вопросу о теории реализации», «Научн. Обзор», № 8, 1899 г.

I.

Спор по теории рынка, разгоревшийся в наших марксистских журналах в связи с докладом т. Тальгеймера на последнем конгрессе Коммунистического Интернационала, спор не новый. Он велся у нас в конце истекшего столетия и вызвал целую полемическую литературу. На одной стороне стояли столпы народничества во главе с В. В. и Николаем—оном, на другой стороне—марксизм во главе с Владимиром Ильиным. Этот теоретический турнир разыгрывался, следовательно, между представителями двух глубоко враждебных друг другу мировоззрений. Сейчас тот же, по существу, спор происходит между людьми, причисляющими себя к одному лагерю—к ортодоксальному марксизму. Это обстоятельство наведет, вероятно, читателя на размышления: «Неужели же,—скажет он.—полемика между противниками и сторонниками теории реализации Розы Люксембург лежит в той же плоскости, что и спор между эпигонами народничества и адептами русского марксизма 90-х годов? Ведь давно известно, что не только

марксисты, но и народники последней формации считали этот знаменитый спор окончательно решенным». И тем не менее, основная теоретическая концепция, данная в «Накоплении капитала», по сути дела, ничем не отличается от основного тезиса нашего народничества. Расхождения касаются выводов и, само собой разумеется, линии практического поведения приверженцев того и другого теоретического течения.

Сущность экономической концепции нашего народничества дана их теорией рынка. В чем же эта теория заключается? Чтобы не рыться в статьях и книгах Николая—она и В. В., которых у меня, кстати сказать, нет под руками, я приведу сжатое, но безусловно точное изложение этой теории, данное т. Лениным в «Развитии капитализма в России»¹⁾: «Известно, что стоимость продукта в капиталистическом производстве распадается на три следующие части: 1) первая возмещает постоянный капитал, т. е. ту стоимость, которая существовала и раньше в виде сырых и вспомогательных материалов, машин и орудий производства и т. п. и которая только воспроизводится в известной части готового продукта; 2) вторая часть возмещает переменный капитал, т. е. покрывает содержание рабочего, и, наконец, 3) третья часть составляет прибавочную стоимость, принадлежащую капиталисту. Принимается обыкновенно (мы излагаем этот вопрос в духе г. г. Н—она и В. В.), что реализация (т. е. нахождение соответственного эквивалента на рынке) первых двух частей не представляет затруднения, ибо первая часть идет на производство, а вторая на потребление рабочего класса. Но как реализуется 3-я часть—прибавочная стоимость? Не может же она быть потреблена капиталистами! И наши экономисты приходят к выводу, что «выходом из затруднения» по реализации сверхстоимости является «приобретение внешнего рынка» (Н—он, «Очерки», отд. II, § XV вообще и стр. 205 в особенности, В. В., «Излишек снабжения рынка товарами» в «Отеч. Зап.» за 1883 г. и «Очерки теоретической экономики». СПб, 1895 г., стр. 179 и след.). Необходимость внешнего рынка для капиталистической нации объясняется названными писателями тем, что капиталисты не могут иначе реализовать продуктов. Внутренний рынок в России сокращается вследствие разорения крестьянства и вследствие невозможности реализо-

¹⁾ Изд. 1908, стр. 5—9.

вать сверхстоимость без внешнего рынка, а внешний рынок недоступен для молодой страны, слишком поздно вступающей на путь капиталистического развития,—и вот беспочвенность и мертворожденность русского капитализма объявляются доказанными на основаниях одних априорных (и притом теоретически неверных) соображений». П. Б. Струве, который уже в 90-х годах обнаружил себя как враг марксизма, вполне солидаризировался с только-что изложенной «теорией рынка». Эта теория,—писал он в «Научном Обзрении» за 1899 г. (кн. I),—верна, поскольку она констатирует тот факт, что прибавочная ценность (стоимость) не может быть реализована в потреблении ни капиталистов, ни рабочих, а предполагает потребление третьих лиц... Под этими третьими лицами я имею в виду, главным образом, некапиталистических производителей, т. е., главным образом, крестьянство»¹⁾

Заменив в формулировке В. В. и Н—она слова «внешний рынок» выражением «внешний рынок в смысле группы стоящих вне данной капиталистической системы производителей» (см. цит. ст.), Струве ни в малой мере не погрешил против теории народников, ибо последние считали, конечно, что невозможность реализации продукта в условиях чистого капитализма есть не специфически русское явление, а явление мировое. И если В. В. и Н—оном придерживались той точки зрения, что реализация прибавочной ценности в странах старого капитализма все же возможна, то только потому, что эти страны успели захватить в свои руки множество некапиталистических рынков. Николай—он даже прямо признал, что на невозможность реализовать прибавочный продукт рано или поздно наталкивается всякая страна, вступившая на путь капиталистического развития, молодые капиталистические страны, вроде России, «он выделял в особую категорию по той причине, что они застают некапиталистические рынки уже захваченными старыми конкурентами.

Но если это так,—а это безусловно так,—то чем, спрашивается, теория рынка Р. Л. отличается от теории рынка народников? По-моему, здесь нет никакой разницы, и я до сих пор думал, что всякий мало-мальски знакомый с разби-

¹⁾ Р. Л. упрекает, между прочим, Струве в том, что он не раскрыл понятия «третьих лиц»; как видно из приведенной цитаты, Р. Л. ошибался: Струве вкладывал в это понятие достаточно определенный смысл.

раемым предметом должен придерживаться такого же мнения. Но вот выступил тов. Бессонов и публично заявил, что Владимир Ильич, которого мы привыкли считать мопильщиком народничества, был не более и не менее как... одним из самых ранних предтеч теории Р. Л. Тов. Бессонов пишет: «Мы совершенно не касаемся здесь позиции, занятой по отношению к этой проблеме (т.е. теории реализации, Ш. Д.) т. В. Ильиным (Лениным), несомненно, центральной фигурой спора с народниками в 90-х годах. На наш взгляд, только недоразумением и недостаточным знакомством с работами т. В. Ильина можно объяснить то, что т. Р. Люксембург, т. Тальгеймер, Мартов и др. отождествляют позицию т. Ильина с позицией Струве, Булгакова, Тугана и других; т. В. Ильин не только является одним из самых ранних (в России после Плеханова) провозвестников концепции тов. Р. Люксембург, но во многих отношениях дает гораздо более строгое и последовательное истолкование теории реализации Маркса, чем то делает сама т. Люксембург. Однако, выяснение позиции В. Ильина должно быть делом специальной статьи¹⁾. В этой цитате есть, конечно, много правды. Что отождествление позиции В. Ильина с позицией Струве, Тугана и др. — чистейший вздор, это, конечно, верно, и на этом вопросе мы будем еще иметь случай остановиться ниже. Верно и то, что В. Ильин дал не только во многих отношениях, но во всех отношениях «гораздо более строгое и последовательное истолкование теории реализации Маркса, чем то делает сама Р. Л.». Это тем более справедливо, что Р. Л. дала совершенно неправильное истолкование Маркса (обо всем этом мы будем еще говорить), но на ряду с этими бесспорными истинами, т. Бессонов высказывает столь чудовищный по своей парадоксальности тезис, что я, прочитавши выписанное выше место его статьи, просто не поверил глазам своим. Мне казалось, что передо мною вскользь брошенное замечание от которого т. Бессонов сам же откажется и на котором он, во всяком случае, настаивать не станет. Тов. Бессонов, однако, не только не отрекся от своего парадокса, но даже выполнил свое обещание и написал на эту тему специальную статью.

¹⁾ «Спутник Коммуниста», № 21, стр. 161—162, ст. С. Бессонова «Программа Коминтерна и теория Розы Люксембург».

Статья эта в печатном виде до меня еще не дошла, но мне пришлось прочитать часть ее в рукописи, и убедиться, что тов. Бессонов не на шутку признает за В. Ильиным «приоритет» в деле создания теории, изложенной в «Накоплении капитала»¹⁾.

Я, пожалуй, должен был бы обойти этот вопрос молча, ибо как-то неловко доказывать правильность аксиом или уверять своих зрячих собеседников, что белое есть белое, а черное — черное. Но поскольку софизм т. Бессонова пошел гулять по страницам наших толстых журналов, я счел себя вынужденным «восстановить честь» нашего победоносного марксизма 90-х годов.

Начнем с тезиса, лежащего в основе как теории Р. Л., так и нашего народничества: реализация прибавочной ценности (или сверхстоимости, как выражались у нас в доброе старое время) в условиях чистого капитализма невозможна. Как Вл. Ильин относился к этому тезису? Чтобы ответить на этот вопрос, я сделал несколько выписок из разных работ т. Ленина. Надеюсь, что читатель не будет на меня за это в претензии. «Поскольку мы берем абстрактную теорию реализации (а народники выдвинули именно абстрактную теорию о невозможности реализовать сверхстоимость), постольку неизбежен вывод о возможности реализации» (перепеч. во II томе Собр. соч., стр. 483). Маркс остается строго последовательным, когда показывает: 1) что продукт может (курс. В. И.) быть реализован в капиталистическом обществе... что для объяснения этой реализации ошибочно было бы привлекать внешнюю торговлю или «третьих лиц», 2) что теории мелко-буржуазных экономистов (Прудон) относительно невозможности реализовать сверхстоимость²⁾ покоятся на полном непонимании самого процесса реализации вообще» (там же стр. 499). Примерно пятью годами раньше (в 1894 г.)

¹⁾ По возвращении в Москву я прочитал упомянутую статью тов. Бессонова («Спутник Комм.», № 23). Автор обнаруживает в ней экзотические таланты, которым позавидовал бы не только средневековой схоласт, но даже индийский факир. Но тов. Бессонов меня мало удивляет: высказал однажды человек вздорную мысль, а затем стал подводить под нее «теоретический фундамент». — дело обычное. Меня удивляет, однако, что марксистский журнал, в задачу которого входит распространение и популяризация работ В. Ильина, счел возможным напечатать статью т. Бессонова без всяких оговорок. Казалось бы, что теоретический орган крупнейшей коммунистической организации должен был бы с особой осторожностью относиться к «интерпретациям» тов. Ленина.

²⁾ Если курсив принадлежит мне, я особых оговорок не делаю.

В. Ильин, тогда еще К. Тулин, писал: «Маркс доказал во II томе, что вполне мыслимо капиталистическое производство без внешних рынков и безо всяких «третьих лиц», привлечение которых г-ном Струве в высшей степени неудачно» (там же, стр. 152). В «Развитии капитализма» т. Ленин, приводя некоторые выдержки из Маркса, на которые любил ссылаться народники в подтверждение своих «учений», заявляет: «Нет ничего бессмысленнее, как выводить из этих мест «Капитала», будто Маркс не допускал возможности реализовать сверхстоимость в капиталистическом обществе...» (II изд., стр. 21). Помимо всех этих выписок и эпиграфа, не оставляющих абсолютно никаких сомнений насчет позиции В. И. в интересующем нас вопросе, я мог бы привести немало других выдержек, характеризующих его позицию не менее ярко и не менее недвусмысленно. Т. Ленин десятки раз возвращается к критике положения о невозможности реализации прибавочной ценности, не стесняясь употреблять по адресу приверженцев этого положения такие выражения, как «вздор», «бессмыслица» и т. д.

Я спрашиваю тов. Бессонова: читали Вы это у Вл. Ильича или нет? А если читали, то чем Вы объясняете такие «странности»? Как Вы объясните тот несомненный факт, что В. И. в корне отвергал основной тезис Р. Л. и русских народников? Как Вы примиряете Ваше утверждение, что В. И. дал гораздо более строгое истолкование теории реализации Маркса, «чем то делает сама т. Люксембург», с позицией В. И.—на, который, соглашаясь с Марксом, столь яростно отвергает защищаемое Вами положение? Не станете же вы утверждать, что это положение есть краеугольный камень обеих книг Р. Л. А если нет, то как же приведенные выше цитаты примирить с Вашей попыткой даровать В. И.—ну «приоритет» по отношению к Р. Л.? Для меня, грешного, все это неразрешимые вопросы...

Но, может быть, есть Ильин и Ильин? Может быть, Ильин—теоретик был решительным противником концепции Р. Л., а Ильин—исследователь конкретной русской действительности на деле руководился именно теорией Р. Л.? Ведь бывали же такие случаи, например, с Туган-Барановским, который, сам того не замечая, пользовался иногда в своих историко-экономических исследованиях методами, явно противоречащими его теоретическому мировоззрению. Не впадал ли в аналогичный грех и В. И.? Не дока-

зывал ли он, на деле, что наши некапиталистические слои, крестьяне и кустари, были покупателями знаменитого излишка, и стало быть, спасителями русского капитализма? Если разбор работ В. И. покажет нам, что это было именно так, то тов. Бессонов может торжествовать. Он будет иметь полное основание «конфронтировать» Ильина с Ильиным, провозгласить: «Ленин contra Ленин», и с полным основанием заявить, что В. И. был «одним из самых ранних провозвестников теории Р. Л.».

Автор «Накопления капитала» стоял на той точке зрения, что внекапиталистические слои образуют рынок для неподдающейся сбыту прибавочной ценности лишь постольку и до тех пор, поскольку они остаются на уровне простого товарного производства. Но тенденция исторического развития неизбежно приводит к тому, что капитализм разлагает внекапиталистические слои, и сам становится на их место. Это, по мнению Р. Л., означает, что капитализм рубит тот сук, на котором он сидит, ибо сфера питательной почвы буржуазного хозяйства все более суживается, а само буржуазное хозяйство, напротив того, растет.

Диаметрально противоположной точки зрения придерживается В. И. Анализируя процесс внутреннего рынка, он доказывает, что разложение крестьянства, т. е. превращение последнего в буржуазию и пролетариат, не суживает, а расширяет рынок для капиталистического производства. В резюме главы II «Развитие капитала», посвященной специально разложению крестьянства, В. И. пишет: «Разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма. В нижней группе это образование рынка происходит на счет предметов потребления (рынок личного потребления). Сельский пролетариат, по сравнению с средним крестьянством, меньше потребляет, и притом потребляет продукты худшего качества (картофель вместо хлеба и пр.), но больше покупает. Образование и развитие крестьянской буржуазии создает рынок двояким путем: во-первых, и главным образом, на счет средств производства (рынок производительного потребления), ибо зажиточное крестьянство стремится превратить в капитал те средства производства, которое оно «собирает» и от «оскудевших» помещиков, и от разоряющихся крестьян. Во-вторых, рынок создается здесь и на счет личного потре-

блестия, вследствие расширения потребностей у более состоятельных крестьян» (стр. 126. Все курсивы принадлежат В. Ильину). В другом месте той же книги (стр. 467), мы читаем: «Внутренний рынок для капитализма и создается параллельным развитием капитализма в земледелии и в промышленности, образованием класса сельских и промышленных предпринимателей, с одной стороны, сельских и промышленных наемных рабочих—с другой стороны». Эти положения образуют лейтмотив в всей работы В. И., и если бы я захотел продолжать цитировать, мне пришлось бы переписать чуть ли не всю книгу. Т. Ленин видел в этой стороне вопроса Ахиллесову пятую народничества, и со свойственным ему обыкновением бить в одну точку, повторял свои опроверженные народнических предрассудков, давая и теоретические, и конкретно-исторические доказательства только-что сформулированных положений. О том, что разложение крестьянства не суживает, а расширяет рынок, тов. Ленин писал не только в «Развитии капитализма», но и во всех своих чисто теоретических статьях, так или иначе затрагивающих проблему рынка. В статье, направленной против Струве и написанной в 1894 г., В. И. писал: «Капитализм не разоряет только, а разлагает крестьянство на буржуазию и пролетариат. Процесс этот не сокращает внутренний рынок, а создает (курсив В. И.) его: товарное хозяйство растет у обоих полюсов разлагающегося крестьянства: и у «пролетарского», (вынужденного продавать «свободный труд», и у буржуазного, поднимающего технику своего хозяйства (машины, удобрения, инвентарь и т. д.) и развивающего потребности». (II том, стр. 150). В другой статье, посвященной критике «экономического романтизма», содержится параграф под характерным заглавием: «Сокращается ли внутренний рынок вследствие разорения мелких производителей?» Нечего и говорить, что автор отвечает на этот вопрос категорически нет: по мере того, как крестьянство уступает место капиталистическому фермеру, а кустарь—фабрике, идет образование рынка для капитала (там же, стр. 166). В другой статье: «Крестьяне-земледельцы («третьи лица») создают рынок для капитализма лишь постольку, поскольку они разлагаются на классы капиталистического общества (сельскую буржуазию и сельский пролетариат), т. е. постольку, поскольку они перестают быть «третьими» лицами, а стано-

вятся действующими лицами в системе капитализма» (там же, стр. 495) ¹⁾.

Итак, по Розе Люксембург, третьи лица создают рынок для капитализма, пока они остаются на уровне простого, товарного производства, и перестают его создавать, поскольку они сами приобретают образ и подобие капитализма. По Ленину, те же «третьи лица» продолжают создавать рынок для капитализма и тогда, когда они становятся действующими лицами в системе капитализма. Как это похоже на то, что В. И. был провозвестником теории Р. Л! Однако, нельзя ли найти сходство между Р. Л. и В. И. в том, что последний анализирует развитие капитализма в условиях разваливающейся внекапиталистической среды. Против такого «сходства» я, конечно, возражать не стал бы, ибо странно было бы думать, что капитализм есть самозарождающаяся общественная формация...

Грех тов. Бессонов, навязывать В. Ильину—и при этом еще в 1923 г.—народнические теории! ²⁾.

II.

В своей первой статье, посвященной «Накоплению капитала» ³⁾, я выдвинул против теории Розы Люксембург два соображения. Я доказывал, что проблема расширения воспроизводства в условиях чистого капитализма становится разрешимой, во-первых, если предположить наличность потребительского кредита рабочим, и, во-вторых, если учесть то обстоятельство, что капиталистическое государство занимается накоплением в экономическом смысле этого слова. Как увидит дальше читатель, оба эти соображения были вызваны самым характером постановки вопроса Розой Люксембург. Следуя методу автора «Накопления капитала», для которого наличность возрастающего спроса является экономическим *primum*, я пытался показать, что расширенное воспроиз-

¹⁾ Из сочинений В. И. явствует, что он считал ступень перехода натурального хозяйства к капиталистическому, т. е. простое товарное производство, лишь мимолетным и крайне неустойчивым этапом развития.

²⁾ Тов. Мих. Павлович в своем очерке под заглавием «Ленин как разрушитель народничества» («Под знаменем марксизма», № 4 за 1923 г.) совершенно справедливо замечает, что критика Ильина бьет прямо теорию Р. Люксембург.

³⁾ «Красная Новь», 1921 г., кн. I.

изводство в условиях «идеального» капитализма возможно даже при соблюдении только-что сформулированной предпосылки. Поскольку я считаю эту предпосылку методологически совершенно неправильной, я мог бы и не возвращаться к аргументации, приведенной мною в моей первой статье, но поскольку мои оппоненты и по этой линии считают возможным защищать компетенцию Р. Л., я беру на себя смелость утверждать, что в плоскости логической критики (т.е. критики, базирующейся на предпосылках оспариваемой теории), моя полемика против основного тезиса «Накопления капитала» была совершенно законна.

Начнем с первого соображения—потребительского кредита рабочим. Предположим, что перед нами тот самый «воображаемый единый склад капиталистического общества», или, короче говоря, та «товарная куча», с которой начинает свои рассуждения Р. Л. Для простоты представим эту «кучу» в цифрах:

$$4000c + 1000v + 1000m$$

Ставится вопрос о возможности накопления при отсутствии «третьих лиц». Р. Л. утверждает, что так как рабочие, по завершении первого периода производства, давшего совокупному капиталисту упомянутую «товарную кучу», смогут купить только часть последней, соответствующую их заработной плате (1000v), а сам совокупный капиталист приобретает лишь часть прибавочной ценности, идущую на его личное потребление (скажем, 500 m), то оставшая часть m не поддастся реализации, и накопление, вследствие этого, окажется невозможным. Посмотрим, так ли это на самом деле? Пусть та часть прибавочной ценности, которая не поддается реализации (500m), складывается из 400с (средств производства) и 100v (средств потребления). С моей точки зрения, которую я с полным основанием считаю точкой зрения Маркса и далеко не худшей части русского марксизма, вопрос о накоплении решается здесь очень просто: капиталисты покупают 400с, пускают в ход добавочных 100 деньгами ¹⁾ на покупку рабочей силы, и воспроизводство в следующий период (неделю или год—безразлично) совершается на расширенном базисе. Но Р. Л. не хочет идти этим путем. Она на-

¹⁾ Деньги ни материально, ни «ценностно» в нашу товарную кучу не входят. Они должны существовать на ряду с последней.

зывает это «производством ради производства», т.е. совершеннейшей бессмыслицей, с точки зрения капиталистической («Антикритика», стр. 17). Пусть это будет так, пусть сбыт 500 m без наличия наперед данного платежеспособного спроса, действительно, невозможен. В таком случае, наш воображаемый идеальный совокупный капиталист окажется в совершенно безвыходном положении: он, повидимому, не сможет и мечтать о расширении производства. Но если бы он на самом деле оказался в столь тяжелом положении, ему можно было предложить достаточно простое средство спасения, то самое средство, о котором я говорил в своей первой статье и которое вызвало столь бурные возражения со стороны одного из моих оппонентов. Не имея никаких намерений оставаться на уровне простого воспроизводства, наш собирательный капиталист (или, точнее, отдельные капиталисты, ибо класс, состоящий из конкурирующих «атомов», строго говоря, не «думает») предоставляет, скажем, безработным (через организацию последних или индивидуально, это значения не имеет) 200 деньгами в кредит. Из этих 200 безработные смогут в данный момент купить средства существования не более, чем на 100, ибо остальная часть 500 m имеется налицо в виде средств производства, т.е. в натуральной форме, непригодной для личного потребления. Нереализованными в нашей товарной куче остались только 400 с. Но вместе с тем имеется добавочный спрос в размере 100 из 200, предоставленных капиталистами в кредит, и до сих пор израсходованных только наполовину. Но если дебиторы класса капиталистов предъявляют дополнительный спрос на средства существования, то для капиталистов есть стимул произвести расширение производства. А если это так, то они должны купить новые средства производства и добавочную рабочую силу. Предполагая для простоты, что органический состав капитала останется неизменным, мы приходим к тому выводу, что капиталистам (во имя удовлетворения нового спроса!) придется купить имеющиеся налицо 400с и на 100 добавочной рабочей силы, т.е. нанять тех, которые купили уже в кредит на 100 рублей средств потребления. Новый период производства начнется у нас с 4400 с средств производства и 1100 рабочей силы. Новые рабочие, получив 100 заработной платы, вернут все это своим кредиторам, и на протяжении следующего периода производства смогут восстанавливать свою

рабочую силу за счет тех средств потребления, которые они только-что купили. Результатом нашего нового производственного периода будет опять-таки некоторая «товарная куча», состоящая из

$$4400c + 1100v + 1100m,$$

где 4400 с представляют собой средства производства, 1100 v — средства потребления, а 1100m средства производства и средства потребления. Насчет реализации 4400с и той части m (скажем, 600 m), которая идет на потребу класса капиталистов, ни Р. Л., ни ее безоговорочные сторонники, вопросов не ставят. Но ведь у нас остаются еще нереализованными, во первых, 500 m, и, во-вторых, 100 v¹⁾. Последние 100 будут куплены теми рабочими-должниками, которые, за отсутствием на рынке (в «товарной куче») средств потребления, своих денег раньше израсходовать не могли. В таком случае нереализованными останутся только 500m, которые распадаются, скажем, опять-таки на 400 с — в средствах производства и 100 — в средствах потребления. Из кредита рабочим в 200 — 100 вернулись к совокупному капиталисту, и 100 остались непогашенными. Стоит только предположить, что капиталисты кредитуют рабочих опять на 100 (так что кредит опять составит в общей сложности 200), чтобы та же самая процедура началась снова. Мы, следовательно, опять имеем бы добавочный спрос в 100, на основе которого класс капиталистов вновь произвел бы расширение производства, 400 с опять вошли бы в постоянный капитал, рабочие, вновь вступившие в процесс производства, как и в первом случае, опять покрыли бы свой долг в 100 и т. д. Таким образом, капиталистическое накопление могло быть спасено на основе кредита пролетариям в 200, из коих «висячим долгом» были бы только 100.

Один из моих оппонентов, который любит перечислять мои ошибки по пунктам, находит, что я в своих соображениях касательно потребительского кредита рабочим «делаю зараз несколько ошибок». «Во-первых, рабочий класс в целом купить больше суммы своей заработной платы не может..., во-вторых (sic!), сумма заработной платы рабочих может в

¹⁾ Дело в том, что вступившие в процесс производства безработные-должники вернули капиталистам 100 долгу. Они, поэтому, не могут на свою заработную плату купить воспроизведенные ими средства потребления.

лучшем случае реализовать только переменный капитал». Прежде всего, это «во-вторых», по сути дела, есть то же самое, что «во-первых», и лишний «пункт» потребовался моему оппоненту лишь для вящего моего посрамления. А, кроме того, где это я предполагаю, что рабочий класс прыгает выше своей собственной головы, т.-е. что он покупает средств существования на сумму, превышающую его заработную плату? Если он покупает добавочное количество продовольствия и одежды, пользуясь предоставленным ему кредитом, то это вовсе не значит, что он живет «не по средствам» и пользуется привилегиями или податками своего класса — антагониста. Ибо, как нетрудно видеть из данной выше расшифровки моего тезиса, рабочие покрывают получаемый ими кредит из своей заработной платы. Далее тот же товарищ пишет: «В-третьих, Дволацкий совершает грубую методологическую ошибку, ибо рассматривает вопрос с точки зрения отдельного капиталиста. В самом деле, с этой точки зрения (т.-е. той, на которую я, якобы, становлюсь. Ш. Д.), кредит, оказываемый данным рабочим, имеет существенное значение, ибо расширяет рынок сбыта». И далее идет то же самое, что было уже сказано и под пунктом первым, и под пунктом вторым: «Но если его взять в разрезе всего общественного капитала и всего класса рабочих, то потребительский кредит теряет это свое значение, — он в лучшем случае дает только тот результат, что реализуется весь переменный капитал на всю сумму заработных плат рабочих»²⁾. Повторение есть, как говорят, мать учения, и если бы мой противник просто заладил одно и то же, то я, вообще говоря, против этого абсолютно ничего не имел бы, но откуда он берет, что я становлюсь на точку зрения отдельного капиталиста и впадаю, таким образом, в гяччайший грех героев вульгарной политической экономии? Этого я из приведенной цитаты никак понять не могу²⁾.

¹⁾ Ст. «Проблема накопления капитала и империализм». М. Шварца. «Спутник Коммуниста», № 22 за 1923 г., стр. 196—197.

²⁾ В своей второй статье, помещенной в «Вест. Соц. Акад.» (№ 3), я, не останавливаясь на потребительском кредите рабочим, писал по поводу приведенной в тексте аргументации следующее: «Я вовсе не склонен утверждать, что именно в кредите рабочим кроется истинное спасение неспособного к накоплению «чистого» капитализма: ведь мне нужно было показать только возможность накопления без наличности какой бы то ни было некапиталистической среды». (Стр. 120).

В своей статье, помещенной в «Красной Нови», и в предисловии к первому изданию основной работы Р. Л. я говорил, что при той постановке вопроса, которую дает автор «Накопления капитала», выходом из мнимого тушика могли бы еще послужить чисто экономические функции капиталистического государства. Я обосновал эту мысль следующими словами: «Кроме того, Р. Л. не учитывает такого могучего фактора накопления, как капиталистическое государство. Будучи орудием классового господства буржуазии, оно в то же самое время выступает в качестве самой универсальной социально-экономической организации класса капиталистов. Буржуазное государство принимает на себя ряд функций производственного характера: оно организует почту и телеграф, прокладывает железные дороги, орошает безводные пустыни, роет каналы, строит гавани и т. д., и т. д. Оно, значит, не только кормит сотни тысяч непродовольственных чиновников, но занимается и накоплением в экономическом смысле этого слова. Откуда государство берет необходимые для этого «ценности» или соответствующие им вещественные элементы? Оно получает их в виде налогов, т. е., главным образом, из прибавочной ценности. Следовательно, часть пресловутого «излишка» передается в руки государства, и класс капиталистов избавляется от столь печальных последствий, как перспектива бросать свои товары в море». Для большей ясности попытаемся пояснить это на числовом примере. Пусть наша товарная «куча», по окончании некоторого производственного периода, складывается из следующих частей:

$$4000c + 1000v + 1000m$$

4000c представляют собою средства производства, 1000v—средства потребления, а 1000m—и средства производства, и средства потребления. Если мы предположим далее, что сами капиталисты потребляют из всей прибавочной ценности 500 m, то в остатке получится 500 m (состоящие, скажем, из 400 в ср. произв. и 100 в ср. потр.), которые с точки зрения критикуемой теории не поддаются реализации. Чтобы выйти из затруднительного положения, допустим, что капиталистическое государство при помощи своего фискального аппарата забирает у остальных капиталистов (ибо государство тоже есть капиталист) неподдающиеся сбыту 500 m и дает им

производительное потребление. Проблема роста капитализма оказывается, таким образом, разрешенной.

Тов. Шварц, мой самый рьяный оппонент, и здесь «разбивает» меня по пунктам. Пункт первый: «Государство,—пишет он,—черпает свои доходы не просто из прибавочной ценности, а, главным образом, из прибавочной ценности, не предназначенной для накопления,—это равносильно уменьшению потребительского спроса класса капиталистов, т. е. ничуть не подвигает нас вперед в деле реализации накопленной (?) части прибавочной ценности». Это возражение основано на полном недоразумении. Ведь мы вместе с нашим оппонентом и вместе с Р. Л. предположили, что все части нашей товарной «кучи», за исключением пресловутых 500 m, уже реализованы. А если это так, то реализована и та часть прибавочной ценности, которая должна была идти на личное потребление класса капиталистов, и уменьшить ее капиталистическое государство уже не может. Я предполагаю, что оно забирает именно ту часть, которая существует в форме, непригодной для личного потребления класса капиталистов, ибо если бы оно польстилось на предметы роскоши и прочие «утонченные» средства потребления класса капиталистов, то оно, конечно, никакого расширения производства осуществить не могло бы. Мой оппонент был бы, однако, прав, если бы он сказал, что при моих предположениях ни один капиталист, за исключением государства-капиталиста, не был бы в состоянии накапливать. Но на это можно было бы возразить следующее: во-первых, накопление, т. е. расширенное воспроизводство ¹⁾ все равно имело место, а во-вторых, если капиталистическое общество очутилось в состоянии «непреодолимого» застоя, то кто же, спрашивается, мог бы отдельным капиталистам и государству-капиталисту во имя своего спасения комбинировать оба предполагаемых нами метода: и потребительский кредит, и производительное потребление государства? Ведь при этих условиях и те, и другие имели бы возможность расширять свои предприятия, и ничего противоречащего сущности буржуазного общества у нас не полу-

¹⁾ «Спутник Коммуниста», № 23, стр. 197.

²⁾ Тов. Шварц, между прочим, думает, что «расширенное воспроизводство мыслимо и без накопления капитала, путем увеличения эксплуатации уже занятых рабочих» (цит. ст., стр. 173). Он, повидимому, думает, что расширение производства возможно и без добавочных средств производства...

чилось бы. Пункт второй: «Т. Дволайцкий почему-то упустил из виду, что налоги падают не только на капиталистов, но и на рабочих, т.е. на их заработную плату, а если это принять в расчет, то мы попадем из огня, да в полымя» (там же, стр. 197). Это возражение тоже основано на полном непонимании того, о чем идет речь. Если мы говорим о совокупной заработной плате, то мы имеем, конечно, в виду ту сумму ценностей, которую рабочий класс фактически получает; то, что вычитается из получаемой им денежной суммы путем методов *truck system* или при помощи налогового аппарата, само собой разумеется, не входит в его совокупную заработную плату. Весь этот вычет составляет часть общественного прибавочного продукта. Но сделаем снова уступку тов. Шварцу. Пусть часть налогов, действительно, черпается из заработной платы. Этим самым мы признаем, конечно, что другая часть берется из прибавочной ценности, чего не склонен оспаривать и мой оппонент («налоги падают не только на капиталистов»). Но если это так, торжествует мой непримиримый противник, то «увеличение государственного спроса означает уменьшение платежеспособного спроса пролетариата, и воз остается на месте» (там же). Но позволите, уважаемый товарищ, как же это так? Если мы и согласимся с Вами, что налоги в нашем абстрактном анализе падают и на рабочих и что капиталистическое государство «докупит» то, чего, вследствие сокращения заработной платы, не мог купить рабочий класс, то все количество средств потребления, соответствующее в нашем «воображаемом едином общественном складе» переменному капиталу, как ни как окажется реализованной. Попробуйте это опровергнуть! Ну, а та часть налогов, которая черпается из прибавочной ценности и наличие которой Вы сами признали? Ее-то капиталистическое государство сможет обратить на покупку той доли прибавочной ценности, которая оказалась нераспроданной? Я думаю, что да, Вы, повидимому, думаете—нет. Если бы это был спор о вкусах, то каждый из нас мог бы остаться при своем мнении, но ведь мы «полемизируем» не о вкусах, а раз это так, то прав тот, на чьей стороне логика. Как видите, воз отнюдь не остался на месте... Пункт третий и, по мнению Шварца, «самый существенный»: «Государственные налоги взимаются в денежной, а не в натуральной форме, и раньше, чем престолуемый излишек передается в руки госу-

дарства, он должен быть реализован на деньги». Тезис этот, взятый, как говорят немцы, *an und für sich*, совершенно бесспорен: в натуральной форме налоги взимаются только в отсталых докапиталистических или полукapиталистических странах. И если бы наше государство вздумало натурой забирать предназначенную для накопления прибавочную ценность, то оно кровно обидело бы тех капиталистов, у кого указанная часть прибавочной ценности имеется в вещественной форме. Само собой разумеется, что государство, ищущее «спасения» для капиталистического общества, поступит иначе. Оно бросит в обращение соответствующую сумму денег, закупит, таким образом, то, что ему нужно, и затем выкачает свои деньги обратно при помощи налоговой системы. Государство-капиталист сможет, впрочем, избрать и другой путь. Оно выпустит краткосрочный заем на сумму, равную «не поддающейся реализации» прибавочной ценности, купит ее, и уже потом взыщет причитающиеся ему налоги и весьма быстро покроет свой долг¹⁾. Новое препятствие будет, таким образом, преодолено, и воз все-таки двинется с места. Такова цена третьего и «самого существенного» возращения моего оппонента...

Повторяю, я не стал бы возвращаться ко всей этой аргументации, если бы не ожесточенные нападки выступивших против меня товарищей. Поскольку она была вызвана неправильной постановкой вопроса в «Накоплении капитала», я мог бы ее обойти, но раз тов. Шварц и, отчасти, тов. Мотылев сочли нужным выступить против первоначальных моих соображений, то я решил «популяризировать» эти последние и показать, что неразрешимая, с точки зрения Р. Л., проблема разрешается даже в том случае, если мы начнем свой анализ, отправляясь от ее собственной исходной позиции.

¹⁾ Особенно придирчивый читатель, вроде т. Шварца, вероятно, скажет: «Но позвольте, когда мы говорим об общественном капитале, мы включаем уже в него денежный капитал, откуда же в таком случае берутся добавочные деньги?» Что весь общественный капитал включает в себе и денежный капитал, это, конечно, верно, но наша *говарная куча* (4000 с + 1000 в + 1000 п = 6000) никаких денег в себе не заключает: она образует общественный капитал только в сумме с деньгами, существующими наряду с ней. А кроме того, я могу успокоить своих оппонентов указанием на то обстоятельство, что для осуществления указанной в тексте задачи можно обойтись крайне незначительной суммой денег, для этого достаточно только ускорить оборот каждой отдельной монеты.

III.

Переходы к возражениям моих оппонентов, направленным специально против моей второй статьи, я должен, прежде всего, отметить, что они не отдали себе отчета в том, какое значение я приписываю в проблеме накопления кредиту. Я поставил вопрос так. Капиталисты, расходуя на свое личное потребление половину своей прибавочной ценности, тратят, скажем, 1.000.000 руб. в неделю; положим, что рабочие за тот же промежуток времени расходуют такую же сумму; стало быть, их общий спрос в течение недели составит 2.000.000 рублей, и эта сумма определит собой поглотительную способность рынка и сегодня, и через месяц, и через год. Поскольку Р. Л. считает условием возможности расширения производства заранее данное увеличение спроса, я и указывал, что это затруднение представляется совершенно мнимым, если мы не абстрагируемся от кредита. Кредит мне понадобился только потому, что я хотел, оставаясь на исходной позиции Р. Л., согласно которой расширение спроса должно предшествовать расширению производства, доказать, что с проблемой накопления дело обстоит совсем не так плохо, как думает автор критикуемой теории.

Если бы мне, вне всякой связи с теорией Р. Л., пришлось доказывать возможность расширенного воспроизводства, я мог бы обойтись и без кредита, ибо, на мой взгляд, знаменитый и методологически, столь плодотворный тезис Маркса о прimate производства над всеми сторонами хозяйственной жизни, а стало быть, и над распределением, до сих пор никем не опровергнут. А тезис этот в применении к интересующему нас явлению расшифровывается в такую формулу: «Потребление развивается вслед за накоплением сил или вслед за производством, как ни кажется это странным, но иначе и быть не может в капиталистическом строе»¹⁾. Я раз-

¹⁾ В. Ильин. «К характеристике экономического романтизма» (см. II том «Собр соч.», стр. 180). То же самое в статье против Нежданова: «Мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением непосредственною, думали, что производство идет за потреблением. Маркс же показал, что эта связь лишь посредственная, что сказывается она лишь в конечном счете, ибо в капиталистическом обществе потребление идет за производством (там же, стр. 500. Курсивы в обеих цитатах принадлежат В. Ильину). Такое же положение высказывает и А. Финн-Енбтаевский: «В капиталистическом строе производство идет впереди потребления, первое толкает второе» («Современное хозяйство России», стр. 35).

яснил это достаточно понятно на весьма элементарном примере, доказывая, что «самым фактом расширения производства за пределы его вчерашнего базиса дано уже расширение платежеспособного спроса». И если мне нужно было при помощи кредита объяснять «самый факт расширения производства», то исключительно только потому, что мне хотелось остаться в рамках логической схемы Р. Л. Не будь этого обстоятельства, я рассуждал бы примерно так. Капиталисты вынуждены расширять свое производство, ибо иначе они могут оказаться сброшенными с арены конкурентной борьбы. Но раз производство расширилось, то возрос и платежеспособный спрос. Далее пришлось бы только исследовать, когда и при каких условиях существует соответствие между производством и потреблением.

Справедливость требует признать, что тов. Мотылев иногда понимает сущность моих рассуждений; он, например, пишет, что я «превращаю в центральный пункт моей критики» положение, согласно которому «расширение производства, осуществляемое при посредстве кредита, увеличивает количество рабочих и совокупную покупательную их способность» (стр. 139)¹⁾. По мнению тов. Шварца, который вообще ничего не хочет понять, я считаю кредит «отдушиной для накопленной (опять накопленной! III. Д.) прибавочной стоимости», «спасательным кругом для капиталистического накопления»...

Основные аргументы, выставленные против меня тов. Мотылевым, носят в высшей степени странный характер. Он то утверждает мне общеизвестные истины, то искажает мои утверждения, то доказывает мне вещи, которые я достаточно странно обосновываю в своей статье.

Рассуждения тов. Мотылева показывают, что он не спорит против той несомненной истины, что факт расширения производства влечет за собой увеличение платежеспособного спроса. Он, повидимому, хочет только доказать, что этот спрос всегда отстает от размеров производства. Я говорю: «повидимому» потому, что он в дальнейшем изложении, указы-

¹⁾ Что тов. Мотылев иногда хочет меня понять, видно и из другого места его статьи: «Центральным пунктом рассуждений г. Дволайкиго в обеих статьях является, очевидно, положение, что кредит создает возможность реализации, ибо вызываемое им волнообразное расширение производства увеличивает совокупный переменный капитал, т.е. покупательную способность масс» (стр. 133, курс. мой. III. Д.).

вая на слабые стороны Р. Л., высказывается в том смысле, что «противоречие между производством и потреблением обнаруживается в результате более деятельных периодов развития» (стр. 151). Для того, чтобы убедить меня в невозможности соответствия между расширением производства и детерминированным им увеличением потребительского спроса, он пространно, на нескольких страницах обстоятельно и популярно разъясняет мне, что существует «всеобщий закон капиталистического накопления», что «с возрастанием всего капитала увеличивается и его переменная составная часть или включаемая в его состав рабочая сила, но увеличивается в постоянно убывающей пропорции» (Маркс), и что я, в силу игнорирования закона роста органического состава, впал в непростительное заблуждение. Мой оппонент даже не подозревает, что приводимый им аргумент говорит не против, а за меня. В самом деле. Если мы возьмем случай расширенного воспроизводства, протекающего в условиях постоянства органического состава капитала, и предположим, что норма накопления также остается неизменной, то мы увидим, что рост всей общественной продукции идет таким же темпом, как и рост производства предметов потребления, как тех, которые предназначены для рабочих, так и тех, которые служат удобствам и прихотям класса капиталистов. Чтобы убедиться в этом, мы рекомендуем тов. Мотылеву разобраться во II примере, приводимом в III отделе II тома «Капитала». Из этого примера вытекает, что средства потребления в любой год составляют $\frac{3}{14}$ всей изготовляемой «товарной кучи». А если это так, то возможность реализации всего общественного продукта требует, чтобы процент расширения потребительского спроса был такой же, как и процент роста совокупного капиталистического производства. Тов. Мотылев признает правильным анализ Маркса, поскольку последний исходит в своих схемах из гипотетических предпосылок о неизменности органического состава капитала, одинаковой нормы эксплуатации и пр. (стр. 151). Судя по этому, можно думать, что он не станет возражать против только что изложенных мною элементарных истин.

Какова же будет картина при расширяющемся производстве? Чтобы ответить на этот вопрос, я позволю себе привести цитату из Вл. Ильина: «Рост капиталистического про-

изводства, а следовательно, и внутреннего рынка идет не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства. Иначе: рост средств производства обгоняет рост предметов потребления. В самом деле, мы видели, что постоянный капитал в предметах потребления (II подразделение) обменивается на переменный капитал + сверхстоимость в средствах производства (I подразделение), но, по общему закону капиталистического производства, постоянный капитал растет быстрее переменного. Следовательно, постоянный капитал в предметах потребления должен возрастать быстрее, чем переменный капитал и сверхстоимость в предметах потребления, а постоянный капитал в средствах производства должен возрастать всего быстрее, обгоняя и рост переменного капитала (сверхстоимость) в средствах производства, и рост постоянного капитала в предметах потребления. То подразделение общественного производства, которое изготовляет средства производства, должно, следовательно, расти быстрее, чем то, которое изготовляет предметы потребления»¹⁾. Это значит, что с ростом всей «товарной кучи» рост предметов потребления будет протекать гораздо более медленным темпом: если вся общественная продукция будет возрастать в геометрической прогрессии с знаменателем 2, то продукция предметов потребления будет возрастать в прогрессии, скажем, с знаменателем $1\frac{1}{4}$. Совершенно ясно и то, что по мере увеличения роста органического состава капитала процент роста продукции предметов потребления будет уменьшаться по сравнению с процентом роста производства вообще и средств производства в особенности. Вместо того, чтобы сбывать некоторую определенную долю всей продукции (скажем, $\frac{3}{14}$) покупателям средств потребления, как это имеет место в гипотетическом случае постоянства органического состава капитала, совокупный капиталист будет вкладывать все возрастающую долю (скажем, $\frac{11}{14}$, $\frac{14}{15}$, $\frac{15}{16}$ и т. д.) своей «товарной кучи» в средства производства.²⁾ Именно таков был бы эффект не только в том случае, когда капиталисты потребляют половину своей

¹⁾ «Развитие капитализма в России», II изд., стр. 18.

²⁾ Крайне существенное значение имеет здесь и следующее обстоятельство, обычно упускаемое из виду: схемы Маркса учитывают лишь ту долю постоянного капитала, которая входит своей ценностью в приготовляемый товар, т.е. долю, соответствующую стоимости части

прибавочной ценности, но и в том не менее гипотетическом случае, когда они живут манной небесной: производство могло бы расширяться на основе расширения роста одного только потребления рабочих¹⁾.

Гов. Мотылев думает, между прочим, что делу может сильно повредить рост нормы накопления, или, что то же, уменьшение доли прибавочной ценности, потребляемой классом капиталистов. Он, очевидно, предполагает не абсолютное, а лишь относительное уменьшение потребления господствующего класса. Если это так, то потребление капиталистов все же предъявляет добавочный спрос по сравнению с истекшим периодом. Но стоит только сделать такое допущение, чтобы прийти к выводу, что удовлетворение этого добавочного спроса, в силу ценной связи между отдельными отраслями хозяйства, потребует гораздо большего расширения производства в целом и в первую голову производства средств производства²⁾. Положим, например, что в прошлом году капиталисты затратили на личное потребление из своей прибавочной ценности в 1000—50%, т. е. 500, а в текущем году— только 48% возросшей прибавочной ценности в 1200, т. е. 576. Добавочный спрос со стороны капиталистов составит, таким образом, 76. Если это будет, например, спрос на особнячки, то обусловленные им затраты на расширение кирпичных заводов для изготовления кирпичей, металлургических заводов для изготовления балок, стекольных заводов для изготовления стекла и т. д., а равным образом, затраты на расширение тех предприятий, которые делают возможным увеличение производства только что перечисленных отраслей промышленности,—будут в десятки раз больше самого этого увеличения спроса со стороны класса капиталистов. Стало быть, допущение об относительном падении потребления капиталистов скажется не столь уже губительным для капитализма, как это думает мой оппонент.

основного капитала и постоянной части оборотного. А если это так, то та «пропасть», куда капиталисты «бухают» все возрастающую долю своей прибавочной ценности, гораздо глубже, чем это, представлено в упрощенном анализе Маркса. Другими словами, рынок средств производства растет еще быстрее, чем мы предполагали в тексте.

¹⁾ Само собой разумеется, что такое расширение производства возможно только в продолжение некоторого определенного периода, но об этом ниже.

²⁾ Наличие этой ценной связи признаю не только я, грешный, и не только Богданов и Степанов, но и сам Маркс (см. Theorien über den Mehrwert, В. II S', 244—245). Соглашается с нею и мой оппонент.

IV.

Выставив «против» меня разобранные мною только что «возражения», тов. Мотылев становится в позу победителя и гордо спрашивает: «Можно ли, однако, в свете развитых нами положений¹⁾ утверждать, что это расширение производства, а значит, и количества товаров, вызовет соответственное же увеличение переменного капитала?» (стр. 145, курс. т. М.). Этим мой добросовестный критик хочет мне навязать ту мысль, что рост спроса на средства потребления, обусловленный расширением производства, всегда соответствует росту этого последнего,—другими словами, что я допускаю возможность развития чистого капитализма без всяких кризисов.

Чтобы убедить читателя, незнакомого с моей предыдущей статьей, что я ничего подобного не утверждаю, я позволю себе изложить свою точку зрения на затронутый вопрос, ибо если бы я действительно придерживался той позиции, которую насильно пытается приписать мне Мотылев, то мне ничего другого не оставалось бы, как присоединиться к Туган-Барановскому.

Имманентной чертой капитализма является тенденция к бесконечному расширению производства; капиталист вынужден расширять свое предприятие, постоянно заботиться об улучшении техники, о превращении своего производства в производство массовое и т. д.; ибо, если он будет руководствоваться народной пословицей: «Кто малым доволен, тот у бога не забыт», то он очень быстро окажется скинутым конкурентной борьбой со счетов. Но поскольку такая тенденция свойственна каждому отдельному капиталисту, она свойственна и всему классу капиталистов в целом. Само собой разумеется, что рост производства, вызывая все ускоряющийся рост элементов постоянного капитала, создает, вместе с тем, и рост количества изготавливаемых средств потребления. Иначе и быть не может, ибо противоположное допущение, как я указал достаточно определенно в своей второй статье (стр. 103—104), сделало бы весь производственный процесс технически, а следовательно, и экономически совершенно бессмысленным. Как же обстоит дело с ростом по-

¹⁾ А «свет развитых нами (т. е. т. М.) положений» заключается в росте органического состава капитала и в повышении нормы накопления...

требительского спроса? Что он, вообще говоря, растет, на счет этого у нас, повидимому, разногласий нет. Но если тенденция роста производства не ограничена, то тенденция расширения потребительского спроса безусловно ограничена; она ограничена, по выражению В. Ильина, «пролетарским состоянием масс». Это значит, что размеры потребления рабочего класса обусловлены нормой эксплуатации. Получить больше, чем ему «причитается» согласно этой «норме», он может только путем «ограбления» класса капиталистов. Именно в этом непосредственно сказывается антагонистический характер капиталистического общества, обуславливающий классовую борьбу, толкающий пролетариев на забастовки, восстания и т. д. ¹⁾ Но если мы имеем два нарастающих процесса, из которых один идет быстрее второго, то совершенно очевидно, что в определенный момент между этими двумя всходящими процессами наступит несоответствие. Следствием этого расхождения будет кризис. «Но позвольте,—спросит читатель,—почему же это несоответствие наступит лишь в определенный момент, а не сразу? Ведь если оно наступит сразу, то ни о каком расширении производства и, следовательно, ни о каком подъеме говорить нельзя будет». Суть дела в том, что совокупный капиталист «начинает» подъем с повышения органического состава капитала. Это значит, что первые ступени подъема сопровождаются крупными инвестициями капитала, в особенности основного капитала. На переоборудование и расширение вещественных элементов основного капитала уходит огромное количество производительных сил (и мертвых, и живых), но перенесение ценности этой части капитала на вновь изготовляемый продукт начинается лишь по истечении некоторого времени после начала подъема, именно, тогда, когда соответствующее

¹⁾ «Капитализму присуще, с одной стороны, стремление к безграничному расширению производительного потребления, к безграничному расширению накопления и производства, а с другой стороны—пролетаризирование народных масс, ставящее довольно узкие границы расширению личного потребления». (Вл. Ильин. «Заметка к вопросу о теории рынков», II том, стр. 475). В статье того же автора против П. Нежданова мы читаем: «Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит в том, что производство растет с громадной быстротой, что конкуренция сообщает ему тенденцию безграничного расширения, тогда как потребление (личное) если и растет, то крайне слабо; пролетарское состояние народных масс не дает возможности быстро расти личному потреблению» (там же, стр. 498).

оборудование готово и начинает приносить блага, предназначенные для потребления. Именно с этого момента расширенное производство начинает с особенной силой сказываться на увеличении количества предметов потребления, и именно с этого момента возможность расхождения между отмеченными выше тенденциями, а следовательно, и угроза неизбежного кризиса становится все реальнее. Таково, в основных чертах, объяснение кризисов, которого я придерживаюсь.

Зная на основании моей предыдущей статьи мою точку зрения на этот вопрос, тов. Мотылев тем не менее считает нужным меня поучать: «Если-б капиталисты,—пишет он (стр. 146),—расширили производство, опираясь на предлагаемые тов. Дволайцким способы использования кредита, то скоро (как скоро? Значит ли это немедленно же после первых шагов расширения производства? Ш. Д.) обнаружилось бы огромное перепроизводство, началась бы волна банкротства, которая привела бы к волнообразному сокращению производства ниже прежнего уровня». Но, может быть, тов. Мотылев вовсе не бьет мне челом моим же добром? Может быть, я действительно высказывал в своей статье ту мысль, что производство всегда создает себе адекватный рынок?

Как это ни скучно, но мне для ответа на поставленные вопросы придется сделать сравнительно длинную выписку из той самой статьи, против которой направлено критическое острие тов. Мотылева: его своеобразные полемические приемы меня к этому вынуждают.

«Наши рассуждения показывают,—писал я на стр. 124-125 названной статьи,—что даже в условиях «чистого» капитализма возможно одновременное расширение и платежеспособного спроса, и производства. По мнению Розы Люксембург, признание такого тезиса неизбежно приводит к посторосениям Сэя и его отдаленного потомка Туган-Барановского. По мнению Тальгеймера, это и есть то «лишнее», что было доказано русскими марксистами в их споре с народниками. Но, говоря о возможности одновременного расширения производства и рынка, мы тем самым отнюдь не утверждаем, что второй идет в ногу с первым. Сам Маркс, который как ни как стоял на точке зрения возможности накопления в условиях чистого капитализма, самым решительным образом возражал против подобного рода утверждений. Он подчеркивал, что рост

платежеспособного спроса в силу антагонистического характера распределения, имеет тенденцию отставать от производства и в определенные моменты тенденция прорывается наружу с колоссальной силой¹⁾. «Если этот процесс (кругооборот капитальной ценности) расширяется, что предполагает расширение производительного потребления средств производства, то такое воспроизводство капитала может сопровождаться расширенным личным потреблением (и, следовательно, спросом) на стороне рабочих, потому что подготовкой и посредствующим звеном к этому процессу служит производительное потребление. Так может возрасти производство прибавочной ценности, а вместе с ним весь процесс воспроизводства может находиться в самом цветущем положении, и, однако, большая часть товаров может переходить в сферу потребления лишь по видимости, в действительности же она остается нераспроданной в руках перекупщиков, следовательно, фактически все еще пребывает на рынке. Но поток товаров следует за потоком, и, наконец, обнаруживается, что прежний поток лишь по видимости поглощен потреблением. Товарные капиталы взаимно оспаривают друг у друга место на рынке. Явившиеся позже продают по пониженной цене, только бы продать. Прежние потоки еще не сбыты, как наступают сроки уплаты за них. Владельцы их должны объявить себя несостоятельными или, что то же, чтобы произвести платежи—продавать по какой угодно цене. Такая продажа не имеет никакого отношения к действительному состоянию спроса. Она определяется лишь спросом на платежи (курсив Маркса), абсолютной необходимостью превратить товар в деньги. Потом разражается кризис. Он проявляется не в непосредственном уменьшении потребительского спроса—спроса со стороны личного потребления, но в сокращении обмена капитала на капитал, в сужении процесса воспроизводства капитала»²⁾.

¹⁾ В подтверждение этого положения я в выписке к этому месту привел ряд цитат из „Theorien über den Mehrwert“.

²⁾ «Капитал», т. II, стр. 51. Курсивы, за исключением оговоренного, как здесь, так и в первоначальном тексте принадлежат мне.

Теперь, я думаю, даже самый пристрастный читатель оценит по достоинству полемические приемы моего противника. Впрочем, тов. Мотылев пускает против меня в ход тот же добросовестный прием не только в разделе I своей статьи, но и в разделе III. Он выдергивает из повторенной мною здесь цитаты несколько строк и пускается на весьма своеобразную хитрость: «Тов. Дволайцкий вынужден отметить (как восхитительно это «вынужден»! Ш. Д.), что Маркс (начинаются мои слова. Ш. Д.) «подчеркивал, что рост платежеспособного спроса, в силу антагонистического характера распределения, имеет тенденцию отставать от производства, и что эта тенденция в определенные моменты прорывается наружу с колоссальной силой» (курс. т. М.). Скрывая от читателя, что я непосредственно, вслед за этими словами, привожу цитату из Маркса, разъясняющую и что это за «колоссальная сила», и что это за «определенные моменты», тов. Мотылев, не краеней и даже не моргнув глазом, хитро спрашивает меня в упор: «В какие именно моменты? Почему тов. Дволайцкий не выражается яснее? Не в моменты ли кризисов, тов. Дволайцкий?!» Что вам на это ответить, тов. Мотылев? Думаю, что для Вашей литературной репутации будет гораздо выгоднее, если я поставлю здесь точку.

V.

Во втором абрисе своей статьи,носящей, вообще говоря, оппортунистически-компромиссный (в научном смысле) характер, мой оппонент хочет, с одной стороны, приблизить Маркса к Р. Л., и с другой стороны—поправить некоторые шероховатости последней с тем, чтобы доказать, что «положительная часть теории накопления Розы Люксембург является прямым (!) продолжением учения Маркса». Для такого рода примирения двух теорий нужно было, конечно, показать, что Маркс считал условием реализации прибавочной ценности существование внекапиталистических покупателей. Чтобы убедить читателя, что это действительно так, тов. Мотылев «ограничивается одной убедительной цитатой из III тома». Я не буду приводить эту пресловутую цитату целиком, так как она приводилась в печати сотни раз, как теми, кто хотел найти противоречие между Марксом II тома «Капитала»

и Марксом III тома, так и теми, кто настойчиво хотел навязать Марксу народническую точку зрения. Я ограничусь концом этой цитаты, который обычно «никриминируется» автору «Капитала»: «Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона, все более ускользают от контроля. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства (курс. мой. III. Д.). Но чем более развивается производительная сила, тем более вступает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление» (из XV гл. III тома). Закончив цитату, тов. Мотылев уже от себя продолжает: «Цитата эта доказывает с полной очевидностью (!), что Маркс не считал возможным бесконечное и прогрессирующее накопление в «чистом» капитализме, что длительный и прогрессирующий реальный процесс накопления он считал возможным лишь при наличии внекапиталистических рынков и потребителей. На это он прямо (!) указывал в заключительных строках цитаты» (стр. 150, все курсивы мои. III. Д.)¹⁾. Я, при всем желании, из цитат Маркса такого безусловного вывода сделать не могу. Помоему «с полной очевидностью» из этой цитаты вытекает только то, что «внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства». Что это за «поле», мне ни из этого места «Капитала», ни из других мест неясно. Я, однако, охотно допускаю, что речь идет о внекапиталистических рынках. В таком случае, мы получаем, что присущее капитализму внутреннее противоречие стремится найти себе выход в некапиталистической среде. Я и это охотно допускаю²⁾. Ну, а

¹⁾ Я обращаю внимание читателя на крайнюю осторожность моего оппонента в выражениях: он почти всюду пишет о «бесконечном» накоплении, о «длительном» процессе и т. д. Ну, а скажем, 50 лет чистый капитализм без внекапиталистической среды развиваться может или нет? Я ставлю своему оппоненту этот вопрос не в политической плоскости, а в плоскости чисто экономической, т. е. я спрашиваю: возможна ли реализация товаров в чистом капитализме в течение, например, полувека?..

²⁾ С ролью внекапиталистической среды в проблеме расширения производства мы еще будем иметь случай говорить в дальнейшем.

что если некапиталистических потребителей не окажется, и если то стремление, о котором пишет Маркс, все-таки окажется неудовлетворенным? Тов. Мотылев думает, что капитализму будет каюк. Он, повидимому, уверен, что такова была и мысль Маркса, когда он писал разбираемую цитату. Я же придерживаюсь на этот счет другого мнения. По-моему, невозможность найти внекапиталистических покупателей способствовала бы только тому, что кризис наступил бы раньше, чем в случае, если бы это «внешнее поле производства» нашлось бы. Конечно, капитализм, споткнувшись на таком кризисе, мог бы и погибнуть, во всем не в силу невозможности реализации прибавочной ценности, а в силу крайнего обострения классовых противоречий и революционного восстания могильщиков капитализма. Тов. Мотылеву вольно, конечно, думать, что выдержку из Маркса можно толковать в смысле теории Р. Л., но претендуя на некоторое знакомство с сочинениями основоположника научного социализма, я беру на себя смелость утверждать, что он никогда и нигде в таком смысле не высказывался. Тов. Мотылев ссылается еще на целый ряд не менее ярких и убедительных заявлений и рассуждений, которыми изобилует XV глава III тома «Капитала» и которые свидетельствуют о том, что абзац о «внешнем поле производства» отнюдь не стоит «изолированно». Тов. Мотылев хорошо делает, что он в своей статье не приводит соответствующих цитат, ибо все они трактуют о присущем капитализму противоречии между производством и потреблением, — и только. Эти цитаты, подобно той, которую выписал в своей статье мой оппонент, охотно приводились народниками, пытавшимися затащить Маркса в свой лагерь; они приводились знаменитым, «геростратовски знаменитым», как выражается В. Ильин. — Бернштейном, чтобы поставить Маркса на одну доску с Родбертусом; они приводились Туган-Барановским и Неждановым для доказательства того положения, что «Маркс страдал серьезным внутренним противоречием», и что он XV главой III тома разбивает свою собственную теорию реализации. Что на все это отвечал В. Ильин? Он правильно указывал, что «во всех этих положениях констатируется указанное противоречие между безграничным стремлением расширять производство и ограниченным потреблением, и ничего больше»; что «это противоречие во все не ведет необходимо к тому, чтобы систе-

матически ¹⁾ производился избыточный продукт (как хочет думать г. Нежданов); что «мы вполне можем представить себе (рассуждая чисто теоретически об идеальном капиталистическом обществе) реализацию всего продукта в капиталистическом обществе без всякого избыточного продукта»; что «нет ничего более бессмысленного, как выводить из этих мест «Капитала», будто Маркс не допускал возможности реализовать сверхстоимость в капиталистическом обществе» ²⁾.

Пресловутые цитаты из XV гл. III тома приводятся и другим моим оппонентом, тов. Шварцем, и в этом нет ничего удивительного, так как он некритично излагает Р. Люксембург, а последняя цитирует все эти места в своей «Антикритике» (стр. 85—87). Тов. Шварц тоже приходит к убеждению, что они «подтверждают выводы Р. Люксембург». Правда, он добросовестно заявляет, что «вывода, сформулированного таким образом (т. е., как у Р. Люксембург. III. Д.) у Маркса нет», и что «это, отчасти, объясняется тем, что проблема накопления Марксом не была доведена до конца». Но судя по ссылкам, можно думать, что тов. Шварц знаком с работами Ильина: из «Развития капитализма» он даже приводит выдержки. Чем же объяснить, что он при помощи архаической аргументации старается доказать «истины», которые В. Ильин четверть века тому назад клеймил, как бессмысленные? Хорошо сказал однажды, — по почти аналогичному случаю, — тов. Ленин: «читали — и ничего не поняли»...

В отличие от Р. Люксембург, тов. Мотылев полагает, что анализ воспроизводства, данный Марксом в III отд. II тома «Капитала», вовсе не исключает тезиса о невозможности реализации прибавочной ценности в реальных условиях капиталистического развития. Для тех гипотетических условий, которые лежат в основе схем II тома (постоянство органического состава и пр.), он считает «построения» Маркса совершенно правильными. Чтобы читатель не подумал, что Маркс занимается цифрами ради забавы, мой оппонент утвер-

¹⁾ Вл. Ильин в другом аналогичном месте «подчеркивает слово систематически, ибо несистематическое производство избыточного продукта (кризисы) неизбежно в капиталистическом обществе».

²⁾ См. «Развитие капитализма в России» (II изд., стр. 21), а также «Ответ г. П. Нежданову» (II том «Собр. Соч.», стр. 497—498 и сл.). Все курсивы мои.

ждает, что вся цель автора II тома «Капитала» заключалась в том, чтобы более явственно представить «механизм расширенного воспроизводства в его натурально-вещественных элементах», и что «такое тщательное выяснение механизма воспроизводства в упрощенных опытных условиях необходимо было Марксу, чтобы вскрыть ошибку Смита и Рикардо, доказывавших, что накопление капитала есть превращение дохода в заработную плату». Последнее утверждение звучит необыкновенно странно. Правда, точка зрения Смита о процессе накопления, усвоенная и Рикардо, утвердилась в политической экономии с прочностью религиозного предрассудка. Но неужели тов. Мотылев думает, что для опровержения этого предрассудка было недостаточно гениального открытия Маркса о двойственном характере труда? ¹⁾ Неужели он думает, что для этого мало было XXI и XXII глав I тома «Капитала» и главы XIX II тома, посвященной почти целиком опровержению нелепого догмата А. Смита о распадении ценности товара на $v+m$? По-моему, Маркс в указанных главах не оставил камня на камне от тех поистине детских рассуждений, которые мы находим по интересующему нас вопросу у Смита и даже у великого Рикардо. По мнению моего оппонента, Марксу для полемических целей со Смитом-Рикардовским предрассудком нужно было еще строить схемы и написать еще 125—150 головокружительных страниц... ²⁾.

Я не могу также согласиться с моим оппонентом насчет того, что Марксовы схемы изображают лишь механизм расширенного воспроизводства, и что они при учете гипотетически-реальных ³⁾ условий развития «чистого» капитализма дают осечку. На самом деле, если метод анализа Маркса правилен в одних случаях («в гипотетически-нереальных усло-

¹⁾ См. мою статью № 3 настоящего журнала, стр. 104—105.

²⁾ В одном из писем к Энгельсу Маркс прямо говорит, что он своим анализом воспроизводства всего общественного капитала (который он первоначально представлял в виде таблицы) хочет заменить «Tableau. Kenz» и нет никакого сомнения, что толчок к этому анализу был дан Марксу не полемикой против Смита-Рикардо, а знаменитой таблицей Кенз, которой автор «Капитала» придавал огромное значение. В том же письме Маркс упрекает Смита и Рикардо, в тех ошибках, которыми они закрыли себе путь к правильному разрешению хода всего процесса воспроизводства (см. письмо от 6/VII 1863 г.).

³⁾ В отличие от «гипотетически-нереальных условий», под которыми тов. Мотылев разумеет постоянство органического состава капитала, неизменность норм эксплуатации и прен.

ниях»), то почему же он неправилен для других случаев (гипотетически-реальных условий)? Ведь, теоретически рассуждая, никак нельзя доказать, что «чистый» капитализм в последнем случае никак не может развиваться так, чтобы между отдельными отраслями производства существовала пропорциональность. А если это так, то расширение производства, т. е. подъем, возможен не только при тех простых предпосылках, которые выбрал для своего анализа Маркс, но при учете «гипотетически-реальных условий»¹⁾.

Я перехожу к той же части того же II абриса статьи тов. Мотылева, в которой его научный оппортунизм достигает своего апогея: «Таким образом,—пишет он,—положительная часть теории накопления Р. Люксембург, заключающаяся в установлении невозможности прогрессирующего реального накопления в «чистом» капитализме и необходимости некапиталистической среды для того, чтобы такое реальное накопление совершалось,—эта часть является, с нашей точки зрения, прямым продолжением и развитием учения Маркса. Эта положительная часть ее теории ослабляется, однако, тем обстоятельством, что Роза Люксембург исходит из представлений об абсолютно-тесной и непосредственной зависимости этого роста производства от роста некапиталистической среды. В ее изложении получается, что на основе данной величины потребления возможны лишь небольшие волны расширения производства, что, поэтому, даже краткие периоды рас-

¹⁾ Чувствуя, что мой оппонент в своем ответе попытается поймать меня на слове и зачислить меня «по ведомству» Туган-Барановского, я спешу объяснить. Означает ли, что пропорциональное распределение отраслей производства может создать бесконечный и непрерывный, т. е. без кризисов, подъем капитализма? Ни в коем случае, ибо «одним из элементов пропорциональности является состояние потребления» (Вл. Ильин), а «состояние потребления» связано с антагонистической природой капиталистического способа производства и вовсе не склонно всегда угождать требуемой пропорциональности. Если бы в социалистическом обществе, которое должно строго блюсти пропорциональность между отдельными отраслями хозяйства, в силу ошибки центрального учетного аппарата, произошло расхождение между произведенным количеством средств потребления и тем количеством их, которое первоначально предназначалось для потребления, то от этого ровно никакой беды не было бы: излишек был бы распределен между членами общества или отложен «про запас». В капиталистическом обществе подобное расхождение возникает стихийно-неизбежно, и никакого другого выхода, кроме кризиса, тут быть не может, ибо предположение о распределении товарного избытка означает отрицание капитализма.

ширенного производства невозможны без постоянного соответственного расширения некапиталистических рынков. Роза Люксембург была, очевидно, недостаточно ясна закон цепной связи отраслей производства и его значение для рынка. Между тем, каждая отрасль производства является рынком для других, поэтому на основе данной величины потребления возможно волнообразное расширение производства; даже относительно небольшое расширение потребительского рынка может оказаться достаточным для нового волнообразного расширения; по причинам, очерченным нами выше, развивается и противоречие между производством и потреблением. Но благодаря значению цепной связи для рынка, это противоречие обнаруживается в результате более длительных периодов развития». Из этой цитаты с несомненностью явствуют две вещи: во-первых, что расширение производства, несмотря на противоречие между производством и потреблением и несмотря на отсутствие некапиталистической среды, все-таки возможно, и, во-вторых, что само это противоречие проявляется,—надо думать, в кризисах,—лишь в результате «более длительных периодов развития». Что это за «более длительные периоды», мне из текста не совсем ясно. Я думаю, однако, что тов. Мотылев имеет в виду периоды подъема, расположенные между нижней точкой конъюктурной кривой и кануном следующего кризиса. Другого смысла я в это выражение, при всем желании, вложить не могу. Но если это так, то мой оппонент должен был бы сделать такой вывод: расширение производства, возможное в чистом капитализме, будет протекать в течение «более длительного» периода, после которого, в силу известного противоречия, наступит кризис,—ибо таково сжатое содержание всей цитаты. Так о чем же тов. Мотылев спорит? Ведь это—то самое положение, которое решительно защищал в 90-х годах Вл. Ильин, и которого я, грешный, столь упорно придерживаюсь. Но, может быть, гов. Мотылев просто не договорил? Может быть, он полагает, что выход из кризиса окажется для «чистого» капитализма невозможным, без некапиталистической среды, или что следующий подъем будет не выше предыдущего, и капитализм в «среднем итоге» будет воспроизводиться в прежнем масштабе? В дальнейшем изложении я попытаюсь показать, что ни то ни другое ровно ни на чем не обосновано.

В последнем абрисе своей статьи я указывал, что принятие теории Р. Л. делает невозможным объяснение периодичности кризисов.

«Р. Люксембург, — писал я, — утверждает, что признание возможности расширения капиталистического производства и «чисто» капиталистического рынка либо делает совершенно необъяснимыми кризисы, либо сводит причины последних исключительно только к диспропорциональности между отдельными отраслями хозяйства. Мы сказали, что автор «Накопления капитала» был бы прав в своих выводах, если бы все марксисты стояли на точке зрения Туган-Барановского. На самом деле этого, конечно, нет. Даже В. Ильин, которого Р. Люксембург обвиняла в грехах Тугана, безоговорочно признавал «противоречие между безграничным стремлением расширить производство и ограниченным потреблением». И если теория рынка, принимаемая большинством марксистов, составляет базис для объяснения кризисов, то теория Люксембург закрывает все пути к решению вопроса о колебаниях конъюнктуры. Как Маркс ставит вопрос о периодичности промышленных циклов?» и т. д. (стр. 125—126, подчеркнuto сейчас).

Далее я развиваю ту мысль, что принимаемое мною Марксово объяснение периодичности кризисов не стоит ни в какой связи с возмущающими влияниями внекапиталистической среды, и что последовательный сторонник концепции Р. Л. должен был бы прийти к выводу, что никакой периодичности кризисов быть не должно. Тов. Шварц, выискав соответствующие места моей статьи, обрушился на меня со свойственной ему горячностью непоколебимого адепта «гонимого» учения: «Действительно, — пишет он, — если бы выходом из кризиса являлось только завоевание новых колоний, то периодичность кризисов не могла бы быть объяснена, — это не подлежит сомнению. (Это ценное признание подчеркнuto мною. Ш. Д.). Но где Роза Люксембург утверждает такой абсурд? Приписывать Розе Люксембург такую мысль — значило бы слишком плоско понимать ее теорию. С каких это пор, одна-

ко, тов. Дволайцкий, марксисты стали думать, что выходом из кризиса может быть только (курс мой. Ш. Д.) повышение техники, увеличение производительности труда? История дает нам немало примеров и второго метода преодоления кризисов, — захвата новых колоний или углубления эксплуатации уже занятых» (стр. 199). На первый вопрос о том, почему теория Р. Л. несовместима с принимаемой мною теорией периодичности кризисов, я отвечу тов. Шварцу немножко погоды, пока же я удовлетворю его ответом на второй вопрос: с каких пор марксисты стали думать, что выходом из кризиса может быть только техника? Ни с каких пор, тов. Шварц! Если перед капитализмом немедленно же после кризиса откроется новый некапиталистический рынок, то новый подъем окажется возможным не только на основе старой техники, но, если хотите, даже на базисе более низкого органического состава. Мало того, если в сферу капиталистического товарообмена накануне кризиса вступит новый некапиталистический рынок, самый кризис будет отсрочен и отсрочка эта будет тем длительнее, чем дольше будет «ширяться» добавочный некапиталистический рынок. Не знаю как другие, но я, тов. Шварц, думал так с тех пор, как я усвоил язык политической экономии. Что я считаю выход из кризиса возможным не только на базисе повышения техники, и что я изложенные мысли «выдумал» не ad hoc, вы при внимательном чтении (или, вернее, при желании читать, что пишет противник) могли бы убедиться, например, из следующего места моей статьи: «Маркс, конечно, не мог отрицать и не отрицал, что расширение внешнего поля деятельности капитала в состоянии усилить повышательную тенденцию и содействовать наступлению ажиотажа, грюндерства и т. д.¹⁾», но он нигде не делал попытки объяснять периодичность кризисов открытием внешних рынков. Повторяю: он вывел эту периодичность из явлений, имманентных чистому капитализму».

Непосредственно вслед за прерванной мною выдержкой из статьи тов. Шварца, он приводит цитату из Вл. Ильина

¹⁾ См. 4-томный «Briefwechsel» Маркса и Энгельса. Соответств. места нетрудно найти по предметному указателю. (Эта ссылка сделана мною в предыдущей статье).

насчет развития капитализма «вглубь и ширь»¹⁾ и продолжает: «Эта цитата подтверждает, что тов. Дволайцкий слишком перегнул палку в сторону техники. Никто не станет отрицать, что главным и характерным для капитализма способом выхода из кризиса является способ экономический — улучшение техники и удешевление товаров (за «научность» этой формулировки я не отвечаю. Ш. Д.). Но почему этот метод вступает в противоречие с точкой зрения Розы Люксембург? — Непонятно». Охотно допускаю, тов. Шварц, что вы этого не понимаете. Попытаюсь вам популярно разъяснить. Представим себе, что мы имеем низший пункт депрессии. Тысячи фабрик стали, торговля замерла, безработными — хоть пруд пруди. Конкуренция достигает максимального размаха, цены, вследствие этого, крайне низки. Но капиталисты хотят жить во что бы то ни стало. Как быть? Какие у них методы борьбы за существование? Удешевить производство, чтобы при наличных низких ценах получить хоть некоторую прибыль. Как добиться такого положения вещей? Усовершенствованием техники, повышением органического состава капитала. Но улучшение техники требует производства новых машин, а производство машин — выплавки чугуна, выплавка чугуна — добычи угля и т. д., а все это вместе создает спрос на средства потребления. Так начинается оживление, которое, пройдя через фазу расцвета и ажиотажа, в силу присущих капитализму противоречий, вновь превратится в свою противоположность. Кажется, яснее ясного. Но ведь вы, тов. Шварц, вероятно опять спросите: почему все это не может быть принято сторонником Р. Л.? Отвечу вам и на это: по очень простой причине, именно потому, что теория Р. Л. для всякого расширения производства требует наперед данного увеличения спроса, а в моем популярном объяснении спрос создается фактом расширения производства. Если же вы в этом пункте не разделяете точки зрения Р. Л. и забыли только это оговорить, то рекомендую Вам отказаться от защищаемой вами позиции, ибо это — центральный пункт обеих частей «Накопления капитала».

Переходя к соответствующим возражениям тов. Мотылева, я снова должен на несколько минут занять внимание читателя одним полемическим приемом моего противника. Дей-

¹⁾ «Развитие Капитализма», стр. 471.

ствительно-ли, — пишет он, — Маркс считал возможным абстрагировать теорию кризисов от проблемы рынка? Действительно ли он выводил их (т.-е. кризисы. Ш. Д.) только (курсив т. М.) из характера оборота и воспроизводства основного капитала? Тов. Мотылев далее грозит возможностью привести много цитат, опровергающих это, но приводит лишь одну, касающуюся еще и еще раз противоречия между производством и потреблением, и доказывает, что автор «Капитала» ставит периодичность кризисов «в самую тесную связь с расширением и использованием рынков». Тов. Мотылеву зачем-то понадобилось своими вопросами спутать две вещи: во-первых, причину кризиса, и во-вторых, причину выхода из кризиса. Причину кризисов, как я это объяснял уже в своей последней статье (см. приведен. выписку) и как я повторил это здесь, Маркс действительно видел в «бедности и ограниченности потребления масс по сравнению с тенденцией капиталистического производства развивать свои производительные силы с такой интенсивностью, как будто их границей является лишь абсолютная потребительная способность общества»¹⁾, и в этом смысле «он действительно выводил их (т.-е. кризисы) не только из характера оборота и воспроизводства основного капитала», как выражается мой оппонент. Другое дело — объяснение выхода из кризиса, т.-е. конструирование теории, согласно которой любой кризис неизбежно должен смениться подъемом, в силу чего развитие капиталистического общества должно обязательно идти циклами; эту теорию Маркс действительно выводил из «характера оборота основного капитала»: он показал, что раз дан хоть один кризис, то весь дальнейший ход производства должен протекать в смене кризисов и депрессий эпохами оживления и ажиотажа, — и вывел он это чисто абстрактным, дедуктивным путем.

Тов. Мотылев ничего этого не хочет понять; он и здесь хочет быть «соглашателем» и найти компромисс: «Закономерность и периодичность кризисов, — пишет он, — вытекает не только из характера оборота и воспроизводства основного капитала, — но и из того, что этот оборот и это воспроизводство основного капитала совершается на основе экономического вовлечения и использования рынков». (Курсив мой. Ш. Д. У тов. М. эта фраза подчеркнута целиком).

¹⁾ Это и есть цитата из Маркса, при помощи которой тов. Мотылев хочет меня живьем закопать в землю.

Что это значит? Давайте рассуждать. На-лицо кризис, где выход? Следуя Марксу, я отвечаю: в неизбежном стремлении капиталистов к обновлению элементов основного капитала, которое неизбежно же обуславливает подъем. Вы отвечаете: «нет не только» самое это обновление основного капитала «совершается на основе закономерного вовлечения и использования рынков». Значит, есть две причины, вызывающие подъем: технический прогресс и расширение некапиталистического рынка. Но эти причины не независимы, а напротив, взаимно обусловлены: первая имеет место благодаря второй («на основе»), т.е. обновление техники производства вызывается вовлечением в сферу капиталистического обмена «слоев и стран, не производящих еще капиталистически». И поскольку это «вовлечение» происходит периодически, оно создает волнообразное движение конъюнктурной кривой. Причем же тут Марксова теория колебания конъюнктуры и зачем моему оппоненту нужны были компромиссы? Надо было прямо сказать, что Марксова теория, утверждающая, что в интересующем нас вопросе «тон» задает основной капитал, не вызывает первичной причины загадки конъюнктуры, и что она поэтому несостоятельна. Это было бы, по крайней мере, последовательно.

Тов. Мотылев не согласен с положением тов. Шварца, который полагает, что только завоевание новых некапиталистических рынков периодичность кризисов не могла бы быть объяснена. Он думает иначе и даже берется доказать, что изгибы конъюнктурной кривой на протяжении истекшего столетия совершались именно по указанной причине. Более того, мой последовательный оппонент пытается это доказать и для больших и для малых циклов¹⁾.

¹⁾ Кстати, о больших циклах. Я отнюдь не склонен относиться к ним иронически, как это делает тов. Осипский, но строить на них что-нибудь при современном состоянии литературы, посвященной этому вопросу, я не берусь. В самом факте констатирования больших циклов есть еще много неясностей. До сих пор, строго говоря, не установлена даже длина больших конъюнктурных волн. Так, по Каутскому («Теория кризисов», изд. 1923 г., стр. 61), который налагает точку зрения Парвуса, первый период «бури и натиска», т.е. подъема, тянется с 1815 до 1836 г.; по Кондратьеву, «общее падение конъюнктуры наблюдается с 1809 г. вплоть до 1829 г.» («Мировое хозяйство» и проч., стр. 242), по Мотылеву, «вторая четверть XIX столетия является в общем и целом эпохой депрессии». Вторая эпоха депрессии простирается, по Каутскому— Парвусу, до 1887 г.; по Кондратьеву, до 1896 г. С 20-х годов до конца столетия первый насчитывает, по крайней мере, 2½ цикла, второй мень-

Как же тов. Мотылев это делает? Он просто приводит несколько выдержек из Туган-Барановского, долженствующих доказать, что каждый «период подъема неразрывно связан с использованием нового рынка». Для иллюстрации я позволю себе повторить здесь парочку цитируемых им мест из Тугана. Для объяснения подъема пятидесятых и шестидесятых годов с точки зрения теории Р. Л. он дает следующую выписку из «Периодических промышленных кризисов»: «Переход Англии и, в меньшей степени, остальной Европы от системы протекционизма, стеснявшего международную торговлю, к системе свободной торговли и постройка железных дорог, уменьшившая во много раз стоимость сухопутной перевозки товаров, чрезвычайно расширили рынок для сбыта английских произведений. Но действие этих двух факторов еще было усилено открытием необыкновенно богатых золотых россыпей в Калифорнии и Австралии. (Здесь без всяких многоточий опущено предложение. Ш. Д. Значение этих открытий (в пропущенных строках речь шла о случайных открытиях золота в Калифорнии и в Викториях. Ш. Д.) для английской торговли заключалось прежде всего в том, что спрос на английские товары в Калифорнии и Австралии быстро увеличился в несколько раз». Для тов. Мотылева решающим моментом является здесь, помимо

ше 2-х. Тов. Мотылев насчитывает два цикла с 20-х годов XIX стол. до начала мировой войны, при чем он, в отличие от Каутского, но в согласии с Кондратьевым, считает вторую четверть XIX века периодом депрессий. Повторяю, я вовсе не собираюсь наперед опорожнить научное исследование, которое основательно займется изучением больших конъюнктурных волн. Но поскольку я знаком с вопросом на основании той литературы, из которой черпает материал тов. Мотылев, я не беру на себя смелости делать какие бы то ни было теоретические обобщения. Если бы даже признаки и пределы больших циклов были строго очерчены, я все-таки задумался бы над возможностью выводить из двух эмпирически установленных циклов общий закон развития капитализма. Тов. Мотылева все это очень мало смущает. Он оперирует большими циклами, как астроном небесными телами, и даже уверяет, что «закономерность» больших циклов может быть познана лишь на основе защищаемой им теории накопления». С моей точки зрения, все это, и о м е н ь ш е й м е р е. скороспело. Впрочем, т. Мотылев выдает нам в некотором роде вексель: «Проблема больших циклов.—пишет он,—мы надеемся посвятить особую работу, где осветим ее на основе подбираемых нами статистических данных и где попытаемся разработать ее теоретически. Не имея возможности заняться самостоятельными изысканиями в этой области,—крайне для меня интересной,—я с нетерпением буду ждать появления работы тов. Мотылева. Когда он внесет ясность в эту крайне запутанную проблему,—у нас будет почва для разговоров. Сейчас на основании известных нам обобщений материалов и целых трех страниц тов. Мотылева, я не насчет больших циклов, ни насчет их причин рассуждать не берусь.

на капиталистически произведенные английские товары в несколько раз. Читатель статьи тов. Мотылева решил вероятно, что покупателями английских товаров были некапиталистические товаропроизводители из австралийских и калифорнийских аборигенов. Оказывается, ничуть не бывало: тов. Мотылев «ухитрился» оборвать цитату как раз там, где начинается самое «интересное». В том же абзаце, непосредственно за приведенными т. Мотылевым словами, Туган продолжает: «Слухи о баснословных богатствах, лежащих на пустынных берегах Сакраменте и Муррея, привлекли в эти страны десятки и сотни тысяч эмигрантов со всех частей света. Пустыни Калифорнии, на которых раньше кочевали одни дикие индейцы, теперь заселились с поразительной быстротой. Австралия была более культурной страной, но тем не менее в ней население было очень малочисленно, и только после того, как один из местных жителей, вернувшись из Калифорнии, нашел в одной австралийской речке золотоносные пески, население ее стало увеличиваться так же быстро, как и в Калифорнии. Так как в Калифорнии и Австралии туземной промышленности почти не существовало, то все товары, необходимые для увеличившегося населения, должны были привозиться из других стран» (указ. соч., стр. 90—91, курсив мой. Ш. Д.). Выходит, что вовсе не австралийские негры и калифорнийские индейцы способствовали под'ему 50-х и 60-х годов. Дело представляется гораздо проще. В названных странах случайно было открыто золото. В Калифорнию и Австралию устремились европейские эмигранты и европейские капиталы. Началась усиленная добыча золота, т. е. расширение производства, вызвавшее усиленный спрос на английские товары. Уверяю вас, тов. Мотылев, что эффект был бы такой же, если бы в Калифорнии и Австралии не было не только некапиталистической среды, но и ни одного живого аборигена. Более того, результаты были бы такие же и в том случае, если бы случайное открытие столь огромных естественных богатств, как золотые россыпи, имело место в самой старой капиталистической Англии. Надеюсь, что тов. Мотылев против этого спорить не станет...

Другая иллюстрация. Ссылаясь (хотя и без кавычек) на бедного Тугана, тов. Мотылев заявляет: «Под'ем 1833—1835 г.г. неразрывно связан с использованием рынка в Соед. Штатах и

с расширением внутреннего рынка в связи с постройкой железных дорог, (стр. 163). Против того, что под'ему 1833—35 г.г. способствовало использование рынка в Соед. Штатах, я спорить не стану. Повидимому, это так и было. Но что значит вторая часть утверждения тов. Мотылева: «расширение внутреннего рынка в связи с постройкой железных дорог»? Этим словам можно придать только такой смысл: постройка железных дорог вызвала расширение внутреннего рынка. Значит, расширению рынка предшествовало расширение производства (не только постройка железных дорог, но и каналов, промышленных предприятий и т. д.). А это противоречит теории тов. Мотылева. Английские капиталисты, которые строили и дороги, и каналы, и промышленные предприятия на свои капиталы и при помощи «своих» рабочих, могли бы выполнить все эти задачи без всякого и а перед данного спроса. Более того, они, как неосторожно признал мой противник, сами этот спрос создавали.

Представим себе такой гипотетический случай. Капиталистическое общество открыло в умеренном поясе одного из океанов новый огромный материк, совершенно необитаемый. Но материк этот представляет собой рай земной: налицо блестящие условия для развития сельского хозяйства, недра земли таят в себе величайшие сокровища—уголь, железз, красные и белые металлы, золото, платину и т. д., поверхность нашего необитаемого материка покрыта девственным строевым лесом, сочными пастбищами и проч. Но спроса этот материк пред'явить не может: на нем нет даже чернокожих... Послужит ли этот материк рынком для капитала и даст ли он толчок к усилению определившегося уже под'ема. Я думаю, что да, ибо «в капиталистическом строе (а тем более в «чистом») производство идет впереди потребления, первое толкает второе». Если мой оппонент с этим несогласен, предоставляю ему доказывать противное.

Тов. Мотылев—человек крайне «осторожный». Чтобы в случае возможных возражений против его «теории» циклов не оказаться безоружным, он заблаговременно заготавливает себе щит. «Чем,—спрашивает он,—объясняется эта странная закономерность в развитии капитализма (больших циклов. Ш. Д.)? Не приходится сомневаться, что эта закономерность—равнодействующая целого ряда условий и факторов. Но вместе с тем мы полагаем, что решающую роль играет закономерность втягивания капитализмом в его орбиту и использование им некапиталистических рынков» (стр. 157, курс.

мой. Ш. Д.). Какой ряд «факторов и условий» тов. Мотылев имел в виду, выставляя свой тезис, мне не совсем ясно. Думаю, однако, что он зачисляет в эти факторы и техническое переоборудование капиталистической промышленности. Если бы он не был так «глубоко» предан своей основной идее, то он мог бы привести из того же Каутского, например, такие места: первый период подъема (у тов. Мотылева от соответствующего периода упадка) «характеризуется в области техники введением паровых машин и быстрым расширением железнодорожного дела в Англии»; второй период — «революцией в области химического производства (в самом широком смысле слова)». Третий период «обозначается появлением электротехники» (назв. работа, стр. 59—60¹).

Попробуем, однако, разобраться в «тезисе» т. Мотылева. Если волнообразное движение конъюнктуры кривой есть равнодействующее целого ряда условий и факторов, то спрашивается, каково взаимоотношение между ними? Ответ на этот вопрос может быть двойной: либо «эти условия и факторы» друг от друга независимы и представляют собой параллельные «феномены» — независимые переменные, как сказал бы математик; либо они взаимно обусловлены и представляют собой функции которого-нибудь одного «ус-

¹) Аналогичные заявления тов. Мотылев мог бы найти для объяснения не только больших, но и малых циклов у всех тех авторов, на которых он ссылается и которые по части изложения фактов для меня столь же авторитетны, как и для моего оппонента. Так, Лескюр, пишет: «Период депрессии, последовавший за кризисом 1836 г., повсюду вызвал стремление сократить издержки производства. С другой стороны, благодаря последним открытиям были введены важные технические усовершенствования. Первоначально был открыт способ получения чугуна с помощью минерального топлива; благодаря паровому молоту, стало можно изготовлять очень крупные части, как, например, двигательные валы для больших машин» и т. д. (Стр. 33, курс. мой, Ш. Д.). Говоря о годах глубокой депрессии 1848—49, Блэз (в ежегоднике Блока за 1850 г., стр. 204), между прочим, пишет, что «эти годы не прошли совершенно бесплодно», и что «если национальное производство тяжело пострадало, оно почерпнуло в этом испытании силу сопротивления, которая привела его к часто успешным попыткам введения технических усовершенствований и сокращения издержек». (Лескюр, стр. 48, курс. мой, Ш. Д.). Тот же Лескюр отмечает технические усовершенствования во все периоды, предшествовавшие новым подъемам (см. стр. 146, стр. 169, стр. 188—189, стр. 259 и др.). Особенно характерно следующее общее замечание того же автора: Подъем может быть вызван различными причинами, но в основании его всегда лежит потребность (за façon de parler Лескюра я, конечно, не отвечаю, Ш. Д.), в каком-нибудь новом

ловия» или «фактора». Если верно первое, то результат получается слишком «мистический»: «целый ряд (!!!) условий и факторов», каузально между собою не связанных, периодически действуют в одном и том же направлении! Это противоречит не только элементам теории вероятностей, но и «элементам» здравого смысла. Если верно второе, что все «условия и факторы» определяются одним из них, т. е. «закономерным (!) втягиваемым капитализмом в его орбиту и использованием им некапиталистических рынков», — а так, повидимому, надо понимать тов. Мотылева, — то нужно было доказать, что всем «факторам и условиям» каузально и во времени предшествует «решающий» фактор моего «логично» рассуждающего критика. Так как такое «положение» абстрактно-дедуктивным путем конструировать мудрено, то тов. Мотылеву следовало бы на основании исторических наблюдений компетентных лиц, — хотя бы того же Туган-Барановского и Лескюра, — продемонстрировать ряд таких картин: налицо кризис, неразрывно связанный с исчерпанием некапиталистических рынков, господствует полнейший застой. Он продолжается год, два, три, пока капитализм не обретет своих новых спасителей в лице добавочных простых товаропроизводителей. Но вот последние найдены. Исходная точка для подъема есть. Начинается самый подъем и на ряду с ним появляются на сцену прочные «факторы», в роде технического прогресса, которые

средстве производства. Вследствие солидарности различных отраслей, рост этой первой потребности вызывает ряд волн, входящих до далеко лежащих отраслей потребления; иногда эти волны встречаются и, комбинируясь, делают более интенсивными; иногда они движутся просто параллельно. Железная дорога дает заказы горной и металлургической промышленности, а горные и металлургические предприятия, вследствие перевозки их очень тяжелых продуктов, являются одними из лучших клиентов железных дорог; точно так же и электрическая промышленность требует нужные ей машины от металлургической промышленности, которая получает от первой необходимые для освещения заводов принадлежности и динамо-машины, производящие двигательную силу, нужную на этих заводах» (там же, курс. мой, Ш. Д.). Аналогичные фактические соображения можно найти у Тугана (см. мою предыдущую статью, стр. 127) и у подавляющего большинства других авторов, писавших на эту тему в конце не разделявших марксовой теории периодичности кризисов. Отмечу еще такой «казус». Когда я в конце 1921 г. изучал кризис 1920—21 гг., мне пришлось убедиться в том, что электротехническая промышленность продолжала работать полным ходом в такие месяцы, когда о начале подъема, по моим тогдашним представлениям, не могло быть и речи: в этот период шло техническое переоборудование промышленности. (См. мою статью «Мировое хозяйство и кризис 1920—21 гг.» в № 1 журнала «Красная Новь» за 1922 г., стр. 180, выноска).

только усиливают подъем, вызванный «решающей» причиной тов. Мотылева. Но таких периодически повторяющихся картин мой изобретательный критик привести никак не мог бы, ибо так бывает разве только на Юпитере. На планете, именуемой Землей, дело обстоит иначе. Кризис вызывает усовершенствование техники, а усовершенствование техники «ломает» конъюнктурную кривую и создает подъем. Так бывает после каждого общего кризиса, ибо это необходимо вытекает из конкурентной борьбы. Само собою разумеется, что игнорировать некапиталистические рынки при анализе движения конъюнктуры нельзя, но их роль, как выражаются астрономы, только «возмущающая». Если капитализму в какой-нибудь момент, скажем, накануне кризиса, удастся «вовлечь в свою орбиту» новые некапиталистические рынки, то ему при известных условиях удастся преодолеть кризис, и быть может даже выкинуть из своей жизни целую «волну». Напротив, если из его наличных рынков (простых товаропроизводителей) внезапно, в силу ли восстания или голодовки, отпадает какой-нибудь крупный район, то кривая пойдет вниз раньше, чем того можно было бы ожидать¹⁾.

Итак, защищаемая мною теория ни в малой мере не опровергнута теорией моего критика: периодичность кризисов можно объяснить только факторами, имманентными чистому капитализму. Но, может быть, мой оппонент скажет, что чистый капитализм, будучи существование теоретически возможно, будет топтаться на одном месте, другими словами, что всякий следующий подъем конъюнктуры будет не выше предыдущего и что общее расширение производства действительно окажется невозможным? Такой вопрос мне действительно был поставлен во время одного моего устного выступления. Этот вопрос экономически решается, на мой взгляд, следующим образом. Если технический прогресс, обусловленный кризисом, подымет органический состав общественного капитала на более высокий уровень,—а это, вообще говоря, неизбежно,—то подъем будет выше предыдущего, и конъюнктура, описывая волнообразную кривую, в общем и целом будет идти вверх. Но может ли

¹⁾ Кстати, не кажется ли тов. Мотылеву несколько странным с его точки зрения, такой факт: английские кризисы обычно начинаются осенью, т. е. в период, когда в vast majority колониях Англии, расположенных в северном полушарии, идет реализация урожая? Казалось бы, что в моменты, когда «простые товаропроизводители» обладают максимальной покупательной силой, кризис менее всего вероятен...

это движение продолжаться «вечно», если мы предположим, что всякие восстания пролетариата будут подавляться непобедимым капиталом? Безусловно нет, ибо подъем капитализма («чистого») обуславливается в последнем счете ростом органического состава капитала, а последний, в свою очередь, обусловлен и даже идентичен с прогрессом техники. Что же касается развития техники¹⁾, то оно ограничено капиталистической частной собственностью, которая чем дальше, тем больше становится тормозом «развития производительных сил», а следовательно и поступательного движения капитализма.

VIII.

В своем докладе IV Конгрессу Коммунистического Интернационала тов. Тальгеймер утверждал, что непринятие теории империализма, выдвинутой Р. Л., должно неизбежно привести к отрицанию социалистической революции и что революционность русских большевиков, в том числе и Ленина, объясняется их теоретической непоследовательностью. Я ответил на это анализом нашего понимания неизбежности краха капитализма и показал, что теория «финансового капитала», разделяемая в основном лучшими представителями большевиков, не только не противоречит нашей концепции социалистического переворота, но является ее фундаментом. Измену той части социал-демократических вождей, которая придерживалась теории Гильфердинга (старого Гильфердинга!), я, в отличие от Тальгеймера, объяснял не их приверженностью к «ложной» теории, а гораздо проще. Они перелугались призрака рабочей революции, «выработали» новую тактику и приспособились к ней новую, апологетическую теорию. Мое объяснение вызвало лишь иронический возглас тов. Шварца: вожди перелугались—хорошее объяснение! Моя статья слишком затянута. Поэтому я, вместо ответа тов. Шварцу, предложу ему такую задачу.

У словене первое. Из всех вождей старой социал-демократии Каутский занимал позицию, наиболее близкую к теории накопления Р. Л. Некоторые его формулировки настолько напоминают эту теорию, что сам т. Тальгеймер, по спра-

¹⁾ Я отметил уже это в своей последней статье.

ведливому замечанию т. Бессонова, подписался бы под ними ¹⁾. Условие второе, которое я формулирую словами самого тов. Шварца: «тов. Бессонов совершенно ошибочно причисляет тов. Ленина к одним из самых ранних провозвестников концепции Р. Люксембург». Спрашивается, почему Каутский стал вождем мирового оппортунизма, а Ленин—мировым вождем пролетарской революции? А ведь должно было быть наоборот...

На прощание я обращаюсь к своим оппонентам с небольшой просьбой. Рядом с моей статьей печатается «несколько замечаний» моего друга Л. Н. Крицмана. Так вот, если полемический пыл моих оппонентов не остыл и если они еще раз соберутся в поход,—я прошу их в своей антикритике ответить заодно и на аргументацию тов. Крицмана.

III. Доулайцкий.

Абас-Туман,
8 августа 1923 г.

¹⁾ Расчет близости Каутского к теории Р. Л. см. «Эрфуртск. прогр.», статьи против Тутана и Finanzkapital und Krisen („Neue Zeit“).

2. О накоплении капитала и „третьих лицах“.

«Пусть каждый говорит то, что он считает правдой».

Из письма Лессинга.

(См. Роза Люксембург: «Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса», 108 стр.).

Людям свойственно ошибаться. Маркс был человек. Следовательно, и он не мог избежать ошибок. Это безукоризненный силлогизм. Но такова была гениальность этого человека, что все попытки ревизировать (исправить) его до сих пор—в течение $\frac{3}{4}$ века—неизменно оканчивались неудачей.

Последняя серьезная ревизионистская попытка принадлежит Розе Люксембург.

Коротко говоря, эта попытка сводится к следующему. Маркс, рассматривая проблему расширения капиталистического производства (накопления капитала), исходит из предпосылки чистого капиталистического общества, состоящего только из капиталистов и продавцов рабочей силы, отвлекается от наличия некапиталистических товаропроизводителей (и товаровладельцев), так-называемых «третьих лиц», как от осложняющего проблему, но не необходимого момента.

Напротив, Роза Люксембург считает «третьих лиц» необходимым моментом расширения капиталистического производства, ибо без них, по ее мнению, невозможна реализация той части прибавочной ценности, которая идет на расширение капиталистического производства.

Если в совокупном общественном продукте капиталистического общества,—таков ход рассуждений Розы Люксембург,—окажется, скажем, на 4000 (например, миллионов рублей) средств производства, необходимых для восстановления средств производства, израсходованных в предшествующем цикле производства; на 1000 средств потребления рабочих, необходимых для восстановления рабочей силы, израсходованной в предшествующем цикле производства; на 500 средств потребления

капиталистов и на 500 средств производства и средств потребления, необходимых для расширения производства (или иных товаров на ту же сумму), то средства производства в размере 4000 будут реализованы (их купят капиталисты, чтобы восстановить израсходованные средства производства), средства потребления рабочих в размере 1000 будут также реализованы (их купят рабочие, чтобы восстановить свою израсходованную рабочую силу), средства потребления капиталистов в размере 500 также будут реализованы (их купят капиталисты, ибо они также люди и хотят жить и притом хорошо жить), но средства производства и средства потребления, необходимые для расширения производства (или иные товары на ту же сумму), не могут быть реализованы, ибо их не купят рабочие, которые уже израсходовали всю свою заработную плату, и их не купят капиталисты, ибо, как говорит Роза Люксембург, это было бы с точки зрения капитала совершеннейшей бессмыслицей, производством товаров ради производства; это было бы не накопление денежного капитала, т. е. не капиталистическое накопление, а карусель, которая вращается сама собой в пустом пространстве¹⁾.

Словом, выход, по мнению Розы Люксембург, в том, чтобы эти нераскупленные ценности в размере 500 купили «третьи лица», не капиталисты и не наемные рабочие, чтобы их купили некапиталистические владельцы товаров.

*
*
*

Во всем этом построении нет ничего нового. Уже в течение ста лет теоретизирующие мелкие буржуа (в том числе и наши народники) «доказывали» таким образом невозможность развития капитализма. Построение это необычайно привлекательно своей простотой и кроме того тем, что служит опорным пунктом для исключительно простой теории империализма—чтобы расширяться, капитализм должен во что бы то ни стало вовлечь в свой товарный оборот все новых «третьих лиц», а также для простого и убедительного доказательства неизбежности краха капитализма: капитализм может расширяться, лишь расширяя свой внешний рынок сбыта.

¹⁾ См. Роза Люксембург «Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса (Антикритика)», пер. III. Дволайцкого. 1922, стр. 17.

(т. е., находя новых «третьих лиц» в качестве покупателей своих товаров), а так как число «третьих лиц» не безгранично, то наступит момент, когда новых «третьих лиц» не окажется, и тут-то капитализму таяк. Однако, построение это страдает существеннейшим недостатком: оно доказывает слишком много.

Чтобы выяснить это, попытаемся продолжить анализ Розы Люксембург. Возьмем совокупный общественный продукт не одного капиталистического производства, а всего общественного производства, включая и производство «третьих лиц», как товарное, так и натуральное. При этом ценность продуктов натурального производства мы можем принять равной нулю или какой угодно иной величине, например, ценности соответственных (таких же) продуктов товарного производства; мы можем согласиться как на одно, так и на другое. Пусть в этом совокупном общественном продукте окажется на 4000 средств производства (необходимых для восстановления средств производства, израсходованных в предшествующем цикле производства), на 1000 средств потребления работающих (необходимых для восстановления израсходованной в предшествующем цикле производства рабочей силы работающих), на 500 средств потребления капиталистов и прочих (некапиталистических) эксплуататоров и на 500 средств производства и потребления, необходимых для расширения производства.

Тогда, рассуждая по примеру Розы Люксембург, мы «докажем», что средства производства в размере 4000 будут реализованы, ибо их купят (или возьмут, поскольку речь идет о натуральном производстве для самих производителей) капиталисты и некапиталистические производители товаров (или продуктов), чтобы восстановить израсходованные средства производства; что средства потребления работающих в размере 1000 будут также реализованы, ибо их купят (или возьмут) капиталистические наемные рабочие и некапиталистические производители, чтобы восстановить свою израсходованную рабочую силу; что средства потребления капиталистов и прочих эксплуататоров в размере 500 будут также реализованы, ибо все эксплуататоры—люди и хотят хорошо пожить; но из средств производства и средств потребления в размере 500, необходимых для расширения производства, будут реализованы лишь те из них, которые пойдут на расширение и на ту-

рального производства. Спроса на остальные не будет, если верна теория рынка Розы Люксембург. Спасения у «третьих лиц» уже искать нельзя, ибо я предательски включил их, стоявших до того вне рассматриваемого расширяющего производства, в сферу последнего. И тем сделал невозможной их эксплуатацию, хотя и теоретическую, но столь же постыдную, как и капиталистическую.

Итак, теория рынка Розы Люксембург доказывает, что расширение всякого товарного производства невозможно. Подтверждением этого вывода может послужить и то обстоятельство, что эта теория рынка применима и к некапиталистическому товарному производству, например, к простому товарному производству.

Пусть в совокупном общественном продукте некапиталистического товарного общества окажется на 4000 средств производства (необходимых для восстановления средств производства, израсходованных в предшествующем цикле производства); на 1000 средств потребления (необходимых для восстановления рабочей силы, израсходованной в предшествующем цикле производства); на 500 средств потребления эксплуататоров и на 500 средств производства и средств потребления, необходимых для расширения производства (или иных товаров на ту же сумму). Тогда, согласно рассуждению Розы Люксембург, мы сможем «доказать», что средства производства в размере 4000 и средства потребления в размере 1000 будут куплены, чтобы восстановить израсходованные средства производства и рабочую силу работников некапиталистического товарного общества; будут куплены эксплуататорами и средствами их потребления в размере 500. Остальные же товары на сумму в 500 останутся нереализованными за отсутствием спроса, если не прибегнуть к «третьим лицам», которыми на этот раз будут члены капиталистического общества.

Повидимому, проблема расширения как капиталистического, так и некапиталистического товарного производства могла бы быть благополучно разрешена лишь при том условии, чтобы члены капиталистического и некапиталистического товарного общества любезно согласились выступать попеременно в роли спасительных «третьих лиц», осуществляя и в этой области—согласно принципам товарного миропорядка—эквивалентный обмен услугами.

Как легко может догадаться читатель, эта трогательная гармония исчезает при объединении всех их в одну компанию.

Положение тогда становится безвыходным.

Но не происходит ли расширение капиталистического производства за счет некапиталистических товаропроизводителей, например путем вытеснения, скажем при помощи низких цен, товаров ремесленного или иного некапиталистического производства?

Это, конечно, возможно. Однако вытеснение товаров некапиталистического производства означает сокращение последнего, а так как, согласно вышесказанному из теории рынка Розы Люксембург следует с несомненностью, что расширение всего товарного производства в целом невозможно, то расширение капиталистического производства возможно лишь в меру сокращения некапиталистического. Иными словами, с самого начала развития капитализма по сей день не произошло ни малейшего развития производительных сил человечества (если не считать прогресса натурального хозяйства).

Едва ли, однако, найдутся охотники защищать это положение.

* * *

Больше того. Нетрудно показать, что из теории рынка Розы Люксембург (если придерживаться ее последовательно, т.е. признавать невозможным расширение всякого товарного производства) следует, что не только развитие, но даже простое сохранение капиталистического производства возможно лишь на основе падения производительных сил человечества.

В самом деле, если каждое расширение капиталистического производства происходит за счет сужения производства некапиталистического (путем его вытеснения), то, принимая во внимание циклические колебания капиталистического производства, мы приходим к выводу, что сокращение некапиталистического производства неизбежно будет больше, чем расширение капиталистического, ибо при расширении последнего (во время подъема), происходит соответственное сужение некапиталистического производства¹⁾, но при последующем сжатии капиталистического производства во время кризиса не происходит расширения некапиталистического производства. Так, если мы (произвольно) предположим, что при каждом подъеме капиталистическое производство расширяется в четыре раза, а при каждом кризисе сжимается вдвое, то мы получим:

¹⁾ Разумеется, в действительности сужение некапиталистического производства происходит не в период подъема (тогда происходит благодаря ослаблению конкуренции—его расширение), а в период кризиса, ибо именно тогда свирепствует самая бешеная конкуренция.

К концу каждого полуцикла.

	1 (исходн.)	2 (под'ем)	3 (кризис)	4 (под'ем)	5 (кризис)	6 (под'ем)
Размеры капиталистического производства	1	4	2	8	4	16
Прирост (расширение) его	0	3	1	7	3	15
Сокращение (уменьшение) некапиталист. производств	0	3	3	9	9	21

Наше положение в основном тексте, может быть, следовательно, исправлено в том смысле, что с момента появления капитализма по сей день произошло падение производительных сил человечества (если верна теория рынка Розы Люксембург).

Возьмем теперь случай простого сохранения капитализма, когда каждый следующий под'ем не выше предыдущего. Пусть при каждом под'еме капиталистическое производство расширяется вдвое и при каждом кризисе сжимается также вдвое. Тогда мы получим:

К концу каждого полуцикла.

	1 (исходн.)	2 (под'ем)	3 (кризис)	4 (под'ем)	5 (кризис)	6 (под'ем)
Размеры капиталист. производств	1	2	1	2	1	2
Прирост (расширение) его	0	1	0	1	0	1
Уменьшение некап. производ.	0	1	1	2	2	3 и т.д.

Мы видим, даже если бы имело место не расширение, а лишь простое воспроизводство капитализма, и тогда с момента его возникновения и по сей день не только не произошло бы ни малейшего развития производительных сил человечества, но наоборот, шло бы их падение, если верна теория рынка Розы Люксембург. Иными словами, раз капитализм возник, то, как бы ни были малы его размеры, достаточно длительного его существования, чтобы производительные силы человечества были сведены к той малой величине, какую представляли производительные силы капитализма в момент его возникновения.

Возьмем, наконец, случай разложения капитализма, когда каждый следующий под'ем ниже предыдущего. Тогда будем иметь, например:

К концу каждого полуцикла.

	1 (исходн.)	2 (под'ем)	3 (кризис)	4 (под'ем)	5 (кризис)	6 (под'ем)
Размеры капит. производств	100	105	95	100	90	95
Прирост (расширение) его (+) или уменьшение (-)	0	+5	-5	0	-10	-5
Уменьшение некапитал. производ.	0	5	5	10	10	15

и т.д.

Если размеры некапиталистического производства мы примем равными, например, 15, то мы сможем (шутки ради) поставить вопрос: как возможно дальнейшее падение капиталистического производства, если для него не хватает «третьих лиц».

**

*

Так как, однако, едва ли сыщутся охотники последовательно защищать теорию рынка Розы Люксембург, то рассмотрим (явно не последовательную) теорию рынка, которой, повидимому, придерживалась Роза Люксембург, а именно: расширение капиталистического производства невозможно иначе, как с участием спасительных «третьих лиц», но расширение некапиталистического товарного производства может происходить само по себе (как именно, оставляем в тени).

Но тогда мы из огня попадаем в полымя. Ибо тогда рупнига конструируемая на основе теории рынка Розы Люксембург связь кризисов капиталистического производства со спросом «третьих лиц».

Поставим вопрос прямо. Возможно ли расширение капиталистического производства, не вызываемое спросом «третьих лиц»? Иными словами, возможно ли, чтобы прибавочная ценность была реализована (полностью или частью) помимо «третьих лиц»?

Если возможно (разумеется, эта возможность сама по себе стоит в противоречии лишь с необходимостью, но твое не с возможностью расширения капиталистического производства на базе спроса «третьих лиц»), тогда возможно и расширение чистого капиталистического общества, состоящего только из капиталистов и капиталистических пролетариев. Тогда вся теория рынка Розы Люксембург отпадает.

Если же невозможно, если расширение капиталистического производства может происходить лишь в размерах, вызываемых спросом на его товары со стороны «третьих лиц», то тогда, практически говоря, невозможны кризисы общего производства, вызываемые недостаточностью спроса «третьих лиц», ибо (отвлекаясь от расстройств воспроизводства, вносимых диспропорциональностью) все произведенные товары — за ничтожным исключением — всегда найдут покупателей. В самом деле. Вернемся к нашему первому примеру. «Третьи лица» пред-

явили спрос на 500, сделавший возможной реализацию не-реализуемой в капиталистическом обществе части прибавочной ценности и расширение капиталистического производства. Благодаря спросу «третьих лиц» капиталисты получили необходимый для расширения капиталистического производства денежный капитал; но для расширения капиталистического производства недостаточно денежного капитала, для него необходимы и средства производства и средства потребления рабочих. Так как капиталистическое производство их не произвело (вместо них произведены продукты, необходимые «третьим лицам»), то оно должно получить их извне, следовательно, у «третьих лиц». Таким образом, если капиталисты получают необходимый для расширения капиталистического производства денежный капитал благодаря спросу «третьих лиц», то необходимые для этого расширения средства производства и средства потребления рабочих они могут получить лишь благодаря предложению «третьих лиц».

А это означает, что в результате «третьи лица» получают свои деньги обратно, следовательно, восстанавливают свой спрос¹⁾.

В нашем примере капитал был равен 5000 (из них постоянный капитал 4000 и переменный 1000), общая ценность произведенных товаров 6000; из прибавочной ценности в 1000 личный доход капиталистов составлял 500 и подлежащий накоплению капитал также 500. Если расширение производства—благодаря посредничеству «третьих лиц»—произошло, то капитал возрастет до 5500, а общая ценность произведенных товаров до 6600; вместе с тем, восстановится и спрос «третьих лиц» в размере 500. Прибавочная ценность возрастет с 1000 до 1100. Подлежащая реализации вне капиталистического общества часть прибавочной ценности не превысит 600 (а скорее окажется меньше 600, так как вместе с ростом массы прибавочной ценности растет и личный доход капиталистов); но спрос «третьих лиц» в размере 500, следовательно, нереализованной может остаться не

¹⁾ Разумеется, возможно, что капиталистическое производство производит средства производства и для своего расширения (полностью или частью), но не производит (на ту же сумму), например, средств потребления капиталистов. Тогда оно должно купить эти средства потребления у «третьих лиц», и спрос последних всетаки будет восстановлен.

вся предназначенная для накопления часть прибавочной ценности, как раньше, а самое большее лишь $\frac{1}{6}$ этой части, а скорее еще меньше, напр., $\frac{1}{10}$.

Иными словами, затруднения с реализацией могут затрагивать теперь не всю подлежащую накоплению прибавочную ценность (равную всей прибавочной ценности за вычетом личного дохода капиталистов), а лишь самое большее—прибавочную ценность, полученную в результате вложения вновь накопленного капитала, скорее, даже часть ее.

А это такая проблематическая и, во всяком случае, незначительная величина (в нашем примере уже не $8\frac{1}{3}\%$ всех произведенных товаров, а всего лишь, скажем, 1% , во всяком случае, меньше $1\frac{1}{2}\%$), к тому же величина, падающая с падением нормы прибыли, что об общем кризисе производства, обусловленном недостаточностью спроса «третьих лиц», говорить не придется.

Если «третьи лица» хоть раз «спасли» своим спросом капитал, они будут, как каторжные, спасать его и впредь, обеспечивая каждый период производства своим неизменным спросом.

Поскольку речь идет о спросе «третьих лиц», капитал может жить спокойно, не опасаясь кризисов; с этой стороны,—если верна непоследовательная теория рынка Розы Люксембург,—ему особых опасностей не грозит: самый механизм капиталистического воспроизводства, если он захватил их раз, будет держать их прочно прикрепленными к капиталу.

**

Действительная связь спроса (рынка), расширения капиталистического производства и кризисов вовсе не похожа на ту, какую рисует теория рынка Розы Люксембург, и «третьи лица» играют в ней много более скромную роль.

Прежде всего, обнаружение размеров спроса и соразмерные с ним размеры производства вовсе не совпадают во времени; между первым и последним проходит время, и притом значительное время.

Период оборота всякого капитала состоит из периода производства и периода обращения. После того, как товар

произведен, его необходимо транспортировать, реализовать (продать) и на вырученные деньги приобрести не всегда имеющиеся в запасе необходимые для его воспроизводства (простого или расширенного) средства производства и рабочую силу, которые также должны быть доставлены на место производства.

Примем для упрощения, что период оборота всего общественного капитала длится год, в том числе период производства полгода и период обращения также полгода. В действительности дело, конечно, значительно сложнее, так как периоды оборотов различных капиталов не совпадают, и даже там, где они совпадают, как периоды производства, как периоды обращения все же могут не совпадать.

Производство не идет таким образом, что сначала товар производится, транспортируется, реализуется, и только по окончании реализации снова начинается производство. Производство идет не с перерывами (в нашем примере по полгода в каждом году), а непрерывно. Оно не ожидает результатов обращения (в частности, реализации), а происходит одновременно с последним.

Именно поэтому спрос в данный момент (в нашем примере в данное полугодие) вообще не может оказать никакого влияния на размеры производства в данный момент (в данное полугодие), которое идет независимо от происходящей одновременно с ним реализации продуктов прошлого производства (прошлого полугодия).

Если в каком-нибудь (скажем, третьем) полугодии, по каким бы то ни было причинам (пусть по вине «третьих лиц») произошла реализация продуктов предшествующего (второго) полугодия, в котором—по каким бы то ни было причинам (пусть также по вине «третьих лиц»)—произошло расширенное (по сравнению с первым полугодием) производство, то в силу анархии капиталистического производства капиталисты, зная лишь, что они до сих пор беспрепятственно и с успехом расширяли производство, предъявят и в четвертом полугодии спрос на товары, необходимые для расширения производства в пятом полугодии, и тем создадут условия для реализации продуктов расширенного производства третьего полугодия (расширенного независимо от успехов реализации в течение третьего полугодия продуктов производства второго полугодия).

Будет ли этот их спрос достаточен для реализации продуктов третьего полугодия, это вопрос другой. Если он окажется достаточным, то произойдет и тем самым окажется возможным расширенное производство без участия «третьих лиц». Если он окажется недостаточным, наступит кризис.

Условия возможности самостоятельного расширения капиталистического производства являются условиями возможности кризисов.

**

Мы видели, что в силу стихийности капиталистического товарного производства расширение его происходит хотя и под влиянием реализации, но отнюдь не в строгом соответствии с нею, и что этого соответствия нет ни во времени, ни, следовательно, в размерах. Поэтому капиталист производит товары, не задумываясь о том, как обстоит дело с «третьими лицами», и в одних случаях благодаря тому, что так же поступают и другие капиталисты, к тому времени, когда его товары произведены, оказывается появившимся и спрос на них, и тогда наступает новое расширение производства—будто бы бессмысленное «с точки зрения капитала» производство ради производства получает смысл; а в других случаях его товары не находят спроса и остаются лежать непроданными, наступает кризис, и ученый экономист начинает укорять капиталиста: почему тот поступил бессмысленно.

Бедный капиталист снимает цилиндр, низко кланяется и говорит в свое оправдание, что он, мол, только бедный капиталист, и потому ему не видно все общественное производство в целом, как господину ученому экономисту, но тем не менее с ним, капиталистом, не всегда такие казусы приключаются, и в общем дела его идут недурно.

Эта высокая позиция ученого экономиста, окидывающего взглядом все капиталистическое производство в целом, и явилась причиной (психологической) странной умственной aberrации Розы Люксембург.

Перед ней мелькала мысль о том, что расширение капиталистического производства может идти за счет спроса самих же капиталистов, расширяющих производство, но зрелище безграничного расширения ради расширения, производ-

ства товаров ради производства, казалось ей «с точки зрения капитала» совершеннейшей бессмыслицей. Она забывала, что реально существует и действует отдельный капиталист и что он не может подняться на ту точку зрения капитала, т. е. абстрактного собирательного капиталиста, на которую поднялась она, Роза Люксембург, и с которой видно все капиталистическое производство в целом.

Мы приведем подлинные слова Розы Люксембург, характеризующие неясность ее воззрений в этом основном пункте:

«Есть, наконец, простой выход из затруднения. Может быть, мы уподобляемся тому всаднику, который безнадежно разыскивал коня, на котором он сидел? Может быть, капиталисты сами покупают друг у друга этот остаток товаров, и притом не для того, чтобы прокутить в свое удовольствие, а затратить именно на расширение производства с целью накопления? Ибо что такое накопление, как не расширение капиталистического производства? Но для того, чтобы удовлетворить этой цели, указанные товары должны состоять не из предметов роскоши для частного потребления капиталистов, а из разного рода средств производства (нового постоянного капитала) и средств существования для рабочих.

Пусть это будет так. Но подобное решение лишь переносит затруднение с данного момента на следующий. В самом деле, допустив, что накопление началось и что расширение производства в следующем году выбрасывает на рынок еще большую массу товаров, чем в этом году, мы снова наталкиваемся на вопрос: где же мы тогда найдем покупателей для еще более возросшего количества товаров?

Если нам ответят, что это возросшее количество товаров и в следующем году будет обменено капиталистами между собой и затрачивается ими всеми опять-таки для расширения производства, и так из года в год, то мы будем иметь перед собой карусель, которая вращается сама собой в пустом пространстве. Это будет в таком случае не капиталистическое накопление, т. е. не накопление денежного капитала, а нечто противоположное: производство товаров ради производства, стало быть, с точки зрения капитала, совершеннейшая бессмыслица. Если капиталисты, как класс, всегда лишь сами являются покупателями всей своей товарной массы (за исключением той части, которую они постоянно должны уделять рабочему классу на его содержание), если

они сами должны собственными деньгами покупать постоянно товары и превращать в золото заключающуюся в них прибавочную стоимость, то накопление прибыли, накопление классом капиталистов, как целого, невозможно». (См. Роза Люксембург. «Накопление капитала, или что эпитоны сделали из теории Маркса (Антикритика)», пер. Ш. Дволайцко, 1922, стр. 16—17).

Реальное производство маскируется для капиталиста денежной формой его капитала. У Розы Люксембург проносится в голове мысль об этом и она пишет: «Это будет в таком случае (т. е. если произойдет самопроизвольное расширение капиталистического производства) не капиталистическое накопление, т. е. не накопление денежного капитала (курсив мой. Л. К.), а производство ради производства». Но производство ради производства было бы не накоплением денежного капитала, если бы оно было натуральным или товарным безденежным производством. В действительности же, продает ли капиталист свои товары «третьим лицам» или другим капиталистам, он и в том и в другом случае продаст их, следовательно, превращает свой товар в деньги. А раз так, накопление денежного капитала имеет место и в случае производства ради производства, т. е. в случае самопроизвольного расширения капиталистического производства, скрывая от капиталиста истинный характер его деятельности.

По существу дела, психологические изыскания Розы Люксембург о мотивах (стимулах) капиталиста вскрывают перед нами психологию ученого экономиста, а отнюдь не капиталиста.

Что это так, можно видеть еще из следующего. Роза Люксембург предполагает, что (беря цифры нашего первого примера) средства производства в размере 4000 будут куплены. Но почему в сущности? Единственный ответ может быть лишь такой: потому, что капиталистам свойственно стремиться к восстановлению израсходованных средств производства, иначе говоря, им свойственно стремиться к сохранению размеров производства; у них есть уверенность в том, что они найдут спрос на продукты своего нерасширенного производства, так как это им удавалось до сих пор. Но добавочные средства производства капиталисты, по мнению Розы Люксембург, не купят. Почему? Очевидно, по-

тому, что капиталистам несвойственно стремиться к расширению производства; у них нет уверенности в том, что они найдут спрос на продукты своего расширенного производства, хотя бы даже до сих пор им удавалось расширить производство, т. е. найти спрос на его продукты. Без объяснений ясно, насколько эта психология соответствует реальной психологии капиталистов и реальной действительности капитализма, в которой, разумеется, если что невозможно, так это простое воспроизводство: в периоды подъема потому, что тогда предаваться ему могут лишь «теоретические» капиталисты, в которых нет и проблеска духа капитала; в периоды кризиса потому, что тогда не находят достаточного сбыта ни продукты расширенного, ни продукты простого воспроизводства.

**

Подход Маркса и подход Розы Люксембург к проблеме различны в корне. Маркс ставит вопрос: если происходит расширение капиталистического производства, то каковы будут (не могут не быть) объективные, независимые от психологии капиталистов отношения между различными частями и элементами капиталистического производства?

Напротив, Роза Люксембург ставит вопрос: каковы условия, необходимые для того, чтобы был предъявлен спрос на прибавочный продукт, реализация которого необходима для расширения производства, и находит, что «с точки зрения капитала» предъявить спрос бессмысленно, а с точки зрения «третьих лиц» — имеет смысл. Насколько подход Маркса глубок, настолько подход Розы Люксембург поверхностен.

И ко всему ее психологические изыскания свидетельствуют о непонимании капиталистической психологии. Но если оставить в стороне эти психологические изыскания, то участие «третьих лиц» не дает ничего существенно нового для понимания механизма расширения капиталистического производства.

«Третьи лица» не избавляют капиталистов от необходимости реализовать произведенные при расширении капиталистического производства добавочные ценности внутри капиталистического общества. В случае участия «треть-

их лиц» изменяется лишь натуральная форма произведенных при расширении капиталистического производства ценностей и добавляется лишняя операция обмена. В самом деле. В случае участия «третьих лиц», часть прибавочной ценности в размере 500 (цифра взята из примера в начале настоящей статьи) производится в виде средств производства и потребления, необходимых для «третьих лиц», и сбывается последним, покупается ими; но на деньги, вырученные от продажи «третьим лицам», капиталисты (а частью и капиталистические рабочие, получившие часть этих денег в виде заработной платы) покупают у этих «третьих лиц» средства производства и потребления.

Но так как при этом происходит лишь обмен равноценностями, то при абстрактном рассмотрении процесса расширения капиталистического производства ничто не мешает предположить, что капиталисты непосредственно производят (разумеется, руками пролетариев) те средства производства и потребления, которые они купили у «третьих лиц».

Для абстрактно-теоретического рассмотрения проблемы расширения капиталистического производства принимать во внимание участие «третьих лиц», значит ненужным образом осложнять вопрос. Вот почему Маркс совершенно правильно исходил из предпосылки чистого капиталистического общества, состоящего только из капиталистов и их наемных рабочих.

**

Мы могли бы на этом закончить. Но с вопросом о накоплении капитала (расширении капиталистического производства) и роли в нем некапиталистических товаропроизводителей и товаровладельцев («третьих лиц») связана теория империализма.

Мы считаем необходимым отметить, что империализм в толковании Розы Люксембург отнюдь не совпадает с тем, что принято (в марксистской среде) понимать под империализмом. Империализм в толковании Розы Люксембург, это — политика экспансии капитала по отношению к некапиталистической среде, политика вовлечения в товарный оборот некапиталистического общества, включения в данное капитали-

тому, что капиталистам несвойственно стремиться к расширению производства; у них нет уверенности в том, что они найдут спрос на продукты своего расширенного производства, хотя бы даже до сих пор им удавалось расширить производство, т. е. найти спрос на его продукты. Без объяснений ясно, насколько эта психология соответствует реальной психологии капиталистов и реальной действительности капитализма, в которой, разумеется, если что невозможно, так это простое воспроизводство: в периоды подъема потому, что тогда предаваться ему могут лишь «теоретические» капиталисты, в которых нет и проблеска духа капитала; в периоды кризиса потому, что тогда не находят достаточного сбыта ни продукты расширенного, ни продукты простого воспроизводства.

**

Подход Маркса и подход Розы Люксембург к проблеме различны в корне. Маркс ставит вопрос: если происходит расширение капиталистического производства, то каковы будут (не могут не быть) объективные, независимые от психологии капиталистов отношения между различными частями и элементами капиталистического производства?

Напротив, Роза Люксембург ставит вопрос: каковы условия, необходимые для того, чтобы был предъявлен спрос на прибавочный продукт, реализация которого необходима для расширения производства, и находит, что «с точки зрения капитала» предъявлять спрос бессмысленно, а с точки зрения «третьих лиц» — имеет смысл. Насколько подход Маркса глубок, настолько подход Розы Люксембург поверхностен.

И ко всему ее психологические изыскания свидетельствуют о непонимании капиталистической психологии. Но если оставить в стороне эти психологические изыскания, то участие «третьих лиц» не дает ничего существенно нового для понимания механизма расширения капиталистического производства.

«Третьи лица» не избавляют капиталистов от необходимости реализовать произведенные при расширении капиталистического производства добавочные ценности внутри капиталистического общества. В случае участия «треть-

их лиц» изменяется лишь натуральная форма произведенных при расширении капиталистического производства ценностей и добавляется лишняя операция обмена. В самом деле. В случае участия «третьих лиц», часть прибавочной ценности в размере 500 (цифра взята из примера в начале настоящей статьи) производится в виде средств производства и потребления, необходимых для «третьих лиц», и сбывается последним, покупается ими; но на деньги, вырученные от продажи «третьим лицам», капиталисты (а частью и капиталистические рабочие, получившие часть этих денег в виде заработной платы) покупают у этих «третьих лиц» средства производства и потребления.

Но так как при этом происходит лишь обмен равноценностями, то при абстрактном рассмотрении процесса расширения капиталистического производства ничто не мешает предположить, что капиталисты непосредственно производят (разумеется, руками пролетариев) те средства производства и потребления, которые они купили у «третьих лиц».

Для абстрактно-теоретического рассмотрения проблемы расширения капиталистического производства принимать во внимание участие «третьих лиц», значит ненужным образом осложнять вопрос. Вот почему Маркс совершенно правильно исходил из предпосылки чистого капиталистического общества, состоящего только из капиталистов и их наемных рабочих.

**

Мы могли бы на этом закончить. Но с вопросом о накоплении капитала (расширении капиталистического производства) и роли в нем некапиталистических товаропроизводителей и товаровладельцев («третьих лиц») связана теория империализма.

Мы считаем необходимым отметить, что империализм в толковании Розы Люксембург отнюдь не совпадает с тем, что принято (в марксистской среде) понимать под империализмом. Империализм в толковании Розы Люксембург, это — политика экспансии капитала по отношению к некапиталистической среде, политика вовлечения в товарный оборот некапиталистического общества, включения в данное капитали-

стическое хозяйство все новых «третьих лиц». Следовательно, империализмом является вовлечение в товарный оборот капиталистического общества некапиталистических товаропроизводителей собственной страны, например, французских крестьян во Франции, но империализмом не является вовлечение, включение в данное капиталистическое народное хозяйство другого капиталистического народного хозяйства (целиком или частей его), например, частей Германии Францией.

Благодаря этому империализм, с одной стороны, из специфической политики эпохи финансового капитализма становится всеобщей политикой капитала во все эпохи его существования (и даже, как это следует из настоящей статьи, всеобщей политикой всякого товарного общества), а с другой стороны, теряется характернейшая черта капитализма, не менее характерная, чем тенденции к захвату некапиталистических рынков, а именно тенденция к захвату капиталистических рынков, в которой прежде всего и выражается тот основной факт, что вызванные капиталом к жизни производительные силы переросли рамки народных хозяйств и требуют снесения национальных границ и слияния народных хозяйств в единое мировое хозяйство.

Даваемая Розой Люксембург теория империализма отвлекается от необходимого, более того, от основного свойства последнего и не является поэтому теорией империализма, ибо не объясняет того, что подлежит объяснению, и объясняет то, что не требует объяснения, ибо к вопросу не относится.

Кто хочет понять империализм, как специфическую историческую категорию, должен исходить из монополистического капитализма, из перехода монополистического капитала внутри каждого народного хозяйства от прежнего метода получения прибыли (от конкурентной борьбы при помощи низких цен и, следовательно, расширения рынка) к новому методу получения прибыли при помощи монополистического повышения цен, следовательно, к сужению внутреннего рынка, следовательно, к усиливающейся, по мере роста производительных сил и успехов монополистического объединения, необходимости выбрасывать все большие массы товаров (или же капиталов) на внешние рынки. Отсюда, наряду с устранением конкуренции на внутрен-

них рынках, все более бешеная конкуренция на внешних рынках, экспорт по бросовым ценам, борьба за рынки, борьба за колонии, империализм.

Мы не будем останавливаться на связываемой с теорией рынка Розы Люксембург теории краха капитализма, так как, кто отказался от ее теории рынка, тот не станет поддерживать и ее теории краха капитализма; отметим только, что жалеть о падении этой теории не приходится, ибо теория эта — теория фаталистическая, подставляющая на место внутренних имманентных процессов капитализма его взаимоотношения с внешней средой, заставляющая ожидать неизбежного конца капитализма от внешней, не зависящей от пролетариата причины — от исчерпания фонда «третьих лиц».

Но главная беда разбираемых теорий империализма и теории краха капитализма состоит в том, что, несмотря на то, что они кажутся простым и неоспоримым следствием теории рынка Розы Люксембург, они в действительности не вытекают из последней.

Напротив, из теории рынка Розы Люксембург следует, что возможно непрерывное расширение капитализма без увеличения числа «третьих лиц» (точнее говоря, без увеличения их спроса). Пусть в нашем примере «третьи лица» предъявили спрос в размере 500, т.е. купили товаров капиталистического производства на эту сумму. Как было уже сказано, дело не ограничивается тем, что капиталисты получают за свои товары деньги; чтобы произошло расширение капиталистического производства, необходимо, чтобы капиталисты на эти же деньги (точнее говоря, на эту же сумму) купили товары у «третьих лиц». Но тем самым, как было уже изложено выше, деньги в размере 500 возвратятся к «третьим лицам» и восстановят их спрос в прежнем размере. Иными словами, воспроизводство капитализма есть одновременно и воспроизводство вовлеченных в его товарный оборот «третьих лиц» (их спроса). Но тогда расширение капиталистического производства может спокойно продолжаться и без вовлечения новых «третьих лиц», без нового спроса со стороны «третьих лиц». Капиталистическое производство может при каждом цикле производства расширяться на одну и ту же величину (ценностную). В нашем примере сможет

происходить ежегодно расширение на 500, и при первоначальном капитале в 5000 капитализм расширится за десять лет вдвое, а за сто лет—в одиннадцать раз. Следовательно, говорить о безусловной необходимости империализма вследствие необходимости вовлечения новых «третьих лиц» и о безусловной неизбежности краха капитализма вследствие исчерпания фонда «третьих лиц» не приходится. Теория империализма и теория краха капитализма Розы Люксембург не следуют из ее теории рынков.

Попытку Розы Люксембург произвести ревизию взглядов Маркса в вопросе о накоплении капитала необходимо признать совершенно неудавшейся. Сказать это нас обязывает тот самый дух революционной беспощадности, который заставил Розу Люксембург не останавливаться перед авторитетом и перед именем Маркса и без всяких колебаний заявить, что Маркс был неправ в вопросе о накоплении капитала, как только она пришла к такому убеждению. «Пусть каждый говорит то, что он считает правдой», гордо повторяет она слова Реслинга.

**

Но мы не считаем, что работа Розы Люксембург («Накопление капитала») была работой впустую. Ее неоспоримой заслугой было то, что она поставила перед марксистами вопрос о роли «третьих лиц», о роли некапиталистических товаропроизводителей (и товаровладельцев) для расширения капитализма. В нашу эпоху, эпоху надвигающегося восстания колониальных народов, это—вопрос исключительной важности, и вопрос теоретически не разработанный. Ее решение абсолютно непригодно. Новый спрос «третьих лиц» чем дальше, тем в большей мере становится не причиной, а простым следствием расширения капиталистического производства (накопления капитала).

Поскольку «третьи лица» втягиваются в товарный оборот капиталистического общества, они втягиваются в него не односторонне, не только, как покупатели, но и как продавцы. Чтобы купить, они должны предварительно продать. Каждый кризис капиталистического производства создает наряду с резервной армией труда резервную армию «избыточных» «третьих лиц», которые, бу-

дучи приучены к этому капиталом, и хотели бы выступить со своим спасительным спросом, но не могут, не могли купить, так как не смогли продать.

Но каждый подъем капиталистического производства, каждое расширение его использует эту резервную армию «избыточных» «третьих лиц», создает, следовательно, тех новых «третьих лиц», о которых говорит Роза Люксембург, создает их добавочный спрос, который, однако, появляется именно потому, что эти «третьи лица» смогли реализовать свои товары, а они смогли реализовать их потому, что произошло расширение капиталистического производства.

Накопление капитала, расширение капиталистического производства создает, таким образом, не только спрос капиталистов (и их рабочих), но и спрос «третьих лиц». Достаточный или нет, это, повторяю, другой вопрос.

Роза Люксембург повинна, таким образом, в одностороннем истолковании взаимодействия капитала и «третьих лиц». Мы не собираемся в настоящей статье заняться исследованием этой проблемы и ограничимся лишь следующим замечанием.

Как раз на ранних стадиях развития (промышленного) капитализма, когда об империализме говорить не приходится, большую роль играет расширение капитализма за счет некапиталистических производителей, путем их вытеснения. Не связанное всеми ограничениями, которые действуют при самопроизвольном расширении капитализма, расширение его за счет «третьих лиц» значительно увеличивает размах фактического расширения капиталистического производства. На более поздних стадиях развитого капитализма, когда большая часть некапиталистических товаропроизводителей уже вовлечена в товарный оборот капиталистического общества и когда подавляющую часть спроса составляет спрос самого капиталистического общества (а эпоха империализма относится к этому времени), роль «третьих лиц» меняется.

Бывший полумарксист (легальный марксист), ставший апологетом капитала, проф. Туган-Барановский пытался доказать, что, абстрактно говоря (при условии пресловутой пропорциональности), ничто не мешает капитализму беспрепятственно расширяться без кризисов, расширяя производство средств производства. Зерно истины в этом утверждении заключается в том, что если самопроизвольное расширение

капиталистического производства происходит, оно происходит, вопреки Розе Люксембург, именно таким образом. Но почтенный профессор не заметил, что рост производства средств производства означает рост органического состава всего общественного капитала в целом. А этот рост не может быть осуществлен по произволу, он предполагает прогресс техники, определенный темп этого прогресса¹⁾.

Самопроизвольное расширение капиталистического производства предполагает, как свою предпосылку, соответствующий технический прогресс. Но из чего следует подобное соответствие? Ни из чего решительно!

Капитализм ведет, как известно, к колоссальному развитию техники. Но это только одна сторона дела. Другая заключается в том, что для своего беспрепятственного самопроизвольного развития (без кризисов и без «третьих лиц») он требует еще большего развития техники.

¹⁾ Несколько прочно Туган-Барановский не понимал этого фундаментального и трагического для его теории обстоятельства, можно видеть из следующей, рисуемой им, картины идеального (с точки зрения капитала) капиталистического общества:

«Ничего не стоит (!) построить новую схему по образцу вышеприведенной и наглядно (!) показать (!), что самое широкое (курсив мой. Л. К.) замещение рабочих машинами не в силах само по себе сделать какую-либо машину излишней и бесполезной. Пусть все рабочие вплоть до одного будут замещены машинами: в таком случае, этот единственный рабочий будет приводить в движение всю колоссальную массу машин и с их помощью производить новые машины и предметы потребления капиталистического класса. (Курсив мой, Л. К.). Рабочий класс исчезнет (а с ним и все доставляемые рабочим классом неприятности. Л. К.), но это нисколько не затруднит реализации продуктов капиталистической промышленности. Капиталисты будут получать в свое распоряжение большую массу предметов потребления, и весь общественный продукт одного года будет поглощаться производством и потреблением капиталистов следующего года (приятное видение, это «капиталисты следующего года», Л. К.). Если же капиталисты, в своей страсти к накоплению, пожелают сократить и свое собственное потребление, то и это вполне (!) осуществимо: в этом случае сократится производство предметов потребления капиталистов и еще большая часть общественного продукта будет состоять (хорошо сказано! Курсив мой, Л. К.) из средств производства, предназначенного для дальнейшего расширения производства. Будут производиться, напр., уголь и железо, которые будут идти на дальнейшее производство угля и железа. Расширенное производство угля и железа за каждый последующий год будет поглощать уголь и железо, произведенные в предыдущем году, и так до бесконечности (хорошо! Л. К.), пока не будут исчерпаны запасы соответствующих минералов». (См. М. И. Туган-Барановский «Периодические промышленные кризисы», С. Петербург, 1914. 3-е издание, стр. 229). В гордом упоении своей замечательной теорией рынка, которую он сначала скромно, но совершенно напрасно приписал

Пока необходимый прогресс техники не достигнут, невозможен переход капиталистического производства на следующую высшую ступень. Этот прогресс и достигается обычно во время кризиса. Разумеется, возможно известное расширение капиталистического производства и на базе неизменяющейся техники, но такое расширение ограничено размерами резервной армии труда и простотами рабочего класса не только в том смысле, что для текущего производства требуются рабочие (что само собой разумеется), но и в том, что для вновь произведенных при расширении производства добавочных средств производства (и потребления), при достаточном темпе расширения окажется недостаточно рабочих, которые привели бы их в движение, если только не произойдет необходимого технического прогресса.

Однако, помимо всего прочего, предположение неизменной техники в корне противоречит анархической конкуренции

Марксу, и на которую затем заявил свои неоспоримые авторские права, находя, что его теория «не укладывается в рамки правоверного марксизма, но от этого она нисколько не становится хуже» (ibid., стр. 243), Туган-Барановский, повидимому, не сознавал, что именно он предполагает, не подозревал, что он исходит из истинно чудотворного технического прогресса, что именно на этом несообразном предположении построена его теория. С полным душевным спокойствием он «постулирует» такой прогресс техники, при котором ничего не стоит предположить, что с известного момента для дальнейшего развития производительных сил растущего капиталистического общества уже не требуется увеличения числа работников, которые теперь исчисляются многими десятками миллионов и которое до сих пор всегда росло, несмотря на прогресс техники; что с этого момента становится возможным их решительное сокращение. И он не понимает, что если бы даже остался всего один рабочий, который приводил бы в движение все машины мира, то и это нисколько не спасло бы его упорительную для капитала теорию, ибо дело не в состоянии техники, а в темпе технического прогресса. Он не понимает, что если бы технический гений человечества и совершил чудо чудес—замену миллионов рабочих одним при одновременном росте производства, то это только отсрочило бы кризис, так как новое расширение производства (а единственный рабочий Туган-Барановского, это последнее издание старого Робинзона буржуазной экономики, производит «новые машины») потребовало бы нового чуда технического прогресса, и, следовательно, непрерывное бескризисное расширение капиталистического производства было бы возможно лишь на основе непрерывного (бескризисного) производства чудес. Но если уж призывать на помощь господ бога, то незначит превращать его во второго «единственного» рабочего, производящего непрерывно чудеса технического прогресса (ибо господ бог все же не наемный рабочий капитала, а—по определению Гейне—свободный ремесленник). И было бы много проще, если бы, вместо утомительного непрерывного производства чудес, как средств производства для бескризисного расширения капитализма, господ бог попросту сотворил бы чудо создания расширяющегося без кризисов капитализма.

капитализма (и потому противоречит и действительности), и Туган-Барановский совершенно правильно не ограничивается предположением экстенсивного расширения капиталистического производства.

Но происходит ли самопроизвольное расширение капиталистического производства на базе старой техники (а во время подъема прогресс техники вследствие ослабления конкуренции невелик), или на базе новой техники, т.е. происходит ли экстенсивное или интенсивное расширение капиталистического производства, это расширение неизбежно приводит к кризису, ибо поскольку как одно, так и другое ограничено известными пределами, на сцену выступает противоречие между тенденцией капитализма к росту производительных сил, как интенсивному, так и экстенсивному (или, что то же, к расширению производства), и ограниченностью общественного потребления, являющегося следствием пролетарского состояния масс, с одной стороны, и имманентного капитализму стремления к накоплению капитала—с другой; то противоречие, которое опрометчиво пытался устранить своей теорией рынка Туган-Барановский, и которое не находит своего разрешения ни в дальнейшем экстенсивном расширении капиталистического производства, ограниченном приростом рабочей силы, ни в дальнейшем интенсивном его расширении, ограниченном не находящимся с ним в неперменном соответствии темпом технического прогресса.

Но здесь необходимо сделать одну оговорку, ради которой нам и пришлось отвлечься несколько в сторону. Поскольку не осуществлен необходимый прогресс техники, невозможно за известным пределом самопроизвольное расширение капиталистического производства. Если, однако, в товарный оборот капиталистического общества втягиваются «третьи лица», это может означать, что пределы расширения производства раздвигаются, что расширение производства может оказаться возможным и при старом (или слабее повысившемся или даже, абстрактно говоря, понизившемся) уровне техники, если производство тех товаров, которые сбываются «третьим лицам», отличается более быстрым темпом технического прогресса, чем капиталистическое производство тех товаров, которые производят (и сбывают капиталистическому обществу) «третьи лица». По отношению к капиталистическому

индустрии и сельскому хозяйству (основному промыслу «третьих лиц») дело обстоит именно так.

Помимо этого, участие «третьих лиц» означает лишнюю операционную обмену, значит, увеличение периода обращения и следовательно, удлинение всего цикла капиталистического производства путем удлинения периода подъема (без удлинения кризиса).

Словом, влияние «третьих лиц» (если даже ограничиться сказанным, оставляя в стороне даже то обстоятельство, что товары «третьих лиц» в силу их натуральной формы являются в значительной части неизменными натуральными элементами капиталистического производства) много сложнее, чем предполагала, повидимому, Роза Люксембург, и представляет проблему, техническое и историческое исследование которой является задачей дня. Постановка этой проблемы—теоретическая и практическая заслуга Розы Люксембург, которой (хотя ей и не удалось найти правильное решение этой проблемы) ее несравненное революционное чутье подсказало, что эта проблема есть очередная проблема революционной теории и практики.

Л. Крицман.

Материализация и пролетарское сознание.

(Продолжение). 1).

II.

Антиномии буржуазного мышления.

Из овеществленной структуры сознания возникла новая критическая философия. Этой структурой обусловлены ее специфические проблемы, в их отличии от проблем прежней философии. Некоторое исключение представляет только философия греков. Это, конечно, не случайно: явление овеществления играло заметную роль в развитом греческом обществе. Но, в соответствии с совершенно иными формами общественного бытия, вопросы и решения античной философии совсем не те, что новой. Поэтому, с точки зрения здоровой интерпретации, Наторп, напр., поступает так же произвольно, когда изображает Платона предтечей Канта, как Фома Аквинский, когда он пытается строить свою философию на Аристотеле. Самая возможность обеих этих попыток—впрочем, равно произвольных и несостоятельных—была возможна, с одной стороны, потому, что позднейшие поколения всегда приспособляют для своих собственных целей полученное ими историческое наследие, а с другой стороны, эта возможность двойного понимания объясняется тем, что греческая философия хотя и знала явления овеществления, но еще не пережила их, как универсальные формы всякого бытия,—тем, что стоя одной ногой в новом обществе, она другой еще стояла на почве естественных социальных отношений. Поэтому ее проблемы и могли быть использованы на обеих линиях развития, правда, не без очень сильных натяжек.

1.

В чем, однако, заключается это фундаментальное различие между старой и новой философией? Своими известными словами о необходимости «коперниканского переворота» в теории познания (в предисловии ко второму изданию «Критики чистого

1) См. «Вестник Соц. Акад.», кн. IV, стр. 186.

разаума») Кант формулировал его следующим образом: «До сих пор принималось, что наше познание должно сообразоваться с предметами... Посмотрим..., не пойдет ли успешнее наша работа над задачами метафизики, если мы примем, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием»... Другими словами, новая философия ставит себе задачей понять мир не как нечто, возникшее независимо от познающего субъекта (напр., сотворенное богом), а понять его как произведение самого же субъекта. Не забудем, что этот новый подход—взгляд на рациональное познание, как на продукт мыслящего духа—введен не Кантом; Кант только сделал из него более радикальные выводы, чем его предшественники. Маркс 1) указал—в совсем другой связи—на изречение Вико, что «человеческая история отличается от естественной тем, что одна создана нами, а другая—нет». В иной, впрочем, форме, чем у Вико, во многом лишь позднее понятого и оцененного, эта проблема стоит перед всей новой философией. От методического скепсиса, от cogito ergo sum Декарта через Гоббса, Спинозу и Лейбница ведет прямой путь развития, на котором в различных вариациях повторяется один и тот же основной мотив: убеждение, что предмет познания может быть нами познан потому и постольку, поскольку он нами же самими создан 2). Методы математики и геометрии, метод построения, порождения предмета из формальных предпосылок предметности вообще, а позднее методы математической физики, становятся, таким образом, маяком и масштабом философии, нормой для познания мира в целом.

Вопрос о том, почему и по какому праву человеческий разум именно системы форм воспринимает, как свою собственную сущность (в противоположность «данному», чуждому и непознаваемому характеру содержания этих форм),—этот вопрос не возникает. Это принимается как нечто самоочевидное. При этом для нас несущественно, облачается ли это убеждение (как у Беркли или Юма) в форму скепсиса, сомнения в способности «нашего» познания достигать общеобязательных результа-

1) «Kapital», I, 336.

2) Ср. Tönnies: „Hobbes Leben und Lehre“ и в особенности Ernst Cassirer: „Das Erkenntnisproblem in der Wissenschaft der neueren Zeit“. Положения этой книги, к которой мы еще вернемся, тем более ценны для нас, что автор приходит к ним совершенно другим путем, и все-таки изображает тот же ход развития, то же влияние математического «строго» научного рационализма на возникновение нового мышления.

тов—или же (как у Спинозы и Лейбница) в форму неограниченной веры в способность этих форм проникать в «истинную» сущность всех вещей. Наша задача здесь не в том, чтобы набросать историю новой философии—хотя бы в самых грубых контурах,—а лишь в том, чтобы вскрыть связь между основными проблемами этой философии и тем бытийным основанием, от которого отделяются ее вопросы и на которое они стремятся пролить свет. Но характер этого бытия обнаруживается по меньшей мере столь же ясно в том, что не становится проблемой для выросшего на его почве мышления, как в том, что и как является для него проблемой; во всяком случае, оба эти момента полезно рассматривать в их взаимной связи. И вот при такой постановке вопроса оказывается, что наивное и догматическое (даже у «критических» философов) отождествление формально-математического, рационального познания с познанием вообще и с «нашим» познанием в частности составляет отличительнейший признак всей этой эпохи. Что оба эти отождествления отнюдь не являются чем-то безусловно само собою разумеющимся, выясняется при самом даже поверхностном взгляде на историю человеческой мысли—и, прежде всего, на историю возникновения самой новой философии, которая должна была выдержать тяжелую идейную борьбу с совершенно иными формами средневекового мышления, прежде чем новый метод и новый взгляд на сущность познания могли действительно утвердиться. Разумеется, и об этой борьбе мы здесь не можем говорить подробно. Ее основные мотивы—провозглашение однородности всех явлений (в противоположность, напр., средневековому отделению «подлунного» мира от «сверхлунного»), требование их имманентной причинной связи в противоположность тем взглядам, которые искажали основание мирового строя вне его имманентных связей (астрономия против астрологии и т. д.), требование применимости математически-рациональных категорий к объяснению всех явлений (в противоположность качественной натурфилософии, которая пережила новый расцвет уже в эпоху ренессанса—Бэме, Флудд и т. д.—и составляла еще основу баконова метода),—все эти мотивы и без того могут считаться известными. Общеизвестным мы считаем и то, что все это философское развитие совершалось в непрерывном взаимодействии с развитием точных наук, которые, в свою очередь, развивались в плодотворном

творном взаимодействии с все более рационализирующейся техникой, с трудовым опытом производства¹⁾.

Эти основные факты имеют решающее значение для нашей проблемы. Ибо «рационализм», т. е. система форм, направленная на ту сторону явлений, которая может быть постигнута и порождена рассудком и поэтому находится во власти рассудка, существовал в самые различные эпохи и в самых различных формах. Но есть принципиальная разница в том, к какому материалу этот рационализм отнесется и какая роль ему приписывается в общей системе человеческих познаний и целей. И вот оригинальность нового рационализма заключается в его притязании, все возрастающем по мере его развития, что им открыт принцип связи всех явлений, противостоящих человеку в природе и обществе. Все прежние формы рационализма были, наоборот, частичными системами. «Последние» проблемы человеческого существования оставались в недоступной для человеческого рассудка сфере иррационального. Чем теснее связь такой частичной рациональной системы с «последними» вопросами бытия, тем ярче обнаруживается ее всего лишь частичный и служебный характер, ее неспособность постигнуть «суть» вещей. Таков, напр., крайне рационализированный метод индусской аскетике, с большой точностью предсчитывающей все свои действия²⁾: вся его рациональность сводится к тому, что он прямо и непосредственно, как средство с целью, связан с последним, абсолютно нерассудочным переживанием мировой сущности.

И здесь, следовательно, обнаруживается, что нельзя брать «рационализм» абстрактно-формально, превращая его в какой-то сверхисторический принцип человеческой мысли вообще. Выясняется, далее, что различие между тем случаем, когда какая-нибудь форма фигурирует, как универсальная ка-

¹⁾ Kapital, I, 451. Сравни также Gottl. Wirtschaft und Technik, I 238, 45. Поэтому нельзя брать понятие «рационализма» абстрактно, вне исторических рамок, но всегда нужно точно определить тот предмет (ту сферу жизни), на который он распространяется, и в особенности те предметы, на которые он не распространяется.

²⁾ Max Weber. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, II, 165—170. Аналогичная структура наблюдается и в развитии всех «специальных наук» в Индии: очень развитая техника в частности и никакого отношения этих частностей к цельной рациональной системе, ни малейшей попытки рационализировать целое, поднять рациональные категории на степень универсальных. Там же, 146—147, 166—167. То же самое следует сказать о «рационализме» конфуцианства. Там же, I, 527.

тегория, и тем, когда она служит только для организации точно разграниченных частичных систем, есть различие по существу. Впрочем, уже из чисто формального определения рассматриваемого типа мышления следует необходимая соотносительность рационального и иррационального, безусловная необходимость некоторой иррациональной границы для всякой рациональной системы форм. Но когда—как в только-что приведенном примере индуистского аскетизма—рациональная система с самого начала и по существу мыслится, как частичная, когда мир иррационального, который ее окружает и ограничивает (в нашем случае это будет: недостойное рационализации эмпирически-земное существование человека, с одной стороны, и недоступный для рациональных человеческих понятий мир спасения—с другой), представляется независимым от нее, безусловно низшим или высшим по сравнению с нею,—тогда отсюда не возникает никаких методических проблем для самой системы. Она есть средство для достижения некоторой, не рациональной, цели—и только. Совсем иначе обстоит дело, когда рационализм притязает на значение универсального метода для познания всего бытия в целом. В этом случае вопрос о необходимой соотносительности иррационального становится решающим моментом, который разлагает всю систему. В таком именно положении находится новый (буржуазный) рационализм.

Яснее всего эта проблематика обнаруживается в той удивительной неустойчивости, которая характеризует понятие вещи в себе у Канта, столь необходимое, однако, для его системы. Не раз делались попытки доказать, что вещь в себе выполняет в системе Канта совершенно различные функции. Общая им всем черта заключается в том, что каждая знаменует некоторую границу или предел абстрактного, формально-рационалистического «человеческого» познания. Но эти отдельные границы кажутся на первый взгляд столь различными, что их объединение в понятии вещи в себе—пусть даже абстрактном и отрицательном—становится только тогда действительно понятным, когда выясняется, что глубочайшее основание этих границ «человеческого» познания, несмотря на разнообразие его проявлений, само по себе едино. Коротко говоря, все эти проблемы могут быть сведены к двум, на первый взгляд, совершенно независимым и даже противоположным комплексам: во-первых, к

проблеме материи (в логически-методическом смысле), к вопросу о содержании тех форм, в которых «мы» познаем мир и можем его познавать, потому что он нами же создан; и, во-вторых, к проблемам целого и последней сущности познания к вопросу о тех «последних» предметах познания, постижение которых впервые превращает отдельные частичные системы в законченное целое, в систему до конца познанного мира. Мы знаем, что «Критика чистого разума» категорически отрицает разрешимость второй группы этих вопросов, что в «трансцендентальной диалектике» она пытается даже вообще исключить их из области науки, как ложно поставленные вопросы¹⁾. Но вряд ли нужно подробно доказывать, что в трансцендентальной диалектике все вращается вокруг вопроса о законченной целостности. Бог, душа и т. д., это—только абстрактно-мифологические обозначения единого субъекта (или объекта), лежащего в основе всей совокупности предметов познания, поскольку она мыслится законченной (и сполна познанной). Трансцендентальная диалектика, с ее резким противопоставлением феноменов ноуменам, отвергает всякое притязание «нашего» разума на познание последних. Они являются вещами в себе в противоположность познаваемым явлениям.

Может показаться, что эти вопросы не имеют ничего общего с нашим первым комплексом вопросов, с проблемой содержания. Особенно в той форме, которую эта проблема получает у Канта, напр., когда он говорит, что «способность чувственно созерцания (доставляющая содержание формам рассудка) есть в сущности рецептивная способность как-то аффицироваться представлениями... Нечувственная причина этих представлений нам совершенно неизвестна, и ее мы не можем поэтому созерцать, как объект»... Но мы можем умопостигаемую лишь причину явлений вообще назвать трансцендентальным объектом—для того только. «чтобы иметь нечто, что соответствовало бы чувственности, как некоторой рецептивности». Об этом объекте утверждается далее, что «он до всякого опыта дан нам в самом себе». Однако, проблема содержания понятий гораздо шире, чем проблема чувственности, хотя и нельзя отрицать

¹⁾ Кант является тут завершителем философии XVIII века. Как ряд Локк—Беркли—Юм, так и развитие французского материализма движется в том же направлении. Характеристика отдельных этапов в развитии различных направлений, а также кардинальных пунктов расхождения между ними, не входит в задачу настоящей работы.

(как это делают иные, слишком «критические» и слишком высокомерные кантианцы), что между обеими проблемами существует тесная связь. Ибо неспособность рационализма растворить в себе без остатка содержание понятия—мы сейчас увидим, что эта неспособность составляет наиболее общую проблему новой логики — обнаруживается ярче всего в вопросе об отношении чувственного содержания к рационально-калькулирующей деятельности рассудка. Между тем как иррациональность других содержаний условна и относительна, существование и свойства чувственных содержаний остаются абсолютно неразрешимой данностью ¹⁾. Но раз проблема иррациональности переходит в проблему непроницаемости всякого данного содержания для понятий рассудка, в проблему его невыводимости из этих понятий, то эта сторона вопроса о вещи в себе, казавшаяся на первый взгляд близкой к метафизической проблеме об отношении «духа» и «материи», тотчас же получает совершенно другой вид, приобретает решающее логико-методическое значение ²⁾. Наш вопрос гласит теперь так: следует ли принимать эмпирические факты в их фактической наличности, как нечто «данное», или же эту их данность можно мыслить разрешенной в рациональные формы, т.е. порожденной «нашим» рассудком? Но в таком виде это есть вопрос о принципиальной возможности системы вообще.

Эту новую постановку вопроса в совершенно ясном виде мы находим уже у Канта. Когда он настойчиво повторяет, что чистый разум не может высказать ни одного синтетического положения, которое конституировало бы предмет, так что основоположения разума отнюдь не могут быть получены «прямо из понятий, а всегда лишь косвенно через отнесение этих понятий к чему-то совершенно случайному, именно к возмоз-

¹⁾ Фейербах также связал проблему абсолютной трансцендентности чувственности (для рассудка) с противоречием в бытии бога. «Доказательство бытия бога выходит за пределы разума. Правильно,—но в таком же смысле, в каком за пределы разума выходят зрение, слух, обоняние». *Das Wesen des Christentums*, 303. О подобных же мыслях у Юма и Канта см. Cassirer, указанное сочинение, II, 608.

²⁾ Наиболее ясно формулирует эту проблему Ласк. «С субъективной точки зрения» (т.е. с точки зрения логически судящего субъекта) «все не самоочевидно, а является, наоборот, труднейшим вопросом, в какую именно категорию дифференцируется логическая форма вообще, когда требуется охватить какой-либо определенный единичный материал в его категориальной отмеченности, или, выражаясь иначе, какой единичный материал составляет область применения отдельных категорий».

н с м у опыту» ¹⁾; когда эта мысль об «умопостигаемой случайности» не только элементов возможного опыта, но и всех относящихся к ним и упорядочивающих их законов становится в «Критике способности суждения» центральной проблемой системы,—то мы видим, что обе, как будто совершенно различные, функции вещи в себе (непостижимость целого с точки зрения частичных рациональных систем и иррациональность отдельных содержаний понятия) оказываются лишь двумя сторонами одной и той же проблемы, и что эта проблема фактически является центральным вопросом всякой философии, стремящейся придать рациональным категориям универсальное значение. Так из рационализма, как универсального метода, необходимо вытекает требование системы, но в то же время рефлексия об условиях возможности универсальной системы, т.е. сознательная постановка вопроса о системе, обнаруживает неосуществимость поставленного требования ²⁾. Ибо система в смысле рационализма,—а всякая другая система была бы противоречием,—означает не что иное, как такое сочетание отдельных частичных систем (и отдельных форм внутри этих систем), при котором все связи между элементами могут мыслиться, как «необходимые», т.е. как возникшие из самих форм, или, по крайней мере, из принципа их образования, как «порожденные» ими. Это значит, другими словами, что правильное построение принципа означает, в потенции, построение всей определяемой им системы, что все выводы уже содержатся в принципе, из которого они могут быть извлечены, предсказаны, учтены. Пусть при этом действительное обнаружение всего содержания системы, оказывается для нас «бесконечным процессом»: это означает только, что мы не в состоянии обозреть всю систему сразу в ее развернутой целостности, но в самом принципе построения системы это не меняет ничего ³⁾. Только эта идея системы де-

¹⁾ „Kritik der reinen Vernunft“, 564.

²⁾ Здесь не может быть показано, что ни греческая философия (разве за исключением совсем поздних мыслителей, вроде Прокла), ни средневековая не знают системы в нашем смысле; система вносится в них лишь современной интерпретацией. Проблема системы возникает в новое время, примерно, с Декарта—Спинозы, и начиная с Лейбница—Канта все более становится сознательно-методическим требованием.

³⁾ Идея «бесконечного рассудка», интеллектуальной интуиции и т. д. и служит, отчасти, средством для гносеологического разрешения этой трудности. Но что эта проблема неизбежно приводит к следующей, к которой мы сейчас и перейдем, это совершенно ясно понял уже Кант.

лает понятным, почему чистая и прикладная математика всегда была методическим прообразом и путеводной звездой всей новой философии. В самом деле, методическое отношение аксиом математики к выводимым из них частичным системам и следствиям в точности соответствует тому требованию, которое система рационализма поставила себе, — требованию, чтобы каждый отдельный момент системы мог быть выведен, точно предсказан и рассчитан из ее основного принципа.

Ясно, что этот принцип построения системы несовместим с признаком «фактической наличности» какого-либо «содержания», которое было бы принципиально невыводимо из принципа формы и поэтому должно быть просто принято, как факт, «понято», как таковой. И вот грандиозность, парадоксальность и трагичность классической немецкой философии заключается в том, что она уже не превращает, как Спиноза, всякую данность в призрак перед лицом монументального здания рациональных форм, порожденных разумом, а, наоборот, понимает иррациональный характер данности содержания, утверждает эту иррациональность и в то же время, выходя за пределы этого утверждения и преодолевая его, стремится воздвигнуть систему. Из предыдущего изложения, надеюсь, уже ясно, что означает проблема данности для системы рационализма: она означает, что данность ни в коем случае не может быть оставлена в своем непосредственном виде, потому что так она неминуемо останется «случайной», — но должна быть, без остатка претворена в рациональную систему разумных понятий. На первый взгляд тут перед нами совершенно неразрешимая дилемма. В самом деле, либо «иррациональное» содержание растворяется без остатка в системе понятий, т.е. последняя замкнута и, вмещающая в себе все, построена так, как будто иррациональность данного не существует вовсе (или существует, самое большее, как задача в вышеуказанном смысле), — тогда мысль ниспадает на ступень наивно-догматического рационализма: простая фактическая наличность иррационального содержания понятий становится для нее так или иначе несуществующей (даже там, где эта метафизика облекается в форму тезиса, что данность «не имеет значения» для познания); либо мысль вынуждена признать, что данность, содержание, материя вторгается определяющим началом в царство форм, в их структуру и взаимную

связь, т.е. в структуру самой системы¹⁾, — но тогда приходится отказаться от системы как таковой: система оказалась лишь возможно более ясным обзором, возможно более стройным описанием фактических обстоятельств, связь между которыми, однако, уже не рациональна и, следовательно, уже не может быть введена в систему, хотя формы ее элементов и являются разумно-рациональными²⁾.

Было бы, однако, поверхностно останавливаться на этой абстрактной дилемме, и классическая философия и не остановилась на ней ни на одно мгновение. Обострив до наивысшей степени логическую противоположность формы и содержания, в которой встречаются и скрещиваются все основные противоположности философии, утверждая эту противоположность и в то же время стремясь преодолеть ее, она тем самым получила возможность пойти дальше своих предшественников и начертать принципиальные основы диалектического метода. Ее упорный замысел — построить рациональную систему наперекор ясно познанной и утверждаемой иррациональности данного — должен был методически привести к динамическому релятивированию всех противоположностей. Правда, и тут методическим прообразом явилась новая математика. Находящиеся под ее влиянием системы (в особенности, лейбница) берут иррациональность данного, как за дачу. И действительно, для метода математики всякая иррациональность преднаходимого содержания служит только толчком для дальнейшего преобразования уже готовой системы форм — так, чтобы содержание, на первый взгляд кажущееся «данным», в свою очередь оказалось «порожденным», чтобы фактическая наличность претворилась в необходимость. Как ни велик прогресс этой концепции действительности по сравнению со взглядами догматического периода, все же и здесь не следует забывать, что математический метод имеет дело с таким понятием иррациональности (а через него с подобным

1) Разве и яснее всего опять-таки у Ласка. Ср. *Logik der Philosophie*, 60—62. Однако, и он не делает всех выводов из своих положений, в частности, не делает вывода о принципиальной невозможности рациональной системы.

2) Напомним хотя бы о феноменологическом методе Гуссерля, который всю область логики превращает в конечном счете в «фактическую наличность» высшего порядка. Сам Гуссерль называет свой метод чисто описательным. Ср. *Idées sur une philosophie pure de la phénoménologie* в I томе его «Ежегодника», стр. 113.

же понятием фактической наличности, бытия), которое методически уже приспособлено к его логическим требованиям, приведено к однородности с ними. Разумеется, условная иррациональность содержания понятия сохраняется и здесь, но, благодаря особенностям метода, она с самого начала приурочена к тому, чтобы оставаться по возможности чисто условной и, следовательно, относительной¹⁾.

Тут, однако, найден только методический прообраз, но не самый метод. Ибо ясно, что иррациональность бытия (как в смысле законченного, целого, так и в смысле «последнего», материального субстрата форм) качественно отличается от иррациональности той материи, — мы могли бы вместе с Маймоном назвать ее умопостигаемой, — с которой имеет дело математика. Впрочем, это не могло помешать философии попытаться с помощью своих форм овладеть, по примеру математического метода, и материей бытия. Но не следует забывать, что непрерывное «порождение» содержания имеет по отношению к этой материи совершенно другой смысл, чем в мире математики, целиком строяемом мыслью. В философии «порождение» означает только рассудочную познаваемость фактов, тогда как в математике порождение и познаваемость совпадают всецело. Из всех представителей классической философии Фихте среднего периода отчетливее всего видел и яснее всего формулировал эту проблему. Дело идет, — говорит он²⁾, — об абсолютной проекции некоторого объекта, о возникновении которого нельзя дать никакого отчета, где, следовательно, по середине между проекцией и проецированным темно и пусто. Несколько схоластично, но, думается мне, весьма выразительно я обозначил это, как *projectio per hiatus irrationalem*“.

¹⁾ Эта основная тенденция лейбницево философии достигает полной ясности в философии Маймона — в форме разрешения проблемы вещи в себе и «умопостигаемой случайности»; этот пункт оказал решающее влияние на Фихте, а через него и на все дальнейшее развитие. Проблема иррациональности в математике острее всего трактуется в статье Риккерта: «Одно, единство и единица» («Логос», русское издание, 1911—12 г. Книга вторая и третья).

²⁾ Научное слово, 1804 г. Чтение 15. Курсив мой. Эта постановка вопроса сохраняется в более или менее ясном виде, и в позднейшей «критической» философии. Яснее всего у Виндельбанга, когда он определяет бытие, как «независимость содержания от формы». Его критики, на мой взгляд, только затуманили этот парадокс, но отнюдь не разрешили содержащейся в нем проблемы.

Только такая постановка вопроса дает возможность понять новую философию в ее различных путях и в важнейших моментах ее развития. До этой теории иррационального лежит эпоха «догматизма» или, выражаясь социологически, эпоха, когда мысль буржуазного класса наивно отождествляла формы, в которых она была вынуждена мыслить мир согласно своему общественному бытию, с самим бытием, с действительностью. Полная капитуляция перед этой проблемой, отказ от ее преодоления, ведет прямым путем к различным формам фикционализма: к отрицанию всякой «метафизики» (в смысле науки о бытии), к решению ограничиться познанием отдельных, строго специализированных частичных областей явлений при помощи точно им соответствующих частичных систем абстрактно-формальных понятий, без малейшей попытки (всякая такая попытка даже клеймится, как «ненаучная») овладеть всем миром познаваемого в целом. Это самоограничение иногда высказывается прямо (Мах-Авенариус, Пуанкаре, Файнштер и т. д.), еще чаще встречается в скрытом виде. Но не следует забывать, что, как было показано в конце первой главы, возникновение строго разграниченных отдельных наук, совершенно независимых как по предмету, так и по методу, уже предполагает признание неразрешимости этой проблемы: каждая частная наука именно отсюда получает свою «точность». Она оставляет в стороне последний материальный субстрат изучаемых ею явлений во всей его иррациональности и, создав таким путем свой собственный, методически очищенный мир, уже свободно сперирует в нем со своими категориями, которые ведь прилагодятся ему к «умопостигаемой» материи, а не к действительному материальному субстрату явлений. И философия сознательно отказывается от всякого вмешательства в такой способ работы. Более того, в этом отказе она видит прогресс критической мысли. Но тем самым ее роль ограничивается исследованием формальных предпосылок значимости частных наук, оставленных нетронутыми и неисправленными. Проблема, мимо которой проходят частные науки, не может быть разрешена, не может быть даже поставлена и ею. Там, где она подходит к структурным предпосылкам познания, она либо превращает «математизирующий» метод частных наук в метод философии (марбургская шко-

ла)¹⁾. либо выявляет иррациональность материи, в логическом смысле этого слова, в качестве «последнего» факта (Виндельбанд, Риккерт, Ласк). Но в обоих случаях, при попытке построить систему, обнаруживается неразрешенная проблема иррациональности в форме проблемы целого. Горизонтом, замыкающим мировоззрение, является здесь в лучшем случае культура (т.е. культура буржуазного общества), как нечто невыводимое, просто данное, как «фактическая наличность» в смысле классической философии²⁾.

Подробное исследование различных форм этого отказа от познания действительности в целом увело бы нас слишком далеко от нашей настоящей темы. Здесь нам было только важно отметить тот пункт, в котором философски выявляется двойная тенденция развития буржуазной мысли, именно тот факт, что буржуазия, с одной стороны, все более овладевает частностями своего общественного бытия, все более подчиняет их своим потребностям, но вместе с тем все более теряет возможность овладеть идейно жизнью общества в целом, а, следовательно, и способность руководить им. Классическая немецкая философия представляет собою своеобразный переходный момент в этом развитии: она возникает на такой ступени развития класса, когда этот процесс зашел уже так далеко, что все эти проблемы могут быть осознаны как таковые; но она возникает вместе с тем в такой среде, в которой они могут осознаваться только как чисто теоретические, чисто философские проблемы. Это, с одной стороны, лишает ее возможности увидеть конкретные проблемы исторического положения и конкретный выход из него, но это же, с другой стороны, позволяет классической философии продумать до последнего конца глубочайшие проблемы буржуазного общества—именно как философские проблемы; довести до конца развитие класса—в мысли; заострить до последней степени—опять-таки в мысли—все парадоксы его положения, и, таким образом, узреть, хотя

¹⁾ Критика отдельных философских направлений не входит в нашу задачу. Приведу только в качестве примера, иллюстрирующего правильность данного в тексте очерка, возвращение к докритическому с точки зрения метода) естественному праву, наблюдаемое—по существу, а не в терминологии—у Кобэна и близкого к марбургской школе Штаммлера.

²⁾ Это особенно выясняется из того, чисто формального характера, какой приписывает культурным ценностям Риккерт, один из наиболее последовательных представителей направления, усматривающего в этих ценностях методическое основание исторической науки. Ср. об этом 3-ю главу.

бы в виде проблемы, тот пункт, в котором обнаруживается методическая необходимость подняться над данной ступенью исторического развития человечества.

2.

Правда, это ограничение проблемы чисто идейной областью, чему классическая философия обязана своим богатством, своей глубиной и смелостью, своей плодотворностью для будущего, поставила ей вместе с тем непреодолимую границу и в области чисто идейной. Классическая философия, бесжалостно уничтожившая все иллюзии предшествующей эпохи, оказалась перед лицом своих собственных предпосылок столь же некритической, столь же догматически-метафизической, как ее предшественники. Мы говорим—выше мы уже бегло коснулись этого пункта—о догматическом допущении, что рационально-формалистический способ познания есть единственно возможный (или, в критической формулировке, единственно возможный «для нас») способ постижения действительности, в противоположность чуждой «нам» данности фактов. Величественная идея, что мысль может понять только то, что порождено ею самою, натолкнулась, как мы показали, в своем стремлении покорить себе весь мир в целом, на неодолимую границу данности, на вещь в себе. Чтобы не потерять возможности постигнуть целое, мысль должна была уйти внутрь себя. Она должна была попытаться найти тот субъект мышления, произведением которого могло бы быть признано бытие, без всякого иррационального промежутка, без потусторонней вещи в себе. Догматизм, о котором мы только что говорили, был при этом для нее и путеводителем, и болотным огоньком. Путеводителем, поскольку он поднял мысль над простым принятием данной действительности, над простой рефлексией об условиях ее мыслимости, и направил ее на путь преодоления простого созерцания. Болотным огоньком, поскольку он же не давал возможности открыть подлинно двусторонний, действительно преодолевающий созерцание принцип практической деятельности. (Ниже мы увидим, что именно поэтому данность так и осталась для этой философии непреодоленной проблемой).

В своем последнем большом произведении логического характера Фихте следующим образом формулирует это положение

ние, от которого должна отправляться философия¹⁾: «Мы усмотрели все фактическое знание, вплоть до бытийности в его форме, как необходимое при той предпосылке, что есть некоторое явление, и для мысли это должно, пожалуй, оставаться абсолютной предпосылкой, сомнение в которой не может быть решено иначе, как посредством фактического созерцания. С той, однако, разницей, что для одной части этой фактической наличности, для «я», мы усматриваем определенный и качественный закон в его содержании, а что касается фактического содержания этого самосозерцания, то мы лишь усматриваем вообще, что должно существовать какое-нибудь содержание, но не имеем закона, согласно которому должно существовать именно это; но, вместе с тем, мы вполне отчетливо усматриваем, что такого закона и не может вовсе быть, что, следовательно, качественным законом для этой определенности и является само отсутствие закона. Если необходимо называть априорным, то мы в этом смысле априорно усмотрели всю фактическую наличность, включая и эмпирию, ибо мы вывели ее невыводимость». Для нашей проблемы тут важно то, что субъект познания, «я», считается известным и по содержанию и, следовательно, берется, как исходный пункт и методический путеводитель. В самой общей форме можно сказать, что это ведет философию к концепции такого субъекта, который может быть мыслим, как прародитель всей совокупности содержаний. А это, в свою очередь, ведет к следующему, опять-таки совершенно общему и чисто программному, требованию: найти и показать такую сферу предметности, где уничтожена двойственность субъекта и объекта (двойственность мышления и бытия есть только частный случай этой общей структуры), где субъект и объект тождественны и совпадают. Разумеется, великие представители классической философии были слишком проникательны и критичны, чтобы не заметить этой двойственности субъекта и объекта в эмпирии; более того, именно в этой расколотости они усмотрели основную структуру эмпирической предметности. Их требование, их программа заключалась в том, чтобы найти то исходное единство, из которого может быть понята, выведена, «порождена» эта двой-

¹⁾ Трансцендентальная логика. Чтение 23-е. Для читателей, недостаточно знакомых с терминологией классической философии, считаю нужным напомнить, что Фихтево понятие «явности» (Ichheit) не имеет ничего общего с эмпирическим «я».

ственность субъекта и объекта в эмпирии, т.-е. предметная форма эмпирического мира. В противоположность догматическому принятию просто данной и чуждой субъекту действительности возникает, таким образом, требование: отправляясь от тождественного субъекта-объекта, понять всякую данность, как его продукт, всякую двойственность, как производный частный случай первоначального единства.

Но это единство есть деятельность. Уже Кант в «Критике практического разума», которую так часто неправильно понимали и неправильно противопоставляли его теоретической философии, пытался показать практическую преодолимость границ, непреодолимых теоретически (созерцательно); Фихте же прямо поставил практическое начало, действие, деятельность в методический центр цельной философии. «Поэтому вовсе не так маловажно,—говорит он¹⁾,—как то кажется некоторым, исходит ли философия из дела-вещи (Tatsache) или из дела-действия (Tathandlung, т.-е. из чистой деятельности, которая не предполагает объекта, а сама его производит, и в которой, следовательно, действие непосредственно превращается в дело). Исходя из дела-вещи, она ставит себя в мир бытия и конечного, и тогда вряд ли ей удастся найти из него выход к бесконечному и сверхчувственному; исходя же из дела-действия, она стоит как раз в той точке, которая связывает оба эти мира и с которой их можно обозреть единым взглядом».

Итак, требуется найти субъект «дела-действия» и, отправляясь от его тождества со своим объектом, понять все двойственные субъект-объектные формы, как выведенные из этого тождества, как его продукты. Но здесь, на более высокой философской ступени, обнаруживается снова неразрешимость основной проблемы классической немецкой философии. В самом деле, как только возникает вопрос о конкретной сущности этого тождественного субъекта-объекта, так мысль оказывается перед следующей дилеммой: с одной стороны, только в акте этического действия, в отношении этически действующего (индивидуального) субъекта к самому себе может быть реально и конкретно найдена эта структура сознания.

¹⁾ Второе введение в Наукознание. Из-за того, что в каждом новом произведении Фихте употребляет новую терминологию, мы не должны забывать, что по существу речь идет все время об одной и той же проблеме.

это его отношение к своему предмету; с другой же стороны, для этического сознания действующего индивидуума непроходимая пропасть между им самим порожденной, но чисто внутренней формой (этической максимой Канта) и бессмысленной внешней действительностью, данностью, эмпирией выступает еще более резко, чем для созерцательного субъекта познания.

Как известно, Кант «критически» остановился на ступени философского истолкования этических фактов индивидуального сознания. Но это повело к тому, что эти факты, во-первых, превратились в простую фактическую наличность, предначинную и далее невыводимую¹⁾. Во-вторых, это еще усилило «умопостижимую случайность» подчиненного законам природы «внешнего мира». Дилемма свободы и необходимости, волюнтаризма и фатализма, не разрешается конкретно и реально, а переносится, вместо этого, во второстепенную плоскость методологии, т.е. для «внешнего мира», для природы удерживается неумолимая необходимость законов²⁾, а свобода, автономия субъекта, которая должна была получить обоснование в новооткрытой сфере этики, сводится к престою точке зрения для оценки внутренних явлений, которые во всех своих основаниях и следствиях, даже в своих психологических моментах, целиком подчинены фаталистическому механизму объективной необходимости³⁾. Но (это значит, в-третьих, что разрыв между явлением и сущностью (совпадающий у Канта с разрывом между необходимостью и свободой), вместо того, чтобы быть исцеленным и тем способствовать исцелению мира, переносится в самый субъект: и субъект раскалывается на феномен и ноумен, и неразрешенный, неразрешимый и в этой неразрешимости увековеченный раскол между свободой и необходимостью вторгается в его глубочайшую сущность. В-четвертых, наконец, обоснованная таким путем этика становится чисто формальной, лишается содержания. Так как все данные нам содержания принадлежат к миру природы и, значит, безусловно подчинены объективным законам являющегося мира, то значимость практических норм может относиться только к форме внутреннего

¹⁾ Ср. «Критику практического разума».

²⁾ «Природа в наиболее общем смысле есть существование вещей под законами». Там же.

³⁾ Там же.

действия вообще. Как только эта этика делает попытку конкретизироваться, т.е. испытать свою значимость на отдельных конкретных проблемах, так она вынуждена заимствовать содержание отдельных конкретных действий из мира явлений и из тех логических систем, которые перерабатывают этот мир и носят на себе печать его «случайности». Принцип порождения оказывается бесплодным при первой же попытке породить из него какое-нибудь конкретное содержание. И она в самой деле пытается открыть—хотя бы отрицательно—свой формальный и, вместе с тем, порождающий содержание принцип в законе противоречия. Всякое действие, противоречащее этическим нормам, будто бы таит в себе внутреннее противоречие—сущность депозита, например, заключается в том, что он должен быть во-время возвращен и т.д. Но уже Гегель¹⁾ весьма справедливо спрашивает: «Какое противоречие было бы в том, если бы депозита не существовало вовсе? Это, правда, противоречило бы другим необходимым обстоятельствам; и точно так же возможность депозита связана с другими необходимыми обстоятельствами, и поэтому сама становится необходимой. Однако, не к посторонним целям и не к материальным основаниям должны ведь мы обращаться, но непосредственная форма понятия должна решить вопрос о правильности первого или второго допущения. Но для формы оба противоположные определения одинаково безразличны».

Тем самым этика Канта приводит нас обратно к методической проблеме вещи в себе, оставшейся попрежнему непреодоленной. Философски важную методическую сторону этой проблемы мы уже выше определили, как вопрос об отношении формы и содержания, о неразрешимости в мысли фактически наличного, об иррациональности материи. Формальная, рассчитанная на индивидуальное сознание этика Канта открывает, правда, некоторую метафизическую перспективу для решения этой проблемы, поскольку все понятия мирового целого, разложенные трансцендентальной диалектикой, снова

¹⁾ Über die wissenschaftlichen Behandlungen des Naturrechts. Werke, I. 352—53. Ср. там же, 351. «Ибо он (долг) есть абсолютное отвлечение от всякой материи—хотения; любым содержанием уже полагается гетерономия произвола». Или еще яснее в Феноменологии: «Ибо чистый долг... абсолютно безразличен ко всякому содержанию и мирится со всяким содержанием».

появляются на горизонте в форме постулатов практического разума, но с точки зрения метода эта попытка субъективно-практического решения задачи остается в тех же границах, в которые была замкнута объективно-созерцательная постановка вопроса в теоретической философии.

И тут перед нами раскрывается новая, существенная сторона всего этого комплекса проблем: для разрешения иррациональности в понятии вещи в себе недостаточно, оказывается, поставить себе задачей преодоление созерцательной точки зрения, но необходимо понять сущность практического более конкретно, именно, как уничтожение того безразличия формы по отношению к содержанию, в котором методологически отражается проблема вещи в себе. Практическое, как принцип философии, только тогда может считаться действительно найденным, когда вместе с тем дается такое понятие формы, которое не содержит в себе, как основу и методическую предпосылку своей значимости, признак очищенности от всякого конкретного содержания, признак чистой рациональности. Принцип практического, как принцип изменения действительности, должен быть, следовательно, примурочен к конкретному, материальному субстрату действия, чтобы иметь возможность соответствующим образом влиять на него.

Только при такой постановке вопроса удастся, с одной стороны, ясно отделить теоретически-созерцательную позицию от практики, а с другой—понять, как это было возможно связать обе позиции вместе, попытаться решить антиномию созерцания при помощи практического начала. Теория и практика, действительно, имеют дело с одними и теми же предметами, потому что всякий предмет дан (непосредственно), как неразрывный комплекс формы и содержания. Но различие субъективной точки зрения создает в области практики направленность на качественную особенность, на содержание, на материальный субстрат данного предмета. Теоретическое же созерцание, как мы все время старались показать, уводит прочь как раз от этого момента. Ибо теоретическое очищение, теоретическое одоление предмета ведет как раз к все более сильному выявлению чистых элементов формы, отрешенных от всякого содержания (от всякой «случайной фактичности»). Пока мысль остается при этом «наивной», т. е. пока она не рефлек-

тирует об этой своей функции, пока она полагает, что содержания могут быть добыты ею из самих форм, которые, таким образом, наделяются метафизической активностью, или что чуждый формам материал может быть ею понят, опять-таки метафизически, как несуществующий, до тех пор она не видит здесь проблемы. Практика считается чем-то безусловно низшим по сравнению с теорией, с созерцанием¹⁾. Но стоит только мысли осознать это положение, эту неразрывную связанность созерцательной точки зрения с чисто формальным характером предмета познания, как перед ней остаются только два пути: либо отказаться от разрешения проблемы иррациональности (вопроса о содержании, данности и т. д.), либо искать его в области практического.

И эта тенденция наиболее ясно была формулирована Кантом. Если для Канта²⁾ «бытие явным образом не есть реальный предикат, т. е. понятие о чем-то таком, что могло бы присоединиться к понятию вещи», то этим он дает самое заостренное выражение этой тенденции со всеми вытекающими из нее следствиями—настолько, что он принужден выставить альтернативу: либо описанная им структура понятия, либо диалектика меняющихся понятий. «Ибо в противном случае существовало бы не то же самое, а больше, чем я мыслил в понятии, и я не мог бы сказать, что существует именно предмет моего понятия». Что Кант здесь как раз описывает (правда, в отрицательной, искаженной форме, неизбежной на его чисто созерцательной точке зрения) структуру истинной практики, как преодоления антиномий, содержащихся в понятии бытия, этого не заметил ни он сам, ни те, кто критиковали эту его критику онтологического доказательства. Что его этика, несмотря на все усилия в противоположном направлении, уводит обратно к границам абстрактного созерцания, мы только что показали. В своей критике приведенного места Гегель вскрывает методическое основание этой теории³⁾. «Для такого изолированного содержания в самом деле безразлично, есть оно ли или нет, в нем нет различия между бытием и небытием; это различие его вообще не касается... Выражаясь в более общей форме: абстракции бытия и небытия обе перестают быть абстракциями,

¹⁾ Совершенно ясно у греков. Но то же самое и в великих системах начала нового времени, особенно у Спинозы.

²⁾ Kritik der reinen Vernunft, 472—73.

³⁾ Werke, III, 78 слл.

как только получают определенное содержание. Бытие становится тогда реальностью...» Это значит, что характеристика, которую Кант относит ко всякому познанию вообще, есть лишь описание «структуры такого познания, которое методически изолирует «чистые закономерности» в методически изолированной и гомогенной среде. (В физической гипотезе эфира, например, «бытие» эфира в самом деле не прибавило бы ничего нового к его понятию). Но как только предмет берется, как часть конкретного целого, как только выясняется, что наряду с формальным, пограничным понятием бытия, свойственным чистому созерцанию, могут и даже должны быть мыслимы еще и другие степени действительности (у Гегеля: тубитиэ (Dasein), существование (Existenz), реальность и т. д.), так тотчас же рушится доказательство Канта: оно оказывается лишь определением границ чисто формального мышления. И Маркс в своей диссертации ¹⁾ конкретнее и последовательнее, чем Гегель, перевел вопрос о бытии и о различных оттенках его значения в область исторической действительности: «Разве не царил древний Молох? Разве дельфийский Аполлон не был действительной силой в жизни греков? И тут критика Канта обращается в ничто». К сожалению, Маркс не дал этой мысли дальнейшего логического развития, хотя метод его зрелых произведений постоянно оперирует с этими практически неравноценными понятиями бытия.

Чем сознательнее становится эта кантовская тенденция, тем неизбежнее указанная выше дилемма. Проработанное до конца формальное понятие предмета познания, математическая связь и закономерная необходимость, как идеал познавательного процесса, все более превращают познание в методически сознательное созерцание тех чисто формальных связей, тех «законов», которые выявляются в объективной действительности без всяких усилий со стороны субъекта. Но это приводит к тому, что попытка выключить все иррационально-содержательное направляется не только на объект, но все более энергично и на субъект. Критическое очищение созерцания все более стремится к тому, чтобы бесследно вытравить из своей собственной точки зрения все субъективно-иррациональные моменты, все антропоморфическое, чтобы как можно полнее отделить субъект познания от «человека» и превратить его в чистый, т.е. чисто формальный, субъект.

¹⁾ Nachlass, I, 117.

Может показаться, что такое определение созерцания противоречит предшествующему изложению проблемы познания, как познания того, что порождается «нами». Так это и есть на самом деле. Но именно это противоречие поможет нам ближе осветить трудность вопроса и возможные пути к его разрешению. Ибо противоречие проистекает здесь не из неспособности философов однозначно истолковать предлежащие им факты, а является лишь мысленным выражением того объективного обстоятельства, понять которое и составляет их задачу. Другими словами: обнаружившееся здесь противоречие между субъективностью и объективностью, те логические двусмысленности, которые таится в понятиях нового рационализма о субъекте и объекте, противоречие между сущностью новых рационалистических систем, как систем, «порожденных нами», и их бесчеловечной фаталистической необходимостью,—все это есть не что иное, как логически-методическая формулировка состояния современного общества,—состояния, при котором люди, с одной стороны, все более разрывают и оставляют позади себя все только «естественные», иррационально-фактические связи, но вместе с тем, в лице порожденной ими самими действительности, создают как бы вторую природу, столь же чуждую им в своей неумолимой закономерности, как прежние иррациональные силы природы (точнее: как те общественные отношения, которые отражались в этой форме). «Их собственное общественное движение,—говорит Маркс,—приобретает для них форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того, чтобы его контролировать».

Отсюда следует, во-первых, что эта неумолимость непокоренных сил получает новый оттенок. Прежде она была слепой силой какого-то по существу иррационального рока, тем пунктом, где прекращается возможность человеческого познания вообще, где начинается абсолютная трансцендентность, царство веры и т. д. ¹⁾ Теперь, наоборот, она оказывается след-

¹⁾ Так объясняется столь чуждый для современной мысли характер мышления «естественных» эпох, например, credo ut intelligam Ансельма Кентерберийского или характер индусского мышления («слишь тот, кто избрал им, его постигнет»,—говорится об Атмане). Методический скепсис Декарта, как исходный пункт точного мышления, является лишь наиболее отточенной формулировкой этой противоположности, которая очень ярко созрела на заре нового времени. Это сознание мы встречаем у всех влиятельных мыслителей от Галилея до Бэкона.

ствием рациональных, познанных законов, необходимостью, которая, правда, не может быть достигнута в своем последнем основании и всеобъемлющей целостности (как это ясно сознает критическая философия в противоположность своим догматическим предшественникам), но которая зато в своих отдельных частях — в том круте явлений, в котором живут люди, — становится все более прозрачной, все более доступной предвидению и учету. Отнюдь не случайно, что в самом же начале развития новой философии идеалом познания становится универсальная математика, как попытка создать такую рациональную систему форм, которая охватывала бы все формальные возможности, все пропорции и отношения рационализованного бытия, которая позволила бы превратить весь мир явлений, независимо от его вещно-материальной дифференциации, в предмет точного исчисления¹⁾.

В этой наиболее резкой и поэтому наиболее характерной формулировке современного идеала познания ясно выступает наружу отмеченное выше противоречие. Ибо, с одной стороны, такое исчисление может основываться только на уверенности, что лишь охваченная нашими понятиями действительность может быть действительно подчинена нашей власти. С другой же стороны оказывается, что даже при полном ее проведении этого плана универсальной математики наше «овладение» действительностью было бы всего только объективно правильным созерцанием того, что с необходимостью и без всякого содействия с нашей стороны вытекает из абстрактных комбинаций этих пропорций и отношений. Здесь, казалось бы, это созерцание довольно близко соприкасается с общифлософским идеалом познания (Греция, Индия). Особенный характер новоевропейской философии сказывается вполне только тогда, когда убеждение в осуществимости этой универсальной математики становится предметом критического рассмотрения. Ибо только тогда, только благодаря открытию «умопостижимой случайности» этих законов, возникает возможность «свободного» движения в рамках этих перекрещивающихся или

¹⁾ Об истории этой универсальной математики ср. Cassirer, указанное сочинение, I, 446, 563; II, 135, 156 и т. д. О связи между этой математизацией действительности и буржуазной «практикой» учета верных результатов от действия «законов», ср. Ланге, «История материализма» (3-й том, о Гоббсе, Декарте, Бэкоме и т. д.).

принадлежит капиталистическому развитию). Здесь нам только важно понять, что, с одной стороны, все человеческие отношения (как объекты общественного действия) все более принимают предметные формы абстрактных элементов естественно-научного аппарата понятий, абстрактных субстратов природной закономерности, и что, с другой стороны, субъект этого «действия» также все больше принимает позу чистого наблюдателя этих искусственно абстрагированных процессов, позу экспериментатора и т. д.

* * *

Здесь я позволю себе, — в виде небольшого экскурса, — остановиться на замечаниях Фридриха Энгельса о проблеме вещи в себе. Хотя они и не имеют прямого отношения к нашему вопросу, но они оказали такое влияние на концепцию понятия вещи в себе в широких кругах марксистов, что пройти мимо них значило бы дать повод к укреплению недоразумений. Энгельс говорит¹⁾: «Самое решительное опровержение этих, как и всех остальных философских вывертов, дает практика, т. е. эксперимент и промышленность. Когда мы можем доказать правильность нашего понимания какого-либо явления природы тем, что сами производим его, порождаем его из его условий и, добавок, заставляем его служить нашим целям, тогда кантовской непостижимой «вещи в себе» наступает конец. Образующиеся в растительных и животных организмах химические вещества оставались «вещами в себе» до тех пор, пока органическая химия не начала создавать их одно за другим; после этого «вещь в себе» превратилась в вещь для нас, как, например, красящее вещество крапиа, ализарин, который мы уже не выращиваем в поле, в корнях марены, а гораздо дешевле и проще добываем из каменноугольного дегтя». Здесь, прежде всего, следует исправить одну терминологическую неточность, почти непонятную со стороны такого знатока Гегеля, как Энгельс. Для Гегеля определения «в себе» и «для нас» отнюдь не противоположны, а, наоборот, необходимо соотносительны. Если нечто дано только «в себе», то это для Гегеля значит, что оно дано только «для нас». Противоположностью к бытию «для нас» или «в себе» является бытие

¹⁾ Feuerbach, 16.

«для себя»¹⁾), т.-е. такой способ бытия, при котором мыслимость предмета означает вместе с тем осознание предметом самого себя²⁾). Но в таком случае было бы чистейшим недоразумением считать, что понятие вещи в себе означает у Канта предельный, поставленный возможности конкретного расширения наших познаний. Наоборот, Кант, который ведь методически исходил из наиболее развитой в его время естественной науки, из астрономии Ньютона, и всю свою теорию познания строил именно по ней, тем самым необходимо принял и беспредельную распространимость ее метода. Его «Критика» утверждает только, что даже совершенное познание всех явлений остается всего лишь познанием явлений (а не вещей в себе). Она утверждает, что даже совершенное познание явлений никогда не может преодолеть структурных границ этого познания (или, в нашей формулировке, антинормии законченного целого и содержаний). Проблему агностицизма, свое отношение к Юму (и к Беркли, которого он особенно имеет в виду, хотя и не называет по имени), Кант сам разъяснил в достаточной мере в отделе, посвященном «Опровержению идеализма»³⁾. Глубочайшее недоразумение Энгельса заключается, однако, в том, что промышленность и эксперимент он считает практикой (в диалектически-философском смысле). А между тем как раз эксперимент представляет собою созерцательное отношение к вещам в наиболее чистом виде. Экспериментатор создаёт искусственную абстрактную среду, чтобы иметь возможность наблюдать беспрепятственное выявление изучаемых законов без всяких помех со стороны иррациональных элементов как субъективного, так и объективного происхождения. Он стремится свести материальный субстрат своих наблюдений по возможности к чистому «порождению» разума, к «интеллигибельной материи» математики. И если по поводу промышленности Энгельс говорит, что «порожденное» разумом ставится на службу «нашим целям», то он, повидимому, на мгновение забыл о фундаментальной структуре капиталистического общества, которую он сам же

¹⁾ Напр., Феноменология, предисловие, и в других местах.

²⁾ Маркс употребляет эту терминологию в знаменитом месте о пролетариате. *Elend der Philosophie*, 162. Ср. обо всем этом вопросе относящиеся сюда места из «Логики», в особенности III, 127 слл., 166 сл. и IV, 120 слл. и критику Канта в многочисленных местах.

³⁾ *Kritik der reinen Vernunft*, 208 слл.

не сполна познанных закономерностей. И вот весьма важно понять, что с точки зрения действия, как мы его определили выше, т.-е. как изменения действительности, как направленности на качественно существенное, на материальный субстрат действия, что с этой точки зрения позиция новой философии еще гораздо более созерцательна, чем хотя бы познавательный идеал греческой философии¹⁾. В самом деле, для современного европейца «действие» заключается в том, чтобы возможно точнее учесть вероятный результат действия законов, и затем занять позицию, при которой этот результат давал бы ему наибольшие шансы для достижения успеха. Ясно, следовательно, что возможность такого предвидения тем больше, чем более рационализована действительность, чем в большей мере каждое ее явление может быть включено в систему всеобщих законов. Но, с другой стороны, не менее ясно, что чем больше действительность и отношение к ней «действующего» субъекта приближаются к этому типу, тем более субъект превращается в простой орган регистрации познанных закономерностей, тем более вся его «деятельность» съедается к подысканию такой позиции, при которой эти закономерности (сами по себе, без содействия с его стороны) работали бы на его пользу. Отношение субъекта к действительности становится, в философском смысле, чисто созерцательным.

Но тем самым все человеческие отношения оказываются низведенными на уровень понимаемых таким образом закономерностей природы. На этих страницах не раз высказывался взгляд, что природа есть общественная категория. Правда, современный человек, который исходит из готовых идеологических форм, глубоко влияющих на все его духовное развитие, склонен думать, что подобный взгляд означает простое применение естественно-научного аппарата понятий к обществу. Так, уже Гегель в своей ранней полемике против Фихте гово-

¹⁾ Ибо идеи Платона—по какому праву, это другой вопрос—неотделимо связаны как с мировым целым, так и с качественными свойствами данного. Созерцание означает здесь, по меньшей мере, разрыв оков, которые держат «душу» в эмпирической неволе. Уже гораздо ближе к современной позиции чистого созерцания стоический идеал «атараксии», только у стоиков он не находится в парадоксальной связи с непрерывной лихорадочной «деятельностью».

«для себя»¹⁾, т. е. такой способ бытия, при котором мыслимость предмета означает вместе с тем осознание предметом самого себя²⁾. Но в таком случае было бы чистейшим недоразумением считать, что понятие вещи в себе означает у Канта предел, поставленный возможности конкретного расширения наших познаний. Наоборот, Кант, который ведь методически исходил из наиболее развитой в его время естественной науки, из астрономии Ньютона, и всю свою теорию познания строил именно по ней, тем самым необходимо принял и беспредельную распространимость ее метода. Его «Критика» утверждает только, что даже совершенное познание всех явлений остается всего лишь познанием явлений (а не вещей в себе). Она утверждает, что даже совершенное познание явлений никогда не может преодолеть структурных границ этого познания (или, в нашей формулировке, антинормы законченного целого и содержаний). Проблему агностицизма, свое отношение к Юму (и к Беркли, которого он особенно имеет в виду, хотя и не называет по имени), Кант сам разъяснил в достаточной мере в отделе, посвященном «Опровержению идеализма»³⁾. Глубочайшее недоразумение Энгельса заключается, однако, в том, что промышленность и эксперимент он считает практикой (в диалектически-философском смысле). А между тем как раз эксперимент представляет собою созерцательное отношение к вещам в наиболее чистом виде. Экспериментатор создает искусственную абстрактную среду, чтобы иметь возможность наблюдать беспрепятственное выявление изучаемых законов без всяких помех со стороны иррациональных элементов как субъективного, так и объективного происхождения. Он стремится свести материальный субстрат своих наблюдений по возможности к чистому «порождению» разума, к «интеллигибельной материи» математики. И если по поводу промышленности Энгельс говорит, что «порожденное» разумом ставится на службу «нашим целям», то он, повидимому, на мгновение забыл о фундаментальной структуре капиталистического общества, которую он сам же

¹⁾ Напр., Феноменология, предисловие, и в других местах.

²⁾ Маркс употребляет эту терминологию в знаменитом месте о пролетариате. *Elend der Philosophie*, 162. Ср. обо всем этом вопросе относящиеся сюда места из «Логики», в особенности III, 127 смл., 166 сл. и IV, 120 слл. и критику Канта в многочисленных местах.

³⁾ *Kritik der reinen Vernunft*, 208 слл.

не сполна познанных закономерностей. И вот весьма важно понять, что с точки зрения действующего, как мы его определили выше, т. е. как изменения действительности, как направленности на качественно существенное, на материальный субстрат действия, что с этой точки зрения позиция новой философии еще гораздо более созерцательна, чем хотя бы познавательный идеал греческой философии¹⁾. В самом деле, для современного европейца «действие» заключается в том, чтобы возможно точнее учесть вероятный результат действия законов, и затем занять позицию, при которой этот результат давал бы ему наибольшие шансы для достижения успеха. Ясно, следовательно, что возможность такого предвидения тем больше, чем более рационализована действительность, чем в большей мере каждое ее явление может быть включено в систему всеобщих законов. Но, с другой стороны, не менее ясно, что чем больше действительность и отношение к ней «действующего» субъекта приближаются к этому типу, тем более субъект превращается в простой орган регистрации познанных закономерностей, тем более вся его «деятельность» съедится к подысканию такой позиции, при которой эти закономерности (сами по себе, без содействия с его стороны) работали бы на его пользу. Отношение субъекта к действительности становится, в философском смысле, чисто созерцательным.

Но тем самым все человеческие отношения оказываются низведенными на уровень понимаемых таким образом закономерностей природы. На этих страницах не раз высказывался взгляд, что природа есть общественная категория. Правда, современный человек, который исходит из готовых идеологических форм, глубоко влияющих на все его духовное развитие, склонен думать, что подобный взгляд означает простое применение естественно-научного аппарата понятий к обществу. Так, уже Гегель в своей ранней полемике против Фихте гово-

¹⁾ Ибо идеи Платона—по какому праву, это другой вопрос—неотделимо связаны как с мировым целым, так и с качественными свойствами данного. Созерцание означает здесь, по меньшей мере, разрыв оков, которые держат «душу» в эмпирической неволе. Уже гораздо ближе к современной позиции чистого созерцания стоический идеал «атараксии», только у стоиков он не находится в парадоксальной связи с непрерывной лихорадочной «деятельностью».

ствием рациональных, познанных законов, необходимостью, которая, правда, не может быть постигнута в своем последнем основании и всеобъемлющей целостности (как это ясно сознает критическая философия в противоположность своим догматическим предшественникам), но которая зато в своих отдельных частях — в том круге явлений, в котором живут люди, — становится все более прозрачной, все более доступной предвидению и учету. Отнюдь не случайно, что в самом же начале развития новой философии идеалом познания становится универсальная математика, как попытка создать такую рациональную систему форм, которая охватывала бы все формальные возможности, все пропорции и отношения рационализованного бытия, которая позволила бы превратить весь мир явлений, независимо от его вечно-материальной дифференциации, в предмет точного исчисления ¹⁾.

В этой наиболее резкой и поэтому наиболее характерной формулировке современного идеала познания ясно выступает наружу отмеченное выше противоречие. Ибо, с одной стороны, такое исчисление может основываться только на уверенности, что лишь охватываемая нашими понятиями действительность может быть действительно подчинена нашей власти. С другой же стороны оказывается, что даже при полнейшем проведении этого плана универсальной математики наше «овладение» действительностью было бы всего только объективно правильным созерцанием того, что с необходимостью и без всякого содействия с нашей стороны вытекает из абстрактных комбинаций этих пропорций и отношений. Здесь, казалось бы, это созерцание довольно близко соприкасается с общепhilosophическим идеалом познания (Греция, Индия). Особенный характер новоевропейской философии сказывается вполне только тогда, когда убежденно в осуществимости этой универсальной математики становится предметом критического рассмотрения. Ибо только тогда, только благодаря открытию «умопостижимой случайности» этих законов, возникает возможность «свободного» движения в рамках этих переопределяющихся или

¹⁾ Об истории этой универсальной математики ср. Cassirer, указанное сочинение, I, 446, 563; II, 135, 156 и т. д. О связи между этой математизацией действительности и буржуазной «практикой» учета вероидных результатов от действия «законов», ср. Ланге, «История материализма» (I-й том, о Гоббсе, Декарте, Бэкоме и т. д.).

не сполна познанных закономерностей. И вот весьма важно понять, что с точки зрения действия, как мы его определили выше, т.-е. как изменения действительности, как направленности на качественно существенное, на материальный субстрат действия, что с этой точки зрения позиция новой философии еще гораздо более созерцательна, чем хотя бы познавательный идеал греческой философии¹⁾. В самом деле, для современного европейца «действие» заключается в том, чтобы возможно точнее учесть вероятный результат действия законов, и затем занять позицию, при которой этот результат давал бы ему наибольшие шансы для достижения успеха. Ясно, следовательно, что возможность такого предвидения тем больше, чем более рационализована действительность, чем в большей мере каждое ее явление может быть включено в систему всеобщих законов. Но, с другой стороны, не менее ясно, что чем больше действительность и отношение к ней «действующего» субъекта приближаются к этому типу, тем более субъект превращается в простой орган регистрации познанных закономерностей, тем более вся его «деятельность» сводится к подысканию такой позиции, при которой эти закономерности (сами по себе, без содействия с его стороны) работали бы на его пользу. Отношение субъекта к действительности становится, в философском смысле, чисто созерцательным.

Но тем самым все человеческие отношения оказываются низведенными на уровень понимаемых таким образом закономерностей природы. На этих страницах не раз высказывался взгляд, что природа есть общественная категория. Правда, современный человек, который исходит из готовых идеологических форм, глубоко влияющих на все его духовное развитие, склонен думать, что подобный взгляд означает простое применение естественно-научного аппарата понятий к обществу. Так, уже Гегель в своей ранней полемике против Фихте гово-

¹⁾ Ибо идеи Платона—по какому праву, это другой вопрос—неотделимо связаны как с мировым целым, так и с качественными свойствами данного. Созерцание означает здесь, по меньшей мере, разрыв оков, которые держат «душу» в эмпирической неволе. Уже гораздо ближе к современной позиции чистого созерцания стоический идеал «атараксии» только у стоиков он не находится в парадоксальной связи с непрерывной лихорадочной «деятельностью».

рит ¹⁾, что государство последнего есть «машина», имеющая своим субстратом «атомистическое... множество, элементы ко-его... суть группы точек... Эта абсолютная субстанциальность точек приводит к атомистике в практической философии, в которой, как и в атомистической системе природы, законом становится некий разум, чуждый атомам». Слишком известно и потому не нуждается в особых доказательствах, что такой способ описания и истолкования современного общества неоднократно встречается и позже. Важнее то, что не было недостатка и в указаниях на обратную зависимость. Тот же Гегель ²⁾ ясно понял буржуазно-воинствующий характер «законов природы», а Маркс говорит о том ³⁾, что «Декарт в своем определении животных, как простых машин, смотрит глазами мануфактурного периода в противоположность средневековью, которое смотрело на животных, как на помощников человека», и в связи с этим он касается вопроса об историческом развитии соответствующих идеологий. Еще более резко и принципиально выражает ту же мысль Теннис ⁴⁾: «Абстрактный разум есть и а у ч н ы й разум, и его субъект есть объективный, познающий отношения, т.-е. мыслящий в понятиях человек. И, следовательно, научные понятия, которые по своему обычному происхождению и объективным свойствам суть суждения, при помощи которых даются и м е н а комплексам ощущений, ведут себя в науке так же, как товары в обществе. Они сталкиваются в системе, как товары на рынке. Высшее научное понятие, которое уже не служит именем для чего-либо действительного, подобно деньгам. Таково, например, понятие атома или энергии». Мы не можем здесь подробно заниматься ни вопросом о логическом приоритете, ни вопросом об исторически-причинной зависимости между естественно-научной концепцией законов и капитализмом. (Впрочем, автор этих строк не скрывает, что, по его убеждению, приоритет

¹⁾ Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems. Werke, I, 242. Что всякая такая «атомная» теория общества есть только его идеологическое отображение в чисто буржуазном сознании, ясно доказал Маркс в своей полемике с Бруно Бауэром. Nachlass II, 227. Этим, однако, не уничтожается «объективность» подобных воззрений: в том-то и дело, что они представляют собою необходимые формы сознания, в которых овеществленный человек отдает себе отчет в своем отношении к обществу.

²⁾ Werke IX, 528.

³⁾ Kapital, I, 534.

⁴⁾ Gemeinschaft und Gesellschaft, III. Auflage, 38.

принадлежит капиталистическому развитию). Здесь нам только важно понять, что, с одной стороны, все человеческие отношения (как объекты общественного действия) все более принимают предметные формы абстрактных элементов естественно-научного аппарата понятий, абстрактных субстратов природной закономерности, и что, с другой стороны, субъект этого «действия» также все больше принимает позу чистого наблюдателя этих искусственно абстрагированных процессов, позу экспериментатора и т. д.

* * *

Здесь я позволю себе, — в виде небольшого экскурса, — остановиться на замечаниях Фридриха Энгельса о проблеме вещи в себе. Хотя они и не имеют прямого отношения к нашему вопросу, но они оказали такое влияние на концепцию понятия вещи в себе в широких кругах марксистов, что пройти мимо них значило бы дать повод к укреплению недоразумений. Энгельс говорит ¹⁾: «Самое решительное опровержение этих, как и всех остальных философских вывертов, дает практика, т. е. эксперимент и промышленность. Когда мы можем доказать правильность нашего понимания какого-либо явления природы тем, что сами производим его, порождаем его из его условий и, вдобавок, заставляем его служить нашим целям, тогда кантовской непостижимой «вещи в себе» наступает конец. Образующиеся в растительных и животных организмах химические вещества оставались «вещами в себе» до тех пор, пока органическая химия не начала создавать их одно за другим; после этого «вещь в себе» превратилась в вещь для нас, как, например, красящее вещество краппа, ализарин, который мы уже не выращиваем в поле, в корнях марены, а гораздо дешевле и проще добываем из каменноугольного дегтя». Здесь, прежде всего, следует исправить одну терминологическую неточность, почти непонятную со стороны такого знатока Гегеля, как Энгельс. Для Гегеля определения «в себе» и «для нас» отнюдь не противоположны, а, наоборот, необходимо соотносительны. Если нечто дано только «в себе», то это для Гегеля значит, что оно дано только «для нас». Противоположностью к бытию «для нас» или «в себе» является бытие

¹⁾ Feuerbach, 16.

«для себя»¹⁾), т.-е. такой способ бытия, при котором мыслимость предмета означает вместе с тем осознание предметом самого себя²⁾. Но в таком случае было бы чистейшим недоразумением считать, что понятие вещи в себе означает у Канта предел, поставленный возможности конкретного расширения наших познаний. Наоборот, Кант, который ведь методически исходил из наиболее развитой в его время естественной науки, из астрономии Ньютона, и всю свою теорию познания строил именно по ней, тем самым необходимо принял и беспредельную распространимость ее метода. Его «Критика» утверждает только, что даже совершенное познание всех явлений остается всего лишь познанием явлений (а не вещей в себе). Она утверждает, что даже совершенное познание явлений никогда не может преодолеть структурных границ этого познания (или, в нашей формулировке, агностицизма законченного целого и содержаний). Проблему агностицизма, свое отношение к Юму (и к Беркли, которого он особенно имеет в виду, хотя и не называет по имени), Кант сам разъяснил в достаточной мере в отделе, посвященном «Опровержению идеализма»³⁾. Глубочайшее недоразумение Энгельса заключается, однако, в том, что промышленность и эксперимент он считает практикой (в диалектически-философском смысле). А между тем как раз эксперимент представляет собою созерцательное отношение к вещам в наиболее чистом виде. Экспериментатор создает искусственную абстрактную среду, чтобы иметь возможность наблюдать беспрепятственное выявление изучаемых законов без всяких помех со стороны иррациональных элементов как субъективного, так и объективного происхождения. Он стремится свести материальный субстрат своих наблюдений по возможности к чистому «порождению» разума, к «интеллигибельной материи» математики. И если по поводу промышленности Энгельс говорит, что «порожденное» разумом ставится на службу «нашим целям», то он, повидному, на мгновение забыл о фундаментальной структуре капиталистического общества, которую он сам же

¹⁾ Напр., Феноменология, предисловие, и в других местах.

²⁾ Маркс употребляет эту терминологию в знаменитом месте о пролетариате. *Elend der Philosophie*, 162. Ср. обо всем этом вопросе относящиеся сюда места из «Логики», в особенности III, 127 смл., 166 сл. и IV, 120 слл. и критику Канта в многочисленных местах.

³⁾ *Kritik der reinen Vernunft*, 208 слл.

формулировал с неподражаемой ясностью в своей гениальной юнговской статье: он забывает, что в капиталистическом обществе мы имеем дело с некоторым «естественным законом», который «основан на бессознательности заинтересованных лиц»¹⁾. Промышленность—поскольку она служит «целям»—есть в глубочайшем, в диалектически-историческом смысле только объект, а не субъект естественных законов общества. Маркс неоднократно и с особенным ударением называет капиталиста простой марионеткой (а только о капиталисте может идти речь, когда мы говорим о прошлом или настоящем «промышленности»). И когда он, напр., сравнивает его инстинкт самообогащения с инстинктом собирателя сокровищ, он энергично подчеркивает²⁾: «Но то, что у последнего является личной манией, то у капиталиста есть действие общественного механизма, в котором он сам только колесико. Кроме того, развитие капиталистического производства делает необходимым постоянное увеличение вложенного в промышленное предприятие капитала, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства, как законы внешне-принудительные». Что «промышленность», т. е. капиталист, как носитель экономического, технического и т. д. прогресса, не действует, а служит объектом действия, что вся его «деятельность» исчерпывается правильным наблюдением и подсчетом тех объективных результатов, к которым приводит действие естественных законов общества,—это для марксизма (обычно толкуемого в этом смысле и Энгельсом) разумеется само собою.

* * *

Из всего сказанного выясняется, в-третьих,—и тут мы возвращаемся к нашей основной проблеме,—что попытка критической философии решить вставшие перед ней противоречия путем обращения к практике не решает, а, наоборот, увековечивает ее теоретические антиномии³⁾. Ибо как объективная не-

¹⁾ Nachlass, I, 449.

²⁾ Kapital, I, 555 и т. д.

³⁾ Это составляет объект неоднократной резкой критики Гегеля. Но и гегелевское непринятие кантовой этики сводится к этой же проблеме, хотя исходит из других мотивов и поэтому выражается в другой терминологии. Что перед этикой Канта поставлена систематическая задача решить проблему вещи в себе, явствует из самых различных мест. См. «Основоположение метафизики нравов» и «Критику практического разума».

обходимость, несмотря на всю рациональность и закономерность ее проявлений, сохраняет на себе печать неустранимой случайности, потому что ее матерьяльный субстрат остается трансцендентным,—так и свобода субъекта, которую предполагалось спасти таким путем, будучи пустой, не может уйти от бездны фатализма. «Мысли без содержания пусты,—программно заявляет Кант в начале трансцендентальной логики,—интуиции без понятий слепы». Но требуемое в этих словах взаимопроникновение формы и содержания критика может осуществить только в виде методологической программы, т.е. она может только указать для каждой из этих двух оторванных друг от друга сфер ту точку, где это взаимопроникновение формы и содержания должно начаться, где оно началось бы, если бы ее формальная рациональность могла позволить ей нечто большее, чем формальный учет предстоящих формальных возможностей. Свобода не может ни прорвать, ни наделить смыслом чувственную необходимость познавательной системы и бездушность фаталистических законов природы, а доставляемые познающим разумом содержания, познающий разум мир не в состоянии наполнить живой жизнью чисто формальное определение свободы. Невозможность понять связь формы и содержания как конкретную связь, а не только как субстрат чисто формального учета, невозможность «породить» ее, приводит к неразрешимой дилемме свободы и необходимости, волюнтаризма и фатализма. «Вечная, железная» закономерность процессов природы и чисто внутренняя свобода индивидуальной нравственной практики оказываются, в конце «Критики практического разума», навсегда друг от друга оторванными, но в этой оторванности равно неустранимыми основами человеческого существования. Философское величие Канта в том и состоит, что в обоих случаях он не старается затушевать неразрешимость проблемы тем или иным произвольным догматическим утверждением, а выставляет, наоборот, эту неразрешимость в самом резком, несмягченном виде.

3.

Что и здесь—как повсюду в классической философии—перед нами не чисто интеллектуальные проблемы, не отвлеченная борьба ученых школ, это выяснится лучше всего, если мы перевернем назад несколько страниц из истории развития нашей

проблемы и рассмотрим тот же вопрос на более ранней ступени, идейно менее разработанной, но более близкой к общественным условиям жизни и поэтому более конкретной. Плеханов¹⁾ очень резко выявляет логическую границу миропонимания, на которую натолкнулся буржуазный материализм XVIII века, в форме следующей антиномии: «С одной стороны, человек является продуктом социальной среды, с другой — «социальная среда» порождается «общественным мнением», т. е. человеком». Тут обнаруживается социальная подоснова той антиномии, которая встала перед нами в форме чисто гносеологической, казалось бы, проблемы порождения, в форме систематического вопроса о субъекте «действия», о «прародителе» целостно познанной действительности. И так же ясно изложение Плеханова показывает, что та двойственность созерцательного и (индивидуально) практического принципа, в которой мы усмотрели первоисточник и исходный пункт для дальнейшего развития проблем классической философии, делает неизбежной эту антиномию. Но более наивная и примитивная постановка вопроса у Гольбаха и Гельвеция дает возможность яснее увидеть жизненный фон, реальную подпочву антиномии. Оказывается, во-первых, что по мере развития буржуазного общества все проблемы общественного бытия теряют свою потусторонность и обнаруживают свое человеческое происхождение — в противоположность общественному мирозерцанию средневековья и зарождающегося нового времени (Лютер). Во-вторых, выясняется, что человеком в данном случае может быть только искусственно изолированный капитализмом, индивидуальный, эгоистический буржуа и что, значит, сознание, являющееся источником деятельности и мысли, есть индивидуальное, изолированное, робинзоновское сознание²⁾. Но именно поэтому деятельный характер общественного действия оказывается, в-третьих, уничтоженным. То, что на первый взгляд кажется отголоском сенсуалистической те-

¹⁾ Beiträge zur Geschichte des Materialismus, 54 слл., 122 слл. Как близко Гольбах и Гельвеций — правда, тоже в наивной форме — подходят к проблеме вещи в себе, ср. там же, 9, 51 и т. д.

²⁾ Здесь не может быть дан исторический очерк робинзоновской проблемы. Сошлюсь только на замечания Маркса (Zur Kritik der politischen Oekonomie, XIII слл.) и на тонкие соображения Кассирера о роли этой проблемы в теории познания Гоббса. См. указанное сочинение, II, 61 слл.

ории познания французских материалистов (Локка и т. д.) — утверждение, что «мозг человека есть только воск, способный воспринимать любое внешнее впечатление» (Гольбах, см. Плеханов, указанное сочинение) и что его деятельностью могут считаться только его сознательные действия — это при ближайшем рассмотрении оказывается простым следствием из положения буржуазного человека в процессе капиталистического производства. Сущность этой ситуации мы уже не раз вскрывали: в капиталистическом обществе человек противостоит «созданной» им самим, как классом, действительности, как какой-то чуждой «природе», он с головой выдан ее законам, — и вся его деятельность сводится к использованию в своих (эгоистических) интересах механического действия отдельных законов. Но и в этой своей «деятельности» он по существу остается объектом, а не субъектом совершающегося. Поле его активности переносится, таким образом, целиком во внутрь: его, с одной стороны, осознание тех законов, которые используются человеком, а с другой — осознание им своих внутренних реакций на ход событий.

Из этой ситуации вытекают весьма существенные и неизбежные двусмысленности в основных понятиях, определяющих взгляд буржуазного человека на его отношение к миру. Так, весьма неустойчивым и многозначным становится понятие природы. Мы уже указывали на определение природы, как «совокупности закономерностей» совершающегося — определение, которое у Канта получило только наиболее ясную формулировку, но имеется уже у Кеплера и Галилея и сохраняется до наших дней. Однако, на ряду с этим понятием, которое, как это не раз вскрывалось, выросло из экономической структуры капитализма, имеется другое, совершенно от него отличное и в свою очередь многозначное понятие природы: понятие ценности. Как неразрывно переплетены друг с другом два эти понятия, видно из истории естественного права. Ибо тут «естественное» получает весьма сильный оттенок буржуазно-революционного боевого пафоса: «закономерный», поддающийся калькуляции, формально-абстрактный характер развивающегося буржуазного общества кажется чем-то естественным наряду с искусственностью, произвольностью и беспорядочностью феодализма и абсолютизма. Но тут же появляется — вспомним только Руссо — и совсем другое, прямо противоположное значение понятия природы. А именно все усиливается

чувство, что общественные формы (овеществление) лишают человека его человеческой сущности, что чем больше человек попадает во власть культуры и цивилизации (капитализма и овеществления), тем меньше он способен быть человеком. Так природа становится—при чем полное изменение первоначального значения слова остается неосознанным—вместилищем всех тех внутренних тенденций, которые борются против возрастающей механизации, мертвенности, овеществления. Она может при этом означать и то, что в противоположность искусственным образованиям человеческой цивилизации выросло органически, что не создано человеком¹⁾. Но она может пониматься и как та сторона человеческой психики, которая осталась естественной или, по крайней мере, стремится вернуться к естественности, тоскует по ней. «Они—то, чем мы были,—говорит Шиллер о естественных формах,—они—то, чем мы снова должны стать». Но тут—неожиданно и в неразрывной связи с остальными понятиями—возникает перед нами третье понятие природы, в котором уже совершенно ясно выступает ценностный характер; стремление преодолеть проблематику овеществленного бытия. Природа означает теперь истинное человеческое существование, подлинную, освобожденную от ложных механизмирующих форм общества сущность человека: человека, как законченной целостности, как такого, который внутренне преодолел или преодолевает раздвоенность на теорию и практику, на разум и чувственность, на форму и материю; человека, у которого стремление дать себе форму не остается абстрактным рационализмом, оставляющим в стороне конкретные содержания,—для которого свобода и необходимость совпадают.

И тут мы как будто печаянно подошли к той точке, в поисках за которой мы остановились на неустранимой двойственности чистого и практического разума, на вопросе о субъекте,

¹⁾ Ср. об этом в особенности «Критику способности суждения», § 42. Пример действительного и искусственного соловья оказал, через посредство Шиллера, сильное влияние на всю позднейшую историю проблемы. Было бы очень интересно, но не входит в задачу настоящей работы, проследить, как понятие «органически выросшего», явившееся боевым лозунгом против овеществления, получает—в немецкой романтике, в исторической школе права, у Карлейля, Рескина и т. д.—все более определенный реакционный оттенок. Нас и этот вопрос интересует только со стороны своей предметной структуры: для нас важно, что как раз это, якобы, максимальное одухотворение природы означает полнейший отказ от действительного овладения ею. Настроение, как форма содержания, точно так же предполагает непроницаемые объекты (вещи в себе), как и закон природы.

который своим «действием» «порождает» действительность, как законченное целое. Мы тем более имеем право считать эту точку зрения найденной, что ее не приходится ни искать в мифологическом тумане трансцендентных построений, ни заточать в сознание как только «душевный факт», как простую устремленность; нет, она имеет свое конкретное, действительное осуществление в факте искусства. Здесь не место подробно говорить о все возрастающем историко-философском значении, которое теория искусства и эстетика получают, начиная с XVIII века, для общего мирозерцания. Здесь—как и повсюду в наших рассуждениях—нас интересует только та общественно-историческая почва, на которой выросли эти проблемы, на которой философское осознание искусства получило такое значение для мирозерцания, какого искусство никогда не могло иметь в прежние эпохи. Это, разумеется, не значит, что и само искусство пережило в новейшее время невиданный дотоле объективно-художественный расцвет. Наоборот. То, что было создано за этот период в области художественного творчества, если не считать единичных исключений, не может даже отдаленно сравниться с великими созданиями прежних эпох. Здесь мы отмечаем только то систематическое, мирозерцательное значение, которое принцип искусства получил в новейшее время.

Этот принцип заключается в таком созидании конкретного законченного целого, которое по самой своей сущности направлено именно на конкретную содержательность своего материального субстрата и поэтому в состоянии устранить «случайное» отношение элементов к целому, снять, как мнимую, противоположность случайности и необходимости. Как известно, уже Кант поручил этому принципу в «Критике способности суждения» роль посредника между непримиримыми без него противоположностями, т. е. роль завершителя системы. Однако, уже эта первая попытка Канта не могла остановиться на объяснении и истолковании искусства. Это было невозможно уже потому, что обретенный таким образом принцип был, как мы показали, с самого начала неразрывно связан с различными понятиями природы, так что его ближайшее назначение состояло, казалось, в том, чтобы стать принципом для разрешения всех неразрешимых дотоле проблем (как теоретически-зерцательных, так и этически-практических). Методическая функция, которая возлагалась на этот принцип, была затем

остро формулирована в программном заявлении Фихте¹⁾: «Искусство превращает трансцендентальную точку зрения в обычную», т. е. то, что трансцендентальной философии казалось лишь постулатом и в значительной мере проблематичным постулатом мирообъяснения, в искусстве предстает в готовом виде. Искусство служит доказательством того, что это требование трансцендентальной философии с необходимостью вытекает из структуры человеческого сознания, что оно укоренено в его глубочайшей сущности.

Такое доказательство есть вопрос жизни и смерти для классической философии, которая, как мы видели, должна была поставить себе задачей найти и указать тот субъект, из «действия» которого, как произведение которого может быть понято конкретное целое действительности. Ибо только в том случае, если можно доказать ссылкой на действительный опыт, что наличие подобного субъекта в сознании возможно и что возможен такой принцип формы, для которого уже не имеет силы безразличия к содержанию со всеми вытекающими отсюда проблемами вещи в себе, «интеллигибельной случайности» и т. д., — только в этом случае открывается методическая возможность конкретно выйти за пределы формального рационализма и, разрешив логическую проблему иррациональности (отношения формы к содержанию), мыслить мир как законченную, конкретную, осмысленную, нами «порожденную» и в нас себя осознавшую систему. Поэтому вместе с открытием принципа искусства возникает проблема «интуитивного интеллекта», который не получает извне, а сам «порождает» свое содержание, который, по словам Канта²⁾, спонтанен (т. е. активен), а не рецептивен (т. е. созерцателен) не только в познании, но и в интуиции. Если у самого Канта это означает только тот пункт, отправляясь от которого было бы возможно замкнуть и завер-

¹⁾ System der Sittenlehre, 3. Hauptstück, § 31. Было бы весьма интересной и благодарной задачей показать, как из этого положения с необходимостью вытекает натурфилософия классической эпохи, обычно столь превратно понимаемая. Отнюдь не случайно и то, что натурфилософия Гете возникла в борьбе против ньютонова «изнасилования» природы, и то, что она оказала решающее влияние на все дальнейшие развитие проблемы. Но то и другое может быть понято только из охарактеризованного выше отношения между человеком; природой и искусством; оно же объясняет методическое возвращение к качественной натурфилософии ренессанса, как к первому боевому лозунгу против математического понятия природы.

²⁾ «Критика способности суждения», § 77.

шить систему, то у его преемников этот принцип и вытекающее из него требование интуитивного интеллекта становится краеугольным камнем философской систематики.

Впрочем, яснее, чем у философских систематиков, у которых за чистым построением мысли поверхностный взор не всегда может различить ту жизненную почву, из которой вырастают их проблемы,—яснее, чем у них, породившая всю эту проблематику потребность обнаруживается в теоретических писаниях Шиллера по эстетике. Когда Шиллер определяет эстетический принцип, как инстинкт игры (в противоположность инстинктам формы и вещества, анализ которых, как и вообще эстетические писания Шиллера, содержит очень много ценного по вопросу об овеществлении), он определенно подчеркивает ¹⁾: «ибо—скажем это, наконец, прямо—человек играет лишь только, когда он человек в полном смысле слова, и он только тогда вполне человек, когда он играет». И если Шиллер распространяет эстетический принцип далеко за пределы эстетики и ищет в нем ключ к решению вопроса о бытии человека, как члена общества, то тут ясно выступает наружу основной вопрос классической философии. С одной стороны, признается, что общественное бытие уничтожило человека, как человека; но вместе с тем принципиально указывается, как социально уничтоженный, раздробленный, разорванный между частичными системами человек должен быть восстановлен в мысли. Если основная проблема классической философии раскрывается тут перед нами со всею ясностью, то вместе с грандиозностью ее замысла, с беспредельными перспективами ее метода мы усматриваем и необходимость ее крушения. Ибо между тем как прежние мыслители наивно остановились на категориях овеществления или, самое большее (как в приведенных Плехановым случаях), пришли к объективным противоречиям,—тут проблематика общественного бытия капиталистического человека осознается во всей ее силе.

«Когда власть единства,—говорит Гегель ²⁾,—исчезает из жизни людей, когда противоположности потеряли свою живую связь и взаимодействие и начали получать самостоятельность, тогда возникает потребность в философии». Но тут же обна-

¹⁾ Об эстетическом воспитании человека, 15-е письмо.

²⁾ Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems. Werke, I, 174.

руживается и предел, положенный этой попытке. Предел объективный—ибо вопрос и ответ с самого начала ограничены областью чистой мысли. Этот предел объективен, поскольку здесь сказывается догматизм критической философии: если методически она и вышла за пределы формально-рационального, дискурсивного рассудка, ставши таким образом критической по сравнению с мыслителями Спинозо-Лейбница типа, то все же ее основная методическая установка осталась рационалистической. Догма рациональности остается непркосновенной и непреодоленной¹⁾. Этот предел субъективен, поскольку найденный таким путем принцип, как только он осознается, тотчас же обнаруживает узкие границы своей приложимости. Если человек тогда только вполне человек, «когда он играет», то с этой точки зрения могут быть, правда, охвачены все содержания жизни, и в этой—эстетической в самом широком смысле слова—форме они могут быть вырваны из мертвящих объятий овеществляющего механизма. Но все-таки они вырываются из них лишь постольку, поскольку они становятся эстетическими; а это ведет либо к эстетизированию мира, что означало бы уклонение от подлинной проблемы и другим путем снова превратило бы субъект в чисто созерцательный, уничтожив его «действие»; либо эстетический принцип должен стать принципом созидания объективной действительности,—но тогда пришлось бы придать мифологическую форму идее интуитивного интеллекта²⁾.

¹⁾ Оппозиция против этого составляет подлинное ядро последней философии Шеллинга. Но у него идейно-мифологизирующий метод вырождается уже в чистую реакцию. Так как Гегель,—как это будет показано,—является абсолютной вершиной рационалистического метода, то его преодоление может заключаться только в отказе от созерцательного отношения между мышлением и бытием, в конкретном указании тождественного субъект-объекта. Шеллинг делает нелепую попытку пройти этот путь до конца в обратном направлении, в сфере чистой мысли, и приходит поэтому, подобно всем эпигонам классической философии, к прославлению пустой иррациональности, к реакционной мифологии.

²⁾ Не входя и здесь в подробности исторического развития проблемы; отмечу только, что именно отсюда может быть методически понята позиция романтики. Понятия, в роде знаменитой, но редко понимаемой, «иронии», имеют свои корни здесь. В частности, весьма незадолго до забытый Зольгер, предшественник диалектического метода, занимает, на ряду с Фридрихом Шлегелем, такое же приблизительно место между Шеллингом и Гегелем, как Маймон между Кантом и Фихте. Также и роль мифологии в эстетике Шеллинга находит свое объяснение именно в этой связи. Тесная связь между этим комплексом мыслей и понятием природы, как настроения, бросается в глаза. Что подлинно критическое и свободное от метафизики художественное восприятие мира ведет к

Эта мифологизация процесса порождения тем более становится, начиная с Фихте, методической необходимостью, тем более превращается в вопрос жизни и смерти для классической философии, что ее критическая позиция вынуждает ее—одновременно с открытием антиномий в данной нам действительности и нашем отношении к ней—мысленно разорвать на части и субъект (т.е. мысленно воспроизвести, отчасти, впрочем, в ускоренном темпе, его разорванность в объективной действительности). Гегель часто издевается над «душевым мешком» Канта, в котором лежат и из которого приходится вытаскивать различные «способности» (теоретическую, практическую и т. д.). Но чтобы преодолеть это распадение субъекта на отдельные самостоятельные части, в эмпирической реальности и даже необходимости которого (распадения) он сам не может сомневаться, нет другого пути, кроме порождения этой разорванности, этого распада из конкретно-цельного субъекта. Искусство, как мы видели, показывает здесь лик Януса, и вместе с его открытием возникает задача: либо увеличить разорванность субъекта еще на одну область, либо покинуть эту твердую почву конкретной указуемости целостного бытия и (пользуясь искусством, в крайнем случае, как примером) подойти к проблеме «порождения» со стороны субъекта. Задача, следовательно, уже не в том, чтобы—как у Спинозы—породить объективную связь действительности по образцу геометрии. Предпосылкой и вместе с тем задачей философии становится это новое порождение. Оно дано бесспорно («синтетические суждения a priori существуют—как они возможны?» гласит уже вопрос Канта), и единство этой распавшейся формы порождения, единство не данное, должно быть тем не менее выведено из некоторого порождающего субъекта, как его продукт. В конечном счете требуется, следовательно, породить «порождающий» субъект.

4.

Философская проблема выходит тем самым за пределы чистой теории познания, которая старалась только вскрыть «условия возможности» тех форм мышления и действия, кото-

дальнейшему распадению субъекта и, следовательно, к еще большему ошельфованию действительности,—это доказывается позднейшим развитием типично-современных взглядов на искусство (Флобер, Конрад Фидлер и т. д.). Ср. об этом мою статью: „Die Subjekt-Objekt-Beziehung in der Aesthetik“, Logos, Jahrgang IV.

рые она нашла в «нашей» действительности. Культурно-философская тенденция, стремление преодолеть овеществленную разорванность субъекта и—столь же овеществленную—оцепенелость и непроницаемость его объектов, обнаруживается теперь совершенно недвусмысленно. Это требование было ясно высказано Гете в конце описания того влияния, которое оказал на его развитие Гаман: ¹⁾ «Всякое дело, задуманное человеком, выразится ли оно в действии, в слове или еще как-нибудь, должно проистекать из полноты объединенных сил; все отрезненное не годится». Но раз, как это уже выяснилось из центральной роли проблемы искусства, совершился переход внимания на раздробленного и подлежащего объединению человека, не могут более оставаться скрытыми и те различные значения, которые получает «я» субъекта на различных ступенях. И если вся проблематика выступает теперь отчетливее в сознании, если теперь не так уже легко впасть в полубессознательное смешение проблем, как это было с понятием природы, то это лишь еще более затрудняет положение. Восстановление единства человека, мысленное спасение человека сознательно идет через разорванность и раздробленность; формы раздробленности удерживаются, как необходимые этапы на пути к восстановленному человеку, и вместе с тем разрешаются в пустое небытие, становясь в правильное отношение к достигнутой целостности, т. е. становясь диалектическими. «Противоположности,—говорит Гегель, ²⁾—которые в форме духа и материи, души и тела, веры и рассудка, свободы и необходимости и т. д. и в еще более ограниченных формах имели когда-то значение и проникали собою все области человеческих интересов, перешли в процессе развития в противоположность разума и чувственности, интеллекта и природы—как всеобщих понятий для абсолютной субъективности и абсолютной объективности. Упразднить эти застывшие противоположности—в этом единственный интерес разума. Не в том смысле, чтобы разум противился противоположению и ограничению вообще; ибо необходимое развитие есть фактор жизни, которая образуется через вечное противоположение; и целостная пол-

¹⁾ Wahrheit und Dichtung, XII книга. Скрытое влияние Гамана гораздо сильнее, чем обычно предполагают.

²⁾ Differenz и т. д., I, 137—74. Феноменология представляет собою непревзойденную до сих пор (и самим Гегелем) попытку такого метода.

нота возможна в высшей жизненности только через восстановление из наивысшей разорванности». Генезис, порождение субъекта, порождающего познание, разрешение иррациональности «вещи в себе», пробуждение похороненного человека сосредоточивается теперь конкретно на вопросе о диалектическом методе. Требование интуитивного интеллекта (т.е. методического преодоления рационалистического принципа познания) получает в диалектическом методе ясную, объективную и научную форму.

Правда, история диалектического метода уходит глубоко в прошлое, восходя к самому началу рационалистического мышления. Но то направление, которое этот вопрос получает теперь, отличается качественно от его постановки у всех прежних философов (сам Гегель недооценивает это различие, напр., в своем отношении к Платону). Ибо во всех прежних попытках, стремившихся прорвать границы рационализма с помощью диалектики, растворение застывших понятий не связывалось так отчетливо и однозначно с логической проблемой содержания, с проблемой иррациональности, так что теперь впервые—в феноменологии и логике Гегеля—была дана сознательно новая формулировка всех логических проблем, их обоснование на качественно материальных свойствах содержания, на материи (в логически-философском смысле этого слова)¹⁾. Возникает совершенно новая—правда, у самого Гегеля еще весьма проблематичная, а после него уже никем серьезно не разрабатывавшаяся—логика конкретного понятия, логика целостности. Еще более радикально новым является то, что тут субъект уже не посторонний зритель объективной диалектики бытия и понятий (как у элейтов и даже у Платона) и не практически заинтересованный властелин ее чисто мысленных возможностей (как у греческих софистов), ибо диалектический процесс, растворение застывшего противостояния застывших форм, протекает здесь по существу между субъектом и объектом. Не то, чтобы от взора отдельных прежних диалектиков остались скрытыми различные уровни субъективности, возникающие в ходе диалектического процесса (вспомним *ratio* и *intellectus* у Нико-

¹⁾ Ласк, наиболее проникновенный и последовательный из современных неокантианцев, видит совершенно ясно эту особенность логики Гегеля: «И критик Гегеля должен будет с ним согласиться в следующем: если возможно допустить диалектически движущиеся понятия, тогда и только тогда возможно преодоление иррациональности».

дая Кузальского); но там это релятивирование означает только, что различные субъект-объектные отношения ставятся рядом или друг над другом или, в крайнем случае, диалектически развиваются друг из друга—оно еще не становится релятивированием, растворением самого отношения между субъектом и объектом. Но лишь в этом последнем случае, когда истина берется «не только как субстанция, но и как субъект», когда субъект (сознание, мышление) есть одновременно и прародитель и произведение диалектического процесса, когда он, следовательно, движется в им же самим созданным мире, который в то же время противостоит ему в полной объективности,—только тогда можно считать разрешенной проблему диалектики и достигнутым снятие противоположности между субъектом и объектом мышления и бытием, свободой и необходимостью и т. д.

Может показаться, что философия таким образом возвращается к великим систематикам начала нового времени. Провозглашенное Спинозой тождество порядка и связи идей с порядком и связью вещей подходит, повидимому, очень близко к этой точке зрения. И родство это тем соблазнительнее (недаром оно так сильно повлияло на философское творчество молодого Шеллинга), что и для Спинозы основание этого тождества заключалось в объекте, в субстанции. Геометрическая конструкция, как принцип порождения, потому только и может порождать действительность, что представляет собою момент самосознания этой объективной действительности. Но в немецкой философии эта объективность направлена в противоположную сторону по сравнению со Спинозой, для которого всякая субъективность, всякое единичное содержание, всякое движение испаряется в ничто перед застывшим единством и чистотой субстанции. И, значит, если здесь снова ищется тождество между связью идей и связью вещей, и как первичный принцип снова утверждается бытийное начало, но теперь уже так, что на это тождество возлагается как раз задача объяснить конкретность и движение, — то совершенно ясно, что именно понятие субстанции, понятие порядка и связи вещей должно было претерпеть фундаментальное изменение.

И, действительно, классическая философия подошла вплотную к этой проблеме и выработала новое, впервые появившееся на свет понятие субстанции, т. е. такого порядка вещей, который отныне должен лечь в основание философии:

понятие истории. Почему именно здесь и только здесь дана конкретная почва для генетического воззрения, обусловлено чрезвычайно разнообразными мотивами. Перечислить их—значило бы рекапитулировать почти все предыдущее изложение, ибо почти за каждой неразрешимой проблемой скрывается, как путь к ее разрешению, путь к истории. Тем не менее мы должны хотя бы самым беглым образом остановиться на некоторых из этих мотивов, потому что логически необходимая связь между генезисом и историей не была вполне осознана самой классической философией и по причинам общественно-исторического характера, о которых речь будет ниже, и не могла быть вполне осознана ею. Что для системы рационализма в историческом становлении дана граница познаваемости, поняли уже материалисты XVIII века¹⁾. Но, как рационалисты-догматики, они усматривали в этом вечную, неустранимую границу человеческого разума вообще. Однако, логически-методическая сторона проблемы станет для нас прозрачной, если мы обратим внимание на то, что рационалистическое мышление, стремясь к формальной учитываемости абстрагированных содержаний, вынуждено определить эти содержания—в рамках признанной в данный момент системы отношений—как неизменные элементы. Процесс образования действительных содержаний, проблема истории доступна для этого мышления только в форме такой системы законов, которая стремится охватить все предвидимые возможности. Насколько это достижимо практически, нас сейчас не интересует: для нас важно только, что здесь самым методом был прегражден путь к познанию качественных и конкретных свойств содержания, с одной стороны, и его исторического становления—с другой. В самом де-

¹⁾ Ср. Плеханов, в указ. сочинении, 9, 51 и т. д. С точки зрения метода тут имеется неразрешимая проблема только для формалистического рационализма. Как бы ни оценивать об'ективно-научное значение средневековых ответов на эти вопросы, во всяком случае, несомненно, что для средневековья тут не было никакой проблемы, а тем более неразрешимой. Сравните приводимую Плехановым формулировку Гольбаха, что нельзя знать, «что чему предшествовало: животное яйцу или яйцо животному?», хотя бы с изречением мастера Эххарта: «Природа делает мужа из ребенка и курицу из яйца; бог же делает мужа прежде ребенка и курицу прежде яйца» (Слово о благородном человеке). Тут нас, разумеется, интересует исключительно только контраст между методическими точками зрения. В виду этой методической границы, превращающей историю в вещь в себе, Плеханов справедливо назвал этих материалистов наивными идеалистами по отношению к истории. См. Neue Zeit, X, I, 273. Zu Hegels 60. Todestag.

ле, сущность всякого рационалистического закона такова, что в пределах его приложимости, по самому его определению, не может произойти ничего нового, и система таких законов, даже если мыслить ее вполне законченной, может, правда, довести до минимума необходимость поправок к отдельным законам, но не может учесть появление нового. (Понятие «источника ошибок» есть только эмпирически-научное обозначение того факта, что становление, появление нового имеет характер «вещи в себе» для рационального познания). Но если в классической философии генезис находит себе место, то ее логической основой должна стать логика меняющихся понятий—и только история, только историческое становление, непрерывное возникновение нового может явиться реальным прообразом для такой логики¹⁾.

Ибо пока это становление, это новое является только границей, а не результатом, целью и вместе с тем субстратом метода, до тех пор и понятия, подобно вещам действительного мира, неминуемо сохраняют свою неподвижную замкнутость, которая лишь мнимо устраняется через присоединение к ним других понятий. Только историческое становление действительно устраняет преднаходимую самостоятельность и обусловленную ею мертвую неподвижность вещей и вечных понятий. «В самом деле,—говорит Гегель об отношении души и тела²⁾,—если предполагается их абсолютная взаимная самостоятельность, то они столь же непроницаемы друг для друга, как непроницаема всякая материя для другой, почему и принимается, что одна может находиться только в небытии, в порах другой; так и Эпикур назначил бо-

¹⁾ И здесь мы можем лишь бегло коснуться истории проблемы. Противоположности в этом вопросе получили очень скоро отчетливую формулировку. Укажу, например, на полемику Фридриха Шлегеля против попытки Кондорсе (1795) дать рационалистическое объяснение истории (приближенного конто-спенсерского типа). «Преобладающие свойства человека составляют предмет чистой науки; изменения же человека, как отдельного, так и всей массы, составляют предмет научной истории человечества».

²⁾ «Энциклопедия», § 369. Здесь нас, конечно, интересует только методическая сторона вопроса. Но мы должны при этом подчеркнуть, что все созерцательные, формально-рационалистические понятия обнаруживают эту вечную непроницаемость. Современный переход от вечных понятий к функциональным в этом пункте не меняет решительно ничего, потому что со стороны отношения между формой и содержанием, т. е. с единственно важной здесь стороны, функциональные понятия ничем не отличаются от вечных, и даже более того: в них-то как раз формально-рационалистическая структура доведена до предельной черты.

гам их местопребывание в (междумировых) порах, но вполне последовательно освободил их от общения с миром». Но историческое становление уничтожает эту самостоятельность моментов. Вынуждая направленное на них познание строить свои понятия на содержаниях, на качественно своеобразной и новой стороне явлений, оно тем самым вынуждает его не оставлять ни одного из рассматриваемых элементов в его непосредственной однократности, указывая каждому его методическое место в конкретной целостности исторического мира, в конкретном и целостном историческом процессе.

Эта новая точка зрения, при которой оба основных момента иррациональности—конкретность единичного содержания и целостность—обнаруживаются в своем положительном единстве, сразу меняет отношение между теорией и практикой, а вместе с ним и отношение между свободой и необходимостью. Понятие действительности, как чего-то сотворенного нами самими, теряет здесь свой прежний, более или менее фиктивный характер: согласно уже приведенному пророческому слову Вико, мы сами создали нашу историю, и если мы сумеем понять всю действительность, как историю (т. е. как нашу историю, потому что другой не существует), то тем самым мы фактически поднимаемся на такую точку зрения, с которой действительность может быть понята, как наше «действие». Дилемма материалистов потеряла всякий смысл, потому что оказывается, что только рационалистическая ограниченность, только догматизм формального рассудка заставлял нас признавать за чуждыми действия исключительно лишь наши сознательные поступки, а в нами же самими созданном мире истории, в продуктах исторического процесса, видеть внешнюю и чуждую нам действительность.

Но как раз тут, когда вновь обретенная истина становится, как это описывает в своей Феноменологии Гегель, «вакхическим поступлением, где нет ни одного члена, который не был бы пьяным», когда разум как будто уже сорвал завесу в святилище Сивы, чтобы, по слову Новалиса, узреть в самом себе разоблачение загадка—тут снова, и на этот раз уже вполне конкретно, встает основной вопрос всей этой философии, вопрос о субъекте действия, субъекте генезиса. Ибо то единство субъекта и объекта, мышления и бытия, наличие которого должна была быть обнаружена и доказана «действием», фактически осуществляется в единстве ге-

нетического процесса мысли и исторического процесса образования действительности. Но единство это лишь тогда может считаться постигнутым, когда в истории открывается не только методическое место для разрешения всех этих проблем, но когда может быть конкретно указан и субъект истории—те «мы», действиями которых она действительно создается.

Но в этом пункте классическая философия зашла в тупик и запуталась в безвыходном лабиринте мифологии понятий. В следующей главе мы постараемся объяснить, почему она и не могла найти этот конкретный субъект генезиса, этот методически требуемый субъект-объект. Пока же нас интересует другое: мы должны показать тот тупик, в который привела эта абстракция мысли. Гегель, который во всех отношениях являет собою вершинную точку этой эпохи, самым серьезным образом искал этот субъект. То «мы», к которому он пришел, есть, как известно, мировой дух, или, вернее, его конкретные образы, отдельные народные духи. Если мы, предварительно, отвлечемся от мифологического и поэтому абстрактного характера этого субъекта, то прежде всего следует заметить, что даже при безусловном принятии всех предпосылок Гегеля этот субъект не в силах выполнить возложенную на него методически-систематическую функцию (с точки зрения самого же Гегеля). Ибо народный дух и для Гегеля может быть только некоторой «естественной» определенностью мирового духа, т. е.: такой, «которая лишь в высшем моменте, именно в осознании своего существа, совлекает с себя ограниченность и только в этом познании имеет свою абсолютную истину, но никак не непосредственно в своем бытии»¹⁾. Отсюда прежде всего следует, что народный дух есть только мнимый субъект истории, мнимый источник своих действий; подлинным деятелем оказывается мировой дух, который, пользуясь в своих собственных целях этой «естественной определенностью» народа, совершает через его голову свои дела²⁾. Но таким образом, деятельность оказывается трансцендентной для самого деятеля, и только что, казалось бы, завоеванная свобода незаметно превращается в ту фиктивную свободу рефлексии над управляющими твоим движением законами, которой обладал бы брошенный камень Спиннозы, если бы у него было сознание. Правда, Гегель, который со своим гениальным

¹⁾ Werke, II, 267.

²⁾ «Философия права», § 313—317. Энциклопедия, § 118—119.

чутьем действительности не мог, да и не хотел, отрицать фактически преднаходимую структуру истории, искал объяснения для нее в «хитрости разума». Но не следует забывать, что «хитрость разума» только тогда становится чем-то большим, чем простая мифология, когда найден и конкретно показан действительный разум. Тогда она является гениальным объяснением для еще бессознательных ступеней истории. Однако, эти последние могут быть поняты и оценены, как ступени, только тогда, когда уже достигнута точка зрения обретшего себя разума.

Здесь—тот пункт, где философия Гегеля с методической необходимостью попадает в объятия мифологии. Ибо оказавшись не в силах обнаружить тождественный субъект-объект в самой истории, она вынуждена покинуть почву истории и за ее пределами воздвигнуть то царство овладевшего самим собою разума, отправляясь от которого возможно понять историю, как ступень, а ее путь—как «хитрость разума». История не в состоянии построить живой организм того законченного целого, которого требует система, она становится только частью, моментом всей системы, находящей свое завершение в «абсолютном духе», в искусстве, религии и философии. Но история есть слишком естественная, слишком необходимая жизненная стихия диалектического метода, чтобы подобная попытка могла удалась. С одной стороны, история, на этот раз уже ценою методической непоследовательности, все-таки вторгается в те сферы, которые с точки зрения метода должны были бы теперь находиться за ее пределами¹⁾. А, с другой стороны, это ненадлежащее и непоследовательное положение истории отнимает у нее самой ее подлинную сущность, столь необходимую как раз для системы Гегеля. Ибо, во-первых, ее отношение к

¹⁾ В последних формулировках системы, история составляет переход от философии права к абсолютному духу. (В феноменологии отношение сложнее, но методически столь же невыяснено). Таким образом, «абсолютный дух», как содержащий в себе истину предшествующего момента, т. е. истории, должен был бы, согласно логике Гегеля, содержать в себе историю в снятом виде. Но что история не может быть снята в диалектическом методе, в этом нас убеждает конец гегелевой истории философии, где на вершине системы, в момент самодостижения «абсолютного духа», все-таки снова появляется на сцену история и выводит нас за пределы философии: «Что мысленные определения оказались настолько важными,—это уже дальнейшее познание, которое не относится к истории философии. Понятия суть простейшее откровение мирового духа; в своем более конкретном образе оно есть—история». Werke, XV, 618.

разуму становится теперь случайным. «Когда, где и в какой форме появляются эти самовоспроизведения разума, составляющие философию, это дело случая», говорит Гегель¹⁾, в связи с приведенным выше местом о «потребности в философии». С допущением этой случайности история распадается снова в только что превзойденную фактичность и иррациональность. А раз ее отношение к постигающему ее разуму есть отношение иррационального содержания к общей форме, для которой конкретное *hic et nunc*, место и время, вполне случайны, то и сам разум снова становится добычей всех трансцендентных антиномий до-диалектического метода. Во-вторых, невыясненность отношения между абсолютным духом и историей вынуждает Гегеля сделать малопонятное без этого допущение: принять конец истории, который наступает с его системой, как завершением и истиной всех предшествующих философий. А это ведет к неизбежному выводу, что история и в своих низших, собственно исторических, областях должна найти свое завершение в государственном строе прусской реставрации. В-третьих, оторванный от истории генетический процесс совершает свой собственный цикл развития—от логики через природу к духу. Но так как историчность всех категориальных форм и их движений входит определяющим моментом в диалектический метод, так как диалектический генезис и история по самому своему существу объективно связаны друг с другом, и пути их расходятся здесь лишь благодаря неосуществленности замысла классической философии, то совершенно неизбежно этот якобы сверхисторический процесс генезиса на каждом шагу обнаруживает черты истории. А поскольку метод, выродившийся в абстрактно-созерцательный, искажает и насилует при этом историю, постольку и он сам в свою очередь насилуется и разрывается на части неосильной им историей. (Вспомним переход от логики к философии природы). Но это приводит к тому—как это особенно резко подчеркнул Маркс в своей критике Гегеля,—что демиургическая роль «духа», «идеи» становится чистейшей мифологией понятий. И здесь снова приходится повторить (с точки зрения самого же Гегеля): этот демиург только мнимый творец истории. Но в этой мнимости самоупраждает вся попытка классической философии мысленно прорвать гра-

¹⁾ I, 174. У Фихте эта случайность подчеркнута, разумеется, еще более резко.

ницы формально-рационалистического (буржуазно-овеществленного) мышления и тем самым мысленно восстановить уничтоженного овеществлением человека. Мышление вернулось снова к созерцательной двойственности субъекта и объекта ¹⁾.

Классическая философия довела, правда, до предельной идейной остроты все антиномии породившей ее жизни, она дала им наивысшее идейное выражение; но они остались и для нее неразрешенными и неразрешимыми антиномиями. Так классическая философия оказывается в следующем парадоксальном положении: по своему замыслу она направлена на мысленное преодоление буржуазного общества, на спекулятивное возрождение уничтоженного этим обществом человека, — но в своих результатах она пришла только к полной мысленной репродукции, к априорной дедукции буржуазного общества. Только с помощью этой дедукции, т. е. диалектический метод, выводит за пределы буржуазного мира. Однако, в самой классической философии это выражается только в форме этой неразрешенной и неразрешимой антиномии, которая, впрочем, является наиболее глубоким и величественным выражением всех антиномий, лежащих в основании буржуазного общества и беспрестанно производимых и воспроизводимых им (хотя и в более или менее смутных и второстепенных формах). Поэтому дальнейшему (буржуазному) развитию классическая философия не может передать другого наследия, кроме этих неразрешенных антиномий. Продолжение той стороны ее пути, которая по крайней мере методически начала выводить за эти пределы овладение диалектическим методом, как методом истории, выпало на долю того класса, который в силу условий своей жизни мог в самом себе найти тождественный субъект, субъект действия, коллективное «я» генезиса: оно выпало на долю пролетариата.

(Окончание следует).

Георг Лукач.

¹⁾ Но тем самым сделалась проблематичной и сама логика. Требование Гегеля, чтобы понятие было «восстановленным бытием» (*Werke*, V, 80), возможно только при условии действительного порождения тождественного субъект-объекта. Обнаруживши бессилие в этом пункте, понятие приобретает кантовски-идеалистический характер, противоречащий его диалектической функции. Подробное рассмотрение этого вопроса увело бы нас далеко за пределы настоящей работы.

Революция 1905 г. и расслоение сельского населения.

В итоге революции 1905 года старая деревня с ее «уравнительным» землепользованием и вместе с тем с уравнительной бедностью и голоданием всей массы крестьянства начала быстро разлагаться. На смену ей шли новые чисто буржуазные порядки и отношения. Единое до того, по крайней мере, в массе, крестьянство начало быстро расслаиваться на два класса с противоположными и даже враждебными интересами. Одновременно с процессом пролетаризации беднейших крестьян-науперов усиленным темпом совершался обратный процесс обособления более зажиточных слоев крестьянства и преобразования их в сельскую буржуазию европейского типа.

Процесс этот, намечавшийся уже и ранее, до революции 1905 года, задерживался целым рядом условий, из которых на первом месте стояло общее крестьянское малоземелье и бедность, равно как пережитки крепостничества и общие политические условия. Там, где эти задерживающие причины отсутствовали или, во всяком случае, менее давали себя чувствовать, там и процесс дифференциации крестьянства выступал более заметно и открыто. Вопрос о дифференциации и расслоении крестьянства в дореволюционную эпоху наиболее обстоятельно исследован в известной книге Ильина «Развитие капитализма в России». Но, хотя автор этого исследования и приходит к заключению о повсеместности процесса дифференциации в среде крестьянства, однако даже простое сопоставление собранных им по отдельным губерниям данных свидетельствует о том, насколько неравномерно совершался данный процесс в различных местностях Европейской России, насколько, с одной стороны, медленны и малозаметны были его успехи, именно, в центральных сельскохозяйственных губерниях, т. е. в губерниях, где противодействующие условия выступали особенно ярко, и насколько, напротив, в то же время

быстро подвигалось вперед расслоение сельского населения в степных губерниях, где эти условия отсутствовали.

Прежде всего заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что собственно наделные земли распределялись по всем районам в общем равномерно, при чем даже южные степные губернии не представляли в этом отношении заметного исключения. Согласно таблицам ¹⁾, в которых выражен сводный результат погубернского исследования, при чем из общего числа исследованных дворов, независимо от размеров хозяйственного надела по отдельным губерниям, выделены 20% наиболее зажиточных и 50% низших групп дворов, количество находившейся в пользовании той и другой группы земли в процентном отношении ко всей данной категории земель представляется в следующем виде:

Наиболее состоятельная группа.					
Губернии:	Надельные земли.	Купленные земли.	Арендные земли.	Всего в пользовании.	Посевы.
Таврическая.	36,7	78,8	61,9	49,0	49,1
Самарская.	—	99,0	60,8	—	56,0
Саратовская.	34,1	—	59,0	47,0	50,5
Орловская.	29,0	63,4	51,7	38,2	—
Воронежская.	29,1	66,8	53,6	34,6	33,9
Нижегородская.	29,4	59,7	50,8	36,5	38,2

Наименее состоятельная группа.					
Губернии:	Надельные земли.	Купленные земли.	Арендные земли.	Всего в пользовании.	Посева.
Таврическая.	33,2	12,8	13,8	23,8	21,5
Самарская.	—	0,4	5—11	—	16,3
Саратовская.	35,0	—	9,8—14	18—25,2	14,9—21
Орловская.	37,2	8,9	12,9	24,4	—
Воронежская.	37,5	11,0	13,8	31,9	31,0
Нижегородская.	37,7	15,4	16,4	30,9	28,6

Итак, концентрация наделных земель была относительно незначительна даже в наиболее прогрессивных степных губерниях; в центральных же губерниях концентрации почти не наблюдалось совсем, особенно, если принять во внимание, что

¹⁾ В. Ильин, Развитие капитализма в России, издание 2, СПб. 1908 г., стр. 82—83.

более состоятельные дворы в этих губерниях являются в то же время и многосемейными. Общинное землевладение, таким образом, держалось все еще достаточно крепко, и дифференциация крестьянства и увеличение землепользования в более крупных крестьянских хозяйствах происходит почти исключительно за счет купчей и арендованной земли. Но то и другое в сколько-нибудь широких размерах возможно лишь в степных окраинных губерниях с относительным земельным простором, но не в губерниях центральных и украинских с их малоземельем и земельной теснотой.

Различие в степени развития дифференциации среди крестьянства между центрально-земледельческими и степными губерниями выступит еще ярче, если обратиться к более частным и детальным данным относительно крестьянских хозяйств в тех и других. Так, амплитуда колебаний в размерах посевной площади между группами наименее и наиболее состоятельных хозяйств составляла ¹⁾:

Губернии.	Процент числа дворов в группе по отношению к общему числу дворов.	Среднее количество посевной площади на двор (в десятинах)
Таврическая (3 уезда):		
низшая группа	11,7 ²⁾	3,5
высшая группа	3,7 ³⁾	75,0
Самарская (3 уезда):		
низшая группа	20,7	2,1
высшая группа	1,8	149,5
Саратовская (Камышинский уезд):		
низшая группа	26,4	1,1
высшая группа	21,1	27,6
Орловская:		
низшая группа	22,9	1,7 ⁴⁾
высшая группа	7,2	28,4
Воронежская:		
низшая группа	24,5	1,4
высшая группа	3,2	11,1
Нижегородская:		
низшая группа	30,4	4,4 ³⁾
высшая группа	2,3	34,6
Калужская:		
низшая группа	30,8 ²⁾	2,0
высшая группа	3,0	14,1

¹⁾ Таблица составлена на основании результатов исследования Ильина, основанных на данных восьмидесятих годов прошедшего столетия.

²⁾ Сверх того 7,5% в Таврической губернии не сеяло вовсе, в Калужской—7,4%.

³⁾ Данные только относительно русских крестьянских хозяйств, не считая хозяйств немцев-колонистов.

⁴⁾ Данные не о посевной площади, а о площади всего землепользования.

Хотя приведенные данные по отдельным губерниям и не вполне согласованы между собою, но, так как проценты дворов, входящих в низшую и в высшую группы, более или менее близки между собою, то и полученные по отдельным губерниям результаты обследования пригодны для приблизительного сопоставления. Картина получается достаточно яркая: в то время, как в Калужской и Воронежской губерниях крупные крестьянские хозяйства превосходят хозяйства крестьян-наперов только в 7—8 раз, в Таврической губ. соотношение между теми и другими достигает 25:1, в Самарской же—75:1. В то время, как в центральных губерниях к крупным хозяйствам относятся уже хозяйства, имеющие 4 лошади на двор, в степных губерниях крупные хозяйства владеют свыше, чем 20 лошадьми на двор. То же различие наблюдалось и в отношении других хозяйственных признаков, распространения наемного труда, более совершенных сельскохозяйственных орудий, имевших несравненно более широкое применение в крестьянских хозяйствах степных губерний по сравнению с центрально-земледельческими.

Тот же результат получается и при сопоставлении данных по отдельным губерниям за различные годы. Так, сопоставляя сведения о распределении крестьянских хозяйств по степени их земельной обеспеченности за восьмидесяти и девятидесятые годы в губерниях: Воронежской, Полтавской и Екатеринославской, получаем следующую картину¹⁾:

¹⁾ Приводимые данные заимствованы из книги Б. Н. Книповича; К вопросу о дифференциации русского крестьянства, СПб. 1912 г. В таблице, относящейся к Полтавской губернии, группы в 1—2 дес., 2—3 дес., 3—6 д. сведены в одну для большей сравнимости с другими губерниями; для губерний Воронежской и Полтавской произведен расчет процентного отношения отдельных групп дворов к общему числу. Интересно, что и результаты исследования Книповича в общем подтверждают факт «замедления» и даже «прекращения» дифференциации в среде крестьянства в тех губерниях, где «земледельце подорвано конкуренцией экстенсивного хозяйства» и где «избыточное население обостряет потребность крестьянства в земле» стр. 97. К сожалению, работа Книповича много теряет в ясности и определенности вследствие того, что он относит в одну группу губернии, собственно промышленные (Владимирскую, Ярославскую и др.) и земледельческие, но с крестьянским малоземельем, где население вследствие земельной тесноты не может прокормиться с одной земли, противопоставляя их темным губерниям с большим земельным простором, где, благодаря такому простору, «земледельце играет доминирующую роль», стр. 95.

Воронежская губерния (5 уездов).

Хозяйства.	Число обследованных дворов.		То же в процентном отношении к общему числу обследованных дворов.	
	1885 г.	1900 г.	1885 г.	1900 г.
Беспосевные.....	3365	3482	8,3	7,6
С посевом до 1 дес. ...	580	1039	1,4	2,3
" " " 1—5 дес.	15858	19823	39,0	43,3
" " " 5—10 дес.	13070	14181	32,2	31,0
" " " 10—20 "	6352	6215	15,7	13,6
" " " 20—40 "	1205	880	3,0	1,9
" " " свыше 40 "	154	149	0,4	0,3
Всего...	40584	45769	100,0	100,0

Полтавская губерния (13 уездов).

Хозяйства.	Число обследованных дворов (в тысячах).		Процентное отношение к общему числу обследованных дворов.	
	1882—1889 гг.	1900 г.	1882—1889 гг.	1900 г.
Безземельные.....	60,3	64,3	18,5	17,9
пашни до 1 дес.	14,1	26,3	4,4	7,3
" " 1—6 дес.	168,0	186,5	51,5	51,8
" " 6—9 "	41,2	38,6	12,7	10,7
" " 9—15 "	25,4	25,4	7,8	7,0
" " 15—50 "	15,3	16,9	4,7	4,7
" " свыше 50 дес. . .	1,3	2,0	0,4	0,6
Всего...	325,6	360,0	100,0	100,0

Екатеринославская губерния. (Екатеринославский уезд).

Хозяйства.	Процент дворов к общему числу.		В отдельных группах по отношению обследованных дворов.	
	1886 г.	1901 г.	1886 г.	1901 г.
Без посевов	4,6	6,8		
С посевом до 5 дес.	19,3	15,7		
" " 5—10 "	28,7	28,0		
" " 10—20 "	35,1	29,8		
" " 20—50 "	11,8	17,6		
" " свыше 50 "	10,7	2,1		
Всего:	100,0	100,0		

Из трех губерний, к которым относятся сообщаемые сведения, Воронежская принадлежит к центрально-земледельческому, отличающимся прежде всего крестьянским малоземельем, Екатеринославская—степная и, наконец, Полтавская, представляющая как-бы промежуточный тип, приближается, однако, по степени земельной обеспеченности скорее к центрально-земледельческому, нежели к степным губерниям. И

вот в Воронежской губернии мы не наблюдаем никакой дифференциации: обе крайние группы не только не возросли в течение 15 лет с 1885 по 1900 г., но сократились, низшая группа в процентном отношении к общему числу обследованных хозяйств, высшая же и абсолютно. Напротив, заметно проявляется тенденция к общей подвижке вниз, в сторону общей пауперизации всей массы крестьянства. Число хозяйств в высших группах хозяйства с посевом свыше 10 десятин не только относительно, но и абсолютно сократилось. Группа хозяйств с посевом 5—10 десятин абсолютно несколько увеличилась, но процентное отношение ее к общему числу понизилось. Напротив, обе низшие группы и в особенности хозяйства крестьян-пауперов с посевом менее одной десятины обнаруживают заметную тенденцию к возрастанию как абсолютно, так и относительно. Та же тенденция в направлении общей пауперизации всей массы крестьянства замечается и в Полтавской губернии; здесь, однако, эта тенденция выражена значительно слабее, при чем более устойчивыми оказываются высшие группы. Напротив, определенная дифференциация в среде сельского населения наблюдается уже в восьмидесятые и девяностые годы в Екатеринославской губернии, типичной степной губернии, с большей свободой землепользования и с более интенсивным земледельческим хозяйством. Здесь растут не только две крайние группы безземельных крестьян-пролетариев, с одной стороны, и состоятельных хозяев с посевами свыше 20 десятин—с другой, при чем рост этот определенно происходит за счет всех средних групп крестьянства.

Итак, до революции 1905 года буржуазно-капиталистические отношения могли проникнуть в русскую деревню и в русское сельское хозяйство почти исключительно на окраинах, но и здесь они очень мало затрагивали собственно жизнь деревни, развиваясь лишь, так сказать, на ее периферии. Надельное землевладение, как только-что было показано, и в окраинных губерниях оказывалось все еще наиболее устойчивым, и надельные земли—наименее подвижными. Крупное крестьянское хозяйство капиталистического типа и в этих губерниях развивалось не столько на надельной, сколько на покупной или же на арендованной земле.

Закон 9 ноября, приведший в движение, прежде всего, именно, надельные земли и затронувший вместе с этим, так сказать, самую сердцевину деревенской жизни, произвел в этом отношении коренной переворот, открыв широкий путь для проникновения буржуазных отношений в жизнь деревни. В очерке¹⁾ «Падение крепостничества в деревне»—мы рассмотрели одну сторону начавшегося после революции процесса переустройства деревенской жизни, именно, падение мелкого продовольственного хозяйства и факт массовой пролетаризации неимущих и малоимущих слоев крестьянства. Обратимся к обратной стороне этого процесса, к факту сосредоточения земель в руках относительно немногочисленного верхнего слоя сельского населения и образования вместе с этим в деревне класса крупной сельской буржуазии.

Усиленно продавали свои земли, как мы видели, одинаково и бывшие землевладельцы, и крупные помещики, и мелкие крестьяне-пауперы, разочаровавшиеся в возможности когда-либо расширить свои ничтожные земельные участки. Кто же являлся главным покупателем всей этой массы пришедшей в движение земли? И показания наблюдателей, и корреспонденции с мест, и данные анкеты, произведенной Волно-Экономическим Обществом среди крестьян, и, наконец, статистические данные согласно свидетельствуют об усиленной покупке земель частью верхними слоями крестьянства, частью теми деревенскими богачами, которые до того времени не вели собственного сельского хозяйства и занимались торговлей или мелким ростовщичеством.

Закон 9 ноября предоставлял каждому крестьянину право приобретать в пределах данной общины не более шести наделов, но в то же время оставлял возможность одновременного приобретения такого же числа наделов в соседних общинах. И вот статистические данные показывают, что в большинстве земледельческих губерний установленная законом норма не только была использована вполне, но даже превзойдена. Так, среднее количество проданной и купленной надельной земли на одного хозяина (продавца в первом случае, покупателя—во втором) в десятинах, по данным, относящимся к 1910 году, составляло²⁾:

¹⁾ См. Красная Летопись, № 5.

²⁾ Данные взяты из статьи Быковского «Пролетаризация деревни», Запросы жизни, 1910 г., № 3, стр. 142.

Губернии:	Среднее количество проданной наделной земли на продавца, в десятинах:	Среднее количество купленной наделной земли на покупателя:
Ставропольская.	8,4	86,0
Таврическая	6,4	64,3
Екатеринославская.	5,9	40,0
Херсонская.	3,7	26,2
Харьковская.	3,5	21,1
Тамбовская.	3,8	19,4
Рязанская.	2,9	19,0
Полтавская.	3,0	18,4
Курская.	3,5	18,4
Тульская.	3,1	14,8
Черниговская.	4,5	14,6
Киевская.	1,8	10,4

В губерниях: Ставропольской, Таврической, Екатеринославской, Херсонской, Рязанской, Полтавской отношение между средними размерами покупок и продаж выше установленной нормы 6 : 1. Во всех остальных губерниях, за исключением Тульской и Черниговской, приближается к ней. И надо при этом еще иметь в виду, что в нашей таблице приведены средние по губернской итогу и что, следовательно, во многих отдельных случаях количество сосредоточиваемых в одних руках наделов должно было быть еще выше и в еще большей степени превосходило установленную законом 9 ноября норму.

Другие, сообщаемые корреспондентами с мест, рисуют еще более яркую картину концентрации наделных земель. Наделные земли скупаются отдельными богачами не единицами, а десятками, при чем общее количество скупленной в одних руках наделной земли нередко измеряется сотнями десятин. Так, в Ставропольской губернии, по сведениям корреспондента «Речи», «за два года лишались земли 5300 дворов, при чем немало дворов, владевших более, чем одним наделом. Общая цифра проданных крестьянами наделов выразится около 6360. Скупкой наделов земля сосредоточивалась в одних руках. Стучай покупки 30, 40 и более наделов были нередки. Средний крестьянский надел с выпасами, выгонами и прочими угодьями принимается в 7 десятин. Средняя продажная цена за десятину — 40 рублей. Цифра эта колеблется между 25 и 65 рублями, преобладающая же продажная цена — 45 рублей. Помещичьи земли и земли, продаваемые земельным крестьянским банком, идут не ниже 125 рублей за десятину. И более 50% всех сделок по продаже совершено за

наличный расчет»¹⁾. Насколько быстро совершался процесс концентрации наделных земель, можно видеть из примера одного села, относительно которого корреспондент той же газеты уже в 1911 году мог констатировать, что «добрая половина крестьянских посевных земель находится в руках городских кулаков, скупивших по 30 и более наделов»²⁾. Согласно другим сведениям из Ставропольской же губернии, «здесь в очень больших размерах практикуется скупка укрепленных в личную собственность, но еще не отведенных к одному месту крестьянских наделов торговцами и другими лицами некрестьянского звания. Сплошь и рядом землеустроитель вынужден отводить участки посторонним лицам в размере 100, 200, 300 и более десятин»³⁾. В Бессарабской губернии покупателей вдвое менее, чем продавцов⁴⁾.

Подобные же сообщения приходили и из других, прежде всего центрально-земледельческих, губерний. В Харьковской губернии бывали случаи сосредоточения в одних руках свыше двадцати наделов⁵⁾. О скупках по десяти и более наделов сообщается и из Саратовской губернии⁶⁾. Яркими красками изображает деятельность скупщика член первой государственной думы от Саратовской губернии Аникин: «Как ночной шакал, роется он острым рылом в наследии помещного дворянства, не брезгуя и отбросами общины. Он не имеет исторически нарощенных привилегий своих предшественников, но уже верхним чутьем угадывает, что будущее может остаться за ним. К услугам таких господ появились и ученые юристы-адвокаты, которые, разезжая по селам, «за скромную плату» устраивают выделы из общины и продажу душ. Чичиковы нашего времени, они рыскают, как голодные волки, по деревням и селам. Результаты их работы уже сказываются: у старшего нотариуса в Саратове ежедневно бывает не менее шести—семи купчих крепостей на землю, проданную по закону 9 ноября»⁷⁾.

¹⁾ Цитировано по статье Коновалова в «Нашей Заре», 1910 г., № 3, стр. 7 («Речь», 1909 г.).

²⁾ «Речь», 1911 г., № 81.

³⁾ Ордынский. Очерк современного положения землеустройства в Европейской России, «Сельское Хозяйство и Лесоводство», 1910 г., май—июнь, стр. 112—113.

⁴⁾ «Русские Ведомости», 1910 г., № 79.

⁵⁾ «Запросы Жизни», 1910 г., № 3, стр. 142.

⁶⁾ «Наша Заря», 1910 г., № 3, стр. 9—12, Чернышев, Община после 9 ноября, II, стр. 110.

⁷⁾ «Вестник Европы», 1909 г., февраль, стр. 739.

Из Николаевского уезда Самарской губернии сообщали о появлении таких же Чичиковых, скупающих крестьянские наделы: «Покупают кулаки и миреды, сельские лавочники, волостные писаря, техники из крестьян и т. д., покупают по двадцать и более наделов по 15—20 рублей за десятину, а один купил в разных селах до тысячи десятин в среднем по 40 рублей за десятину»¹⁾.

В Покровской слободе, Самарской губернии, «воспользовавшись законом 9 ноября, за последние два года выделилось из общины более тысячи душ и укрепилось... «Укрепившись», крестьяне под влиянием острой нужды начали распродавать землю местным кулакам по 100—225 рублей за душу. Продавшие землю ушли на заработки, бросили хозяйство или переселились в Сибирь, а проданная земля сконцентрировалась в руках кулаков, которые начали бесперомонно эксплуатировать покровское общество арендой и работами»²⁾. В той же слободе достойный член третьей думы крестьянин Новенков купил около сорока дворовых мест по двадцати рублей за каждое»³⁾.

В Казанской губернии «на арену деревенской жизни выдвинулся особый тип дельцов, спекулянтов, которые не преминули использовать момент в целях личного обогащения за счет общины. Эти дельцы скупают укрепленные наделы, конечно, по очень дешевой цене. Есть лица, скупившие больше ста десятин»⁴⁾. Об усиленной скупке земли по 30—40 рублей за десятину пишет корреспондент Вольно-Экономического общества из Воронежской губернии⁵⁾: «В с. Животинном за бесценок продаются наделы. Десятками обезземельваются крестьяне»⁶⁾. В Тамбове, на съезде союза русского народа присутствующими на нем крестьянами был приведен пример одного бывшего купца второй пильдии, приписанного теперь к крестьянскому обществу и предпринявшего скупку крестьянских земель. Одним членом союза было указано, что в его обществе подготавливается крупная покупка шестисот десятин надельной

¹⁾ «Запросы Жизни», 1910 г., № 3, стр. 142.

²⁾ «Речь», 1910 г., цитировано по «Современному Миру», 1911 г., сентябрь, стр. 233.

³⁾ «Запросы Жизни», 1910 г., № 3, стр. 142.

⁴⁾ Г. А., Ставка на сильных, «Современный Мир», 1913 г., июль, 255 стр.

⁵⁾ Чернышев, I, стр. 28.

⁶⁾ «Воронежское Слово», цитировано по книге Дроздова «Около М. 1909, стр. 62.

земли в одни руки¹⁾. В Тамбовской губернии бывали случаи скупки в одни руки до половины всей принадлежащей обществу надельной земли. Так, в деревне Ольховке Моршанского уезда из двухсот сорока десятин всей общинной земли сто десятин, т. е. почти половину, скупил местный мелкий торговец Юдин и затем подал в уездный съезд ходатайство о выделе ему всей этой земли к одному месту²⁾. Крестьянин корреспондент Вольно-Экономического общества из Мокшанского уезда, Пензенской губернии, пишет: «Богатые крестьяне с нетерпением ждут, как бы у кого купить... и могут купить десять душ и более»³⁾. Усиленная окупка по сто и более десятин в одни руки имела место одинаково в Рязанской и Курской губерниях⁴⁾. В Орловской губернии, как сообщал корреспондент «Нового Времени», «крестьян постоянно можно видеть во всех нотариальных конторах». При этом, рядом с ростом числа продающих свои наделы крестьян отмечается интересный факт одновременного быстрого падения цен на землю. В 1907—1908 г. г. цена за десятину надельной земли равнялась 81—96 руб., а в 1909 году уже только 35 рублям за десятину. В то же время средняя цена за десятину ненадельной земли в Орловской губернии достигала 150—200 рублей⁵⁾.

О такой же скупке земель, хотя и в значительно меньших размерах, сообщали и из других губерний: Киевской, Полтавской, Черниговской, Херсонской, Таврической, Смоленской, Московской Владимирской и Костромской⁶⁾. Так, по сообщениям из Коломны, Московской губ., «нотариусы завалены делами о продаже выделившимися из общины крестьянами бывшей надельной земли. В уезде скупка по дешевым ценам земель крестьянами-кулаками идет во всю. Прежние надельные, порвав все в деревне, идут в большие города искать работы⁷⁾. «Нередко встретить такие суждения среди крестьян», пишет корреспондент из Муромского уезда, Владимирской губер-

¹⁾ «Русское Слово», 1910 г., цитировано по «Нашей Заре», 1910 г., стр. 11.

²⁾ «Речь», 1910 г.

³⁾ Чернышев, т. II, стр. 43, см. также «Новое Время», 1909 г., 8 декабря.

⁴⁾ Чернышев, I, стр. 85, 139.

⁵⁾ «Новое Время», 1910 г., март.

⁶⁾ Много данных о скупке наделов в Херсонской, Таврической, Полтавской и др. губерниях, см. у Дроздова «Около земли», М. 1909 г.

⁷⁾ «Русское Слово», 1909 г., август; «Современный Мир», 1911 г., сентябрь, стр. 232.

нии, «что закон 9 ноября не полезен для крестьян, что через несколько лет крестьяне решительно останутся без земли, что и теперь наблюдается; некоторые укрепились, или еще только просят укрепиться, а уж наделы продали за бесценок. Скупают кулаки. Часто так случается, что крестьянин едет укреплять, а с ним едет кулак совершать продажную сделку»¹⁾). В Костромской губернии «в настоящее время идет продажа и покупка земель... Бедные крестьяне продают, обрекая будущие поколения на жизнь бобылей, а богатые и кулаки скупают». Другой корреспондент из той же губернии пишет: «Не ошибусь, если скажу, что пройдет еще десять лет и половина работников останется без земли»²⁾).

На почве мобилизации крестьянских земель широко развилась настоящая спекуляция: «появились специальные профессии скупщиков наделной земли, которые, покупая у одних, перепродают другим с барышом, и комиссионеров, налаживающих сделки»³⁾). Выше уже приводились примеры настоящих Чичиковых, наводнивших страну. О появлении таких скупщиков сообщают и корреспонденты Вольно-Экономического общества из различных губерний. Там, где продажа и скупка совершалась особенно усиленным темпом, такое комиссионерство по скупке наделной земли из отдельных случаев успело превратиться в широко распространенное явление, приняв более постоянные и организованные формы. Картину такой систематической скупки можно было наблюдать, например, в губерниях Северного Кавказа, где, как сообщают «Русские Ведомости»⁴⁾, «естественным результатом сдвига, произведенного в земельных отношениях указом 9 ноября, являлся усиленный переход в чужие руки освободившихся крестьянских земель, и вокруг этой земельной мобилизации создались своего рода негласные биржи, нажившие хороший капитал за счет мужицкой темноты. В деревне нередко можно наблюдать нотариуса, променявшего свою контору на земельное маклерство и нажившего уже на этом выгодном занятии не один десяток тысяч, торговцев, обращавших весь инвентарь в свободную денежную наличность, чтобы не упустить подходящий момент наиболее выгодной земельной скупки».

¹⁾ «Вестник Европы», 1910 г., август, стр. 299.

²⁾ Статистический Ежегодник Костромской губернии, 1910 г., стр. 45, след.

³⁾ Коновалов. Пролетаризация деревни, «Наша Заря», 1910 г. № 3, стр. 12.

⁴⁾ «Русские Ведомости», 1911 г., апрель, № 96.

Непосредственная продажа была далеко не единственным способом, приводившим к концентрации наделных земель в немногих руках. Одновременно широко практиковались и другие сделки и формы замаскированной продажи. Особенно распространены были денежные ссуды под землю, имевшие своей конечной целью и результатом отчуждение этой последней и обезземеление, таким образом, задолжавшего бедняка. В Ставропольской губернии, как мы видели из сообщения корреспондента «Речи», за наличный расчет произведено было не более половины всех сделок. «В Пензенской губернии», рассказывает известный наблюдатель жизни деревни послереволюционного времени, Н. Коновалов, «мне сплошь и рядом приходилось наблюдать такие сцены: задолжавший крестьянин передает свою землю кредитору в аренду, конечно, бесплатную до тех пор, пока не будет возвращен долг.—Почему же ты не продашь землю? Ведь дороже взял бы.—Жалко все-таки. Может, наклонится работенка, глядь, и уплачу. Тогда земля опять моя.—Конечно, земля так у кредитора и останется, а работенка, если и наклеивается, то заработка едва-едва хватает на жизнь»¹⁾). В Саратовской губернии тому же Коновалову приходилось слышать «десятки рассказов все об одном и том же: на наделах не проживешь, в деревне прибыли нет, а богатые дают в долг исключительно под землю»²⁾). Та же картина в Орловской губернии. «Что же будет», писал Коновалову его корреспондент, крестьянин Орловской губернии, Ливенского уезда, «если бог пошлет неурожай? Все земли ведь перейдут кулакам. Теперь займы никто хлеба не дает иначе, как под землю. Пока народ крепится, а как голод подведет животы, так на все пойдут. Так думаю я, что из всего села нашего останется дворов двадцать, и вся земля им перейти должна»³⁾).

3.

Уже ко времени обсуждения закона о выделе из общины в государственной думе факт усиленной скупки крестьянских наделов представлял настолько очевидное явление, что обратил на себя внимание думы, и статьей 56-ой закона 14 июня 1910 года возможность скупки наделов одним лицом

¹⁾ «Наша Заря», 1910 г., № 3, стр. 7.

²⁾ Там же, стр. 10.

³⁾ Там же.

была еще более ограничена. Принесла ли, однако, эта статья ожидаемые результаты? «По издании закона 14 июня 1910 года», констатируется в объяснительной записке к росписи доходов и расходов на 1915 год¹⁾, «скупка в одни руки прекратилась, и ныне земельная мобилизация отнюдь не носит характера сосредоточивания земли в отдельные руки за счет обезземеливания широких масс». В подтверждение этого заключения в записке приводятся и цифровые данные: «по сведениям министерства внутренних дел», число покупателей к 1915 г.—746.412 почти равнялось числу продавцов—799.982. Цифры как будто убедительные, однако, если бы мы стали основываться исключительно на данных официальной статистики, то все равно не увидели бы при этом никакого различия по сравнению со временем до издания закона 1910 года. Как до, так и после этого года число покупателей одинаково незначительно отличалось от числа продавцов. Так, к концу 1909 года, т.-е. еще в то время, для которого мы с несомненностью установили факт широкого развития скупоческих операций и усиленной концентрации надельного землевладения, официальная статистика смогла насчитать всего лишь 67.975 покупателей на 82.274 продавцов надельных земель.

Любопытно отметить при этом, что еще ранее, в заседании государственной думы 24 октября 1908 года, при обсуждении указа 9 ноября, товарищ министра внутренних дел Лыкошин, ссылаясь на подобное же соотношение официальных цифр продавцов и покупателей надельных земель, приходил буквально к тем же выводам и притом почти в тех же выражениях, как и объяснительная записка министра финансов. «Запрошенные министерством сведения от губернаторов уже получены», сообщал товарищ министра, «они гласят, что число домохозяев, продавших до 1 августа укрепленные участки, равняется 15.741, а число покупателей—12.260. Я думаю, что сопоставление обеих этих цифр, тот факт, что число покупателей лишь немногим менее числа продавцов, и сам по себе уже говорит в пользу того, что тут не происходит сильного сосредоточивания наделов»²⁾. И это говорилось в то самое время, когда мобилизация надельных земель и «сильное сосредоточение наделов» как раз находилось в самом разгаре, когда оно

¹⁾ Часть 2, стр. 18.

²⁾ Стенографический отчет государственной думы третьего созыва, сессия 2, часть 1, стр. 282.

было засвидетельствовано множеством отзывов наблюдателей и обратило на себя специальное внимание государственной думы.

Такое несоответствие официальной статистики действительности, как указывает Быховский, происходило от того, что в качестве продавцов в официальной статистике фигурируют домохозяева, в качестве же покупателей «души», т.-е., считая среднюю семью в 5 человек, число покупателей преувеличено ровно в пять раз¹⁾. Если судить только на основании официальных данных, то, как уже сказано, между временем до и после 1910 года мы не заметим почти никакого различия. Так, на сто укрепленцев-продавцов приходилось покупателей:

годы	
1908	94,4
1909	93,2
1910	94,0
1911	96,4
1912	98,0

Официальные данные, таким образом, действительно, не только не показывают преобладания числа покупателей над продавцами, но, напротив, свидетельствуют скорее о существовании противоположной тенденции к уравнению числа тех и других. Посмотрим, однако, в какой мере могут они служить основанием для такого вывода. Укажем, прежде всего, на то обстоятельство, что даже и при том соотношении, какое отмечалось в объяснительной записке, все же покупщики увеличивали свое землевладение за счет продавцов, в большинстве случаев, как мы видели, ликвидировавших свои наделы окончательно. Таким образом, даже равенство чисел покупателей и продавцов не исключает факта концентрации, хотя бы и незначительной. Однако, те суммарные данные, с которыми оперировал министр финансов, сами по себе не могли дать и отдаленного представления о действительном положении вещей. На это обстоятельство обращал внимание А. А. Чупров еще по поводу речи Лыкошина. «Рассуждение, очевидно, такое», писал он по поводу сопоставления последним 12 тысяч покупателей и 15 тысяч продавцов: «было 15 тысяч хозяев, стало 12 тысяч. Велико ли сосредоточение? Рассуждение было

¹⁾ «Запросы Жизни», 1910 г. № 3, стр. 141.

бы справедливо, если бы те, кто покупают наделы, не имели до покупки своей земли, но... можно думать, что в большинстве случаев наделы покупаются не безземельными. Но, если так, то не правильнее ли рассуждать: было 27 тысяч хозяев (15+12), стало 12? Сосредоточение, как видим, начинает обрисовываться довольно ярко». Не довольствуясь этим замечанием, Чупров еще обращает, совершенно справедливо, внимание и на неточность официальной статистики. «Цифры, приводимые г. Лыкошиным», пишет он далее, «не могут показать значение сосредоточения наделов даже в том случае, если в жизни явление это наблюдается в грандиознейших размерах. Вывод Лыкошина предполагает, что 12 тысяч зарегистрированных у него покупателей, это—12 тысяч разных лиц. Но разве так идет скупка в действительности? Разве скупщик все, что прибирает к рукам, приобретает непременно по одной сделке? Он купит укрепленный надел у одного соседа, купит другой надел у другого соседа, купит у третьего, у четвертого и т. д. и при каждой покупке войдет в счет г. Лыкошина одной единицей¹⁾. Наконец, необходимо еще иметь в виду и те многочисленные случаи обхода закона, ограничивавшего возможность скупки наделов, о каких мы отчасти уже говорили выше. Так, сделки совершались часто на подставных лиц, или на различных членов семьи, например, на жену, на сыновей и пр., или в замаскированной форме долгосрочной и бессрочной аренды, наконец, и просто в виде разного рода не заносимых в книги и подтвержденных лишь свидетелями уступочных «актов» и «условий»²⁾.

¹⁾ «Русские Ведомости», 1908 г., № 253. С возможностью такой ошибки считалась и земская статистика, ср. Статистический Ежегодник по Симбирской губернии за 1912 г., Симбирск, 1914 г., стр. 100: «При скупке наделов в различных общинах одними и теми же покупателями, последние могли быть засчитаны в наших таблицах каждый раз за отдельного покупателя».

²⁾ В. Дроздов, Около земли. Очерки по землеустройству, М. 1909 г., стр. 67—68, Коновалов, цитированная статья в «Нашей Заре», 1910 г., «Статистический Ежегодник Симбирской губернии» за 1912 г., стр. 100; по анкете Харьковского губернского земства о переселенческом движении в 1910 году переселенцы продавали землю в 32% случаев через нотариусов, в 26,8% по домашним сделкам, в 34% по волостным записям и в 7,2% разными другими способами. Таким образом, до 1/3 продаж в Харьковской губернии ускользнули от официальной регистрации. См. статью Огановского о землеустройстве в новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, т. XVIII, стр. 560.

Представление о настоящих размерах концентрации наделных земель может дать, поэтому, только более детальное обследование конечных результатов земельной мобилизации, происходившей в деревне в послереволюционные годы. Такое обследование действительно было произведено в Симбирской губернии, и оно дало совершенно иную картину, нежели та, которая рисовалась на основании официальных данных, и вместе с этим вполне определенно показало, насколько мало можно полагаться на свидетельство голых суммарных цифр. Если мы ограничимся рассмотрением только общих суммарных итогов произведенного в Симбирской губернии земского обследования (на 8.362 продавших до 1912 года включительно свои наделы приходилось 6.843 покупателя, при чем средний размер продажи равнялся 4,78 дес., средний размер покупок—5,84 дес.), то точно так же должны будем признать, что о сколько-нибудь значительной концентрации эти данные не свидетельствуют. К такому именно выводу и приходит автор статьи о земельной мобилизации в «Симбирском Ежегоднике», из которой мы их и заимствуем¹⁾. «В общем выводе,—говорит он,—приведенные данные свидетельствуют, что мобилизация наделов в губернии носит в огромном большинстве случаев дробный молекулярный характер, далекий от земельной спекуляции»²⁾. Вывод этот, однако, и он считает необходимым смягчить рядом оговорок. Но даже и со всеми этими оговорками простое сопоставление общих суммарных цифр не способно дать представления о действительном значении происшедшего в деревне в послереволюционные годы процесса. Настоящее представление об этом процессе могут дать только содержащиеся в том же «Симбирском Ежегоднике» сведения о размерах покупок в связи с имущественным положением покупателей³⁾:

¹⁾ См. статью Воробьева «Мобилизация крестьянских наделов», «Статистический Ежегодник по Симбирской губернии» за 1912 г., Симбирск, 1914 г., стр. 84—105.

²⁾ Стр. 98.

³⁾ Стр. 101; процентное соотношение вычислено мною.

Категории хозяев, купивших надельную землю.	Число хозяйств.	Площадь купленной ими земли в дес.	Средний размер покупки на одно хозяйство (в дес.).	Процентное отношение к общему числу хозяйств.	К общей площади купленной надельной земли.	Общее число хозяйств в категории.	% хозяйств, купивших землю, по отношению к общему числу хозяйств в данной категории.
Не сеюшно	68	1146,8	16,86	2,4	5,6	11739	0,6
Засаевающие							
менее 1 дес.	15	29,7	1,98	0,5	0,1	11440	0,1
" 1—2 "	86	255,3	2,97	3,0	1,3	35818	0,2
" 2—4 "	320	1203,3	3,76	11,1	5,8	68716	0,5
" 4—6 "	484	2008,3	4,15	16,7	9,7	43901	1,1
" 6—8 "	419	2159,6	5,15	14,5	10,4	24215	1,7
" 8—10 "	314	1699,4	5,41	10,9	8,3	12784	2,5
" 10—15 "	561	3630,2	6,47	19,4	17,6	13370	4,2
свыше 15 дес.	621	8503,1	13,70	21,5	41,2	6633	9,4
Всего . . .	2888	20637,4	7,15	100,0	100,0	228616	1,3

Таблица наглядно показывает определенный рост сельской зажиточной буржуазии в результате мобилизации надельной земли. Наиболее состоятельные группы, начиная с посева в 6 десятин, образуют свыше 66% (т.е. до $\frac{2}{3}$) общего числа возросших благодаря скупке надельной земли хозяйств, при чем в руках этих хозяйств оказались сосредоточенным 77,5% всей проданной земли. Если к этим группам мы прибавим еще беспосевных, т.е. определенных спекулянтов и кулаков, не живущих земледелием и сдающих свои земли в аренду, скупивших свыше 5% всей мобилизованной надельной земли, то увидим, что крестьяне-пауперы и даже крестьяне-середняки участвовали в покупке лишь в самой ничтожной степени. О значении и характере мобилизации надельной земли не менее ярко свидетельствует и то обстоятельство, что половина всех покупателей покупала землю прежде всего в целях сдачи ее в аренду¹⁾.

Официальные цифры дают, таким образом, совершенно ложное представление о ходе мобилизации надельной земли²⁾.

¹⁾ Стр. 103.

²⁾ Интересно, что именно эти самые цифры и послужили главным основанием Огановскому для заключения об отсутствии какой-либо концентрации крестьянских земель вообще. См.: Огановский, «Индивидуализация землевладения в России и ее последствия», стр. 62, ср. его же статью о землеустройстве в новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, XVIII, стр. 561—562, см. также статью другого писателя того же направления: Черненко, «Мобилизация надельной земли», «Северные Записки», 1913 г., сентябрь, стр. 152—165, автор которой, хотя и при-

И, действительно, мы видим, что то самое министерство, на основании данных которого министр финансов пришел к столь оптимистическим выводам, держалось иного взгляда на положение вещей, и уже в 1913 году, т.е. спустя три года по издании закона 14 июня, сочло нужным предпринять специальное обследование некоторых губерний, в которых имелись основания предполагать наиболее усиленное обезземеление крестьянства и, согласно опубликованным в официальном органе министерства внутренних дел результатам, несмотря на тенденцию умалывать их значение, картина получилась совсем иная, по сравнению с той, какую нарисовал министр финансов. В то время, как в Витебской губернии скупка земли совсем не наблюдалась, в Пермской лишь в незначительных размерах, в Самарской губернии, как констатирует орган министерства внутренних дел, она представляла распространенное явление, в Ставропольской губернии, при общем числе покупателей 8.489, до 3.000 (до 36%) скупило более двух наделов, в том числе 168 купило по десять и более наделов, 562 от 5 до 9 наделов. В 580 случаях путем скупки наделов сосредоточено было в одних руках до ста десятин, в 85—до пятисот и в семи случаях—до тысячи десятин¹⁾. Не меньшая концентрация имела место и в других губерниях. Так, в Симбирской губернии, по сведениям из другого источника, бывали случаи сосредоточения в одних руках свыше сорока и даже пятидесяти наделов²⁾, в Тамбовской губернии до ста наделов³⁾.

В северных губерниях, где, как мы имели уже случай отмечать⁴⁾, процесс расчленения крестьянства и образования крупного крестьянского землевладения в послереволюционные годы вообще не получил особенно заметного развития и где продавали наделы по преимуществу элементы, уже порвавшие с землей, соответственно наблюдалось и большее равнове-

знает, что «все корреспонденты с полным единодушием констатируют одно и то же: пролетаризацию и концентрацию», но тем не менее в дальнейшем, вопреки очевидности, опровергает факт концентрации на основании подобных же поверхностных сопоставлений.

¹⁾ См. статью Дибайлова о продаже укрепленных наделов, «Известия земского отдела министерства внутренних дел», 1913 г., № 5, стр. 228, след.

²⁾ «Статистический Ежегодник Симбирской губернии» за 1910 г., Симбирск, 1912 г., стр. 72, след.

³⁾ В. П. Дроздов, «Окодо земли», «Очерки по землеустройству», М. 1909 г., стр. 5—6.

⁴⁾ См. очерк первый.

сие в отношении земельной обеспеченности продавцов и покупателей наделов, обнаруживающееся и в результате специального обследования. Зато здесь обнаруживается полное несоответствие в обеспеченности тех и других лошадьми и рабочими силами. Так, по данным местного земского обследования, в трех уездах Новгородской губернии (Череповецком, Устюженском и Кирилловском) благосостояние покупателей и продавцов наделов было следующее ¹⁾:

	% хозяйств.		Приходилось на одно хозяйство.				
	Отсутству- ющих.	Без всяко- го скота.	Безлошад- ных.	Десятин земли.	Голов ско- та.	Лошадей.	Рабочих- мужчин.
Продавцы. . .	24,7	71,0	85,8	9,2	0,6	0,1	0,8
Покупатели. .	1,0	3,7	8,6	9,1	4,7	1,1	1,6

Из этой таблицы мы видим, что значительный процент хозяйств, продававших свои наделы, отсутствовал, но и оставшиеся в деревне оказывались, в противоположность покупателям, совершенно необеспеченными ни инвентарем, ни рабочим скотом, ни рабочими силами. И здесь, таким образом, хотя и в менее заметной степени, происходил процесс перехода земель от крестьян-пауперов к более обеспеченным крестьянам. В результате продажи образовывалась, с одной стороны, группа полных пролетариев, очевидно совершенно порывавших после продажи с сельским хозяйством, с другой — более состоятельная группа, выраставшая за счет окончательно пролетаризуемых пауперов. На этом примере, таким образом, мы легко можем видеть, что даже и равновесие в обеспечении земель продавцов и покупателей не исключало наличия расслоения в результате мобилизации наделной земли.

¹⁾ Личное владение наделной землей Череповецкого, Устюжского и Кирилловского у.у., Новгородской губернии, издание оценочно-статистического отдела Новгородской губернской земской управы, Новгород, 1913 г., стр. 29.

Гладко написано на бумаге, но жизнь не укладывается в бумажные рамки, и в конце-концов и попытка законодательного вмешательства со стороны государственной думы в дело мобилизации крестьянской земли оказалась столь же бессильной, как и существовавшее ранее в указе 9 ноября ограничение права покупки в одни руки шестью наделами. Максимальное число сделок на наделные земли и после 1910 года продолжали давать те же губернии, что и до этого. Очевидно, и общая тенденция земельной мобилизации должна была остаться та же самая.

5.

Мобилизация наделных земель внутри крестьянства имела, таким образом, своим непосредственным последствием концентрацию крестьянских земель в немногих руках и образование сильного зажиточного слоя сельской буржуазии. К тому же результату, в конце-концов, приводила и деятельность крестьянского банка, как по посредническим операциям, при покупке крестьянами земель от частных владельцев, так и в еще большей степени по непосредственной продаже крестьянам банковых земель.

Хотя операции банка в послереволюционные годы по своей интенсивности и не превышали в среднем его деятельности в предшествующие дореволюционные годы, зато резко изменился как ее характер, так и степень интенсивности по отдельным районам. С одной стороны, вместо преобладания коллективных покупок, имевшего место в предшествующее время, теперь преобладают, напротив, покупки единоличные, с другой стороны, деятельность банка теперь не распределяется уже более или менее равномерно по различным районам Европейской России, но сосредоточивается почти исключительно в центрально-земледельческом и приволжском районах.

Вся земля, купленная крестьянами из имений банка в 1906—1913 г.г., по категориям покупателей распределялась следующим образом ¹⁾:

¹⁾ Таблица составлена и вычислена на основании ежегодных отчетов Крестьянского банка.

Г О Д Ы.	ОТДЕЛЬНЫЕ ДОМОХОЗЯЕВА.							Товарищества и сельские общества.							В С Е Г О.		
	Число домохо- зев.	% к общему числу дворов, му- нicipal земель.	Куплено земель в десятинах.	% к общему ко- личеству куп- ленной земли.	Среднее коли- чество куплен- ной земли (в дес.)	Число ссуд.	% к общему числу.	Число дворов.	% к общему числу.	Площадь куп- ленной земли.	% к общему числу.	Среднее коли- чество куплен- ной земли на двор (в дес.)	Число ссуд.	Число дворов.	Площадь куп- ленной земли.		
1906	46	0,9	1241	3,2	27,0	171	78,8	5222	99,1	38003	96,8	7,3	217	5268	39244		
1907	447	1,5	4559	2,5	10,2	622	58,2	30701	98,5	175589	97,5	5,7	1069	31148	180148		
1908	12463	29,3	126043	38,8	10,1	1108	8,2	30054	70,7	198913	61,2	6,3	13559	42517	324956		
1909	38553	55,0	432487	78,4	11,2	910	2,3	31535	45,0	118820	21,6	3,8	39438	70088	551307		
1910	49539	66,5	711207	93,0	14,4	694	1,4	25010	33,5	58461	7,0	2,1	50227	74549	764671		
1911	40183	73,1	633754	93,2	15,7	372	0,9	14732	26,9	45904	6,8	3,1	40549	54915	679658		
1912	23106	65,5	347413	93,5	15,1	274	1,2	12176	34,5	24274	6,5	2,0	23367	35282	371687		
1913	21802	66,3	387905	94,6	17,8	284	1,3	11056	33,7	22213	5,4	2,0	22092	32888	410118		
1906—1913	186139	53,7	2644609	79,6	14,2	4435	2,3	160516	46,3	677180	20,4	4,2	190518	346655	3321789		

На основании приведенной таблицы картина вырисовывается довольно характерная и в общем вполне соответствующая тем переживаниям, какие пережило крестьянство за указанные годы. В 1906 году крестьяне еще выжидали прирезки земли, и число покупок вследствие этого было незначительно, сильно сократившись по сравнению с предшествовавшими годами. 1907 год приносит с собою разочарование в этих ожиданиях, и крестьяне начинают усиленно покупать банковскую землю как товариществами и обществами, так и отдельными хозяйствами (хуторами и отрубам); вместе с этим среднее количество приобретаемой единолично земли на двор сразу падает с 27 до 10 десятин и в общем мало разнится от среднего размера коллективных покупок. Число коллективных покупок заметно преобладает. В этом отношении 1907 год не отличается от дореволюционных годов, когда такое преобладание коллективных покупок над единоличными было выражено еще резче¹⁾. Но уже начиная со следующего 1908 года картина резко меняется: число коллективных покупок, равно как и количество коллективно приобретаемой земли, с каждым годом быстро падает при одновременном сокращении размеров покупок на двор; в то же время единоличные покупки растут и количественно, и по размерам приобретаемых участков. В 1906—1907 г.г. в руки единоличных покупателей попадало всего лишь 2—3% общего количества проданной банком земли, в течение же четырех лет, 1910—1913 г.г., в их руках сосредоточивается свыше 90%, т.е. почти вся земля, приобретаемая крестьянами из имений банка. Средний размер покупаемых участков с 10 десятин в 1907—1908 г.г. возрос почти до 18 десятин на одного покупателя в 1913 году. Рядовое крестьянство, таким образом, почти совершенно перестает покупать банковские земли и в то же время за их счет начинает быстро расти число крестьян-собственников.

Хотя статистика посреднических операций банка по содействию крестьянам при покупке частных земель, в отличие от статистики продажи собственных банковских земель, и обнаруживает в общем преобладание случаев коллективных

¹⁾ В. Святловский. «Мобилизация земельной собственности в России» (1861—1908 г.г.), издание 2, ПБ, 1911 г., стр. 130, 134.

покупок над единоличными¹⁾, однако и здесь в конце-концов, хотя и несколько позже, обнаруживается та же тенденция к росту единоличных покупок за счет коллективных.

Куплено крестьянами от частных владельцев при посредничестве Крестьянского банка.

Годы.	Отдельными домохозяйствами.		Годы.	Товариществами и сельскими обществами.	
	В тысячах десятин.			В тысячах десятин.	
1906	7	476	1910	154	631
1907	12	741	1911	217	469
1908	96	668	1912	192	353
1909	70	605	1913	171	313

И здесь наблюдается в общем та же эволюция. До 1909 года случаи единоличного приобретения земли отдельными домохозяйствами совершенно тонут в массе ссуд на коллективные покупки, но уже с 1909 года число первых начинает быстро увеличиваться при одновременном сокращении вторых. Тенденция в сторону роста, именно, единоличного землеустройства в среде крестьянства еще заметнее обнаруживается в соотношении числа единоличных и коллективных заявлений в Крестьянском поземельном банке о выдаче ссуд на покупку земли у частных владельцев:

Годы.	Число заявлений отдельных домохозяйств.		Число заявлений товариществ.	Число заявлений сельских обществ.		
	Число заявлений отдельных домохозяйств.	% к итогу.		Число заявлений сельских обществ.	% к итогу.	
1906	1773	18,7	6060	63,9	1646	17,4
1907	2395	25,8	5785	62,3	1105	11,9
1908	11358	58,4	7355	37,8	738	3,8
1909	21875	76,8	6292	22,1	332	1,1
1910	28913	84,8	5073	14,5	236	0,7
1911	21743	82,2	4472	16,9	225	0,9
1912	18843	81,5	4127	17,8	162	0,7

В приведенной таблице особенно показательным представляется быстро падающее участие в покупках земли при посредстве банка сельских обществ.

В заключение этого общего обзора результатов деятельности Крестьянского банка в послереволюционные годы не

¹⁾ Единственно факт преобладания коллективных покупок над единоличными в посреднических операциях Крестьянского банка служит П. Г. Архангельскому («Очерки по истории земельного строя России», Казань, 1921 г., стр. 291—292), в общем равнодушному к судьбам общинного землеустройства; основанием для заключения о сохраняющейся будто бы тяге крестьянства скорее в сторону коллективного, нежели единоличного землеустройства. Однако, и он вынужден признать, даже говоря о результатах посреднических операций банка, факт роста единоличных покупок. Архангельский, конечно, не замечает или делает вид, что не замечает, резкого различия в соотношении числа единоличных и коллективных покупок в ближайшие к революции и в последующие годы.

лишнее будет сопоставить их с итогами деятельности банка в дореволюционное время. За 25 лет, протекавшие со времени учреждения банка, т. е. с 1883 по 1907 г., было приобретено крестьянами банковских и частных земель при посредстве банка единолично 207 тысяч десятин и коллективно 9.325 тысяч десятин, в 1908 году, являющемся годом перелома, — 152 тыс. и 867 тыс. десятин и, наконец, за четыре года 1909—1912 единолично было приобретено отдельными домохозяйствами 2.910.206 дес., коллективно же лишь 2.353 тыс. десятин. Простого сопоставления этих цифр достаточно для того, чтобы видеть, насколько резко изменились тенденции развития крестьянского землеустройства в результате революции 1905 года.

Не менее показательны и данные относительно распродажи банковских земель по отдельным районам. В банковских отчетах имеются сведения относительно количества ежегодно продававшейся земли по районам. Беря общий итог всей проданной банком за 1907—1913 г.г. земли и сопоставляя этот итог с аналогичными данными за 1904 год, получаем следующую таблицу¹⁾:

В дореволюционные годы, таким образом, деятельность банка по продаже земли распределялась более или менее рав-

Продажа банком земель крестьянам (в десятинах или в %).

Р А Й О Н Ы.	1904 г. и тогу	% к	1907—1913 г. и тогу.	% к.	В среднем в году.	Изменение по сравнению с 1904 г.
Восточный	93512	16,4	961044	29,3	137292	— 46,8
Юго-восточный	38855	6,7	491544	15,0	70221	— 81,0
Малороссийский	45661	8,0	212634	6,4	30376	— 33,4
Юго-западный	28939	5,0	138738	4,2	19820	— 31,4
Новороссийский	69429	12,2	323525	9,8	46218	— 33,4
Центр. промышленный	47735	8,3	192876	5,8	27554	— 42,2
Приозерный	20920	3,6	50530	1,5	7218	— 65,5
Северный	722	1,2	2203	0,6	315	— 56,2
Северо-восточный	15028	2,6	86288	2,6	12327	— 7,8
Белорусский	64108	11,2	134958	4,1	19280	— 69,9
Литовский	14914	2,6	84577	2,5	12082	— 18,9
Прибалтийский	—	—	54782	1,6	7826	—
Кавказ и Закавказье	1880	3,2	47975	1,4	6854	— 63,6
Царство польское	40516	7,0	27577	0,8	3937	— 90,3
	567628	100,0	3282645	100,0	468949	— 19,1

¹⁾ Принятые в банковских отчетах районы охватывают следующие губернии: центр. земледельческий—Воронежскую, Курскую, Орловскую,

номерно по различным районам. После революции она сосредоточивается почти исключительно в губерниях центрально-земледельческих и приволжских (до 60% всего количества проданной земли¹⁾) и частью в украинских и новороссийских (вместе с указанными выше районами до 80% общего числа), следовательно, в районах наиболее усиленной земельной мобилизации, где, как мы видели, и помещичья и крестьянская земля одинаково пришли в послереволюционные годы в движение. Во всех остальных губерниях, как видим, напротив, наблюдается не только относительное, но и абсолютное сокращение средней ежегодной продажи банковских земель.

Беря итоговые данные об устройстве хуторских и отрубных участков на банковских и казенных землях, получаем те же результаты²⁾. Свыше ста тысяч десятин было занято хуторскими и отрубными участками на бывшей банковской земле в губ. Саратовской (527441 дес.), Самарской (359962 дес.) Пензенской (186867 дес.), Симбирской (186501), Воронежской (134728 дес.); свыше 75 десятин в губерниях Орловской (99661 дес.), Харьковской (90172 дес.), Уфимской (89537 дес.), Тамбовской (79356 дес.), Херсонской (77172 дес.); от 50 до 75 десятин занято банковскими хуторами в губерниях украинских и новороссийских. Данные банковских отчетов, таким образом, находят себе полное подтверждение и в отчетах о землеустройстве.

Итак, деятельность Крестьянского банка в послереволюционные годы оказывается тесно связанной с общим процессом перестройки деревенской жизни, начавшимся в итоге революции 1905 года. Тем интереснее те конечные результаты, к каким приводила эта деятельность. Имела ли она своим по-

Рязанскую, Тамбовскую, Тульскую; восточный—Казанскую, Пензенскую, Саратовскую, Симбирскую и Уфимскую; юго-восточный—Самарскую, Астраханскую, Оренбургскую; малороссийский—Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую; юго-западный—Волынскую, Киевскую, Подольскую; новороссийский—Бессарабскую, Донскую, Екатеринославскую, Таврическую, Херсонскую; центр. промышленный—Владимирскую, Калужскую, Костромскую, Московскую, Нижегородскую, Смоленскую, Тверскую, Ярославскую; приозерный—Новгородскую, Псковскую, Петербургскую; северный—Вологодскую и Олонецкую; восточный—Пермскую и Вятскую; белорусский—Витебскую, Могилевскую, Минскую; литовский—Вилненскую, Ковенскую, Гродненскую.

¹⁾ Продажа банковских земель в губерниях Астраханской и Оренбургской была незначительна. Главная масса проданной в этом районе земли пала на Самарскую губернию.

²⁾ П. Н. Першин: «Участковое землепользование в России». Хутора и отруба и их распространение за десятилетие 1907—1916 г. и судьбы во время революции М. 1922 г., стр. 46—47.

следствием сокращение крестьянского малоземелья и обеспечение земель крестьян-пауперов, задача, которую банк должен был выполнять согласно своему прямому назначению.

6.

Таковы те результаты и выводы, какие можно сделать уже на основании общих суммарных итогов банковских операций. Но если от этих суммарных итогов обратиться к более детальному исследованию, то картина получится еще более яркая и показательная. Посмотрим, прежде всего, как распределялись единоличные покупки по размерам приобретенных участков, (данные имеются только с 1910 года).

Размеры проданных участков.	1910 г.		1911 г.		1912 г.		1913 г.	
	Десятин.	%	Десятин.	%	Десятин.	%	Десятин.	%
До 6 дес.	20877	2,9	22593	3,5	11965	3,4	8615	2,3
7—10 "	97085	13,6	54500	8,5	40228	11,6	24371	6,3
11—20 "	376252	52,9	300486	47,4	159943	46,0	166384	42,8
21—100 "	216483	30,4	255702	40,3	134896	38,9	167781	48,4
Свыше 100 д.	570	0,1	473	0,1	381	0,1	754	0,2
Всего.	711207	100,0	633754	100,0	347413	100,0	387905	100,0

Итак, число мелких покупок обнаруживает тенденцию к падению. Напротив, количество земли, попадающей в руки зажиточных слоев (покупки свыше 20 десятин), быстро растет. В 1910 году число таких покупок составляет 30% общего числа, а в следующем году уже свыше 40%, в 1913 г. уже почти половину всего количества проданной банком земли. До половины всей приобретенной земли приходится на средние по размерам покупки, но и в отношении этой группы наблюдается тенденция к постепенному падению¹⁾.

Не менее интересные результаты дает исследование имущественного положения покупателей до покупки. В этом отношении, на первый взгляд, по данным банковских отчетов, дело обстоит вполне благополучно. В ежегодных отчетах банка с особым удовлетворением подчеркивается факт широкого приобретения банковских земель «безземельными» и малоземельными. В 1908 году процент безземельных составлял 25%

¹⁾ При этом следует еще иметь в виду, что наибольшее количество мелких участков приобреталось крестьянами в западных губерниях, в особенности в Царстве Польском, следовательно, значительная часть этих мелких участков не может иметь значения для нашего исследования.

общего числа покупателей банковской земли, малоземельных (до 3 десятин)—34,2%; в 1909 году соответственные цифры были 19,4% и 34,8%; в 1910—18,8% и 32%, в 1911 году—25,1 и 29,2, в 1912 г.—20,0% и 29,8%, в 1913 г.—20,5 и 28,4% (военные годы с 1914 г. не приняты нами во внимание). Цифры опять-таки, как и данные о соотношении числа покупателей и продававших свои наделы крестьян в объяснительной записке министра финансов, получаются как будто благоприятные. Безземельные и малоземельные приобретают землю, и земельная теснота вместе с этим уменьшается. Однако, и в данном случае при ближайшем рассмотрении банковских цифр результат получается совсем обратный, а официальный оптимизм преждевременным и неуместным¹⁾.

Кто эти «безземельные», высокий и притом растущий процент покупок которых с таким удовлетворением отмечают банковские отчеты, как будто дело не в том, чтобы помочь крестьянскому малоземелью, а в том, чтобы наделить землей лиц, до того еще ее не имевших и таким образом еще более увеличить земельную тесноту. Уже одни размеры совершенных безземельными покупок показывают, что в данном случае, по крайней мере, в значительном большинстве покупок мы вряд ли имеем дело с собственно сельским пролетариатом, с действительно немущими элементами деревни.

Согласно составленной на основании банковских отчетов Дроздовым таблице, средние размеры приобретенных «безземельными» участков по отношению к среднему размеру всех остальных покупок были следующие²⁾:

	1907.	1908.	1909.	1910.	1911.
В десятинах.					
Приходилось купленной земли из имений банка в среднем на одного безземельного покупателя.	9,9	11,7	12,5	15,3	16,5
То же у всех прочих покупателей.	5,1	6,4	6,7	9,1	11,0

¹⁾ Интересно, что на основании такого общего впечатления приходят к выводу о приобретении банковских земель прежде всего недостаточным крестьянством не только Н. Огановский «Революция наоборот», п. 1917 г., стр. 55, но и вслед за ним С. М. Дубровский, «Очерки русской революции», выпуск I: «Сельское хозяйство», издание второе, М. 1923 г., стр. 158, след.

²⁾ Дроздов, «Новая сила в деревне», «Современный Мир», 1913 г., май, стр. 175. По обследованию Симбирского земства, наиболее крупными покупателями точно так же являются именно беспоселенцы, средний размер покупок которых (16,56 дес.) превышает средние размеры покупок всех остальных групп, «Статистический Ежегодник», по Симбирской губернии, за 1912 г., Симбирск, 1914 г., стр. 101.

1907. 1908. 1909. 1910. 1911.

В десятинах.

Приходилось купленной земли от частных владельцев в среднем на одного безземельного.	9,2	8,8	9,7	11,2	12,4
То же у всех прочих покупателей частных земель.	4,7	4,3	4,7	5,0	5,7

Как видно из этой таблицы, «безземельные» после покупки земли у банка сразу попадали в высшие слои крестьянства, и одного этого факта достаточно, чтобы судить об их имущественном положении до покупки. «Безземельные покупщики земли как из имений банка, так и от частных владельцев—это в подавляющем большинстве те же представители крестьянской буржуазии, но только скопившие себе капиталец не около земли, а каким-то другим путем и теперь вложившие этот самый капиталец в землю на предмет первоначального накопления уже возле матери земли». Буквально к тому же выводу относительно безземельных покупателей банка приходит и Прокопович: «Как показывают размеры покупки (для «безземельных» 9,2 дес., для всех прочих 5,1 дес.), пишет он, при требуемых банком высоких доплатах и необходимых значительных средствах для обзаведения хозяйством на купленной земле эти безземельные принадлежат не к беднейшим, а к более состоятельным элементам деревни. Обычно это—люди, сколотившие некоторый капиталец торговлей или службою на стороне. Среди этих «безземельных» нет сельских батраков¹⁾».

Такой, именно, социальный состав банковских покупателей устанавливается и в результате специального обследования. Так, по данным оценочной комиссии Тульского губернского земства в Ефимовском уезде, из 105 опрошенных банковских хуторян 52, т.е. половина, принадлежали к мещанам и к лицам некрестьянского сословия, т.е., именно, к так называемым «безземельным», 29% к деревенским кулакам (частью тоже «безземельным») и только 24 к настоящим паuperам; в Ливенском уезде Орловской губернии из 165 опрошенных хуторян 50% было пришлых из других губерний, 10% мещан и лиц других некрестьянских сословий (духовенство; полицейские, сидельцы винных лавок и пр.), 10% сельских богатеев и 30% паuperов; в Петровском уезде Са-

¹⁾ С. Н. Прокопович, «Аграрный кризис и мероприятия правительства», М. 1912 г., стр. 157. В Симбирской губернии, как мы видели именно безземельные выступали в роли наиболее крупных скупщиков.

Как видим, деятельность банка захватила за четыре года до 606 тысяч дворов, число, во всяком случае, достаточное, чтобы считаться с влиянием ее на жизнь деревни. Низшие две группы, не считая безземельных, сократились: группа до 3 десятины—почти четверо, группа 3—9 десятин—менее значительно. Средняя группа 9—15 десятин возросла в два с половиной раза, высшие зажиточные группы почти в семь раз. Группа зажиточного слоя крестьянства, почти отсутствовавшая до покупки, в результате банковских операций сразу возросла почти до трети общего числа покупателей. При этом тенденция роста более крупного крестьянского землевладения за счет банковских земель с каждым годом выступала все определеннее. В предшествующие годы (1908—1909) зажиточная группа, образовавшаяся в результате покупки банковских земель и частных земель при посредстве банка, составляла в среднем не более 20% общего числа. Но после 1910 г., когда эта тенденция начинает проявляться более определенно, рост группы идет *crescendo*. Так, в процентах эта группа составляла по отношению к общему числу покупателей:

	1909.	1910.	1911.	1912.	1913.
Банковских земель.....	24,6	40,2	48,5	43,2	50,9
Частных земель при посредстве банка.....	20,8	19,7	24,3	25,5	26,4

Цифры банковских отчетов свидетельствуют, таким образом, не столько о росте, сколько о рождении крупной сельской буржуазии в результате банковских сделок. В приведенном подсчете приняты во внимание цифры покупок без различия единоличных и коллективных. Если исключить коллективные покупки, которые, как мы видели, являются в общем менее крупными в среднем на один двор (в исследуемые годы коллективная покупка банковской земли давала в среднем на двор 2,1—3,1 десятины, тогда как средняя единоличная покупка достигла 14,4—15,7 дес.) и потому менее показательными в интересующем нас отношении, картина получается еще значительно более яркая и определенная. Так, по сделанному Огановским в процентах расчету, изменения в хозяйственном положении покупателей банка единоличных и кол-

лективных за 1908—1912 г.г. представляются в следующем виде ¹⁾:

	До покупки.		После покупки.	
	Единоличных.	Коллективных.	Единоличных.	Коллективных.
Безземельные.	28,7	10,8	—	—
до 3 десятин.	34,4	26,7	2,0	10,5
" 3—6 "	20,0	27,8	8,9	20,9
" 6—9 "	8,4	16,4	13,8	21,0
" 9—15 "	6,0	13,1	30,6	27,8
" 15—25 "	2,0	4,2	30,3	14,1
свыше 25 "	0,5	1,0	14,4	5,4
	100,0	100,0	100,0	100,0

Распределяя всех единоличных покупателей на три группы, мы находим, что в результате покупки первая малоземельная группа (до 6 дес.) сократилась с 83% до 11%, т.е., в семь—восемь раз; средняя группа увеличилась с 14,4% до 44,4%, т.е. втрое; высшая же группа возросла с 2,5% до 44,7—в восемнадцать раз.

Чрезвычайно показательные результаты для суждения о деятельности банка дало, произведенное Главным Управлением Земледелия и Землеустройства в 1913 году обследование землеустроенных хуторских и отрубных хозяйств по одиннадцати уездам ²⁾ (см. стр. 154). Обследовались отдельно хозяйства крестьян, выделившихся из общины, и хозяйства крестьян, приобретших участки земли от банка. Первых было обследовано 14935, вторых (в 9 уездах без Ржевского, Сычевского и Трокского, т.е. из губерний, как раз в интересующем нас отношении имеющих менее значения)—4832. Те и другие по размерам распределялись следующим образом ³⁾ (см. стр. 154):

	До 5 дес.	5—10 дес.	10—15 дес.	15—25 дес.	Свыше 25 д.
Хутора на выделенных из общины участках . . .	24,9	31,3	19,5	14,5	9,8
Хутора на земле, приобретенной от банка	0,5	10,9	23,0	34,4	26,2

¹⁾ Огановский «Индивидуализация землевладения в России и ее последствия», М. 1914 г., стр. 56. Интересно отметить, что даже такой определенный сторонник «устойчивости» трудового хозяйства, как цитированный автор, вынужден констатировать, что в результате покупки банковских земель безземельные и малоземельные покупатели не-

Комментарии излишни!

И в отношении других хозяйственных признаков, между прочим, в отношении обеспечения инвентарем, хозяйства на банковских землях обнаруживали также несравненно большую степень зажиточности. «При обследовании путем самого тщательного опроса каждого владельца,—читаем мы в другом официальном издании, посвященном результатам того же обследования⁴⁾,—«выяснилось состояние построек, инвентаря и произведенных мелиораций до и после землеустройства. У владельцев на банковских и казенных землях количество инвентаря, построек и произведенных мелиораций прибавилось, по сравнению с положением до землеустройства (до покупки участков), значительно, чем в единоличных хозяйствах на наделных землях¹⁾. «При этом,—оговаривается автор официального издания,—надо иметь в виду большие размеры землевладения хуторян на банковских землях, как и то обстоятельство, что безземельные и малоземельные после покупки должны были «гораздо значительно увеличивать свой инвентарь²⁾. Однако, ссылаясь к приводимым вслед за этим данным относительно обеспечения инвентарем хуторян на банковских и наделных землях, мы видим, что первые и до покупки были обеспечены инвентарем много лучше вторых. Общая стоимость инвентаря возросла у хозяев на наделных землях с 836.642 рублей до 1.174.327 руб., т.е. на 40,4%, у хозяев же на банковских и казенных землях с 382.584 р., до 799.558 р., т.е. в два с лишним раза³⁾. Хозяйств на наделных землях обеспе-

посредственно перемещались из нижних слоев деревенского населения в верхние и «что почти половина их сразу превращалась в мироземельных мелких буржуа».

¹⁾ Главное Управление Земледелия и Землеустройства. Обследование землеустроенных хозяйств, произведенное в 1913 году в 12 (?) уездах Европейской России. Сводные поуездные данные. Петроград, 1915 г. Обследованы уезды: Мологский у., Ярославской губ., Островский, Псковской губ., Ржевский у., Тверской губ., Сычевский у., Смоленской губ., Орловский у., Троицкий у., Виленской губ., Богодуховский, Харьковской губ., Кременчугский у., Полтавской губ., Бердянский у., Тааврической губ., Николаевский у., Самарской губ., Красноуфимский у., Пермской губ.

²⁾ Таблица составлена и проценты вычислены мною.

⁴⁾ «Землеустроенные хозяйства». Сводные данные сплошного по 12 уездам подворного обследования хозяйственных изменений в первые годы после землеустройства. Картограммы и диаграммы. Издание Главн. Управл. Землеустр. и Землед. Петроград, 1915 г.

¹⁾ Стр. 21.

²⁾ Стр. 22.

³⁾ Стр. 22—23.

довано было 14.183, на банковских землях 4.832, в среднем, таким образом, на одно хозяйство приходилось инвентаря:

На одно хозяйство.	Ценность инвентаря.	
	До покупки.	После покупки.
	В р у б л я х.	
На наделной земле...	59	83
На кудленной от банка земле.	80	166

Ценность инвентаря у хуторян на банковской земле превышала уже до покупки на одну треть, после покупки вдвое ценность инвентаря в хозяйствах на наделной земле.

8.

Способствуя, с одной стороны, народению сельской буржуазии и концентрации земли в немногих руках, деятельность крестьянского банка, как уже было отмечено в первом очерке, имела другим своим последствием разорение и окончательную пролетаризацию бедных слоев крестьянства. Продавая земельные участки по невероятно вздутой цене и в то же время беспощадно взыскивая платежи, банк, в конце концов, приводил к разорению своих наименее имущих и состоятельных покупателей, и последние нередко или оказывались вынужденными добровольно продавать свои участки и оставаться совсем без земли, или насильственно удалялись, «сгонялись» самим банком за неисправный взнос платежей. «Прежде арендовали землю до забастовки, а после забастовки покупали через банк дорогими ценами. Крестьяне взнуздали господа хуже аренды в десять раз», «крестьяне боятся разорения их банком», «на хутора вышли хозяева мелкие и безземельные, но жизнь не одобряют по случаю дорогой платы»,—таковы отзывы крестьян-корреспондентов Вольно-Экономического общества из разных губерний¹⁾.

Относительно положения хуторян, приобретавших банковские хутора и отруба, корреспонденты сообщали или о покупке земли зажиточными крестьянами, и в таком случае, о заметном прогрессе в их хозяйстве, или же, напротив, о печальном положении бедняков, облазившихся на банковские посулы. Тот же корреспондент, из Казанской губернии, который пишет

¹⁾ Чернышев, I, стр. 175.

о благоденствии хуторян, покупателей из неземледельцев, о положении настоящих крестьян-земледельцев сообщает, что они, по их личным отзывам, «рады бы распродать свои хутора, хотя бы и с убытком, лишь бы бежать с них без оглядки, да покупателей-то на них нет»¹⁾.

Вот еще несколько картинок с натуры, иллюстрирующих результаты банковской деятельности. «В Крутцовой волости Пензенского уезда на отрубках крестьянского банка поселены были в 1910 году хохлы из Киевской губернии, образовавшие целый поселок. К переселению на хутора все они завлечены были описанием прелестей хуторской жизни и, главным образом, посулами землеустроителей, обещавших им все удобства с колодцами и прудками, по сто рублей пособия на каждый отруб, лес по удешевленной цене на постройку и пр. и пр. Стали заводить переселенцы новые хозяйства. На постройку кое-каких хатенок, на прокормление себя, детишек, на семена новоселы истратились в конец; но кроме того, иные из них даже еще не успели и не смогли, за отсутствием средств, слепить хатенок, продолжая жить в палашах... все продолжая тешишь себя надеждой на «способность». Пришла осень... Потянули с них платежи в крестьянский банк и пр. А тут к горлу подступила и волость, очень обрадовавшаяся новым плательщикам. В этом году она решила покрыть разные старые свои долги, а также заравнять и полторы тысячи рублей растраты своего волостного старшины. Для этого теперь, пока хохлов не разогнали, волость обложила каждую десятину одним рублем... Завыли хохлы, когда увидели, что приходится продать им последний хлебнишко... Записали прошения по начальству; заездили и сами к нему со слезницей... Волость же действовала. Она произвела опись имуществу «движимому и недвижимому», навела ревизию всему хламу «новых помещиков»... Назначили день торгов... Хохлы—к губернатору, но последний счет возможным сделать лишь только отсрочку и притом только на один день. Так и сбылось. Лишь только этот день канул в вечность, как волость явилась к залетным птицам с торгами, она привезла с собой покупателей из Крутца. И пошли одежда, самовары и пр. задарма. Завыли новоселы лучше прежнего, но дело поправить не удалось: выкупить свитки и пр. нечем—продать нечего... Так вот и остались некоторые господа

¹⁾ Чернышев, II, стр. 16.

«новые помещики» Новосергиевского поселка и разутые, и раздетые, и без хлеба, а иные даже без хат»¹⁾.

Здесь, скажут, быть может, виновата волость. Но вот что рассказывал, например, Коновалову такой же банковский хуторянин Орловской губернии: «Всю жизнь мою я маюсь. Светлой минуты не принимаю... Взял участок, думая вздохнуть, ан дело еще хуже пошло. Сами день не евши, два дня так, а туда неси... Носил, носил, сил не стало... Как есть в чистую разорился... Последний раз не хватило десяти рублей. Побежал туда, побежал сюда. Нет. Ну, что же поделывать? Нет, так из пальца не высосешь. Продать нечего, взять негде.—И что же?—Да, ничего, согнали! Не известили даже... Пришел в контору, а там объявляют: «участок твой продан, можешь считать»²⁾.

По свидетельству Коновалова, и большая часть оставшихся хуторян находилась под постоянным страхом продажи своих хуторов. Продав свои надельные земли и избу, хуторяне не успевают осесть и оправиться, как с них требуют платежей и за невзнос согнают. Число таких согнанных и, благодаря этому, окончательно разоренных хуторян уже теперь достаточно велико. «За невзнос платежей, вернее, за несвоевременную доставку их в том участке Ливенского уезда, Орловской губернии, где я наблюдал жизнь хуторян, было «согнано» за последнее время 14 человек, а 3 отказались сами, в виду полной невозможности уплачивать»³⁾. По сведениям местного земства, из 165 опрошенных хуторян, описанного Коноваловым уезда Орловской губернии, было 30% пауперов, из них за один 1909 год банком согнано 129 человек. Не лучше, по земским сведениям, положение банковских хуторян-пауперов и в Тульской губернии: в Ефремовском уезде 27% всех таких хуторян сдают свою землю односельчанам по цене, втрое ниже, по сравнению с арендными ценами на помещичьи земли: эти последние стояли на уровне 22—27 рублей за десятину, в то время, как хуторские сдавались по 6—9 рублей. Получив по двенадцати десятин и не имея инвентаря, хуторяне принуждены сдавать землю, иначе нечем платить банку. Ежегодно 5%

¹⁾ «Речь», 1910 г., 10 ноября.

²⁾ Коновалов, «На хуторах», «Русское Богатство», 1910 г., февраль, стр. 17.

³⁾ Там же, стр. 11.

общего числа банковских хуторян сгоняется за невзнос платы¹⁾.

Та же картина и в Саратовской губернии, где, например, в Петровском уезде за один год было согнано до 10% всех банковских хуторян, в отношении же только хуторян-пауперов даже до 40%²⁾. Об известном Степанковском случае выселения хуторян, имевшем место в Нижегородской губернии, уже упоминалось в первом очерке. По свидетельству Коновалова, хутора согнанных хуторян скупаются большей частью теми же богачами хуторянами, в руки которых и помимо того поступала главная масса банковской земли³⁾.

Таким образом, насаждая крупное крестьянское землевладение, банковская политика в то же время разоряла окончательно и «сгоняла» с земли, т. е. пролетаризировала крестьян-пауперов и даже не только пауперов, но, как показывает пример Тульской губернии, и среднесостоятельные слои крестьян, приобретавших до двенадцати десятин. Картину изменений в имущественном положении крестьянства в результате банковской деятельности, полученную нами на основании отчетов банка, таким образом, следует исправить в том направлении, что число второй и даже третьей низших группы, образующееся после покупки банковской земли, должно быть еще значительно сокращено, и, напротив, пустая графа под рубрикой безземельных должна бы быть заполнена, и на этот раз уже не теми «безземельными», которые имели возможность выступать в качестве крупнейших покупателей банковских земель, но настоящими безземельными, часто и бездомными пролетариями.

9.

Подведем итоги. Процесс раскола деревни и зарождения сельской буржуазии, начавшийся еще задолго до революции 1905 года, под влиянием роста в стране капиталистических отношений, задерживался исключительно разного рода крепостническими пережитками, как в экономической, так и в правовой области. Более или менее свободно процесс этот

¹⁾ Финн-Енотаевский, «Современное хозяйство России», стр. 453.

²⁾ Там же, стр. 459.

³⁾ Коновалов, «На хуторах», «Русское Богатство», 1910 г., февраль, стр. 7.

мог развиваться лишь на окраинах, где широкий земельный простор, с одной стороны, и отсутствие крепостничества в прошлом—с другой, создавали для него более благоприятные условия. Но и в окраинных губерниях процесс образования крепкого зажиточного и обеспеченного землей слоя крестьянства, совершался, главным образом, на периферии деревенской жизни за счет прикупных и приарендованных земель, не затрагивая собственно наделной земли и вместе с тем и общинных порядков. Правовые стеснения в распоряжении общинной земли и здесь, таким образом, заметно давали себя чувствовать. Когда революция 1905 года смела последние остатки крепостничества в деревне и когда самый взгляд правительства на значение общинного землевладения радикально переменялся, давно подготовлявшееся расслоение деревни и вместе с тем зарождение сельской буржуазии начало развиваться поистине революционным путем; переворот, начавшийся в деревне, прежде всего затронул общинное землевладение, т. е., именно, ту сторону деревенской жизни, которая до революции 1905 года оставалась наиболее заповедной. Быстрая мобилизация наделной земли имела своим результатом пролетаризацию и частью пауперизацию беднейших слоев деревни и сосредоточение бывшей наделной земли уже на правах собственности в руках сравнительно немногочисленного, но сильного экономического и зажиточного слоя крестьянства.

Процесс этот принял наиболее яркие и определенно выраженные формы там, где, с одной стороны, тенденция в этом направлении была особенно сильной и в предшествовавшее время, как в окраинных губерниях, с другой же стороны—там, где свободное проявление ее испытывало наибольшие стеснения, именно—в центрально-черноземных губерниях¹⁾. Напро-

¹⁾ В происходившем летом 1917 года и принявшем наиболее широкие размеры в губерниях приволжских, центрально-земледельческих, частью степных (Саратовской, Самарской, Казанской, Симбирской, Уфимской, Пензенской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской, Харьковской, Екатеринославск.), движении против отрубов и хуторов Першин увидел доказательство сохранения «живого духа уравнильно-переделной общины» и отсутствие «назревшей необходимости внутренней организации хозяйства» в этих губерниях. См. «Участковое землепользование в России», М. 1922 г., стр. 43. Подобному утверждению, однако, решительно противоречат все приводившиеся выше факты, свидетельствующие, напротив, о быстром разложении общины в результате революции 1905 г. именно в центральных и южных губерниях. Относительно некоторых из охваченных антихуторским движением губерний: Харьковск., Екатеринославской, Саратовск., Самарск., Першин сам устанавливает факт сильной

тив, в северных и промышленных губерниях, где эволюция деревни в капиталистическом направлении и ранее проявлялась с большой силой, переустройство деревенской жизни после революции 1905 г. не носило такого же революционного характера, как в центральных и южных губерниях. Здесь мобилизация наделных земель представлялась не столько коренным переворотом и ломкой всех дотоле существовавших порядков, сколько оформлением и завершением давно уже установившихся отношений. Законом 9 ноября спешили воспользоваться здесь лишь элементы, и так давно уже порвавшие с деревней и переселившиеся в город. Однако, и здесь, как показывает, например, цитированная выше корреспонденция из Владимирской губернии, процесс расслоения деревни принимал иногда довольно болезненные формы.

тяги в сторону участкового хозяйства в предшествовавшие годы (стр. 8). Причины возрождения общины надо искать в обстоятельствах не столько экономического, сколько политического характера. Процесс разложения общины в центрально-земледельческих губерниях не происходил постепенно и не подготовился ранее путем долгого развития, но совершался, как мы видели, революционным темпом и притом в самых болезненных формах. Естественно, поэтому, что именно в общине пострадавшие от этого процесса беднейшие слои крестьянства увидели прежде всего средство как для возвращения утраченных ими наделных земель, так и для уравнительного раздела захваченных помещичьих земель. Община временно возродилась, таким образом, не столько как собственно экономический институт, сколько в качестве орудия передела земли в результате ее революционного захвата. Так, именно, объясняет это движение, например, и Огановский, видящий в возрождении общины не более как временное явление. «Та вспышка общинно-передельного движения, — читаем мы у него, — которую мы наблюдаем в 1917—1918 г.г., вряд ли будет долго продолжаться. Она была вызвана, главным образом, необходимостью разделить между селами и внутри сел — между отдельными хозяйствами — захваченные «господские земли». Уравнильно-передельный механизм общины работал как никогда раньше и привел к почти полной инвентаризации крестьянского землепользования и хозяйства, но в ближайшем будущем необходимо ожидать нарастания рыночных отношений в крестьянской среде, неразрывно связанных с интенсификацией и разлагающих общину! См. Н. Огановский, «Община и земельное товарищество», сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства, выпуск I, издание Нар. Ком. Зем., М. 1921 г., 87; см. замечания по тому же поводу в книге того же автора «Очерки по экономической географии России», ч. I, М. 1923 г. Община в качестве собственного экономического института являлась и является, в частности, прежде всего именно в центральных губерниях одним из главных тормазов сельскохозяйственного прогресса. И если дальнейшая сельскохозяйственная эволюция России и не пойдет путем индивидуализации и капитализации землевладения, как можно ожидать во время проведения столыпинской реформы, то, во всяком случае, на смену насаждавшемуся этой последней хуторскому хозяйству, придет не старая община, но какие-либо новые более совершенные формы землепользования. См. по этому поводу Осипский «Восстановление крестьянского хозяйства в России и наши задачи»; ср. Н. Ленин. «Аграрный вопрос в России к концу 19 го в.», 3-е издание, «Прибой», П. 1923 г., стр. 72—83.

К сожалению, за отсутствием необходимого статистического материала, мы лишены возможности дать полное и точное изображение результатов этого процесса. Те немногие и случайные данные, какими мы располагаем, могут дать лишь самое слабое и приблизительное представление о его значении и размерах. Так, сопоставляя сведения по земледельческим губерниям за 1910—12 гг. и за 1917 г., мы видим заметный рост беспосевных, т. е. пролетарских хозяйств, чего, как мы знаем, не наблюдалось ранее.

Губернии.	% беспосевных хозяйств.	
	1910/12 гг.	1917 г.
Тульская	4,2	6,5
Калужская	6,5	14,6
Симбирская	10,2	13,4
Полтавская	5,0	18,4 ¹⁾

В частности, для Полтавской губернии мы имеем следующие сравнительные данные за восьмидесятые годы, за 1900 и 1910 гг. ²⁾:

	без посе- ва.	% хозяйств:				Свыше 15 дес.
		до 1 дес.	1—3 дес.	3—9 дес.	9—15 дес.	
1882—1889	17,2	4,5	22,9	42,3	7,9	5,2
1900	17,3	7,7	26,8	35,7	7,1	5,4
1910	16,6	9,1	26,1	33,9	8,1	6,2

Приведенные данные свидетельствуют об определенном переломе, наступившем в первом десятилетии текущего столетия. Вместо общей пауперизации и подвижки вниз всех групп крестьянства (растут лишь группы до 3 десятин), какая наблюдалась в конце XIX столетия, к 1910 году мы видим определенную картину расслоения. Именно: растут обе крайние группы крестьян-пауперов и состоятельных хозяйств за счет средних групп (1—3, 3—9 дес.). К сожалению, таблица не дает воз-

¹⁾ «Экономическое расслоение крестьянства в 1917—1919 г.г.», «Труды Центрально-Статистического Управления», т. VI, вып. 3, стр. 7. Сравнимые данные систематического обследования крестьянских хозяйств в до и послереволюционные годы мы имеем по Елифанскому уезду, см. «Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 г.г.» Елифанский уезд, ч. I цифровая, ч. II текстовая, Тула 1916 г., ч. I таблицы на стр. 300—301, 330—331, 352—353, ср. ч. II, стр. 26. Значение этих данных, однако, в значительной мере маскируется противоположностью процессов в до и послереволюционные годы, равно как в первые годы после революции и начиная с 1909 г.

²⁾ «Изменения в хозяйственной жизни населения Полтавской губернии», Полтава, 1915 г., стр. 38—39. Данные эти незначительно разнятся с цифрами, приводимыми у Книшовича, но в общем соотношение и процесс общей подвижки вниз в дореволюционные годы выступают одинаково и там и здесь.

возможности с точностью определить момент наступления перелома, но, на основании всего изложенного, мы с большой долей вероятности можем отнести этот момент к послереволюционным годам, а так как до этого, по всей вероятности, и в первые годы текущего столетия продолжался прежний процесс общей пауперизации, то амплитуда колебаний и, соответственно, значение перелома должны представиться нам еще более значительными.

Но если обследования, произведенные в земледельческих губерниях в послереволюционные годы, дают, таким образом, картину расслоения, то в промышленных губерниях мы заметной разницы в этом отношении между до и послереволюционными годами не заметим. Так, в Тверской губернии увеличение процента беспосевных совершенно незначительно, по отдельным же уездам процент беспосевных не только не повысился, но даже несколько понижился¹⁾.

Некоторое представление о степени расслоения крестьянства ко времени революции 1917 года дают результаты сельскохозяйственной переписи этого года. Согласно данным переписи, распределение крестьянских хозяйств по размерам посевов в отдельных районах было следующее²⁾.

РАЙОНЫ.	% Х О З Я Й С Т В.					
	Беспосевных.	Самых мелких до 1 дес.	Мелких с посевом 1—4 дес.	Средних с посевом 4—8 дес.	Крупных с посевом 8—22 д.	Самых крупных с посевом свыше 22 дес.
Северный	8,9	14,4	68,2	8,2	0,3	—
Приозерный	15,5	18,0	55,2	10,2	1,1	—
Центр.-промышленный	13,8	15,5	56,4	12,9	1,4	—
Белорусский	8,3	4,8	50,0	30,0	6,9	—
Цент.-земледельческий	8,0	10,8	45,8	24,6	10,3	0,5
Приуральский	8,0	4,5	36,6	34,9	15,6	0,4
Средневолжский	9,8	7,2	45,2	27,0	10,6	0,2
Нижневолжский	30,9	3,5	17,3	20,7	23,6	3,7 ³⁾

¹⁾ Хряцева, «Крестьянство о войне и революции», «Вестник Статистики», орган Ц. С. У., 1920 г. Сентябрь—Декабрь, стр. 32—38.

²⁾ Хряцева, «Вестник Статистики», 1920 г. Сентябрь—Декабрь, стр. 36.

³⁾ В таблице, помещенной в «Трудах Ц. С. У.», т. VI, вып. 3, стр. 21, дается несколько иное соотношение хозяйственных групп, именно: для нижеволжских губерний—19, 25; 4, 16; 24, 75; 25, 29; 24, 11; 2, 44. Здесь не принята во внимание наиболее типичная Самарская губерния.

Наиболее устойчивыми средние группы крестьянства оказываются в районах северном (Вологодская губ.), белорусском и приуральском, в губерниях приозерных и промышленных, где расслоение крестьянства под влиянием капиталистических условий началось уже ранее, оно носит односторонний характер роста пролетарских и мелких карликовых хозяйств; тогда как число крупных хозяйств, напротив, здесь совершенно незначительно: капиталы обычно помещаются здесь не в землю и вообще не в сельское хозяйство, но находят себе иное помещение¹⁾. Более заметный процесс расслоения замечается в центрально-земледельческих губерниях, в значительной мере под влиянием той усиленной мобилизации надельной земли, которая имела здесь место в послереволюционные годы. И, наконец, наивысшей степени достигает этот процесс в близких по типу к степным окраинным губерниям губерниях нижеволжских (Астраханской, Саратовской, Самарской), где средняя группа составляла едва 20% всех хозяйств.

Тюменев.

¹⁾ Момент отлива в город обеих крайних групп, как показывает результат исследования динамики сельского хозяйства, необходимо отчасти учитывать и в других районах. См. Хряцева, «Крестьянское хозяйство по переписям 1899—1911 г.г.», ч. II, стр. 222; ср. ее же вводимую статью в «Экономическом расслоении крестьянства в 1917—1919 г.г.», М. 1922 г., стр. 5, след.

Трагедия художественного творчества у Гончарова.

В творчестве Гончарова есть любопытный, но весьма мало изученный и плохо понятый образ художника-неудачника Райского из романа «Обрыв». Это внутренне противоречивая натура, парадоксальный тип «талантливой бесталанности», тип таланта, пораженного бесплодием. Трагедия художника, не осуществляющего своей художественной стоимости, трагедия большого таланта, большого бесплодием,—вот тема, над которой работал Гончаров, рисуя своего Райского. Тема эта, мало разработанная в нашей художественной литературе и так глубоко развитая Гончаровым, интересная вообще, в настоящий момент заслуживает особенного внимания, ставши злободневной. Едва ли кто-нибудь станет отрицать, что творческая трагедия, характеризующаяся срывом и незадачливостью художественных талантов,—явление типичное для нашего времени. В современной художественной литературе много порыва, много исканий и благих пожеланий, но мало реальных достижений и гораздо больше—срывов и неудач. Художник-неудачник, в сущности,—«герой нашего времени». Над писателями наших дней тяготеет какой-то рок незадачливости. Даже очень крупные таланты оказываются чаще всего пустоцветом, не осуществляющим своей художественной стоимости. Трагедия пораженного таланта налицо, хотя она еще плохо осознана, осмыслена и понята. И меньше всего осознана она самими художниками. Трагедия пустоцветного таланта пока еще ускользает от их взора и не находит выражения в их творчестве.

Между тем, Гончаров знает эту трагедию. Он ее не только пережил, но и изжил. В своем творчестве он уделил этой теме очень много внимания и в образе Райского дал ей яркое художественное выражение.

Около сотни лет отделяют поколение современных художников от художника Райского, но в портрете его, на котором легли морщины лет, внимательный наблюдатель открывает

черты современности. Ничто не ново под луной. Современность всегда найдет себе аналогию в прошлом. Кромвель, Робеспьер и Ленин перекликаются через столетия. Вот почему так поучительно перелистывать книгу времен—историю. Современность может и должна учиться у прошлого; прошлое дает уроки настоящему. И в трагедии старого художника Райского найдет много поучительного всякий, кого интересует творческая трагедия наших дней.

Но здесь, прежде всего, необходимо разрушить ходовое, традиционное представление о сущности и смысле той трагедии творчества, которую мы находим у Гончарова в его Райском.

Образы Гончарова вообще весьма слабо изучены нашей критикой, а образ Райского, в частности, и совсем не изучен. И это тем более странно и досадно, что в Райском Гончаров полнее всего раскрывает свою художественную индивидуальность. Все наше представление о Райском сводится к тому, что это талантливый бездельник, художник-дилетант, загубленный барством. Причину неудачливости Райского-художника критики видят до сих пор в его неспособности к упорной работе, в его лени, в той пассивности и дряблости, которая будто бы складывалась в атмосфере помещичьего приволья крепостной эпохи. Критики распространяют здесь на художника-неудачника Райского ту же трактовку, которую обычно дают типу Обломова: считают его художником, загубленным обломовщиной.

Сближение Райского с Обломовым законно и могло бы кое-что уяснить в трагедии этого художника, если бы сам Обломов и обломовщина были достаточно изучены и правильно истолкованы критикой. К сожалению, это далеко не так, и использование традиционных понятий об обломовщине к истолкованию Райского не дает ничего, кроме путаницы.

Нужно, кроме того, заметить, что среди образов Гончарова, вообще родственных друг другу, родство Райского с Обломовым далеко не ближайшее. Гораздо правильнее сближать его с Александром Адуевым. Александр Адуев является, несомненно, прелюдией к Райскому и, если уже в истолковании последнего идти от аналогий, то следовало бы начинать изучение с Адуева. Правильное понимание Адуева могло бы оказаться ключом в понимании Райского.

В «Печати и Революции» за текущий год я дал обстоятельный анализ житейской драмы Адуева. Отсылая читателей, желающих ознакомиться с подробностями моей аргументации к этой статье, я здесь приведу основные выводы моего анализа. Они послужат увертюрой к анализу Райского.

Я утверждаю, что критики наши совершенно не поняли Гончаровского Адуева, определяя его социологически, как помещика, психологически—как лишнего человека и романтика. Он не помещик, а солидный буржуа, не лишний человек, а неприспособленный человек, не романтик, а запутавшийся в романтизме реалист. В образе Адуева Гончаров изображает не помещицью трагедию лишних людей, как Лермонтов или Тургенев, а драму некультурного буржуа, призванного историей к культурному творчеству и с неизбежными в его положении ошибками осуществляющего свое новое призвание. Превращение наивного буржуа в буржуа культурного—вот сущность драмы Адуева. Превращение это принимает драматический характер потому, что неизбежно должно начаться с усвоения элементов чужой, даже враждебной дворянской культуры. В годы, когда складывается тип Адуева, дворянская культура романтична и Адуев усваивает романтическую культуру, которая совсем не вяжется с его социальной природой и превращает его в неприспособленного, дисгармоничного человека, нелепого «реалиста в романтизме», «буржуа в дворянстве». Все житейские неудачи Адуева объясняются тем, что он пробует творить новую жизнь, базируясь на чужой культуре, что он еще не преодолел дворянской романтической культуры, не стал на свои собственные ноги. Плутание наивного буржуа в дебрях дворянского романтизма и выход его на торную дорогу трезвой буржуазной культуры—вот смысл «Обыкновенной истории» Гончарова.

Итак, драма жизни Александра Адуева определяется и объясняется тем, что он буржуа в дворянстве, что он по натуре и социальной природе трезвый реалист, запутавшийся в романтизме. От этой житейской драмы буржуа эпохи перелома прямой переход к драме творческих исканий художника-неудачника Райского.

Александр Адуев, как известно читателю, пытался разыграть роль не только романтического героя, но и романтического поэта. Он не только жил, подделываясь под романтические образцы, но и писал стихи, повести, драмы, подделываясь

под романтический стиль. Из всех этих подделок ровно ничего хорошего не получилось ни в его жизни, ни в творчестве. Романтические драмы и повести Адуева оказались так же неуклюжи и смешны, как и его собственная фигура, облеченная в романтические одежды. Неудачник в жизни, он оказался таким же неудачником и в поэтическом творчестве.

Не потому ему не удалась поэтическая карьера, что он взялся не за свое дело, что он лишен был художественного дарования. На посланной им в журнал повести была сделана пометка, скорее свидетельствующая о противном. «Автор, кажется, не без дарования, надо трудиться»—сказано было в этой пометке.

Неудача Адуева объясняется, главным образом, если не исключительно тем, что он сбит с толку романтической поэзией. Не имея в своей природе ничего романтического, он, однако, натуживается сочинить непременно в романтическом роде. «Героем, возможным в драме или в повести, пишет Гончаров, он воображал не иначе, как какого-нибудь корсара или великого поэта, артиста и заставлял их действовать и чувствовать по-своему» (214). Не трудно представить, какая ерунда должна была получаться из этих попыток рисовать то, чего автор никогда не видел и не переживал. «В одной повести местом действия избрал он Америку; обстановка была роскошная: американская природа, горы, и среди всего этого изгнанник, похитивший свою возлюбленную. Целый мир забыл их; они любовались собой да природой и, когда пришла весть о прощении и возможности возвратиться на родину, они отказались. Потом, лет через двадцать, какой-то европеец приехал туда, пошел в сопровождении индейцев на охоту и нашел на одной горе хижину и в ней скелет. Европеец был соперник героя». Все в этой нелепой повести надумано, неестественно, стоит на ходулях; и все это происходит потому, что Адуев считает унижением для искусства изображать тех «лиц повседневных мелких трагедий и комедий», с которыми он знаком, и хочет во что бы то ни стало рисовать героев, «отмеченных особой печатью», о которых не имеет никакого конкретного представления. Вот основная причина неудач Адуева, к которой нужно прибавить второстепенную и, в значительной мере, производную от первой—нежелание трудиться, работать над произведением. «Трудиться казалось ему странным. Зачем же талант?—говорил он.—Трудится бездарный труже-

ник; талант творит легко и свободно» (215). И без того плохо дисциплинированный в труде, он, на свою беду, усвоил себе романтическое пренебрежение к нему и уже из принципа отказывается работать над своими произведениями. Это естественно должно было плохо отражаться на форме его творений.

Сбитый с толку своими романтическими увлечениями, Адуев должен был сделаться художником-неудачником, каким бы талантом и даже гением ни одарила его природа. В образе Адуева художник-неудачник едва намечен. Это лишь второстепенный штрих в его психологии. Драма таланта, не осуществляющего своей цели, не получает здесь развития, но она развернется во всю ширь Гончаровым в его последнем романе «Обрыв», в истории Райского. В этом ярком образе Гончаров дал нам картину художественных скитаний талантливого буржуа эпохи перелома, как в предыдущих образах он дал картину его житейских исканий, неудач и успехов.

Буржуазная природа Райского доказывается еще легче и нагляднее, чем это можно сделать относительно других героев Гончарова. Можно смело сказать, что в его творчестве нет образа более ценного для определения социального происхождения его героев, чем образ Райского, потому что нет другого образа, так тесно связанного с родным гнездом и родной средой, чем он. Все другие герои Гончарова живут и действуют вдали от своих гнезд в попой и не совсем родной для них среде. Их гнезда маячат где-то вдали, и настоящий их характер не вполне ясно вырисовывается сквозь дымку этой дали. Внешней рамкой, в которой действует Райский, является его родовая усадьба. Научая этот образ, ближе и интимнее знакомиться с характером вскормившего его гнезда, а чем ближе и интимнее знакомиться с ним, тем становится яснее, что это не дворянское гнездо, а буржуазные хоромы.

Дворянские гнезда—это гнезда деревенские. К ним ведут проселочные дороги, извивающиеся между хлебных полей и лугов, прорезывающие леса и перелески, пересекающие ручьи и речушки. В дворянское гнездо нельзя попасть, не надышавшись воздухом зеленых равнин, не налюбовавшись русским сельским ландшафтом. Приближаясь к родной усадьбе, дети дворянских гнезд видели ту картину, переживали те впечатления, которые видел и переживал герой Тургенева Лаврецкий, возвращаясь в родовое поместье Васильевское.

«Он ехал домой», пишет Тургенев: «Тарантас его быстро катился по проселочной, мягкой дороге. Недели две как стояла засуха; тонкий туман разливался молоком в воздухе и застилал отдаленные леса. От него пахло гарью. Множество темноватых тучек с неясно обрисованными краями расплзались по бледно-голубому небу; довольно крепкий ветер мчался сухой, непрерывной струей, не разгоняя зноя. Приложившись головой к подушке и скрестив на груди руки, Лаврецкий глядел на пробегавшие веером загоны полей; на медленно мелькавшие ракиты, на глухих ворон и грачей, с тупой подозрительностью взиравших боком на проезжавший экипаж, на длинные межи, заросшие чернойбыльником, польной и полевой рябиной; он глядел... и эта свежая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинные холмы, овраги с приземистыми дубовыми кустами, серые деревеньки, жидкие березы—вся эта давно им не виданная русская картина навевала на его душу сладкие и в то же время почти скорбные чувства, давила грудь его каким-то приятным давлением.

...Тарантас толкнуло; Лаврецкий выпрямился и широко раскрыл глаза. Перед ним на пригорке тянулась небольшая деревенька; немного вправо виднелся верхний господский домик с закрытыми ставнями и кривым крыльцом, по широкому двору от самых ворот росла крапива, зеленая и густая, как конопля, тут же стоял дубовый, еще крепкий амбарик. Это было Васильевское». (гл. XVIII). «Пробегающие веером загоны полей», «степная тучная голь и глушь», «длинные холмы», «овраги с приземистыми дубовыми кустами», «серые деревеньки»—вот какие картины промелькнули перед взором Лаврецкого, прежде чем он завидел свое родовое гнездо... А в родовом гнезде он раньше всего заметил на пригорке «небольшую деревеньку», свою деревню—Васильевское, и только под конец свою усадьбу, которая как бы потонула и растворилась в деревенском море.

Возвращающийся в свое родное гнездо Райский видит совсем иные картины. На его пути нет тех деревенских впечатлений, которыми переполнен путь Лаврецкого. Пробираясь к себе домой, он видит не поля и села, а «переулки», и сейчас же за переулками «родную кровлю», хлопотливую жизнь домашних ковчега, с собаками, кошками, голубями, боченками, дровами и всей дворовой челядью.

«Тихой, сонной рысью пробирался Райский в рогожной перекладной кибитке, на тройке топких лошадей по переулкам к своей усадьбе. Он не без смущения завидел дымок, вьющийся из труб родной кровли, раннюю нежную зелень берез и лип, осеняющих этот приют, черепичную кровлю старого дома и блеснувшую между деревьев и опять скрывшуюся за ними серебряную полосу Волги. Оттуда, с берега, повеяла на него струя свежего, здорового воздуха, каким он давно не дышал. Вот ближе, ближе: вот залестрели цветы в садике, вон дальше видны аллеи лип и акаций и старый вяз, левее—яблони, вишни, груши. Вон резвятся собаки на дворе, жмутся по углам и греются на солнышке котята; вон скворечники выблиются на тонких жердях; по кровле нового дома толкуются голуби, по верх реют ласточки. Вон за усадьбой, со стороны деревни, целая луговина покрыта разостланными на солнце полотнами. Вон баба катит боченок по двору, кучер рубит дрова, другой какой-то садится в телегу, собирается ехать со двора: все незнакомое ему люди» (188, I).

Достаточно сопоставить между собой картины везда Лаврецкого и Райского в их родовые гнезда, чтобы сразу заметить, что Васильевское и Малиновка совсем не похожи одно на другое, что это гнезда птиц разных пород. В деревенском характере Васильевского никто не усумнится; в характере Малиновки, наоборот, незаметно ничего специфически деревенского. С гораздо большим основанием можно видеть в Малиновке не деревенское поместье, а обширную городскую усадьбу. Чуждая совершенно всему деревенскому, Малиновка необыкновенно тесно и близко прильнула к городу, составляет частицу патриархального города одного из русских захолустий. Малиновка так устроена, что прямой выход из нее открывается на городскую улицу, что, выглянувши за ограду Малиновской усадьбы, сразу попадаешь в городскую обстановку. Приехавший в свое гнездо, Райский отправляется гулять по своим владениям. «Он прошел двор, прошел сад»... Казалось бы, что следующий шаг приведет его в поле, в деревню, это и должно было бы быть в настоящем поместье. А Райский шагнул и очутился в городе. И посмотрите, как ласково, с какой любовью погружается он в созерцание городского вида, как уверенно шагает по его улицам. Чувствуется, что он знает в нем каждую мелочь, что между ним и городом протянулась нить воспоминаний, что он

нашел в городе старого друга, даже близкого, родного. «Райский обогнул весь город и из глубины оврага поднялся опять на гору, в противоположном конце от своей усадьбы. С вершины холма он стал опускаться в предместье. Весь город лежал, как на ладони. Он с пристрастным чувством, пробужденным старыми, почти детскими воспоминаниями, смотрел на эту кучу разнохарактерных домов, домиков, лачужек, сбившихся в кучу или разбросанных по высотам и по ямам, ползущих по окраинам оврага, спустившихся на дно его, домиков с балконами, с маркизами, с бельведерами, с пристройками, с надстройками, с венецианскими окошками или едва заметными щелями вместо окон, с голубятнями, скворечниками, с пустыми, заросшими травой, дворами. Смотрел на искривленные, бесконечные, идущие между плетнями переулки, на пустыне без домов улицы с громкими надписями: «Московская ул.», «Астраханская ул.», «Саратовская ул.», с базарами, где навалены груды лых, соленой и сушеной рыбы, кадки дегтю и калачи. На зияющие ворота постоянных дворов с далеко разносящимся запахом навоза и на бречащие по улице дрожки. Было за полдень давно. Над городом лежало оцепенение покоя, штиль на суше, какой бывает на море, штиль широкой степной, сельской и городской русской жизни. Это не город, а кладбище, как все эти города» (225, I). Не производит ли на вас странного впечатления этот помещик, любующийся в своем родовом гнезде картиной захолустного сонного города и ни разу не влиянувший с любопытством или участием на деревню.

В ту пору, как деревенские впечатления не играют никакой роли в жизни обитателей Малиновки, между ними и городом существует глубокая интимная связь. В глубокую полночь, стоя у открытого окна Малиновского дома в задумчивом, меланхолическом настроении, Райский ощущает бессознательно под боком у себя, здесь, почти рядом с усадьбой биение пульса спящего города. «Райский подошел к окну, пишет Гончаров, откинул занавеску, смотрел в темную звездную ночь. Кое-где стучали в доску, лениво раздавалось откуда-то протяжное «слушай». Только от собачьего лая стоял глухой гул над городом. Но все превозмогала тишина, темнота и невозмутимый покой» (348, II, I).

Обитая в родной Малиновке, Райский постоянно видит, слышит и наблюдает городскую жизнь; город заполняет его мысль и воображение. Под влиянием вида захолустного горо-

да складывается в нем мысль об отсутствии движения и прогресса в русской жизни, рождается желание разбудить и оживить «город-кладбище». Под влиянием города работает его художественная фантазия, впитывая в себя картины и образы городской жизни. Разгуливая по городу, «он мысленно снимал рисунок с домов, замечал выглядывавшие физиономии встречаемых, группировал лица бабушки, дворни... Он медленно машинально шел по улицам, мысленно разрабатывая свой новый материал. Все фигуры становились отчетливо у него в голове, всех он видел их там, как живыми». (228, I). Когда он воображает себя деятелем, собирается бороться с застоем и инерцией, он опять-таки видит себя в городе, а не в деревне, собирается обновлять и будить городскую, а не деревенскую жизнь, сидя в городской квартире Козлова: «Будем же делать и мы, чтоб разбудить это (он указал вокруг на спящие улицы, сады и дома). Будем превращать эти обширные кладбища в жилые места, встряхивать спящие умы от застоя» (26, I).

И не только Райский в своей Малиновке вечно оказывается окруженным городскими впечатлениями. В жизни всех обитателей Малиновки город играет роль деятельного фактора. Все они живут впечатлениями домашнего ковчега, за порогом которого сейчас же начинают действовать впечатления города. Деревня на психику обитателей этого ковчега не оказывает, в сущности, никакого заметного влияния. Кормчий этого ковчега, бабушка, интересуется только домом, садом, огородом, а затем еще городом; но деревенским заботам нет места в ее душе. «У ней», пишет Гончаров, «не было помысла идти вникать в жизнь дальше стен, садов, огородов имения и, наконец, города. Этим замыкался весь мир». (275, I). Это психика владелицы городского имения, а не помещицы крепостной порчи, которой было гораздо меньше дела до города и даже садов и огородов, чем до хлебных полей и сенокосов. Городская закуска Малиновки чувствуется не только в бабушке, но и в ее внуках. Выросшая в Малиновке Вера отталкивает Волохова не деревенским, а городским, мешанским патриархализмом. «Вот опять, говорит он ей, понесло от вас бабушкой, городом и постным маслом» (207, II).

Городской характер Малиновки так и мечется в глаза, и в буржуазной природе Райского едва ли можно сомневаться. В образе Райского Гончаров ярче и выпуклей, чем где бы то ни было, обрисовал социальную природу своего героя, и после

этой обрисовки становится вполне очевидным буржуазный характер его типов.

Переходя от социологии к психологии Райского, легко видеть, что общий психологический рисунок его сильно напоминает младшего Адуева. Райский переживает ту же эволюцию от ветхозаветной бабушкиной правды, через фальшивый романтизм к капиталистической правде практического дельца Тушина, перед которой он склоняется, как Ал. Адуев перед правдой своего практического дядюшки. История душевной жизни Райского — это история психологического перелома, пережитого патриархальной буржуазией в эпоху ее восхождения, когда она шла на смену помещику к власти и культуре. Это восхождение от некультурной буржуазной Малиновки к культурному самоутверждению идет чрез дворянский университет, через усвоение классовой идеологии, превращающей нашего буржуа в уродливое, дисгармоническое существо — «буржуа-дворянина», находящегося в положении ни павы, ни вороны. Райский переживает ту же драму неприспособленности, какую переживают и другие герои Гончарова. Его огромный художественный талант, сырой и малокультурный, в своем устремлении к культуре переживает драму идеологического плена. Психология творческих исканий «буржуа в дворянстве», одаренного крупным художественным талантом, — вот психология Райского.

Легко показать, что в своих художественных исканиях буржуа-дворянин переживает ту же драму неудачливости, какую переживает он и в своих житейских исканиях. Художественный талант окажется парализованным внутренними противоречиями буржуа-дворянина, будет истощаться в бесплодных потугах творчества. Художник, одаренный самым крупным талантом, окажется неудачником, усиливаясь создать то, чего он не в силах создать по своей социальной природе, пока не найдет своей собственной дороги. Тип такого художника-неудачника, тип неприспособленного таланта, плененного чужой классовой культурой и бьющегося над преодолением ее, и дан в Райском.

Обычно неудачливость Райского объясняют ленью и поверхностным дилетантизмом. Здесь есть большая доля правды, но все же не вся правда. Конечно, Райский страдает инертностью и разгильдяйством, которыми щедро одарила его докапиталистическая Русь; и не подлежит сомнению, что это круп-

ные недостатки для художника, которому предстоит работать в условиях зарождения капитала, разрушающегося патриархального быта.

В обстановке непоколебимой патриархальной жизни пассивность и медлительность не ощущались как большой недостаток, даже рассматривались, как достоинство, как гарантия тщательности и прочности работы. Вся жизнь не торопилась, некуда было торопиться и художнику, не было опасности отстать от жизни. С разрушением патриархализма эта опасность явилась и, вместе с тем, стала недостатком медлительность.

И все-же недостаток этот еще не исключает возможности создания значительных художественных ценностей при наличии большого таланта. Успеху художника будет, конечно, вредить, что он не будет попадать в герои дня, в выразителя чаяний момента, но помешать ему создать истинно-художественное произведение это не может. Пусть он работает медленно, пусть опережают его более подвижные и более приспособленные к новому темпу жизни художники, пусть даже жизнь уходит от него вперед, — все же он даст талантливое изображение определенного момента этой бегущей жизни; другими словами, даст крупное и ценное художественное создание, которое будет оценено по достоинству, когда подойдет к нему без злободневных требований. Словом, мы будем иметь неудачника в смысле жизненного, а не художественного успеха, неудачника в жизни, а не в художественном творчестве. Между тем Райский — неудачник именно в этом последнем смысле, потому что он не умел создать ничего значительного в искусстве, несмотря на свой блестящий талант. В гораздо большей мере, чем пассивность и разгильдяйство, Райскому мешает стать художником то обстоятельство, что он споткнулся о романтизм, как споткнулись на нем и Адуев и Обломов. Художественное творчество есть игра в жизнь, но прежде чем играть в жизнь, надо жить, надо в жизни испытать то, чем собираешься играть в искусстве. Райский и сам хорошо знает это и определенно говорит об этом. Между художником и человеком, между творчеством и жизнью должна быть полная гармония; иначе творчество невозможно, иначе творца постигнет неизбежная неудача. В отсутствии такой гармонии и лежит главная причина неудачи Райского. Жизнь, хорошо знакомая Райскому, которой он мог бы жить и которую мог бы великолепно использовать в качестве художника, — это буржуаз-

ный примитив. Играть этой жизнью, сделать ее предметом художественного воспроизведения для него ничего бы не стоило при наличии его большого таланта. Но Райский рвется прочь из примитива, не хочет жить этой, сделавшейся для него скучной, жизнью, не хочет и играть ею с художественными целями. Он хочет жить и играть более культурной и красивой жизнью, чем патриархальная буржуазная жизнь, и пытается кроить и свою жизнь и свое творчество по романтическим образцам. Но вся его буржуазная натура не вяжется с романтизмом; и как ни уродует и ни приспособляет он романтизм к буржуазному уровню, романтическая жизнь не вытанцовывается да и только. Не вытанцовывается романтическая жизнь, не вытанцовывается и игра в эту жизнь, ничего не выходит и из творческих попыток художника. Райскому страшно хочется испытать страсть бурную, ясную, испепеляющую, в которой одной только он и видит настоящую жизнь, но кроме истерического крика о страсти у него ничего не получается. Он пробует играть в безумную страсть, т. е. изобразить ее в художественном создании, но то, что не пережито, не удается и в творчестве.

Чтобы добиться хороших результатов в творческой деятельности, Райский должен отказаться от пародий на чужую жизнь и начать жить своей жизнью. Когда он найдет себя, станет на свою настоящую точку в жизни, приспособится к ней, тогда и его художественный талант найдет себе настоящее применение, тогда Райский станет крупным художником. Но найти себя, стать на свои ноги для Райского, как и для всякого обломовца, значит понять тайну обращения примитивной Малиновки в Малиновку культурную, подняться на высоту идеалов буржуазного реализма в духе старшего Адуева. Поднявшись на высоту этих идеалов, Райский перестанет пародировать жизнь и начнет жить по настоящему. Его не будут больше огорчать неудачи разыграть жизнь в романтическом стиле. На свои попытки жить по романтизму он будет оглядываться теперь с добродушным смехом, хорошо уразумевши комический смысл своего юного обезьянства. Другими глазами взглянет он теперь на родную Малиновку. Он увидит, что, как ни примитивна была Малиновская жизнь, все же это была жизнь, а не кривляние, и при том жизнь, в которой было все же много приятного и заслуживающего сочувствия.

Вместе с таким глубоким изменением отношений человека к жизни неизбежно произойдет и резкое изменение художественного созерцания жизни. Теперь Райский не будет натуживаться играть в романтические чувства, создавать романтические картины, в чем он терпел и должен был терпеть неудачи. Зато самое натуживание он сделает предметом игры и художественного творчества. Он покажет во весь рост фигуру наивного буржуа, напялившего на себя лямку романтизма, смешного от своего бессилия тащить эту лямку, и создаст хороший художественный образ Александра Адуева. Он не будет теперь пренебрежительно отвертываться от Малиновского периода своей жизни, а с любовью вспомнит его и не откажется от удовольствия поиграть в эту сонную, но раздольную и уютную жизнь и, играя, он создаст эпопею этой жизни «Обломова». С любовью и уважением будет он воспроизводить в своем творчестве и ту трезвую, деловитую жизнь, в которой он нашел больше всего смысла, гармонии и устойчивости, и из-под его художественной кисти выйдут образы старшего Адуева, Штольца и Тушина.

Как раз в Малиновке Райский переживает глубокий душевный перелом, который обещает ему впереди плодотворную художественную деятельность. И когда перелом этот совершится, тогда художник Райский станет крупным писателем-романистом Иваном Александровичем Гончаровым. Это будет блестящий, хотя и неглубокий художник, медлительный в работе, всегда непогрязляющий к моменту, но превосходный знаток и изобразитель эволюции крупно-буржуазной психики под влиянием развивающихся капиталистических отношений. Это будет реалист и бытописатель домашней будничной жизни русского буржуа, едва освободившегося от патриархальных пеленок.

Картина творческих скитаний молодого класса, восходящего к культуре и строительству ее, отраженная Гончаровым в образе художника Райского, чрезвычайно поучительна и интересна для анализа именно в наше время. Мы переживаем сейчас переломную эпоху. Старые культурные классы сходят со сцены. На их место идут молодые, полные новых творческих сил. Перед ними стоит задача овладения и преодоления чуждой классовой культуры для самостоятельного культурного творчества. Это восхождение к культуре сопровождается теми же драматическими моментами, какими некогда сопровождалось

лось восхождение примитивной буржуазии к культуре. Эту драму переживают и молодые художественные таланты, бьющиеся в тисках культурного наследия буржуазии, в тисках буржуазной романтики предреволюционной эпохи. Крепкий, крижистый талант Всеволода Иванова, истопающийся в усилиях быть как Андрей Белый—вот знамение времени, вот трагедия искусства наших дней. Тайна современного кризиса художественного творчества здесь, и в тайне этой много проявляется образ Райского, дающего обильный материал для решения проблемы этого кризиса и для прогноза относительно его исхода.

В. Перевез.

Стенограммы докладов, читаемых в Социалистической Академии.

Стенограмма публичного заседания Соц. Акад., посвященного памяти В. В. Воровского (31 мая 1923 г.).

ПОКРОВСКИЙ, М. Н. (председательствующий).

Товарищи, позвольте открыть публичное заседание Социалистической Академии, посвященное памяти недавно трагически и славно погибшего члена Академии Вацлава Вацлавовича Воровского. Приглашаю почтить память покойного вставанием. (Аудитория встает).

Товарищи, на мою долю выпадает самая трудная часть задачи — это дать вам общую характеристику покойного Вацлава Вацлавовича, как человека, общественного деятеля и т. д. Я заранее признаю, что буду до чрезвычайности слаб в этой общей характеристике и слаб потому, что для описания такой чрезвычайно выпуклой, чрезвычайно красочной фигуры, как Вацлав Вацлавович, нужно быть таким же художником слова, каким был он. Это был один из самых — именно в художественном отношении — талантливых людей в нашей партии. У него есть вещи прямо поэтические, прямо стихотворения в прозе, которые можно было бы приписать любому нашему крупному беллетристу, не рискуя быть избалованными; до тех пор, пока сам беллетрист не станет опровергать своего авторства. Укажу на его „Революционные дни“ в журнале „Вперед“, „Корабль-скиталец“, напечатанный в „Пролетарии“ в 1905 году. Все это шло без его подписи, все это никому не было известно, но это настоящие перлы революционной художественной прозы. И чрезвычайно досадно, что Вацлаву Вацлавовичу не удалось в этом направлении развиться, что суровые условия

подпольной работы сначала и не менее суровые, хотя и в другом роде, условия нашей советской работы потом — все время оттягивали его от его настоящего пути — пути литературного, на котором он бы мог, повторяю, достигнуть замечательнейших высот, быть может, быть первым нашим революционным художником слова, так как наиболее близкие к революции люди в этой области все-таки являлись не совсем нашими, а Вацлав Вацлавович был человеком совсем нашим. Когда его хоронили, то хоронили погибшего на своем посту представителя Советской России и коммунистической партии. Немногие старики вспоминали, что ведь это не только теперь крупная фигура, но что это один из самых старейших революционеров в наших рядах вообще. Если бы Вацлав Вацлавович справлял свой юбилей, он уже в прошлом году мог бы справлять 30-ти летний юбилей своей революционной деятельности. Что это один из создателей большевизма, один из отцов большевистской партии Р. К. П., — все это как бы забывалось, а между тем роль его в свое время была чрезвычайно выдающаяся и, должен прибавить, чрезвычайно для него характерная.

Я уже сказал во вступительных своих словах, что Вацлав Вацлавович был прежде всего художником, писателем, и это был литератор до мозга костей. Литературная жилка в нем билась всегда, — он не только писал необыкновенно красиво, он говорил необыкновенно художественно. Я не знаю человека, речь которого была бы до такой степени картинной, как его речь, и именно с этой стороны — со стороны необыкновенной художественности, живости и остроумия. И вот этот кровный литератор выступает в 1904 году в знаменитом споре практиков и литераторов, из которого вышел 3-й съезд партии, выступает не на литературной стороне. Партия тогда имела довольно своеобразное устройство, настолько своеобразное, что его трудно объяснить. Я буду объяснять очень популярно, и если я чего-нибудь не скажу, может быть, в чем-нибудь будет ошибка, — то меня поправят. Тогда было два центра. С одной стороны — конспиративно-практический центр Ц. К., с другой стороны — литературный центр, заграничная редакция центрального органа. Это совершенно самостоятельное положение партийных литераторов чрезвычайно характерно для того периода развития

большевизма. Теперь, как вы знаете, литераторы сокращены до такого минимума в партии, что они, как таковые, даже совещательного голоса вообще не имеют, а было время, когда им принадлежала половина решающих голосов в партии. И вот литераторы из Ц. О. и практики из Ц. К.—они вместе образовывали особое учреждение, которое в других партиях, сохранивших тогдашнюю структуру, например, у с.-р'ов, существует и до сих пор,—они образовывали *Совет партии*. Этот Совет оказался в руках литераторов меньшевиков с Плехановым во главе, который стал на сторону меньшевизма, и они всячески тормозили созыв съезда партии, абсолютно необходимого в тогдашний жгучий момент. Это было зимой 1904—1905 гг., т.-е. в самую критическую революционную зиму, какую только переживала партия со дня своего основания в 1898 г. Совет, под давлением литераторов, был против съезда. Вацлав Вацлавович выступил как раз вместе с практиками: он, кровный литератор, выпустил под псевдонимом „Орловского“ брошюру „Совет против партии“, и он, как один из самых энергичных сторонников так называемого Б. К. Б. (бюро комитетов большинства), выступил на сторону Ленина и против Плеханова и меньшевистских литераторов. Эта позиция характерна, прежде всего, для его моральной физиономии. Вацлав Вацлавович никогда не мог руководствоваться ни групповыми, ни личными интересами. Он всегда, как настоящий рыцарь, становился на сторону того дела, которое он считал в данный момент правым, и, насколько не стесняясь тем, что ему, в виду литературного таланта, была обеспечена гораздо более видная роль в литературном кругу,—он стал на сторону практиков и поддержал их силою своего литературного таланта. С тех пор он сделался постоянным членом редакционного коллектива победивших практиков, журнала „Пролетарий“. Там написаны все те великолепные вещи, о которых я упоминал вначале. И вот, повторяю, это положение, занятое им в первом партийном споре, в котором ему пришлось участвовать, чрезвычайно характерно для всей его фигуры. Нам Вацлав Вацлавович всегда встречается впоследствии не на самых выигрышных, выгодных постах, а на самых неблагодарных и, в конце концов, самых опасных. В 1907—1908 гг., когда мы, большая часть тогдашних большевистских литераторов, так или иначе группировались под сенью, правда, очень тонкой, призрачной, можно сказать,

Финляндской конституции, проживая на территории близ Териоков и др. подобных мест, в настоящее время забытых,—Вацлав Вацлавович не покидал России, он все время был в ней, рискуя быть арестованным, и часто бывал арестованным, и вел жизнь для литератора такого калибра совершенно подвижническую. Я помню его письмо из Одессы, где он в шутку говорит, что он поступил куда-то приказчиком. Он брал на себя самую черную работу и в партии и, в конце концов, продержался до последней минуты в России в то время, как мы были на Финляндской территории, а некоторые поехали и дальше. Когда произошла война, произошла Октябрьская революция и наступила Советская власть, Вацлав Вацлавович опять оказался на посту гораздо более неудобном, нежели в каком-нибудь отношении выгодном или приятном. Довольно символически убивший его мерзавец выбрал для выстрела эту фигуру. Вацлав Вацлавович был первым большевистским дипломатом, какой вообще появился на свет. Он одно время в 1917 г. в своей особе олицетворял всю большевистскую дипломатию. У нас был один представитель в Стокгольме—и им был тов. Воровский. Это было положение и тогда уже чреватое всевозможными опасностями, поскольку и тогда существовала знаменитая „Лига Убийц“, о которой потом писал Воровский. К счастью, она оказалась настолько безрукой, что первого и тогда единственного нашего дипломата она убить не сумела. Лига эта состояла из наших беглых белогвардейцев. Но тут характерно, что Воровский принял без всякого рассуждения пост дипломата всероссийского большевизма, который считал за собой две недели существования. Он выдвинулся на самое передовое место и под самый густой обстрел неприятеля и держал себя там так, что снискал себе уважение и симпатии даже тех же белогвардейцев, которые должны были его убить. Может быть, потому они его и не убили, что слишком он был популярен, даже в их кругу. Я не могу отказать себе в удовольствии прочесть одну заметку, посвященную памяти Вацлава Вацлавовича Воровского, напечатанную в газете, которую позвольте вам назвать после того, как я прочитаю. Пока я скажу, что это газета заграничная. Вот что тут говорится: „Памяти Вацлава Вацлавовича Воровского“. (Читает). „Умер мой двойник, по

сходству (внешнему) с которым я в свое время претерпел не мало, вплоть до ареста. Тем не менее, при вести об его убийстве у меня сжалось сердце жалостью. Уверен, что сжалось еще не мало и других „контр-революционных“ сердец. Это было в 1918 г. в Стокгольме, в тогдашнем центре русской эмиграции, где покойный был полупризнанным представителем советской власти. Когда прекратились всякие частные сношения с Россией, кто только из эмиграции не обращался в эту вражескую „миссию“! Одному надо было узнать о судьбе близких и друзей, другому послать восточку о себе, третьему навести справку о деле... И всякий встречал тогда самое доброе участие и помощь. Покойный наводил справки, отправлял радио-телеграммы, пересылал с курьером письма... Мне пришлось два раза обращаться к Воровскому: по делу чуждому и своему (не личному). И оба раза я забывал, что передо мной „большевик“, политический противник—столько было в нем душевной деликатности, такта, широкой терпимости к убеждениям и доброты. За все время пребывания моего в Стокгольме я не слышал ни одного даже намека на личную непорядочность или нечестность Воровского. Один изгнанный за что-то из „миссии“ ее служащий, т. е. человек, едва-ли имевший основания благоволить к покойному, говорил: „Во всей миссии только один чистый и честный человек и убежденный социалист,—это Воровский; но он слаб и поддается влиянию окружающей с...“. Как странно, несправедливо, но как это бывает часто: „дура“—цуля находит как-раз такого „единственного порядочного...“¹⁾.

Дорогие товарищи, газета, из которой я вам прочел,—это правая кадетская газета „Руль“. Этот „Руль“ напел возможным и нужным напечатать такую характеристику убитого советского дипломата. В этой характеристике, конечно, фактически далеко не все верно. Мы знаем, что Воровский отнюдь не был человеком терпимым в смысле революционных и политических группировок. В этом отношении он был чрезвычайно нетерпимым, и это он проявил в 1904—1905 гг. во время борьбы за третий съезд партии, но тут важно то, что личную его непорядочность и рыцарство не могли отрицать его противники.

¹⁾ См. газета „Руль“ № 747 от 17(4)/V—1923 г.

Истории иногда приходит фантазия повторяться, и чаще всего история нашей революции повторяет даже в мелочах историю своей великой Французской предшественницы. Правда, термин „великая“ подходит больше к нашей пролетарской революции и потом, в 21 столетии, вероятно, переменят титулы и будут называть нашу революцию—великой, а Французскую—какой-нибудь предреволюцией или что-нибудь в этом роде. Но пока мы усвоили себе старую буржуазную терминологию и будем называть Французскую революцию великой. И вот весной 1799 г. (для полноты фотографического сходства это было весной) в городе Раштадте заседал конгресс, по своему составу чрезвычайно похожий на теперешнюю Лозанскую конференцию. Это было собрание представителей всех реакционных стран тогдашней Европы во главе не с Англией—она не занимала тогда этого почетного места—а во главе с Австрией, которая тогда была гнездом европейской реакции. И вот на этот конгресс явился представитель первой французской республики Бонье. Он явился совершенно, как Воровский на Лозанскую конференцию—незванный и непрошенный, и, как Воровский, он привел собравшихся в Раштадте порядочных людей в крайний конфуз, ужас и смущение. Они не знали, что делать. Пришел революционер и сидит и говорит, что имеет право вместе с ними принимать участие в работах. Они всячески старались его отвадить, и переписка Бонье с конгрессом, почти точка в точку, напоминает переписку Воровского с Лозаннской конференцией. Его честью просили уйти, а он говорит: „Я получил предписание от своего правительства, вы здесь решаете наши дела, и я буду здесь, пока не закончится конгресс“. Тут сходство начинает прекращаться, и оно прекращается в пользу этого старого реакционного сборища, которое происходило в Раштадте. Сейчас Лозаннская конференция не нашла и приличной формы для того, чтобы ликвидировать свое отношение к Воровскому, Раштадтский конгресс нашел. Он объявил себя распущенным. После этого совершенно ясно, что каким бы то ни было представителям нечего и негде было сидеть. И Бонье, естественно, должен был уехать также, как сделали вид, что уехали и все другие. Когда он отъехал несколько верст от Раштадта, на него из засады напали, изрубили, второго представителя, члена французской миссии, Робержо, ранили и ограбили весь багаж. Тут сходство почти полное с убий-

ством Воровского, но есть маленькое „но“ опять-таки в пользу тогдашних нравов. Убивавшие Бонье люди, бывшие австрийскими офицерами, явились убивать в полной форме,—как офицеры той державы, которая являлась главным врагом Франции. Лорд Керзон не имел мужества послать английских офицеров в полной форме „хаки“ убивать т. Воровского, и его подстрелил какой-то темный фашист, который ни к какой стране не принадлежит. Разница не в пользу наших современников. 100 лет тому назад реакция умела быть более приличной, чем она стала теперь, после того, как буржуазия проделала свою далеко не демократическую дорогу. И, товарищи, может быть, это не дипломатично с моей стороны, но я позволю себе вам напомнить, что было дальше. На Раштадском конгрессе Франция порвала со всей тогдашней Антантой, и очень скоро после этого конгресса, через несколько недель, началась последняя революционная французская война. На этот раз против Франции была самая страшная коалиция, потому что в этой коалиции были русские, а во главе русских был Суворов, который считался первым полководцем того времени. Чем же кончилось это? Это началось Раштадтом и убийством Бонье и это кончилось Маренго, т.е. таким разгромом, какого Австрия не испытывала за все время своих войн. Кончилось тем, что Франция была около Вены и она сделалась величайшей державой в дашней Европы. Вот чем кончилось то, что началось убийством французского посланника на Раштадском конгрессе.

Этим воспоминанием я позволю себе закончить свою характеристику, а свое воспоминание о Вацлаве Вацлавовиче Воровском.

Он пал, несомненно, не даром, и нужно сказать, что он умер так, как следовало ему, ветерану революционного дела, умереть. Нельзя придумать человека, к которому такой конец больше бы подошел, и по правде можно сказать, что нельзя не позавидовать такому концу. Всех нас ожидает одна ночь, как говорится, все мы идем к смерти, и лучше встретить эту смерть, как встретил Воровский, нежели встретить ее так, как встретят многие противники революции, которым придется самым прозаическим образом умереть под забором. Вот та карьера, которой можно позавидовать с начала до конца. Это даже не карьера. Вацлав Вацлавович никогда карьеристом не был. Характерно, что он, один из

крупнейших литераторов партии, один из основателей партии, сколько я знаю, никогда не занимал никаких выдающихся партийных постов, никогда не был партийным генералом, а был самым обыкновенным рядовым членом партии, но, тем не менее, он всегда сумел быть на самом видном месте, и опасном месте, и выдвинутом вперед месте. И в этом отношении, конечно, приходится ему позавидовать, позавидовать и его кончине. Он умер, как следовало умереть настоящему старому большевику-коммунисту, одному из основателей большевистской партии (апломсменты).

ПОКРОВСКИЙ, М. Н. (председательствующий). — Слово имеет тов. Фриче для доклада—Воровский, как литератор и критик.

ФРИЧЕ, В. М.

Товарищи, не всем, кто знает имя тов. Воровского, известно, что он был не только выдающимся советским дипломатом, но и выдающимся литературным критиком, и даже трудно сказать, куда его самого влекло больше: к дипломатической ли борьбе или к литературной критике. По крайней мере, в одном из его последних писем, отвечая на предложение, одновременно сделанное ему двумя издательствами об издании его критических статей, тов. Воровский, сначала несколько озадаченный, потом, видимо, обрадованный предложением, так как ему было что сказать в этой области, заканчивает словами, что, если другие склонны видеть в нем талантливого дипломата, то он всегда считал себя гениальным публицистом. Это, конечно, шутка. Конечно, он не считал себя гениальным человеком. Своей специальностью, своей любимой областью он, однако, видимо, считал именно литературную критику, но, повинувшись велениям времени, променял критику на дипломатию. И если его, как дипломата, знает весь мир, то, как критик, он гораздо меньше известен, потому что его статьи, давно написанные, рассеянные по разным старым партийным органам, ныне трудно доступны широкой читающей публике. В скором времени они выйдут из печати, и тогда можно будет убедиться, какого мастера литературной критики в нем убила пуля подлого фашиста¹⁾.

¹⁾ В настоящее время литературно-критические статьи тов. Воровского уже вышли в свет в изд. „Новая Москва“ и Госиздата. Некоторые из этих статей вошли в книгу, изданную харьковским изд. „Пролетарий“ под заглавием: Русская интеллигенция и русская литература.

Позвольте совершенно вкратце дать здесь образ тов. Воровского, как литературного критика. Что такое критик-марксист в эпоху пролетарской борьбы? Это, конечно, не исследователь, ибо для этого у него нет ни времени, ни прочих внешних условий. Вот пример. Когда в самую глухую пору реакции тов. Воровскому (он был тогда душой одесского комитета) было предложено написать главу о новейшем русском романе для коллективного труда о новейшей русской литературе, он дал три очень тонко написанных этюда о Горьком, Андрееве и Куприне, как о романистах, три самостоятельных портрета. Здесь для исследователя марксиста есть целый ряд интересных формальных задач и между прочим показать, как в известную эпоху под влиянием известных условий один литературный жанр, роман, превращается в другой—рассказ. Для таких исследовательски-академических вопросов у тов. Воровского, у члена одесского комитета, конечно, не было ни времени ни интереса. Как марксист, он, конечно, понимал, что центральная задача в этой области заключается в том, чтобы показать, как художественный мир, созданный писателем, вырастает со всеми его особенностями из психологии писателя, как представителя известной общественной группы, или, иначе говоря, в том, чтобы показать, как черты, свойственные писателю, как представителю известной социальной группы, неизбежно, помимо воли автора, предопределяют все его творчество, от выбора темы, героев, их трактовки, вплоть до литературной манеры и стиля. Творчество писателя, замечает он сам, определяется, с одной стороны, общественной действительностью, служащей ему материалом, а с другой стороны, его психикой, являющейся тоже результатом, следствием общественных условий. Или в другом месте, более образно и более точно: „подобно тому, как цветное стеклышко пропускает только лучи известной окраски, так и авторская психика пропускает только ей соответствующие понятия и образы“. Это—совершенно правильный марксистский подход, и тов. Воровский всегда его придерживался, в каждом отдельном случае показывая, напр., как свойства психики упадочной барской интеллигенции неизбежно предопределили все подробности, всю картину деревни, как ее нарисовал Буниц, ибо здесь схвачен только распад старой деревни, а другая половина этого процесса—зарождение новой деревни—не могла не остаться вне поля

зрения этого художника, ибо таковы были свойства этой психики, социально предопределенной. Или, анализируя некоторые произведения Андреева, Воровский показывает, как существенные черты этого писателя—его рационализм, публицистичность, его нервная неустойчивость, его тяготение к кошмарному пессимизму, его анархический подход к социальной действительности, как все эти черты не индивидуальны, а групповые, характерны для интеллигенции разночинной, отчасти как таковой, отчасти и в особенности для нее в известный исторический период ее существования,—в эпоху ее упадка, „оскудения“. Но эту точку зрения, всегда применяемую им в частности, он последовательно не провел через творчество того или иного писателя, ибо это была бы задача исследовательская, для которой у него, делегата Лондонского съезда, члена одесского комитета, административно-ссылного,—конечно, не было ни возможности ни времени, а может быть, и охоты. Ибо на свою работу литературного критика он смотрел не иначе, как потом на свою дипломатическую миссию,—именно, как на боевое служение своему классу. Это значит, он был не исследователем, а публицистом, и в этом отношении он—типичный сын нашей демократической интеллигенции, ибо, как он замечает сам в одной своей статье, наша интеллигенция всегда считала публицистику своей стихией и со времен Белинского вносила ее в науку и в искусство. „Вот почему она и не создала чисто художественной критики“. „Она мыслит и творит публицистически“. Таким публицистом был Воровский, продолжатель Белинского и в особенности Добролюбова, которому он посвятил превосходный этюд. И иногда в нем публицист подавлял литературного критика. Его единственная статья о западном писателе Габриеле Д'Аннунцио, о его романе „Факел под мерой“, где изображается полуразвалившаяся дворянская усадьба, от которой исходит тление и разврат и где героиня, вместо того, чтобы сжечь это гнездо зла, кончает с собой,—эта статья написана была не столько ради литературного анализа, а ради революционного призыва, которым она кончается, в виде обращения к героине: „Горе тебе, почему ты не испепелила своим факелом этот очаг мерзости, ибо старый дом, снова подновляемый, будет продолжать стоять и новый цемент скрепит вместе со старыми плитами старые преступления“. Этот уклон в сторону публицистическую,

объясняется не только тем, что перед нами представитель демократической революционной интеллигенции, но и, в частности, идеолог пролетариата, пролагавшего себе дорогу к своей цели, сквозь гущу враждебных ему элементов, в атмосфере чужеродной литературы. Надо было ярким светом осветить этот чужой и для рабочего дела опасный мир литераторов и идеологов. Тут были народники, мнявшие себя современниками великих отцов, духовными сынами Добролюбова. И тов. Воровский доказывает им убедительно, что Добролюбов отнюдь не повинен в позднеjších „шалостях“ народничества, что по методу своего мышления и по духу своего учения он ближе к марксизму, чем к народникам.

Тут была вся та полубуржуазная и буржуазная интеллигенция, которая заполняла тогда арену жизни, поставляла и творцов, и писателей, и читающую публику. Самые яркие, самые крупные и интересные статьи тов. Воровского посвящены именно ей. Это не столько страницы из истории русской литературы, а скорее из истории русской интеллигенции. И страницы настолько же объективные и блестящие, насколько и убийственные, ибо нигде физиономия этой группы не освещена с таким беспощадным ясновидением. Шаг за шагом следит он в своих трех капитальных статьях за постепенным социальным и моральным упадком этой группы, как она, эта группа, если грубо передать содержание этих статей, в 60 годах выходит бурно на арену исторической жизни в надежде занять в новом строящемся буржуазном обществе почетное руководящее место, которая потом, встретив отпор со стороны самодержавно-помещичьего строя, заражается пессимизмом сначала в лице Новодворского, мало известного писателя, которым интересовался много тов. Воровский и которого он в бытность свою заведующим Госиздатом думал переиздать, — и далее в лице Гл. Успенского, Гаршина, Надсона и т. д. Как она потом на рубеже 20 века, смешиваясь с выходцами из гибнущих дворянских поместий, выделяет из себя, так мастерски изображенных Чеховым, лишних людей — так озаглавлена одна из этих статей — с их растерянностью, тоской по опрошению, пессимизмом, эстетизмом и т. д. Как она затем выпрямляется, когда выступил пролетариат, в надежде руководить им в своих интересах, и как, разочаровавшись в нем, когда он пошел своей дорогой к своей цели, она эволю-

ционирует „от Базарова к Санину“, — так озаглавлена другая статья. И как, наконец, в тот период, когда пролетариат истекал кровью на другой день после битвы, — так приблизительно озаглавлена третья статья („В ночь после битвы“), пользуясь покровом темной ночи реакции, она выходит на поле битвы, усеянное трупами, выражаясь его словами, как „мародеры“, развенчивая революцию, обливая поверженных бойцов извержениями своей мутной души в лице, с одной стороны, „мрачного брюнета“ Андреева, автора „Тьмы“, устами своего террориста зовущего потопить правду революции в правде публичного дома, — и в лице „веселого блондина“ Соллогуба, автора „Навских чар“, стремившегося порнографией одухотворить революционностью, а революцию просалить порнографией. Эти блестящие статьи, относящиеся к прошлому интеллигенции, поучительны и в наши дни, ибо, если эти люди, некогда, на другой день после поражения пролетариата, в своем хаотическом распаде дошли до „мародерства“, то на другой день, после его победы они, логически развиваясь дальше, превратились в профессиональных клеветников, грабителей и убийц. Но и как публицист, наш критик все оставался человеком научной мысли, ибо, он был марксистом, а уже Плеханов указал, что есть большая разница между либерально-публицистической критикой и марксистской публицистической критикой, которая не перестает и как публицистика быть научной. Поэтому и статьи тов. Воровского не только поход против идеологов и литераторов непрямого класса, но и очень тонкие психологические очерки об интеллигенции, которую он разбивает на разные группы, показывая, как вместе с изменением социальной действительности и изменением положения самой интеллигенции неизбежно меняется их психология, которая поэтому и не может быть иной. И совершенно понятно, что, стоя на своем сторожевом посту, на который его выдвинул рабочий класс, наш критик зорко всматривался в жизнь, в надежде увидеть, не идут ли на смену писателям буржуазной интеллигенции творцы иного происхождения, не зарождается ли, наконец, литература пролетарская. Для него было ясно, что это процесс длительный, ибо, как он разъяснял в одном месте, всякий класс в своем пути от „небытия к господству“ сначала создает свою политическую идеологию, практическую, потом уже формулирует свои научные воззрения и

только позднее, с „большим опозданием“ и большим трудом ему удаётся выковать свою эстетическую идеологию и художественную практику. „Сколько веков, замечает он, боролось и жило мещанство запада, пока дождалось своего Мольера и Шиллера, Гогарта и Греза“. И поэтому для него было ясно, что для той эпохи, когда он писал, крупный пролетарский талант мог быть только интересным „феноменом“, каким был тогда Горький, которого он постоянно защищал против буржуазной критики, объявившей его законченным человеком именно тогда, когда он примкнул к рабочему классу. „Чтобы появилась пролетарская литература, надо, чтобы психика писателя стала не только творческой, но и пролетарской, а возможно ли это в современном обществе, где пролетариат представляет лишь незначительную культурную силу, и где в его среде еще не могла созреть творческая пролетарская психика не в области поэзии, но в области реальной жизни?“. А когда потом рабочий авангард стал обнаруживать в реальной жизни свою творческую пролетарскую психику и когда можно было с большим основанием говорить и о пролетарской литературе, тов. Воровский, покорный велениям своего класса, променял критику на дипломатию, продолжая и на этом другом фронте свое прежнее боевое ему служение, как раньше в качестве критика. И, конечно, он не походил на героиню Аннунцио, о которой писал: свой факел он не держал под мерой. Поскольку дипломатический факел есть на то пригодное орудие, он им поджигал со всех сторон то старое, подгнившее, заботливо все вновь подновляемое здание, от которого, по его словам, исходит тление и разврат. И он не мог, конечно, заметить, занятый этой работой, как саади к нему подкрался один из тех „мародеров“ так называемой интеллигенции, которых он заклеил когда-то в своей статье, и пал от руки фашиста-негодяя тот, кто совмещал в своем лице и талантливый дипломат и талантливый критик. Товарищи! Как ни печальна мысль о его утрате, у нас остался его завет, когда-то им давно сформулированный, завет бороться до тех пор, пока не будет испепелен дотла стоящий там, за рубежом, очаг мерзости и гниения.

ПОКРОВСКИЙ, М. Н. (председательствующий).

Слово принадлежит тов. Кривцову для характеристики В. В. Воровского, как теоретика.

КРИВЦОВ, Ст. С.

Среди русских марксистов 90-х годов В. В. Воровский является одним из наиболее талантливых, одним из наиболее глубоких представителей этого нового общественного течения. Необыкновенно образованный, глубокий и тонкий аналитик, он вместе с тем весь свой анализ постоянно совмещал с проникновением в человеческую практику. Характерно в этом отношении уже его первое выступление. Когда в конце 90-х годов, в начале 900-х годов у нас раздался клич к ревизии марксизма, когда Струве выдвинул свой лозунг „назад к Лассалю“, „назад к Фихте“, В. В. Воровский под псевдонимом *Ю. Адамовича* написал от имени 1000 профанов, от имени 1000 существ, копошащихся в гуще общественной жизни, письмо, в котором он вскрыл внутреннее противоречие призыва Струве „назад к Лассалю“, „назад к Канту, к Фихте“ и т. д., показал, откуда и почему происходит это течение, и заклеил выступление Струве и остальных рефегатов марксизма известными Шиллеровскими словами о том, что „мавр сделал свое дело и мавр может уходить“. Это появилось в тот самый период, когда (как он сам указывал) большинство профанов еще не было в состоянии точно уяснить себе, что выйдет из тех поправок и исправлений, которые нужно было будто бы внести, по мнению ревизионистов, в стройное учение. Вся практика В. В., как теоретика, представляет большой и поучительный интерес, как неуклонная борьба с этим стремлением. Она по существу невелика, но вместе с тем она проникнута единством содержания, единством настроения. Он задался целью посмотреть, какое значение и какой смысл имел марксизм в прежней русской истории и какое значение и какой смысл приобретает марксизм теперь, как революционное учение русского рабочего класса. Отсюда, его задача была — вскрыть ту сторону марксизма, на которую обычно не обращалось внимания, что марксизм по существу является не только экономическим учением, а главным образом, социологическим. В одной из своих статей, посвященных „Коммунистическому Манифесту“, он указал на то, что основной, незабываемой заслугой Манифеста является то, что Манифест впервые вскрыл единство содержания всемирной истории. Манифесту удалось дать тот метод, с помощью которого мы можем разобраться в деятельности различных агентов исторического процесса. И в то самое время, когда раздавались

всевозможные возгласы, как призыв назад, как призыв к ревизии марксизма, он не побоялся поставить вопрос и указать, в чем заключается подлинная сущность марксизма и в чем увлечение наносными его чертами, от которых легко можно и должно отказаться. Его рассуждения относительно диалектического метода, которые помещены в его статье, направленной против Струве в 1901 году, и в его статье, направленной против Туган-Барановского в 1904 году, в высшей степени поучительны и показательны. В них он указывает на то, что не то важно, что диалектику Гегеля, по мнению Струве, можно ломать и в материалистическую и идеалистическую сторону, а важно то, кто пользуется данным диалектическим методом, кто, принадлежая к какому-нибудь определенному классу, обладая определенной классовой психологией, воспользуется этой диалектикой, как орудием познания. Вот в чем, говорит он, дело и в чем суть вопроса. Да и самый диалектический метод точно отражает диалектичность общественного процесса, почему и дает громадное оружие для познания общественного процесса Марксу. В статье, посвященной 60-летию „Коммунистического Манифеста“, он показал, что, только пользуясь диалектическим методом, Марксу удалось изучить и понять всемирный исторический процесс. Картина развития капиталистического строя, которая нарисована „Коммунистическим Манифестом“, в тот момент была до известной степени только прообразом будущего. Но мало того, что он смог предугадать весь путь капиталистического развития, все громадные его завоевания, он вместе с тем мог нарисовать совершенно точно, совершенно научно и победу пролетариата. Почему, в чем здесь дело? Да, именно, в том, что диалектический метод он понимал в том отношении, что все явления необходимо рассматривать, как он говорит в другом месте, с наиболее идеальной стороны, с наиболее развитой стороны, и этот метод покажет, куда данное явление может привести, во что развиться. Пользование таким образом диалектическим методом дает Воровскому возможность подойти очень интересно к другому вопросу уже нашей практики. В нашей партии был давнишний спор о роли стихийности и сознательности в нашем движении и в нашем партийном строительстве. Воровский подходит к этому вопросу несколько окольным путем. Он ставит глубокий и интересный вопрос о роли и значения идеологии и указывает, что идеология

имеет громаднейшее значение. Только с помощью осознания своего общественного положения, не только своего классового положения по отношению к своему ближайшему противнику (пролетариата к капиталистам), но и осознания общности интересов всех пролетариев, осознания своего грядущего значения и господствующей роли, путем своего конституирования в класс возможно выявить все задачи. А это возможно только путем внесения определенной доли сознательности в стихийное массовое движение, сознание своей грядущей победы. Как же происходит процесс конституирования того или иного общественного слоя в класс? Анализ этого процесса, который дан им в ряде статей, дает Воровскому возможность указать на ряд методологических ошибок, которые в свое время в своем переводе Ком. Манифеста допустил даже Плеханов, на что, казалось, большой знаток марксизма. Скрупулезным, очень тонким анализом Воровский показывает, как „класс“ из агрегата, из отдельной кучи картофеля превращается в единое монолитное целое. Он видит тут определенный процесс осознания, первым этапом которого является процесс осознания данной группы, как экономического класса, когда пролетариат, а еще раньше буржуазия, осознают свое особое экономическое положение против стоящего по отношению к ним класса. Но этого мало. Должно быть еще и политическое осознание роли своего класса. Отсюда вытекает стремление конституировать себя в класс в национальном масштабе: сделаться нацией, государством. Вот этот момент и является основным с точки зрения завоевания данным классом максимума своего положения. Выясняя значение развития класса, он подходит к детальному анализу положения и роли различных классов в истории. Этот анализ дает Воровскому возможность вскрыть некоторые основные методологические ошибки, которые допустил в своей книге о „государстве, бюрократии и абсолютизме“ М. А. Ольминский (Александров). Вследствие того, что автором берется дворянское государство как единое целое, то получается представление о правительстве, как представителях всего дворянства, ступеневается то столкновение внутри дворянства, которое в значительной степени и помогло возникновению самодержавия. Если забыть столкновение между боярством и дворянством, то мы еще в истории XVII столетия не можем понять своеобразие. И в дальнейшем он подчеркивает то, что исторический процесс в

отдельных странах нужно понимать не в смысле однообразной универсальной схемы, а именно в его конкретном своеобразии. Поэтому в статье „Коммунистический Манифест о буржуазной революции“, он указывает, как меняется положение классов и их взаимоотношения во время процесса революционной борьбы. Поэтому-то нельзя одни и те же схемы применять всегда. Если 1789 год давал революционный подъем буржуазии, то уже 1848 год, этот революционный год, в значительной степени показал буржуазии, как опасно выступать с защитой завоеваний революции. Против нее стоял уже не феодализм, а стоял вооружающийся пролетариат. Пользуясь таким конкретным анализом, он и подходит к обычному представлению о роли русской буржуазии в нашей революции 1905 года. При этом Воровский дает очень красивое сравнение, говоря, что в то время, как берлинская буржуазия имела свое 18 марта после баррикадной борьбы, наша буржуазия не знала свое 18 марта. Ее 18 марта—это 17 октября—уступки без ее участия и старания, вырванные у самодержавия рабочей массой. Но и этих ничтожных уступок было достаточно, чтобы удовлетворить нашу „либеральную буржуазию“. Этот детальный анализ о положении и значении буржуазии в революции приводит его к тому, что можно расчленить буржуазию на различные слои, и поэтому мы в 1905 году, стоя на чисто теоретической точке зрения, считали невозможным, неприемлемым соглашательство с крупной буржуазией, а высказывались за политический блок с мелкой буржуазией (крестьянством), что, в конце концов, в значительной степени осуществлено было затем уже в нашей революции 1917 г. Я уже сказал, что Воровский обратил внимание на значение классового сознания, на значение конституирования того или другого слоя в класс, указал на значение идеологии. Действительно, во многих статьях он указывает, какое большое значение играет идеологический фактор. Дело в том, что не всякий идеологический фактор может иметь общественное значение, а только тот идеологический фактор, когда то или другое учение, те или другие теоретические соображения или иначе их работа найдет отклик в классовой психологии масс, которая является основой всей идеологии.

Судьба марксизма и „Коммунистического Манифеста“ в России представляют в высшей степени поучительное явление,

до известной степени проблему, обратную той, какую мы имели в Западной Европе. В то время, как в Европе социалистическим партиям долгое время приходилось вышибать буржуазный дух из рабочего класса, освобождая его из-под буржуазного влияния, у нас имелось обратное явление. Русский марксизм 70-ых годов, это было выступление русской либеральной буржуазии в защиту капитализма против остатков феодализма, пользуясь системой Маркса, только как экономическим учением. Затем, когда в 70-х годах Бакунин дал перевод Манифеста Коммунистической Партии, то в этом произведении видели не определенную программу действий, а исключительно памфлет, направленный против капиталистического строя. Только с того момента, когда Манифест Коммунистической Партии стал не только теоретическим, но и практическим орудием борьбы, с этого момента марксизм сливается вместе с рабочим движением. И этот момент соединения стихийности и сознательности в высшей степени характерен для всех теоретических построений Воровского. Он постоянно в своих статьях указывает на то, что он стоит на той точке зрения, что рассматривает явления чисто теоретически. Я позволю себе привести только две цитаты, две выдержки из его статей 1907 года, посвященные вопросу о роли стихийности и сознательности, которые и сейчас для нас с вами звучат вполне современно. Вы все помните тот спор о роли профсоюзов, который у нас был несколько лет тому назад. Я позволю себе процитировать то, что говорил Воровский в споре со сторонниками рабочего съезда во вопросу о роли и значении профессиональных союзов. (Читает).

„Профессиональные организации представляют незаменимое средство организации и вовлечения в борьбу широких малосознательных масс пролетариата. В них рабочие приучаются к свободному сотрудничеству, к товарищескому общению и единению на почве защиты ближайших, понятных всем, интересов. Наконец, на высшей ступени развития профорганизации являются превосходной школой, *подготавливающей рабочих к тому коллективному ведению дел и самостоятельному управлению товариществом, которое будет необходимо при переходе от капиталистического хозяйства к социалистическому* 1).

1) См. „С.-Д. и рабочая масса“. В. Ж. 1907 г., стр. 93.

Вы видите, что эта формула полностью напоминает нашу — „профсоюз—школа коммунизма“, при чем в статье Воровский постоянно указывает, что это построение вопроса чисто теоретическое, как нужно вести дело, чтобы не понижать до уровня стихийности и вместе с тем быть в постоянном контакте с этой массой. Я уже вам с самого начала указал, что Воровский первую свою статью, направленную против Струве, писал от имени профанов, от имени практиков, и вот он указывает на то, чем должна стать социал-демократия. И опять здесь мы с вами увидим много того, о чем мы потом в 1917 году и позднейшие года говорили. Он говорил: „Если социал-демократия хочет действительно сыграть ту великую роль, которая выпадает на ее долю, она должна уметь связать дело социализма с гуманными, смутными стремлениями и мечтами пробуждающегося пролетариата, хотя бы это были подчас ошибочные и вредные стремления. Она должна еще более чутко и внимательно прислушиваться к этим ошибочным и вредным стремлениям, ибо они являются как ни как первыми судорожными движениями пробуждающегося сознания. Только тогда рабочая масса увидит и признает в социал-демократии *свою* (курсив подлинника) партию, только тогда с. д. сможет действительно явиться вождем и руководителем этой массы и перековать ее ошибки и промахи в могучее оружие классовой борьбы“¹⁾. И затем дальше он указывает в этой же статье на ту тактику, которую итальянской социалистической партии рекомендовал Антонио Лабриола по поводу рабочих волнений, которые вспыхнули в Сицилии и которые в значительной степени застали партию врасплох. Он говорит о том, что здесь должен быть тактический путь „по острию бригады“. Это умение сочетать и комбинировать теорию и практику должно быть постоянно. И здесь нужно указать на то, на что уже обращал внимание Михаил Николаевич, что как раз именно В. В. Воровский, который по всем своим задаткам мог вылиться в блестящего публициста и глубокого ученого, потому что я знаю немногих товарищей, которые знали бы настолько глубоко марксизм и настолько были бы образованными во всех отраслях знания, как покойный товарищ, всегда пребыше всего ставил революционную практику. И мы тогда пойдем, что это соединение теории с

¹⁾ См. то же. Стр. 98.

практикой и сделало студента-математика московского университета, который, по его собственным словам, выступал здесь в московском университете против социализма, считая, что процент, прибыль и капитал должны остаться вечными, сторонником пролетарского движения. В горниле революционной борьбы он перековался и явился одним из лучших выходцев из других классов, о которых говорит Коммунистический Манифест, о которых он неоднократно говорил в своих писаниях. Одними из интереснейших его писаний были посвященные вопросу о роли и значении интеллигенции, именно как ферментирующего, скрепляющего элемента, который может многое дать, многое сделать для рабочего класса. И сам В. В. всей своей практической деятельностью показал как раз, что в нем-то мы имели это сочетание глубочайшего и тончайшего анализа с практикой. Этот анализ, сведенный с небес на землю, и вместе с тем самая черная и самая напряженная практика, по существу и являются самым основным и главным содержанием марксизма. (Аплодисменты).

ПОКРОВСКИЙ, М. Н. (председательствующий).

Слово имеет тов. Чичерин для характеристики Вац. Вацл. как дипломата.

ЧИЧЕРИН.

Товарищ *Воровский*, память которого мы сегодня чтим, имеет великое революционное прошлое. Вся его жизнь была посвящена делу революции и освобождению рабочего класса. Но я хотел бы сказать только несколько слов о последнем периоде его деятельности после захвата власти пролетариатом в России, когда его специальностью сделалась красная дипломатия. Тов. *Воровский* был ветераном нашей дипломатии. В самый момент Октябрьской революции он был назначен, как единственный заграничный полномочный представитель только что нарождавшейся Советской республики в Стокгольме. В тот момент, когда я ехал назад в Россию из Англии, за границей не было другого представителя, кроме тов. Воровского. После него был назначен тов. Литвинов в Лондон, но первые три месяца существования нашей Советской республики она была представлена за границей только им. Он оставался в Стокгольме за весь первый период существования Советской республики до момента разрыва со всеми буржуазными государствами и начатия блокады.

После этого, в то время, когда наши заграничные сношения почти совершенно прекратились, он работал в Москве на другом поприще; но как только наши сношения возобновились и перед нашей дипломатией открылось широкое поле, — он вернулся к дипломатической деятельности, для которой он был больше всего квалифицирован. В действительности, он был европейцем до конца ногтей, он насквозь знал ту европейскую среду, в которой дипломатии приходится работать и для работы с которой приходится иметь близкое знание окружающей среды. Он обладал тончайшим культурно-научным образованием; в сношениях с дипломатами других стран, в сношениях с лучшими представителями буржуазного политического и научного мира — он был на высоте всех тех условий, которые ставит эта среда. Я его видел много раз в беседе со многими представителями, с самыми выдающимися деятелями, научными и пр., разных стран, и он по своему развитию и своему научному образованию, по своей тонкой и всесторонней культурности, — он был на высоте, — не только на высоте, но он даже превосходил своих собеседников. Он превосходил их, благодаря тому, что он обладал тем, чего не имеют буржуазно-политические деятели, — тем марксистским анализом, который позволяет насквозь видеть политические явления, политическую жизнь, ориентироваться во всех явлениях, предсказывать ход политического развития, оценивать каждое явление по его действительной цене. Это знание политической среды всех стран было у него, действительно, на редкость всеобъемлющим и глубоким. Он был ближайшим образом знаком с политической средой чуть ли не всех европейских стран. Великолепно зная иностранные языки, повсюду с большой легкостью ориентируясь, он действительно мог легко, быстро и свободно ориентироваться и в политической среде других стран и в той необыкновенной, невиданной по сложности обстановке, которая создавалась в Европе в период, последовавший за Октябрьской революцией. Я его видел, прележая назад из Лондона в Россию, как раз в Стокгольме. Действительно, он был средоточием всех заграничных элементов, поддерживавших Советскую Россию и относившихся к ней сочувственно. Он тогда играл, действительно, громадную роль, он тогда начал ту борьбу, борьбу против всяких враждебных нам кампаний, которая составила с тех пор одну из главнейших задач наших представителей за границей. Позднее, когда он

занял пост нашего представителя в Италии, ему пришлось проламывать дорогу для наших нормальных сношений со страной, где господствовали еще самые дикие взгляды, самые нелепые представления о Советской России. И прямо поражаешься той быстроте, с которой ему удалось сблизиться с итальянскими руководящими кругами и ориентироваться в этой чрезвычайно сложной обстановке и среде, и тому влиянию, которое ему удалось приобрести на известные части итальянских господствующих кругов. И, когда мне приходилось встречаться с теми радикально-буржуазными элементами, с представителями тех или иных правых кругов, которые заинтересованы в теснейших экономических сношениях с Советской Россией, то я видел насколько глубоким уже сделалось влияние Воровского в Италии на всякие слои, на которые его воздействие могло бы распространиться.

Италия находится в таком положении, которое требует ее дорожить улучшением и развитием экономических отношений. Имеются пароходные компании, которые когда-то обслуживали старую Австро-Венгерскую монархию, которые теперь остались без рынка, без клиентов и которые могут существовать только развитием торговых сношений в Черном море. Итальянская промышленность сильно развившаяся во время войны, в особенности металлургия, осталась потом, после войны, лишеной рынка и сбыта и сильнейшим образом нуждается в наших рынках и дорожит развитием этих сношений.

Тов. Воровский с замечательной энергией, с присущей ему активностью и тонким знанием использовывал эти обстоятельства, для того, чтобы бороться против враждебных, злобных настроений, которые существовали в Италии по отношению к Советской России и для того, чтобы открыть пути экономического сближения и лучших политических отношений. И те, вполне приличные отношения, которые мы нашли в Италии к моменту Генуэзской конференции были в значительной степени результатом деятельности тов. Воровского. На Генуэзской конференции, в этой чрезвычайно сложной группировке мировых и экономических интересов, в качестве генерального секретаря нашей делегации, тов. Воровский был в центре внимания всего политического мира, через него шли всевозможные переговоры, всевозможные заигрывания, создания новых контактов, и

он обнаружил еще раз те замечательные качества, которые делали его первостепенным дипломатом. Когда произошел фашистский переворот наступил момент гораздо более трудный и тяжелый и более сложный, но не безнадежный в отношении дальнейшего развития наших отношений. Тов. Воровский прошел через тот первый, особенно трудный момент, когда произошло фашистское нападение на наше торговое представительство, когда можно было ежеминутно ожидать личного оскорбления и даже покушения на всех наших представителей со стороны фашистов. Он с мужественным умением ориентировался в этих трудных обстоятельствах, в высшей степени удачно прошел через это первое трудное время и затем начал налаживать необходимые отношения с новым фашистским правительством, которые очень быстро стали развиваться в направлении возобновления экономических отношений. Очень скоро выяснилось, что фашистское правительство колеблется между фашистским сектанством и реальными интересами Италии в области экономических интересов, которые продолжали действовать с той же силой, и фашистское правительство, разыгрывая из себя представителя национальных интересов Италии, не могло оставлять без внимания действительно серьезных требований экономического характера итальянских торгово-промышленных кругов, и пошло по этому пути, соглашаясь возобновить переговоры об улажении вопроса о торговых отношениях с Италией. Тов. Воровский во время перерыва между второй и первой сессиями Лозаннской конференции вел сложные переговоры с самым тонким тактом, с величайшей осторожностью и в то же время с большой активностью. В Лозанне он опять был в центре сложных мировых отношений и создавшаяся у него близость с восточными народами и организациями принесла нам величайшую пользу в Лозанне, где нам приходилось сталкиваться с массой делегаций, представительств всевозможных восточных национальных организаций. Те связи, которые уже были у тов. Воровского и которые он продолжал развивать в этой работе, сослужили нам громадную службу. Он вернулся в Лозанну уже в самое трудное время, в то время, которое мы переживаем теперь, когда на нас идет, наступает капиталистический мир. Он попал в Лозанну тогда, когда уже готовилось наступление со стороны Керзона, когда в воздухе уже носился будущий английский ультиматум, когда руко-

водящая печать всех стран уже возобновила бешеную кампанию клеветы и злобы против Советской России. Он попал, действительно, в самый тяжелый момент при возобновлении работ Лозаннской конференции и с тем спокойным мужеством, с которым он всегда проходил через все опасности, с тем же превосходством умственным и превосходством характера, убеждений, идеалов,—он спокойно проходил через эту атмосферу угроз, бешеной злобы, нападок печати, штурма со стороны фашистских организаций, которые уже пытались войти в его помещение, чтобы произвести на него какое-нибудь нападение. Его трагическая смерть, которая, несомненно произошла по вине правительств великих держав, на которых легла ответственность за все то, что происходило на конференции, за отсутствие принятия элементарных мер против нападения,—его трагическая смерть была концом тяжелой борьбы, когда эта борьба оборвалась в один из самых трудных моментов, в самой тяжелой обстановке, которая создавалась теперь в нашем международном положении. Можно сказать, что тов. Воровский, бывший все время на самых ответственных, передовых постах, требовавших величайших качеств и умственного развития, политического анализа и в то же время активности, энергии и тонкого такта,—был всегда и вполне на высоте тех сложных задач, которые история ставила перед нами и которые разрешать пришлось ему. В его лице мы оплакиваем уход со сцены одного из лучших представителей, из наиболее выдающихся представителей нашей красной дипломатии. И его имя будет вписано в историю, как имя того дипломата, который первый открыл сношения Советской Республики с другими странами, который потом стоял на самых сложных постах, на самых трудных постах и который пал жертвой в тот момент, когда на нас возобновилось наступление со стороны капиталистического мира. В его лице мы оплакиваем и чтим одного из наших лучших товарищей, одного из лучших представителей нашей политической литературы и в то же время одного из лучших политиков Советской России, не только одного из наиболее осторожных дипломатов, но из наиболее проникательных и глубоких политиков. И среди всех, кто имел с ним близкие сношения, воспоминание о нем останется неизгладимым и все то, что он внес в свою политическую деятельность и в свои личные сношения, все то глубоко ценное, что вытекало

из высоких качеств его ума, его умственного развития, его характера, его революционного прошлого, которое выковало из него первостепенного политика революционного государства,—все это останется для нас неизгладимым воспоминанием и его имя останется и будет увековечено в истории одного из величайших периодов в развитии человечества. (Бурные апл.)

ПОКРОВСКИЙ (председательствующий).

Мы довольно много прослушали сейчас слов, хотя не слышали только слов самого тов. Воровского. Мне бы хотелось закончить общее собрание маленькой цитатой, чрезвычайно интересной в том отношении, что, как вы видите, наш старый марксист 18 лет тому назад сумел предсказать тот фашизм, о котором говорил тов. Милютин ¹⁾. В № 3 „Пролетариата“ за 1905 год Вацлав Вацлавович напечатал статью под заглавием: „Буржуазия и стачка“,—посвященную тому движению, которое тогда многих удивляло. В этой статье тов. Воровский со свойственным ему блеском развивал то положение, что на первых стадиях всякого народного движения буржуазия обыкновенно высказывает ему сочувствие и его поддерживает, потому что, иначе говоря, на нем же буржуазия обосновывает свое право стоять во главе народа. Если она будет этим народом понята и истолкована, то ясно будет, что она является антинародной силой, и тогда все ее претензии на ответственные министерские посты и т. д. будут ясны для самого наивного человека из народной массы. Она должна прикрываться маской народолюбия, и вот почему на первых стадиях народного движения буржуазия всегда народолюбива. Но это только в начале. По мере того, как народ приобретает силу, буржуазия становится все осторожнее и осторожнее и, наконец, наступает такой момент, когда, по словам одного французского буржуазного литератора, народ начинает убирать буржуазию. И вот тут Воровский написал чрезвычайно пророческие слова. (Читает). „Но когда буржуазии приходится выбирать между законностью и жизнью, она не колеблется и охотно приносит законность в жертву жизни“. То, что произошло с самим тов. Воровским, было оправданием этих пророческих слов, но в то же время это

¹⁾ Стенограмма речи т. Милютина, В. П., как равно и т.т. Мещерякова и Преображенского, Е. А., выступавших со своими воспоминаниями о тов. Воровском, редакцией передана в Истпарт.

показывает нам, что буржуазии действительно приходится отстаивать теперь последние остатки своего жалкого существования и в этом громадное убеждение для всякого марксиста, убеждение, которое тов. Воровский сам нам дал 18 лет тому назад. На этом позвольте публичное заседание Соц. Акад., посвященное памяти В. В., объявить закрытым.

Проблема логики в современной философии.

Обзор литературы ¹⁾.

II.

В предыдущем очерке ²⁾, как помнит читатель, ход нашей мысли был следующий.

Внутреннее противоречие формальной логики состояло в том, что всемерно подчеркивая и обосновывая принцип формальности мышления, она, по существу своему, была бессильна провести свою точку зрения во всех существенных пунктах до конца. Отсюда вытекала необходимость преобразования самого понятия „формальности“ в неокантианской логике: „формальность“ перестала повисать в воздухе, но неразрывно связывалась с „содержанием“ и оказывалась сама возможной, именно, как условие „содержания“ мышления. В этом априоризме формы сущность трансцендентального метода. Трансцендентальный метод не был способен преодолеть того противоречия, которое возникло в нем между требованием всеобщей формы и обоснования индивидуального факта. Было естественно, поэтому, причину затруднения искать в требовании априорных форм рассудка для понимания данного определенного факта или данной научной истины. Гуссерль и начал с отрицания подобного методологизма, и гуссерлеанство явилось ни чем иным как реакцией против неокантианства, подготовленной на почве же неокантианства, которое исчерпало все заложенные в нем логические возможности и, как бы испытывая свою жизнеспособность, порождало наиболее чуждый, себе противоположный ход мысли. Гуссерлеанство выдвинуло вопрос не о „как“, а о „что“ познания, не априоризм формы, но априоризм содержания. Феноменологический метод, поэтому не критикует, не „исследует“, не „порождает“ предмет, но „совершает“ и „усматривает“. „Существование“ для неокантианства вытекало из логического обоснования и в этом смысле это было то же, что и любой признак данной вещи, подобно всем остальным

¹⁾ *Meinong. Über Wahrscheinlichkeit und Möglichkeit. 1916. Th. Ziehen: Lehrbuch der Logik, 1920. P. Szende: Soziologische Theorie der Abstraktion, Arch. für Sozialwissenschaft. und Sozialpol., 1923, 50 B. 2 Heft, 407—485.*

²⁾ См. „Вестник Социалист. Академ.“, кн. 4.

качествам; оно переходило в свою тень, в „сущность“. Феноменологический метод наоборот исходит из „сущности“, но под „сущностью“ разумеет именно то, что существует. Феноменологический метод Гуссерля отказывается от какого-бы то ни было рассмотрения фактов, действительно существующих явлений, и „антисихологизм“ сводится к требованию обоснования „чистой“ логики на „идеальных и вневременных сущностях“. Но применяемый во всех областях знания, феноменологический метод должен был нивелировать все своеобразия как мира сознания, так и мира вещей. Логизация всего подлежащего изучению этой новой „логики“ мира опустошает конкретную вещь и обезличивает конкретное сознание. Отсюда чистейшая абстракция общего понятия и о вещи, и о сознании, абстракция „предмета вообще“.

Но если это так, то совершенно ясно, что в этой связи не может быть и речи о том, существует ли этот голый предмет вообще или нет, возможен ли он в причинной связи реальных событий или нет. Эта оторванность от мира каких-бы то ни было „типов“ существования и мышления делает бессмысленным вопрос, существует ли этот „голый предмет“ вообще или нет. Но здесь мы находимся уже в области проблем Мейнонга ¹⁾.

Мейнонг начинает с этой проблемы голого „предмета“, возникновение которого означало крушение теории Гуссерля. И естественно поэтому, что для него нет никакой нужды в предшествующих этой проблеме психологических выкладках Гуссерля. „Суждения“, „понятия“, „умозаключения“, „логические законы“, „истинность“, „критерии истинности“—все эти понятия, по мнению Мейнонга, свидетельствуют о том, что Гуссерль никогда не переставал мыслить себе логику по психологическим графическим схемам. „Понятия“ в конечном счете сводятся к переработанным, правда, в теоретическом духе, но все-таки к представлениям. Ни одно суждение, с другой стороны, невозможно оторвать от психологических условий не выраженных в индивидуальном мышлении. Мейнонг не замечает, что те понятия Гуссерлеанской теории, которые вызвали с его стороны возражения, стали вовсе не актуальными для Гуссерля, когда последний уперся в голый „предмет вообще“. Будучи непосредственным участником целого логического движения, вызвавшего к жизни, как его самого, так и Гуссерля, Мейнонг не замечает, что эти самые понятия создавали почву для новой точки зрения, пытающейся в той же плоскости, т.-е. в плоскости психологии, найти новую „установку опыта“, в результате чего антисихологизм в логике фактически сводился к алогизму в психологии.

Куда же приводит Мейнонга этот пресловутый „предмет вообще“, в который в конце концов уперся Гуссерль?

Определить, что такое предмет, говорит Мейнонг, совершенно невозможно по правилам формальной логики; ведь не

¹⁾ Über Annahmen, Über die Stellung der Gegenstandstheorie im System der Wissenschaft. 1907. Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit. 1916. Über die Gegenstandstheorie, Untersuch. zur Gegenstandstheorie und Psychologie. Lpz. 1904.

могут быть даны ни его *genus*, ни *differentia specifica*, ибо все есть предмет. Само собою понятно, ничего невозможно знать, не имея предмета знания. Нельзя иметь вообще никаких суждений, не имея предмета суждений. Нельзя ни представлять ничего, ни думать ни о чем, не имея объектов своих представлений, или мыслей. Таковы и все чувства и все другие явления психической жизни. Нельзя желать и не иметь никакого предмета желаний. Всякое волевое движение направлено на определенную цель. Такова природа и всякого стремления.

В суждениях этот „предмет как таковой“ фиксируется с меньшей необходимостью, но несколько в своеобразной форме. „Это истинно, что существуют антиподы“. Предметом этого суждения является не „антипод“, но то, „что существуют антиподы“. Это существование антиподов есть само по себе факт, который известен каждому. Но то, что это истина, вовсе не существует как факт среди других фактов. Этот способ „имения“ „предмета как такового“ в суждении Мейнонг называет „объективом“, *Objectiv*. Грамматически он выводит его из дополнительного предложения, начинающегося с „что“ (*dass-Konstruktion*) и таким образом связывает также с теорией суждений. „Если я познаю, что не существует *perpetuum mobile*, то мое суждение касается, так сказать, только объекта „*perpetuum mobile*“, но „несуществование“ его есть „объектив“ моего суждения, есть его предмет вообще или „предметность“. Эта предметность суждения может быть простого типа — как суждение с объектом и объективом, или более сложного — как суждение с „объективом“, как объектом, и с новым „объективом“¹⁾. Объектами могут быть цвета, числа, люди и т. д. но „объективами“ могут быть только то, „что данная вещь такого-то определенного цвета“, то, „что не может быть круглого четырехугольника“, то, „что существует в данной вещи такая-то определенная химическая связь“ и т. д. Другими словами, самый общий предмет, предметность как таковая, есть всякая определенность вещей, которая устанавливается мыслью. Отсюда ясно, что „совокупность того, что существует со включением всего, что существовало и будет существовать, составляет бесконечно малую часть по сравнению с тем, что может быть предметом познания“, потому что предметом познания может быть „все, как действительное, так и „недействительное“. Мир „недействительного“, „несуществующего“ отбрасывается только потому, что человеку свойственно обращать внимание лишь на то, что ближе всего к нему в его действительной жизни. Между тем приходится признать, что наши основные понятия не относятся к числу реально существующих вещей. Тождество есть предмет „идеального порядка“: всюду, где находится тела при тех или иных условиях, оно может быть рассеяно в действительности, но само тождество не является куском действительности. Число не существует рядом с тем, что сосчитано, хотя это сосчитанное существует. И наоборот, — можно счи-

1) Über die Stell. d. Gegenstandsth. 29. 126.

тать то, что не существует. Связь вовсе не существует рядом с тем, что связано, хотя это связанное существует. Мейнонг идет еще дальше; по его мнению, предметом знания может быть даже отрицание существования данной вещи, „утверждение его небытия“, как, напр., в суждениях: „истинно, что А не существует“, где прежде чем утверждать, что „А не существует“, я каким-то образом должен иметь А, — А должно быть дано как предмет. И „теория предметности“ должна включать в круг своих проблем эти недействительные, несуществующие предметы, рассматривая их с точки зрения того, какими теоретическими чертами характеризуется способ их данности мне в мышлении.

И на возражение Б. Рёсселя, что, в таком случае, закон противоречия теряет все свое активное значение, Мейнонг в духе своей теории отвечает, что в этом именно и состоит особый „вид существования“ невозможных предметов, что закон противоречия распространяется только на область действительно существующих вещей, а область „невозможного“, „идеального“ ему недоступна. Научное мышление занято не только реальными объектами. Предмет ее изучения может быть не только реальным, но и „возможным“, „вероятным“, и просто „невозможным“. Теория предметности не считается с этими различиями, когда обосновывает понятие предметности вообще или предмета как такового, ибо ее интересует лишь логическая форма данности, будет ли речь о существующем или невозможном предмете. Отсюда безмерное поле „научного исследования“ для последователей Мейнонга.

Можно указать по мнению Мейнонга, множество примеров из научной практики, когда „невозможные предметы“ фигурируют как центральные проблемы изучения. Любая наука прибегает к подобным понятиям. Математика оперирует таким „невозможным предметом“, как ноль, который можно определить с точки зрения теории предметности, как „такой предмет, бытие которого равняется его небытию“. „Невозможные предметы“ выплывают в научном сознании во всей своей определенности совершенно случайно то в этой, то в другой связи, силою тех или иных потребностей, но до сих пор еще логика не отдает себе ясного отчета в том, каковы теоретические предпосылки своеобразной характеристики „невозможных“ предметов. Разумеется, оставлять неисследованными другие, которыми мы пользуемся, иррационально, и логика должна охватить в одной проблематике значительную область чисто математических понятий, поскольку последние являются „невозможными“, но необходимыми в общей связи науки предметам.

Подобно Гуссерлю, Мейнонг аргументирует таким образом доводами: почерпнутыми из анализа математического знания. Рассуждения его ничего по существу нового не вносят в сравнении с тем, что было сказано по этому поводу математиками (Клейн, Гильберт и др.). Математические понятия априорны, обоснование математических предметов не нуждается ни в каком реально существующем пространстве, прямая линия существует так же

мало, как прямой угол, как все остальные понятия математики. Но дело, разумеется, не в этих общих местах идеалистической теории науки. Напротив, следует обратить внимание на, самое основание того, почему Мейнонг в конечном счете должен был прийти к математике, а не к логике.

„Теория предметности“ Мейнонга есть абстракция логики, абстрактная сущность ее понятий. Вопросы реального существования, роста и разрушения идеи ею просто отвергаются (она с этого начинается) и вместо логического мышления индивидуума предпосылкой ее является статическая система абстракций. Отдельные понятия научных дисциплин, возможные в своей определенности, именно, в конкретной связи этих дисциплин, поднимают в воздухе высшей „гносеологии“. Такие понятия, как тождество, отношение, сопринадлежность, причинная связь, сходство, следствие, различие, — одним словом, все качественное многообразие мира рассыпается в мертвую „систему“ вневременных „предметностей вообще“. Отдельные качества в свою очередь отрываются от конкретного пространства, выпадают из реальной временной последовательности и, как бы повинувшись внутренней логике оуптошающих их предпосылок „теории предметности“, они сами начинают создавать „проблемы“ и бесконечное число „проблем“. Мейнонгу остается только внимательно следить за тем, как распутывается сам собою этот клубок чистейших абстракций. И не даром только двум понятиям — „возможности и вероятности“ — он посвятил целое исследование в 700 страниц, лучшие из которых относятся к числу тех, которые высасываются из пальцев.

Но, именно, высасывание из пальцев и отражает эту любопытную во всех отношениях независимость логического мышления от головы почтенного логика. Чтобы убедиться в этом, достаточно указать на теорию Мейнонга об априоризме опыта, данного со стороны своих качеств. То, что является „предметом вообще“ данном суждении, представлении, понятии есть, по Мейнонгу, целиком нечто „априорное“, т. е. „свободное от опыта“ (erfahrungsfrei), „свободное от существования“ (daseinsfrei), но в то же время это есть объективный факт, который из опыта не возникает и им не проверяется. Знание, что черное не есть белое, априорно, хотя Мейнонг несколько не сомневается в том, что наши представления о черном и белом заимствованы из опыта, как и представления об остальных цветах. В самом деле, говорит Мейнонг, между черным и белым действительность ведь не показывает чего-либо третьего. То, что черное не есть белое, я усматриваю просто, как нечто, априорное, а не в силу опытных данных, причинно воздействующих на мои представления. За этим априоризмом скрывается, конечно, невежество, останавливающееся перед проблемой и успокаивающее себя ее неразрешимостью. Но этот априоризм, кроме того, был вызван необходимостью абстрагировать и объективировать как данные наших чувств и представлений, так и данные нашего мышления. Разложение качественного многообразия означало не что иное как первый

шаг к формальному признанию объективности качеств, объективности не только всего „объективного“, но и всего субъективного: сознание также распадается вместе с остальным миром на мертвую „систему“ логических абстракций, на многообразие таких „психических состояний“, которые обезличены до „предметности вообще“.

Итак, предметы выступают самостоятельными рядами логических абстракций. Точка зрения истинности или ложности, поэтому, совершенно отпадает.

Но если это так, то отпадение объектов мышления от процесса мышления здесь, повидимому, завершается таким абстрагированием, которое граничит с математикой. Это и делает возможным возникновение математического направления в логике, здесь лежат его логические корни, его основание и объяснение.

В самом деле, именно, этот ход мысли мы и видим у одного из представителей современной математической логики или логики, у Ительсона, и не даром впоследствии воспроизводит его с большим сочувствием и Мейнонг¹⁾. „Логика, — пишет Ительсон, — занята не мышлением, но предметом его. Каким предметом? Если к ней относят какой-либо специальный предмет, то из нее делают материальную науку, в то время как в действительности она — наука формальная. Поэтому мы и говорим: логика есть наука о предмете вообще. Не смешиваем ли мы ее таким образом с онтологией? Нет, ибо последняя есть наука о действительных вещах, о существующих предметах, в то время как логика есть наука обо всех предметах, как действительных, так и недействительных, как возможных, так и невозможных. Логика никогда не интересуется истинным и ложным; ибо истинное и ложное суть свойства мышления, а не предметов; логика касается нормальных отношений предметов, но не отношения мышления к предметам“²⁾. Но тут от „логики“ остается одна только тень: абстракция логики.

III.

Как мы уже знаем, ожесточенная критика психологии в области логики имела своей обратной стороной освобождение самой психологии от чисто логических абстракций. Между тем абстрактный характер некоторых психологических законов объяснялся не чем иным, как господством точного естественно-научного метода физиологии. И если в результате критики „логистов“, в которой Мейнонг открыто присоединялся к Гуссерлю³⁾, стали искать в самой же психологии новую „установку опыта“, „феноменологическую“ или „теоретико-предметную“, то это не могло не повлиять на постановку вопросов в области физиологической науки. Да и в самом деле, какие бы ни выдумывались „интенциональные акты“, „непосредственные созерцания

1) Über Möglichkeit und Wahrscheinlichkeit, (1915), 445, 469, 471.

2) Über die Stellung, 128.

3) Über Annahmen, 196. Untersuch. z. Gegenstandst. u. Psych. 20.

идеальных предметов", „предметность как таковая“ и т. д.—все эти понятия нужно было приблизить к опыту, объяснить чисто опытными законами, ибо реальность сознания, воспринимающего их, и, следовательно, реальность их самих, оставалась в конечном счете после всех „предметных анализов“ как больше непреодолимое несчастье для теоретиков новой логики. Вот почему последние ищут к своим „идеальным понятиям“ физиологические корреляты, искажая как постановку физиологических проблем, так и правильное понимание физиологии как науки. Выразительницей этих новых влияний логических теорий в области физиологии и явилась книга физиолога Т. Цигена: „Учебник логики на позитивистической основе“¹⁾.

Книга Цигена как фразеологически, так и по существу, на первый взгляд, вполне пропитана духом трезвого позитивизма. Циген начинает с критики своих противников—феноменалистов, интуитивистов, идеалистов кантовского толка и логицистов. Критикует он так, как критиковал бы любой эмпирист, непосредственно причастный к научной деятельности. Смысл его критики сводится к указанию, что одним простым разложением понятий невозможно прийти к каким бы то ни было материальным вещам или событиям. „По предпосылке кантианцев будто бы возможно,—говорит Циген,—независимо от всякой психологии, чисто логически, простым разложением понятия „опыт“ (или „предмет опыта“, или „мышление“, или „суждение“) дойти до синтетического познания a priori. И на этом пути они напрасно почитают себя счастливыми, если чисто логически им удастся вывести такие формы, которые независимы от опыта и в то же время суть условия его возможности, ибо спорно уже то, что такой метод вообще приемлем“²⁾. Далее, по Цигену, допущение какого-то третьего царства, „чисто логического“, рядом с фактически протекающими ощущениями, представлениями, понятиями и пр.—само по себе бессмысленно, не говоря уже о том, что оно не обосновано и вообще совершенно излишне для логики. Ведь ни один „логицист“ не может дать достаточно убедительной характеристики этого чудесного третьего царства, доказывающей его независимость от индивидуального сознания. Логицисты, напротив, провозгласили, что логическое необъяснимо психологически, и думают, что решение вопроса заключается в том, чтобы включить все логическое в особый сверхчувственный мир, который не поддается никакой научной критике, который недоступен никакому научному исследованию. Между тем все так наз. „вечные истины“ являются фактами психологического сознания и подлежат не только психологическому, но и физиологическому исследованию. Кроме того, говорит Циген, логицисты никак не могут сговориться на счет того, реальны ли эти „идеальные сущности“ и какова именно реальность их, которая для психофизического индивидуума сама по себе очевидна; некоторые строят новое

¹⁾ Th. Ziehen: Lehrbuch der Logik auf positivistischer Grundlage und Berücksichtigung der Geschichte der Logik, Bonn, 1920. 866 S.

²⁾ Ib. 259.

понятие „идеальной реальности“, другие ищут „сущность“ в противоположность существованию, третьи развивают целую теорию „вечных ценностей“. Наконец, „очищение“ логики от психологических понятий еще ни одним логицистом не было выполнено во всей полноте. Ошибка логицизма в этом вопросе заключается в том, что он смешивает психическое с психологическим. Так как психология господствующего толка действительно не может объяснить логические законы, то логицизм отвергает всякий психологический метод в вопросах логики, но забывает, что на этом основании вовсе нельзя отвергать все психическое и искать какое-то новое вневременное царство там, где есть живая временная последовательность психических переживаний. Циген, как и следовало ожидать, согласно предыдущему изложению „теории предметности“ Мейнонга, критикует, наконец, и математическое направление в логике. Нетрудно видеть, говорит он, все величайшее отличие математики от логики. Предметом математики является только количественное отношение. Предметом логики может быть не только количественное отношение, но и качественное. Об одной общей методологии, поэтому, не может быть и речи. Математическая логика или должна ограничиться чисто количественными предметами или должна создать новую неколичественную математику для количественно невыразимых предметов логики. Но в первом случае область логики была бы чрезмерно сужена, а во втором—была бы создана не наука, а фикция, ибо „неколичественная математика“ есть только противоречивое понятие или, в лучшем случае, это есть наука о самых общих отношениях предметов логики и поэтому тождественна с логикой¹⁾. Циген приводит далее ряд конкретных примеров, иллюстрирующих полную противоположность логического и математического метода в разработке частных проблем.

Все эти критические рассуждения Цигена, направленные против логицистов—Гуссерля и Мейнонга, против логицистики и неокантианцев, чрезвычайно любопытны в том отношении, что критика Цигена вызвана не чем иным, как влиянием критикуемых им учений логицизма. Развиваясь формально логически и утверждая новое понимание логики, логицизм должен был необходимо привести к пересмотру как психологии, так и физиологии, но пересмотр психофизиологических учений о процессах мышления был возможен, очевидно, только на основе критики вызвавшего этот пересмотр логицизма.

И в самом деле, критика Цигена не основана на самостоятельном конкретно-научном исследовании процессов мышления. Его „позитивизм“ есть позитивизм физиологии, пропущенной сквозь призму той „алогической“ „феноменологической“ психологии, основные черты которой выработались в „теории предметности“ Мейнонга и „феноменологии“ Гуссерля.

Эта любопытная квази-физиология начинается с того, что отвергает старое противопоставление психического физическому. Циген

¹⁾ Ib. 412 и сл.

думает, что в пределах психофизического дуализма или любого другого учения, исходящего из этого противопоставления, невозможно дать ясное недвусмысленное определение того, что такое психическое и что такое материальное! Свою теорию он называет „биномизмом“. „Биномизм“ отвергает существование „универсального я“, гносеологического субъекта идеалистов. Допущение априорных форм мышления совершенно излишне. Достаточно допустить только два основных вида закономерных отношений (отсюда название биномизма)—причинных и параллельных. Параллельная закономерность состоит в том, что к одному определенному мозговому раздражению приурочено одно ощущение, а другому раздражению — другое. „Законам параллельности“ подчиняются не только ощущения, но и все процессы мышления (образование понятий, суждений и т. д.), потому что наши представления и суждения не витают в воздухе, но являются составными частями наших ощущений. С точки зрения Цигена мышлению предстоит не что иное, как то или иное ощущение, которое затем функциями различения, определения, сравнения и т. д.—перерабатывается в „представление“. Это „представление“ и есть предмет познания, или, как говорит Циген, „гигноменон“, то, что „опознано“. Материальное, по Цигену, есть то, что определяется законами причинности, которые у него совпадают с естественно-научными законами. Психическое, напротив, есть то, что определяется „законами параллельности“. При ближайшем анализе открывается секрет этих „законов параллельности“. Циген должен был ввести это понятие, потому что иначе нельзя дать логического оправдания „интенционального восприятия“, т. е. „восприятия самого ощущаемого предмета как такового, а не процесса ощущения“. Когда мы воспринимаем свет благодаря электромагнитным волнам, в нас происходит известный физиологический процесс, но самый предмет, одновременно с этим процессом предстоящий нашему взору, причинно не обусловлен этим физиологическим процессом. Этот предмет, ощущаемый или лучше, в духе Цигена, присутствующий в ощущении, и называется у него—гигноменон. Поэтому, когда он говорит, что все наши представления, суждения и умозаключения зависят от опыта, то следует помнить, что под опытом физиолог Циген понимает не опыт своей науки, но некоторую „сумму гигномен“ (S. 298), т. е. совокупность абстрактных предметов ощущений, лишенных пространственно-временного бытия. Отсюда и ряд других чисто логических терминов, которыми он пытается заменить те из самых обычных понятий физиологии, которые не вмещаются в его искусственные схемы.

Несмотря на прямолинейно-последовательное проведение идеи „теории предметности“ в области физиологии, логика Цигена рухнет, не только потому, что она совершенно бесплодна, как и „теория предметности“, но и в силу основного противоречия, на котором она покоится. Если логика есть, по Цигену, „учение о формальной закономерности мышления в отношении его пра-

вильности или ложности“, то этому положению противоречит то значение, какое имеет мышление у Цигена, как совокупность всех психических процессов, сопутствующих ощущениям и основанных на них. Но психическое само по себе не может стать объектом оценки „правильного“ или „ложного“. Чтобы избежать этой трудности, Циген различает в мышлении „материю“ и „форму“, но это создает еще более искусственные построения. Точка зрения Цигена вызвана необходимостью пересмотреть физиологию под углом „теории предметности“ и „феноменологии“ с той целью, чтобы с ее помощью оправдать допущение „чистых предметов“, „идеальных понятий“, „чистой теории“ и т. д. и проч.

IV.

Несколько месяцев тому назад в известном ежемесячнике „Archiv für Sozialwissens. u. Sozialpolitik“¹⁾ появилась статья Шенде (Szendé): „Социологическая теория абстракции“.

Шенде начинает с указания, что во всяком научном мышлении абстракция играет исключительно важную роль. „Без абстракций нет вовсе понятий, без понятий нет суждений, без суждений не может быть умозаключения. Абстракция есть составная часть и средство многих логических операций. Наблюдение и эксперимент составляют изолирующее абстрагирование, индукция—обобщающее. Дедукция есть выведение частных понятий и суждений из более общих. Определение есть ограничение понятия, постулаты и аксиомы суть высшие основоположения. Закон есть связь постоянных отношений. Наука есть систематическая связь определенных понятий, положений и законов. Каждая наука занята только одним куском действительности, разграничение наук, подразделение одной науки, научная классификация, схематизирование покоятся на совершенно определенных абстракциях. Точность науки измеряется степенью ее абстрактности“ (с. 409). Достаточно пересмотреть основные понятия математики, геометрии, физики, механики, астрономии, химии, геологии, биологии, психологии, эстетики, философии, этики, права, чтобы убедиться в том, что абстракции имеют во всех этих науках исключительно большое значение. Поэтому исследование, которое доказало бы социологическую обусловленность всякой абстракции на примере социально-экономических участвующих в этом процессе факторов, доказало бы вместе с тем социологическую обусловленность науки вообще и, прежде всего, логики, как науки, исследующей раньше всякой другой науки проблему научной абстракции.

Попытка Шенде дать социологическое решение логической проблемы в связи с тем, что мы уже знаем из предыдущего, приобретает для нас исключительное значение не только сама по себе, т. е. в силу необходимости и практической истинности социоло-

¹⁾ Arch. f. Sozialwiss. und Sozialpol. 50 B. 2 H. (1923), S. 407—485

логического метода исследования. Метод, обуславливаясь предметом, определяет его самого. Социологическая сущность всякой логической абстракции становится в то же время ее логической сущностью. Но поэтому вопрос именно в том, насколько социологический метод выдерживается во всей строгости до конца. Вот почему в дальнейшем, излагая Шенде, я несколько отступлю от своего метода,—сперва познакомимся с его теорией так, как она у него представлена, а затем взвесим его достоинства и недостатки с точки зрения материалистического понимания истории.

Шенде различает биологические, психологические, логические и теоретико-познавательные основы абстракции. Он анализирует эти основы по-очередно, непрестанно напоминая слова Конта, что человек есть абстракция, а общество—действительность.

Биологические основы абстракции заключаются в том, что всякая абстракция есть продукт приспособления к среде. Жизнь, как непрестанное приспособление нашего организма к внешней среде, есть совокупность реакций, которыми каждый организм отвечает на нарушающие его равновесие внешние впечатления. Все жизненные процессы имеют, поэтому, тенденцию восстанавливать это постоянно нарушаемое равновесие. Деятельность живого существа нуждается в абстракциях, потому что из многообразия явлений природы и событий организм должен выбирать то, что представляет пользу для сохранения жизни. Приспособление состоит в непрерывном ряде абстракций, оно состоит в постоянном поддержании и выборе одних и отвержении других явлений или жизненных процессов. В процессе приспособления к среде, текучую многообразную последовательность явлений, различий, отношений, сходств человек стремится закрепить символами, понятиями, классификациями, законами, которые позволяют и помогают ему, помимо того, правильно ориентироваться в окружающей действительности. Опыт, с другой стороны, показывает постоянство важнейших условий жизни, что также облегчает приспособление. Постоянство этих условий ведет к механизированию жизненных процессов, которые становятся привычными для организма, как оказавшиеся полезными реакции, и наследуются уже физиологически последующими поколениями. В этом стремлении нервной системы к равновесию преобладающую роль играет часто перевес прошлого, господство ставших привычными понятий и суждений, так как преодоление этих привычных понятий, суждений и процессов требует большой затраты нервной работы, большого развития сил, что создает консервативный характер мышления человека. Но это же стремление к равновесию может быть главным источником социальных переворотов. Как только данная система понятий оказывается неспособной охватить действительность, т.е. принести пользу в процессе приспособления к среде, тогда под давлением опыта исчезают все старые понятия и установившиеся навыки.

Естественная среда, т.е. соотношение моря и суши, строение и другие геологические свойства почвы, флора и фауна, климат и т. д.,—влияет не только на биологическое развитие народов, но и на формы их духовной культуры, на образ мысли. Понятия и категории европейца не те, что у жителя тропических стран, а у последних не те, что у жителя полярных стран. Борьба за существование является важнейшим фактором, не только в деле приспособления организма к внешней среде, но и в процессе отбора понятий, в процессе образования абстракций.

Социальная среда влияет не менее сильно. Обнимающая собою взаимные воздействия и следствия согласованных человеческих деятельностей, она создает своеобразные, ранее не существовавшие отношения и тем самым приспособлению организма ставит новые, раньше не имевшие места требования и задачи. В том же направлении влияют возникающее впоследствии разделение труда, появление классов и неизбежно сопутствующих последним социально-экономических противоречий. Возрастающее социальное дифференцирование отнимает у низших классов всю способность ориентироваться и абстрагировать. „Социально“ более сильные, обладающие властью над обществом, оказываются победителями в борьбе за существование, в которой их ожидала бы неминуемая гибель, если бы борьба велась в естественной, не искаженной социальным дифференцированием среде.

Наши органы чувств суть продукты филогенетического развития; это—настоящие аппараты абстрагирования, которые устраняют массу бесполезных впечатлений и вырабатывают обусловленную ими, соответствующую их отбирающим функциям картину мира. Наконец, и для высших более широких абстракций основаниями служат показания органов чувств.

Наши понятия пространства и времени являются не чем иным, как абстракциями, которые создались у нас с течением времени благодаря чувственным ощущениям и тем видоизменениям, которым они подвергаются унаследованными привычными реакциями.

Психологические основы абстракции уясняются не оставляющим никаких сомнений образом, после того как мы обратим внимание на социологическую обусловленность всех психических процессов.носителем духовных явлений вовсе не является „индивидуум вообще“ или абстрактный человек вообще, но народ, нация, раса. Но в каждое общество, каждый народ разделяется на классы, диаметрально отличающиеся друг от друга и по образу мысли и по образу их социального бытия. Было бы чрезмерной абстракцией рассматривать „общество“, „нацию“ или „народ“, как нечто проникнутое единством, как одно понятие. Маркс упрекает Фейербаха, что, разложив религиозную сущность в человеческую, последний не заметил, что человек не есть нечто абстрактное, врожденное человеку, но есть совокупность общественных отношений. Между тем только что перечисленные абстракции—общество, нация, народ—становятся априорными и выступают как опора существующего строя.

В борьбе различных идеологий одерживает верх та, которая опиралась на самые сильные социальные группы и располагала наибольшей силой своей власти. В зависимости от изменений и в зависимости от характера этой борьбы изменяются и направления в духовной культуре, т. е., в конечном счете, процесс абстрагирования и суждения оценки, вытекающие из него. Вовсе нет отдельных, в своей определенности строго замкнутых, проникнутых самостоятельным единством культур. Шпенглер не заметил обстоятельства, которое можно было бы формулировать так: *quot classes, tot ideologiae*. Господствующие классы и пролетариат имеют в каждой самозамкнутой культуре свои собственные „идейные судьбы“, которые отклоняются друг от друга так, как не отклоняются друг от друга разные исторические эпохи.

Различение предметов, понимание одних, отказ от других— все это зависело первоначально от того, в какой степени все эти предметы были пригодны для употребления в его хозяйственной деятельности. Всякая наука, цитирует Маха Шенде, возникла или ради практической цели или ради удовлетворения интеллектуального затруднения. Практические цели и задачи, которые ставят науки, изменяются в зависимости от эпохи, общества и класса. Масштабы оценки со всей иерархией ценностей являются не чем иным, как продуктами социального развития и зависят от данного общественного строя. Этим объясняется, что этические элементы оценок переносятся в теорию познания и естествознания. Такие различия, как душа и тело, разум и чувственность, дух и природа и т. д., которые вначале были абстракциями познающего субъекта, становятся противоположностями в области морали и критериями оценки. Это обстоятельство развивает склонность останавливаться только на тех явлениях, которые удовлетворяют этим критериям, и не замечать других, не удовлетворяющих им.

Закон наименьшего действия, вера в простоту природы, в то, что природа не делает скачков,— эти принципы, появившиеся лишь в новое время в биологической, экономической и рационалистической системах, носят в себе все черты антропоморфизма религиозного сознания. Теология первая обратила внимание на соответствующие явления природы и сводила их к премудрости бога. Но с возникновением промышленности, когда является необходимость экономизирования продукции, победное шествие капитализма заставляет считаться с этим общим фактом экономии во всех областях жизни, после чего последний становится и принципом мышления. Принцип экономии мышления может быть также легко понят с точки зрения дарвинизма: это есть естественный отбор в борьбе между различными идеями, которые отражают совокупные ряды фактов.

Мышление определяется в значительной мере также и социальным прошлым. Прошлое влияет на понимание и на выбор впечатлений и предметов, подлежащих изучению. Во всех областях жизни господствует социальное прошлое в лице таких, свойственных всякому мышлению склонностей, как, напр., крепко

держаться исключительно лишь того, что достоверно известно, и бояться малейшего разрыва со старым, если бы оно даже оказалось ложным. То, что достоверно известно, и есть прошлое, то, что ново, есть настоящее. Господствующие классы заинтересованы в сохранении прошлого, и мышление воспитывается ими в духе почитания всего прошлого при посредстве школы, церкви и прессы.

Антропоморфизм есть неуничтожимая склонность человеческого мышления. Как биологические, так и точные науки, полны антропоморфистическими понятиями и представлениями. Механика сводит все явления движения к давлению, толчку и направлению, так как именно они были более всего близки человеку. Основные понятия социальной жизни— такового же происхождения: примитивно персонифицированные абстракции: бог, небо, дьявол, далее— государство, правопорядок, родина; таковы и философские понятия, как, напр., душа, дух, вещь в себе и т. д.

Наука в своих психологических влияниях всегда является социальным фактором. Она возникла тогда, когда все элементы более или менее устойчивого общественного строя были уже налицо. Но этот общественный строй, как и всякий другой, был построен на принципе господства, и наука с самого начала приобрела априорный, абсолютный характер. Ее орудия, ее опыт были доступны или господствующим классам, или служившим им социальным группам, чаще всего жрецеству. Это положение, естественно, всячески защищается целым рядом априорных инстинктов и в соответствии с этим развивается теория „чистой“ науки, науки для науки.

Преобладание так наз. априорных элементов в науке, признание априорного характера науки объясняется тем, что универсальности и абсолютизму теологии научное мышление должно было противопоставить универсальность и абсолютизм своих чрезмерно развитых абстракций. Между науками всегда существует взаимодействие и зависимость; определенные абстракции, а также методы абстрагирования заимствуются одними у смежных научных дисциплин, или видоизменяются в духе своей области. Руководящая роль при этом в различные эпохи принадлежит различным наукам. Раньше над всеми науками господствовала теология. Позднее выступили естественные науки и, наконец, национальная экономия. Влияние господствующей научной дисциплины выражается в постановке и характере самих проблем других наук. Медицина, напр., в средние века служила в своих абстракциях интересам теологии и астрологии. Успехи механики побудили Декарта перенести ее метод, абстракции в область биологических наук. Система дифференциальных уравнений со многими переменными позволяет открывать факты, совершенно незаметные для прежней науки, и законы, недоступные последней. Эстетизм есть явление такого же порядка и так же объяснимо, как теологизм средних веков. Торжество физических принципов, расцвет физики есть необходимо сопутствующее развитию капиталистического хозяйства движение в области мысли.

Сила церкви не имеет таких твердых основ, которых не опровергал бы ежедневный опыт. Поэтому внимание церкви устремлено на сохранение и оправдание априорных универсальных абстракций, обеспечивающих ей подчинение и привязанность к старому со стороны человека. Лютер сурово осуждал теорию Коперника из боязни, что будет поколеблен авторитет церкви. Основываясь на логике и христианской догме, Беркли отвергал исчисление флюкций. Отсюда дикая ненависть к материализму, отсюда всякий отказ от позитивизма. „Три измерения нашего пространства, абсолютность пространства и времени, субстанциональность души и тела и т. д., являются в этом смысле составными частями существующего общественного строя. Метафизика скорее политическая, чем философская наука“. Шенде далее останавливается также на той роли, какую играют в абстракциях воспитание, обычаи, память, интерес и внимание ¹⁾.

Логические основы абстракции Шенде ищет в существующих теориях и направлениях в логике. Логика покоится целиком на абстракциях: ее предпосылки необщезначимые истины, но субъективные отвлеченные абстракции. Тождественность понятий, которыми она занята, невозможно открыть в действительности. Она „нормативная“ наука, предписывающая человеку законы правильного мышления. Идеальное мышление, постулируемое ею, есть, конечно, тоже абстракция, потому что эта абстракция обеспечивала философам и образованным классам привилегию и право на логическое мышление, а с другой стороны, позволяла овладевать и остальными нормативными науками—правом, этикой, теологией...

Когда в новое время под натиском нового неотвратимого опыта рухнули теология и философия Аристотеля, то воспитанное и выросшее в вере в авторитет современного человечество создало новые божки, новые предметы поклонения. Так возникли математика и геометрия, как беспримерные образцы всеобщности, общезначимости и абстрактности. Принципиальное сомнение Декарта никогда не затрагивало математики. Спиноза пишет этику поге *geometrico*. Основанием трансцендентального идеализма Канта является строго-абстрактная всеобщность математики.

Формальная логика пытается совершенно отвлечься от содержания мышления, но она обманывает себя же, потому что в конечном счете, хотя и стыдливо, она привносит в круг своего рассмотрения и содержание. Разделение формы и содержания отвечает принципу экономии мышления, но не следует также забывать, что всякое подчеркивание формы, формальных законов, формальных правил мышления имеет юридически-политическое происхождение и могло возникнуть еще тогда, когда науки еще не были развиты в своих специфических особенностях. „Организаторское значение формы, порядок, есть основание каждого господства, власти и авторитета. Подчинение существующему порядку есть долг, которого требует всякая власть от подчинен-

¹⁾ Ib. 418—435.

ных. Формальная логика, которая в свои формулы может втиснуть неисчислимо богатое содержание действительности, есть продукт и отражение политико-правовых влияний“.

Образование понятий определяется теми же условиями. Каждое понятие есть историческая категория, оно показывает рост науки, мировоззрения и общественного строя того времени, когда оно само создается. Напр., спор об универсалиях был той архимедовой точкой, благодаря которой новый мир мог вырваться из тисков старого. Каждый логический закон есть абстракция, которая охватывает ряд явлений под одним углом зрения, изолируя одни из них и выбирая другие. Само название „закон“ показывает и тут зависимость логического мышления от юридически-политических институтов. То, что усматривается как закон, изменяется вместе с изменением как этих институтов, так и лежащих в их основе социально-экономических отношений. Такова и всякая теория общезначимости, объективности логических суждений. Добытое абстракцией частное суждение, на основе единичных опытов, объявляется всеобщим и общезначимым. Как эта, так и все остальные теории формальной и рационалистической логики возможны в таком обществе, в котором меньшинство господствует над большинством социально и экономически, а идеологически господство и власть этого меньшинства оправдывается долгим развитием и распространением той мысли, что то, что является интересом и волей отдельного индивида, составляет интерес и волю всех остальных.

Силлогистический аппарат часто применяют для того, чтобы скрыть ход и способ исследования, скрыть конкретные орудия изучения. Ньютон сжатым сообщением о результатах своих исследований стремился утвердить за собой приоритет, умолчав о средствах, которыми он пользовался. Дедукция целиком покоилась в средние века на церковных догмах схоластики, и первый натиск нового времени в лице Бэкона целиком был направлен против дедукции. Индукция означала торжество опыта, торжество новых, все более расширяющихся социальных и экономических отношений.

Все познание и познание всякого человека покоится на чувственных ощущениях и восприятиях. Отсюда демократический характер всякого эмпиризма. Ибо с помощью опыта познает и покоряет природу каждый человек. Являясь путеводителем во внешнем, еще неопознанном мире, опыт, как совокупность непосредственных наблюдений и впечатлений, доступен всем без исключения людям. В этом плебейский характер опыта и всякого основанного на нем мировоззрения. Эмпиризм разрушает абстракции и, расчищая массам дорогу, толкает их вперед, к борьбе с „априорными институтами“. „Всякая философия, воспитывающая в человеке веру в априорные, неосуществимые на опыте принципы, требует в конечном счете поддержания существующего общественного строя“; „всякое априорное понятие, всякая априорная наука служат в конце-концов сохранению и защите общественного строя, потому что они укрепляют твердо укре-

ненный образ мысли, воспитывают в страхе перед авторитетом. Все „идеальные“, т.-е. априорные, понятия служат тому, чтобы настоящее состояние общественного строя окостенело, отвердело в системе и организации своих априорных институтов.

Совсем обратное следует сказать о рационалистических системах. „По кантовской философии эмпирическое содержание чувственных восприятий подчиняется“ формам созерцания и рассудка. Церковь предписывает верующим формы, которым они должны следовать и подчиняться, если хотят попасть в царство небесное. Функция рассудка есть логический порядок материала, но формы и принципы этого порядка происходят не из опыта“. Строгое различие опыта и разума указывает прежде всего на презрительное отношение вообще к опыту. Горячее восхваление разума, которое выражается во всех фантастических построениях идеалистических систем, вызывается к жизни принципом авторитарности и церковно-религиозными движениями. Разум служит символом „хорошего“ положительного начала (бог, божественность), чувственность олицетворяет дьявола. Коген и Натори не далеко ушли от этого основного противопоставления. Они лишь перевели всю чувственность в плебейское сословие и утвердили олигархию чистых категорий рассудка. Победа разума в теории познания есть победа принципа авторитарности в общественной жизни, есть торжество авторитета, торжество меньшинства. Если же Кант все-таки признает необходимость опыта, то не следует забывать, что он был современником просвещенного абсолютизма, который в противоположность прежним правительственным формам подумывал о том, как бы позаботиться о „населении“ о „народе“, о „крестьянстве“, и именно: позаботиться о „народе“, но „без народа“. Без труда огромных масс, без труда рабочих и крестьян не существовало бы никакого общества. Функционирование этого общества „начинается“ с этой работы, но эта работа должна „происходить“ по воле априорных элементов общества: бог, король, церковь, дворянство, правительство, бюрократия и т. д. Вот в чем заключается исторический смысл знаменитых слов Канта, которыми он начинает „Критику“: „все наше познание начинается с опыта, но не все оно происходит из опыта“¹⁾.

Далее Шенде подробно останавливается на всех частных понятиях теории познания, на понятиях гносеологического субъекта, метода и предмета вообще, трансцендентального метода Канта, формализма в теории познания, интуиции, бессознательном и т. д. Многочисленными примерами, взятыми из самых разных областей жизни и культуры, он доказывает исторический характер абстракций, лежащих в основе всех логических понятий. Но мое изложение затянулось, и, не останавливаясь на остальных подробностях статьи Шенде, прямо перейду к критике.

¹⁾ Ib. 453—456.

V.

Если принять во внимание, что проблема абстракции есть прежде всего логическая проблема, то статья Шенде приобретает исключительный интерес, как попытка дать решение принципиальной проблемы логики с точки зрения социологии. Она приобретает еще больший интерес и в том отношении, что в истинности ее основных положений не может быть никаких сомнений. Написанная убедительным языком фактов, она безусловно заслуживает самого серьезного внимания. Тем не менее попытку Шенде нельзя признать удачной: она не дает никаких выводов, которые не оставляли бы у читателя сомнений насчет историзма и социологизма нашего автора.

Задача, которая стояла перед Шенде, заключалась повидимому в том, чтобы доказать зависимость логической теории на различных ступенях ее развития от тех или иных экономических, социальных и политических факторов. Но „доказательство“ этой зависимости еще ничего бы не говорило о социологической теории логики; оно оставалось бы фактом среди тех прочих фактов, которые еще не стали предметом научного исследования. Для того, чтобы этому „доказательству“ можно было придать значение научного понятия социологической сущности логики, было бы необходимо затем *понять* целое данного исторического процесса и общие его законы.

Что же делает Шенде? Шенде, ничтоже сумняшеся, перечисляет факты за фактами, характеризующие, каким образом данное состояние хозяйственного и социального строя вызывает к жизни те или иные понятия логического мышления. Рассуждения Шенде сводятся к иллюстрированию конкретными примерами этого параллелизма двух родов фактов. В результате *вместо исследования* формы и законов социологической обусловленности логических понятий у него получилось *изложение готовых фактов*, которые, будучи вырванными из общего хода развития, сами превращаются в абстракции. Шенде знаком с фактами, как социолог, но он не знает истории. Перефразируя слова Маркса, можно сказать, что эти „абстракции-факты“ Шенде не выдвигают общего, не фиксируют его и тем не избавляют от повторений. Логическая абстракция, предмет его исследования, для него есть поэтому нечто данное, готовое, уже „абстрагированное“, которое, по его мнению, достаточно только привести в связь с теми или иными взятыми также „в готовом виде“ фактами экономической, социальной и политической жизни. Между тем, следовало установить законы этой зависимости, в том же смысле, в каком, например, устанавливает законы хозяйственного развития политическая экономия. Отсюда недоговоренность значительной части его рассуждений. У Шенде нет *общих* выводов, а поэтому, строго говоря, нет и метода. Этим только и объясняются те многочисленные ошибки, которые являются прямым следствием отсутствия стро-

того определения метода и отграничения задачи. Вырвав отдельные понятия из общей системы логической науки, он не замечает, как в фактическом ходе рассуждений они выступают у него самого самостоятельными факторами социально-экономического, и политического развития... Если поколеблены научные и метафизические абстракции, то, говорит Шенде, за ними следуют политические и экономические. Каждой революции предшествует научный переворот¹⁾. Ренессанс, по его мнению, как социальная, хозяйственная, религиозная и научная революция, совершился тогда, когда победил номинализм в споре об универсалиях²⁾. Вся глава его статьи, трагующая о „социальной роли абстракции“, в сущности, посвящена обоснованию не более, не менее как той мысли, что... главные явления социально-политической жизни держатся логическими абстракциями, или, как он выражается, „аппаратами абстракции“. Механизм абстракций католической догмы — пробабиллизм, теодицея, непогрешимость папы и т. д. — является не чем иным, как той силой, благодаря которой католическая церковь и может выступать в защиту классового господства, в защиту капитализма, работодателей³⁾. Законодательство есть также аппарат абстракций; задача, стоящая перед ним, состоит в том, чтобы найти такую формулу, которая удовлетворила бы интересы законодателей и была бы вместе с тем всеобщей. Применение права есть сложный процесс абстрагирования и состоит в том, что конкретные факты подводятся под общее правило⁴⁾. Отсталость страны измеряется степенью господствующих в ней политических абстракций. Русская советская система, по мнению Шенде, носит „абсолютно-априорный характер“. „Его аппарат абстракций должен работать с наибольшим применением силы... Так как после переворота коммунизм не может рассчитывать на традиции, религию и добровольное подчинение масс, то он должен эти влияния заменить повышенной деятельностью абстракций“ (!). Под „деятельностью абстракций“ „русской советской системы“ наш автор разумеет имена „пролетариата“, „крестьянства“, „Красной армии“ и т. д.

Приведенных примеров, думается мне, достаточно, чтобы убедиться в том, что отсутствие ясного, строго определенного метода ведет Шенде к двусмысленной, противоречивой или, как в последнем примере, прямо к абсурдной точке зрения. У него нет обобщающего понимания приводимых им фактов в их целокупности, в их практически общем значении, и поэтому, когда дело доходит до синтетического обрабатывания фактов, у него получается так, что социологический метод тут ни при чем.

Поэтому, не касаясь фактического материала, собранного Шенде, попробуем на примере недостатков его теории поставить вопрос о социологической сущности логического мышления в его современном выражении.

1) Ib. 431.

2) Ib. 437.

3) Ib. 470.

4) Ib. 471.

В чем, строго говоря, заключается ошибка Шенде, или, вернее, отчего его рассуждения недостаточны, чтобы разрешить поставленную им задачу? Шенде знаком с фактами, но он не может понять их, потому что он исходит из фактов так, как они протекают в действительности, — исходит из общей последовательности их во времени. „Употребляя политико-экономические категории для постройки здания идеологической системы, — говорит Маркс, — мы разводим между собою различные члены системы общественной. Мы превращаем эти различные члены в отдельные, одно за другим следующие общества. В самом деле, каким образом простая логическая формула движения, последовательности во времени, могла бы служить для объяснения всего общественного тела, в котором все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое?“¹⁾. Шенде, другими словами, должен был проанализировать факты логики и факты социально-экономической жизни, как моменты одного процесса, опирающиеся один на другой и одновременно существующие, но не в их конкретной данности, которая для научного мышления еще далеко не составляет всей жизненной определенности их и даже может „испариться до степени абстрактного определения, — а в их „общей практической истинности“, как „результатов“ обобщения и соединения их специфических особенностей. „Конкретное потому конкретно, — говорит Маркс, — что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии. В мышлении оно выступает как процесс соединения, но не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности и, следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления“²⁾. Если конкретное возможно лишь как единство в многообразии, то и „всеобъемлющие абстракции возникают вообще только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же является общим многим или всем элементам. Тогда они перестают представляться мышлению только в своей собственной форме“³⁾. У Шенде нет, именно, такой абстрактности понимания, когда и социологические, и логические факты „перестают представляться только в своей собственной форме“, нет той абстрактности понимания, которая тем более необходима, что одни и те же логические категории могут занимать различное место на различных ступенях идеологического развития. И если, памятуя о сказанном, мы зададимся вопросом о том, какова „простейшая категория современной экономики, стоящая во главе угла ее зрения и выражающая древнейшее для всех общественных форм, действующее отношение“, то таковое, без сомнения, следует признать „труд вообще“. „Вместе с абстрактным всеобщим понятием деятельности, создающей богатство, мы имеем также всеобщее понятие о продукте вообще, определяемом как богатство, или опять-таки о труде

1) Ницета философии, р. пер. В. Засулич, Петроград, 1920, стр. 93.

2) Введение к критике политич. экономии, русск. пер. в сборнике „Основные пробл. полит. экономии“, Госуд. Изд. 1922, стр. 25.

3) Ib. 28—29.

вообще, но уже как о „прошедшем, овеществленном труде“¹⁾. Это „овеществление труда“ достигает своей полной определенности на основе товарных отношений. „Общественный характер человеческого труда“ представляется объективным свойством, которым одарен продукт этого труда. Определенные общественные отношения людей принимают фантастическую форму отношений между вещами“²⁾. Человек перестает быть индивидуальным носителем этого труда. Уже общеизвестная увеличивающаяся рационализация труда разрушает его качественное многообразие и разрывает на абстрактные механические операции, которые тотчас отпадают от индивидуальности человека и начинают жить самостоятельной жизнью, жизнью вещей. Эти овеществленные абстрактные операции труда делаются сами объектом психотехнического изучения, тейлоризма и всех иных видов рациональной калькуляции.

Но отчего мы кладем в основу анализа (для которого здесь нет места), именно, „труд вообще“? Можно ли исходить из „абстракции труда“ только потому, что это есть „простейшая категория, которую современная экономика ставит во главу угла и которая выражает древнейшее, для всех общественных форм, действующее отношение“? На этот вопрос ответить не трудно, если обратить внимание на указанную выше противоположность конкретного и абстрактного, как мыслимого и действительного. Дело в том, что эта простейшая категория „труда вообще“ „становится, как говорит Маркс, практически истинным только, как категория современного общества“³⁾. Но если это так, то сразу становится понятно, почему „современнейшая“ логика должна ставить во главу угла абстрактность вообще. „Абстрактность вообще“ применима ко всем категориям логики в силу отвлеченности, но эта простейшая категория есть прежде всего категория *современной* логики, которая самим жизненным процессом овеществления труда в форме товара, как всеобщей, охватывающей всю структуру современного общественного строя категории, откладывается, как объективация этого процесса, как его теоретическое выражение. „Этот пример труда убедительно доказывает, как даже самые простейшие категории, несомненно на то, что именно благодаря их отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктами исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их“⁴⁾. И если категории, идеи, столь же мало вечны, как и отношения, которые они выражают, то точно так же „абстрактность вообще“, как простейшая логическая категория „в самой определенности своей абстрактности“ является продуктом того, каким способом пользуются орудиями производства и как относятся

¹⁾ Ib. 28.

²⁾ Капитал, русск. пер. 1898, т. I. стр. 35.

³⁾ Введение к критике... Там же, стр. 29.

⁴⁾ Там же. Курсив мой.

орудия, с одной стороны, к человеку, а с другой—объектам производства.

Отсюда ясно, что абстрактность вообще не есть плод логического мышления, как последняя ступень абстрагирования, но есть отвлеченное выражение сущности конкретного мышления в эпоху капитализма. Это продукт рационализации труда, овеществления индивидуальности труда путем раздробления его на механические части, калькуляции, отпадения от индивидуума самих душевных способностей в процессе работы, механический характер которой вовсе исключает какие бы то ни было субъективные усилия и вообще все иные психологические условия.

Абстрактность вообще не есть, конечно, „исходный пункт в действительности“, но, если мы хотим понять логику эпохи капиталистического хозяйства, то в основу такой логики должно быть положено это понятие абстрактности, как ее простейшая категория. И если мы уясним себе хорошенько все глубокое различие между абстрактностью, как последнею степенью логического абстрагирования, и абстрактностью, как простейшей категории логического мышления, то дальнейший анализ того, что Маркс называл „отвлеченным выражением общественных отношений производства“, „абстрактным, идеальным их выражением“¹⁾, принял бы совершенно новое направление, ведущее к правильному пониманию структуры логического мышления в эпоху капиталистического хозяйства,—направление, которое следуя тем же, отмеченным выше, законам развития, уже давно приняла психология в лице психотехники, тейлоризма и науки об организации труда,—этих истинных детей товара, как универсальной формы общества. Однако, за неимением места, ограничимся до другого раза этим общим замечанием, чтобы прямо перейти к резюмирующим выводам.

Если на примере гуссерлеанства мы видели зависимость современной логической теории от официальной схоластики католической церкви, то теперь эта зависимость получает более глубокое освещение, как зависимость всех слоев идеологии современной буржуазии от социально-экономических категорий, лежащих в основе капиталистической системы. В этом смысле и теория „идеальной, всеобщей феноменологии“ Гуссерля, и „теория предметности“ Мейнонга, и „физиологическая теория знания“ Цигена, представляются различными и, как мы видели, тесно связанными моментами единого процесса теоретического приспособления мышления к товарной структуре современного общества, процесса, сущность которого заключается в отмирании мышления, как одного из фактов индивидуального сознания. Вот почему и все „пути“ „современнейшей“ логики ведут к математике. У Мейнонга логика превратилась в какую-то безжизненную тень, в абстракцию логики, именно, как мы знаем, в силу того, что результатом этого процесса „абстрагирования“ мышления могла быть только математическая логика. Эта эзотерическая, предста-

¹⁾ В письме к П. В. Анненкову, от 28 дек. 1846.

влияющая большое искушение и для марксистского ума, „наука“, к сожалению, не может быть здесь подробнее освещена за недостатком места. И, конечно, это не случайно, что социолог Шенде нащупал проблему, именно там, где это нужно было — в логической абстракции. Проблема логики в современных идеалистических системах философии есть проблема абстракции, потому что эти системы являются отвлеченными выражениями форм таких производственных отношений, которые составляют сущность системы капиталистического хозяйства, построенного на механизации труда, овеществления рабочей силы, и т. д. Вот почему необходимость самоупражнения, лежащая в основе „феноменологии“ Гуссерля, и „теория предметности“ Мейнонга, а также бесплодность всех откровений математической логики, или „физиологической логики“ Цигена, — есть не что иное, как выражение бессилия буржуазной философии понять логическое мышление в его целостном значении, бессилия, которое само объясняется разложением и овеществлением этого мышления, как конкретного индивидуального факта сознания.

ГР. БАММЕЛЬ.

К обзору литературы по общей теории права и государства.

1. Г. Кельзен. — Проблема суверенитета и теория международного права, стр. 320.

(H. Kelsen. — Das Problem der Suveränität und die Theorie des Völkerrechts. Tübingen, 1920).

2. Г. Кельзен. — Социологическое и юридическое понятие государства, стр. 253.

(H. Kelsen. — Der soziologische und der juristische Staatsbegriff. Tübingen, 1922).

Г. Кельзен — один из видных представителей нормативной или ново-австрийской школы права — сравнительно недавно, в 1911 году, выступил со своей первой крупной работой „Hauptprobleme der Staatsrechtslehre“ (Основные проблемы государственного права). В названных выше монографиях он продолжает развивать и углублять свои методологические построения, не только не отступая от своей отправной точки зрения, но местами еще более заостряя ее.

При этом он, как это нередко бывает, с особенной яркостью обнаруживает все слабые стороны своего одностороннего, формально-логического подхода к предмету. Предлагаемые им конструкции являются настолько искусственными, парадоксальными и главное безжизненными, что вряд ли они смогут найти себе применение даже в узкой сфере юридической догматики; что же касается действительно научного понимания права и государства, то от него метод Кельзена уводит прямо в противоположную сторону.

Не следует, впрочем, думать, что учение Кельзена стоит особняком в ряду прочих течений буржуазной философской мысли. Напротив, его следует рассматривать как проявление в специальной сфере того общего уклона, который нельзя охарактеризовать иначе как разрыв с действительностью ради логической чистоты предмета. „Чистое учение о праве“ Кельзена несомненно родственно „эйдотическому рассмотрению“ Гуссерля, что, впрочем, признает и сам Кельзен (см. „Социологическое и юридическое понятие государства“, стр. 81). С другой стороны, так же несомненно, что учение Кельзена представляет собой попытку довести до логического конца те положения, которые были выдвинуты представителями так называемого юридического позитивизма. И вот ирония судьбы, или вернее диалектики человеческого

разума. В то время как юридический позитивизм вырос на борьбе с естественным правом и главную свою задачу видел в уничтожении последних остатков этой доктрины, Кельзен, который считает себя продолжателем и завершителем этой борьбы за позитивизм права, в своих конечных выводах скатывается к тому же самому, сто раз повергнутому в прах, естественному праву. Вместе с Кельзеном буржуазная юридическая мысль, проделав цикл, возвращается к своему исходному пункту, умулренная в методологическом отношении, но зато совершенно обезвреженная политически. Если Карл I пытался преследовать Гуго Гроция за провозглашение принципа свободы морей, то Кельзену, призывающему вернуться к *ius naturale gentium* ни с чьей стороны не грозит такая опасность.

Методологические построения Кельзена являются по существу дальнейшим развитием тех мыслей, которые мы находим еще у Лабанда и Еллинека. В частности у последнего (см. „System der subjektiven Rechte“, гл. III) мы встречаем почти полностью те основные соображения, из которых исходит Кельзен. Заслуга последнего заключается лишь в исключительной последовательности и энергии, с которыми он проводит раз принятый принцип, не останавливаясь перед самыми парадоксальными выводами. Исходным пунктом является противоположение нормативного мышления юриста—экспликативному, объясняющему мышлению социолога, историка и естествоведка. Последние имеют дело с явлениями совершающимися с естественной необходимостью в силу причинной связи, юрист имеет дело только с особым родом должностований. Опираясь на Виндельбанда и отчасти на Зиммеля, Кельзен вырывает настоящую логическую пропасть между бытием и должностованием и закрывает юристу всякий доступ из мира норм в мир действительности. Подвергнув тщательному анализу основные юридические понятия, он старательно устраняет отсюда все психологические и социологические элементы, всякий валет фактического. Так, например, рассмотрев понятие воли, играющее столь значительную роль в теории права, Кельзен приходит к выводу, что действительные психические переживания совершенно не имеют в виду, что они не существенны, иррелевантны, что юридически воля существует как особая конструкция вменения, т. е. опять-таки как комбинация норм, указывающая в каких случаях то или иное действие должно приписываться, „вменяться“ тому или иному лицу. Само понятие „лица“ точно так же, по мнению Кельзена, не имеет ничего общего ни с биологическим, ни с психологическим понятием личности. Юридически „лицо“ есть не что иное как персонификация относящихся к нему норм. Развивая далее с логической последовательностью свои отправные положения, Кельзен приходит к полному отождествлению государства и нормативного порядка в целом. Ему нельзя возразить, что в действительности это не так, ибо с действительностью-то он как „чистый“ юрист не желает иметь ничего общего. В плоскости же нормативной государственная власть может „мыслиться“ только как власть права.

Кельзен идет еще дальше: в то время как Еллинек считает возможным наряду с юридическим образовать социологическое понятие государства, Кельзен утверждает, что государство, как понятие образованное в нормативном ряду вовсе не существует для социологии. Самое понятие высшей для данного общ-жительства власть может быть истолковано только нормативно. В реальном порядке явлений высшую власть так же невозможно обнаружить как и первопричину. Отстаивая чисто мысленную, так сказать заоблачную предметность государства, Кельзен отгораживается и от воззрений, которые отождествляют государство с государственной идеологией, понимаемой как явление психологического порядка. Ибо для него конкретные переживания людей, подчиненные закону причинной зависимости, отделены логической пропастью от нормативного порядка с его собственной внутренней закономерностью.

Нечего и говорить, с каким сожалением отзывается Кельзен о „наивных и близоруких“ людях, которые вслед за Лассалем, думая о государстве, не упускают из виду телесно-реальных вещей как пушки, крепости, орудия производства и т. п. Ведь это не что иное как мертвые, индифферентные вещи, рассуждает наш профессор; они получают социальное значение только в связи с действиями людей, а действия людей могут рассматриваться «юридически», как действия государства только тогда, когда они совпадают с идеальным мыслимым нормативным порядком. Ergo, власть государства—это власть права. Вот образчик поистине дальновзорного профессорского мышления.

Но в чем же, спрашивается, заключается пресловутая внутренняя закономерность нормативного, т. е. правового порядка? В том, отвечает Кельзен, что каждая частная правовая норма выводится из более общей, та в свою очередь из еще более общей, пока мы не дойдем до основной, или, как он выражается, изначальной нормы или юридической гипотезы (Ursprungshypothese). Эта основная норма определяет высший для данного общества нормоустанавливающий авторитет. Кельзен спешит оговориться, что должностование, заключающееся в этой норме, как и всякое юридическое должностование носит относительный и условный характер, тем не менее юрист не может идти далее этой нормы, ибо только с нее начинается область права. Дальше, очевидно, идут те „правовые пустоты“ (Rechtsleerer Raum), о которых говорил еще Бергбом.

Но чем руководиться при выборе этой первоначальной гипотезы, которая, по Кельзену, замыкает и в то же время как бы несет на себе весь нормативный порядок. На это автор совершенно резонно отвечает: „с юридической точки зрения выбор основной предпосылки, из которой дедуцируется весь позитивный правопорядок, представляется произвольным“ (Проблема суверенитета, стр. 97). И далее, в этом же труде, автор поясняет, что юридическими основаниями нельзя доказать бессмысленность такой правовой оценки отношений современной Франции, при которой ancien regime предполагался бы как „действующий“

правопорядок. Чисто юридический метод, как мы видим, вполне пригодился бы для обитателей желтого дома.

Впрочем, в другой монографии, вышедшей в 1922 г., Кельзен вновь возвращается к этому же вопросу и взяв уже в пример русскую революцию пытается на этот раз примирить „юридический смысл“ с обыкновенным здравым смыслом. Именно по этому поводу он вынуждается сделать замечание, что „к специфической нормативной закономерности в идеальной системе государства и права *каким-то* образом (курсив наш, Е. П.) должен быть прилажен (zugeordnet) кусок реальной жизни, фактически совершающегося по причинной необходимости поведения людей“ („Социологическое и юридическое понятие государства“, стр. 96), и далее: „напряжение между нормами и фактами не должно превышать известного максимума“ (ibid).

Почтенный юрист решился связать с высоты своего заоблачного нормативизма. Тоже в своем роде успех русской революции.

Юридический позитивизм, напирая на формальную природу права, вел, как известно, упорную борьбу против „естественных и природных“ прав человека, выдвинутых буржуазией в революционный момент ее классовой истории.

Кельзен продолжает этот поход с исключительной решительностью и последовательностью. Самое понятие субъективных прав вносит совершенно ненужный дуализм, поучает он, единственная и вполне достаточная предпосылка правовой системы — это норма, устанавливающая юридическое должностное. Подобно тому, как государство „сообщает“ качество „лица“, устанавливая права и обязанности, подобно этому оно может и отнять его. „Введение рабства, как правового института, лежит всецело в рамках возможного для правопорядка или для государства“ (Проблема суверенитета, стр. 45). Этому заявлению по крайней мере нельзя отказать в смелости. Но Кельзен идет и дальше. Его формальное понятие права достаточно широко, чтобы вместить не только рабство, но и предельные формы деспотии. Ведь, если для правовой нормы существенна только ее связь с вышней, начальной нормой, от которой она производится, а содержание само по себе безразлично, то „юридически“ самый крайний деспотизм является бесспорно правовым режимом: ибо, чтобы мыслить приказание монарха юридически, мы также должны вывести их из высшей нормы: „все должны поступать так, как этого желает монарх“ (Проблема суверенитета, стр. 25).

Такого рода пустопорожние тавтологии иронизируются как глубочайшие методологические открытия, причем Кельзен снисходительно готов признать, что „конечно, психологически этот момент формальной связанности через посредство *начальной* норм отстает на задний план по сравнению с материальным произволом“. Подобного рода рассуждения интересны, разумеется, только, как курсы. Но они наглядно показывают в какую бесплодную пустыню схоластики уводит последовательно нормативное понимание права. Здесь ясно обнаруживается непригодность нормативного метода даже для узких целей догматической юриспру-

денции. Если бы на самом деле все логические операции последней ограничивались бы восхождением от нормы к первоисточнику, то из этого не получилось бы никакой системы права. Логические нити, протянутые от частных норм к их первоисточнику, не способны сами по себе дать того объединения норм, которое образует различные институты права. Догматическая юриспруденция развилась в систему только потому, что основой своих понятий она взяла абстрагированные фактические отношения людей, противопоставленных друг другу, как товаропроизводители. Нормы, регулирующие собственность, потому складываются в институт собственности, что базисом их является частное присвоение как экономический факт. Учение о договоре потому представляет собой единое логическое целое, что в основе его лежит экономический факт обмена и т. д.

Необходимыми категориями, с помощью которых юриспруденция улавливает эти отношения, являются понятие субъекта или лица, воли в юридическом смысле, субъективного права, понятия, которые все суть производные или выражения различных сторон одного и того же реального субстрата частно-хозяйственного субъекта.

Освободив догматическую юриспруденцию от этих „субстанциональных“ понятий и превратив ее в логику юридически должного, Кельзен вынул из нее жизненный смысл и превратил в своеобразную схоластику, весьма близкую средневековой теологии. Последнее, впрочем, он сам вынужден был признать, посвятив последнюю главу своей книги „Юридическое и социологическое понятие государства“ параллели государство и право — бог и природа.

Впрочем, имманентные законы юридической логики в полной мере проявили свое влияние как только Кельзен перешел к международному праву. Тут перед ним стояла дилемма: или принять положение „Бог, как и право, всегда с сильнейшими батальонами“, или в поисках изначальной нормы международного правопорядка отправиться по стопам школы естественного права. Занять место где-нибудь посредине между правом и фактом помешала прежде всего собственная же методологическая установка. И вот, решительно отмежевываясь от тех германских ученых, которые, поддавшись слишком одностороннему влиянию успехов 70—71 года, провозгласили „победоносную войну, как норму решающую на чьей стороне право“, Кельзен благополучно бросает якорь в мирных водах естественно-правовой доктрины. Заимствованная им у Вольфа основная и верховная формула гласит: „правовое общение, в котором свобода субъектов (государств) ограничивается их принципиальным равенством“. Из формального и официально государственного понимания права, Кельзен одним прыжком перелетает в естественно-правовое. Столь старательно истребляемое им „субстанциональное“ понятие субъектов (да еще „свободных и равных“) появляется совершенно неожиданно в самой основной формуле. Вся затеянная Кельзеном методологическая чистка оказалась напрасной.

Нет, гораздо яснее понимал в чем дело старик Гроций, когда он, перечисляя условия развития мирного торгового оборота внутри государства (которые он, понятно, отождествляет с условиями существования государства вообще), а именно: обеспеченность и свободу собственности, пользование на равных основаниях средствами сообщения и свободу торговли, ставил нарождающемуся буржуазному обществу вопрос: каким образом вне этих условий возможно обезопасить торговлю в международном масштабе.

Этим он наглядно показал, что так называемая „идея права“ есть не что иное как одностороннее и абстрактное выражение одного из отношений буржуазного общества, а именно—отношения независимых и равных собственников, которое является „естественной“ предпосылкой менового акта.

Е. Пашуканис.

РЕЦЕНЗИИ.

Fritz Mautner.—Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande. (Vier Bände).

I-й том.—Введение. Чертобоязнь и просвещение в так наз. средних веках. VI+658. II-й том. Открытие природы и человека. Смеющиеся скептики в Нидерландах и Англии. 593. III-й том. Просвещение во Франции и Германии. Великая Революция. 482. IV-й том. Последние сто лет. Реакция. Материализм. Безбожные мистики. 468. Немецкое изд. Штутгарт и Берлин. 1920—23.

В новом произведении знаменитого языковеда, Фрида Маутнера, обнаруживаются все достоинства и недостатки его образа мышления и метода. Часто ему удается занять хорошую критическую позицию, ориентируясь на критику языка. Маутнер, прекрасно знающий свой предмет, посредством строгого анализа значения слов, стремится прежде всего, с одной стороны, ясно разграничить те явления, которые часто соединяются в историях философии благодаря только тому, что они обозначаются тем же самым словом, с другой же стороны, он стремится вскрыть внутреннюю связь тех явлений, которые кажутся для беглого взгляда независимыми друг от друга благодаря различию обозначающих их слов. Лучшим образцом первого стремления служит его трактование античного мира. При помощи точного перебеда важных мест текста, где каждый раз приводится история изменения значения важнейших терминов, он показывает, что наши понятия о религии и о боге, а соответственно этому и об атеизме, неприменимы к античному миру. Он убедительно доказывает, что в античном мире не могли знать того различия между богами и демонами, между боязнью богов и демонов, которое возникло только в христианской теологии. (Так, в заглавии знаменитого очерка Плутарха „о суеверии“ решающее слово „δεισιδαιμονια“ значит не суеверие, а богобоязнь. I,61 и т. д.). Античный мир не знал никакой теологии, не закреплял ни в каких понятиях и системах своих представлений о богах и о заповедях, вытекающих из этих систем. „Мифология и теология были равнозначные выражения“ (I,63), содержание мифологии было текучим, никогда не было канонизировано и систематизировано; образы мифологии в значительной степени определялись творениями поэтов, а часто даже возникали благодаря им (I,76). В этом потоке устойчивы были лишь обряды, которые оставались без изменения (напр., в Риме) долго после того, как содержание всех религиозных представлений совершенно изменилось, когда ни один человек уже не

понимал правильно их смысла. Отсюда становится понятной удивительная для нашего времени веротерпимость античного мира. С верою в богов сочетаются самые разнообразные мирозерцания; даже механистическое учение об атомах, вроде Демокрита; они не нарушали античной „религиозности“, поскольку не касались обрядов, отправлений культа. „Жрец пользовался лучшей защитой, чем бог“, — метко говорит Маутнер (1, 76).

На ряду с таким ограничением своей задачи, — так как при таком толковании весь античный мир, собственно говоря, не входит в историю атеизма, — Маутнер правильно расширяет свою важную и интересную тему: он признает, что с христианским представлением о боге, с рационализацией и систематизацией теологии, неразрывно связана история *представлений о чорте*, включая веру в колдовство и т. д. Они так тесно связаны, что борьба с христианским представлением о боге сначала открывается в виде борьбы с верою в чорта. Атеизм, который больше частью выступает как адьяволизм, в состоянии одержать победу в течении трех столетий (1484—1793, — Маутнер датирует эту эпоху от начала колдовских процессов до последнего колдовского процесса в Европе, 1, 192) над верою в чорта без того, что бы при этом была побеждена вера в бога. Но не надо все же забывать, что и вера в бога вынесла тяжелые потрясения в этой борьбе. Атеистическая критика XIX века доводит до логического конца лишь те принципы, которые были выставлены Гольбахом, Гельвецием и др. с одной стороны, Лессингом — с другой стороны. Такая постановка вопроса привела также к тому, что Маутнер наряду с явными и тайными атеистами привлекает к обсуждению всех еретиков христианской церкви, чтобы и на них иллюстрировать историю постепенного освобождения от христианского понятия о боге.

Всем этим очерчивается та задача, которую поставил себе Фриц Маутнер. Уже способ постановки вопроса показывает, что мы имеем дело с трудом, заслуживающим серьезного внимания.

Но эта самая постановка вопроса показывает также и пределы его системы и его метода. Он толкует атеизм, как чисто *умственное явление*. Представление о боге есть нечто „ложное“, а борьба с ним — нечто „истинное“. История показывает, как на этом пути человечество, — длинными кружными путями, часто возвращаясь вспять, — все же постепенно продвигалось вперед. Но в большой книге Фрица Маутнера едва ли имеется хоть несколько слов о том, что и вера в бога и борьба с ней суть *общественные явления*. Само собою разумеется, что при обсуждении жуткого массового помешательства, при колдовских процессах реформации и контр-реформации, он не мог совершенно закрыть глаза на то, что здесь речь идет об общественных явлениях. Но это у него остается эпизодом и не касается существа вопроса. Понятие о боге Маутнер всюду принимает в его чисто идеологической форме. Он нигде не исследует — при каких общественных условиях люди образовали определенное понятие о боге, еще менее он занимается вопросом о том, какой класс общества в данную исто-

рическую эпоху высказался за или против определенного бога. Только в виде отдельной догадки, остающейся, однако, без последствий, у него иногда всплывает вопрос об отношении различных классов к религии, как наприм., в том ценном наблюдении, что атеизм стал массовым явлением лишь благодаря классовой борьбе пролетариата и социализму, в противоположность аристократическому атеизму литературных салонов прошлых эпох (IV, 106). Но он касается этого вопроса лишь эпизодически и слишком поверхностно, — в противоположность своей обычной основательности, — обсуждает его; так, наприм., он утверждает, что Маркс считал религию частным делом, не имеющим никакого отношения к партии (IV, 112—3). (Вообще Маутнер знает Маркса довольно слабо. Трактую подробнейшим образом Штраузера, он совсем не упоминает „Святого Маркса“. Точно также от него совершенно ускользает скрытая атеистическая тенденция философии Гегеля, которую так ярко выявил Бруно Бауер в „Трубном звуке страшного суда“). Благодаря этому он не только закрыл себе доступ к пониманию некоторых сложных явлений (напр., католицизма Томаса Мора, оставшегося для него непонятным, несмотря на анализ Каутского, которого он, повидимому, не знает), он не только ложно оценивает историческое положение некоторых крупных личностей, когда он, например, позицию Венделя Гиплера в крестьянской войне считает „более образцовой“, чем позицию Томаса Мюнстера (I, 488—9); более того, он остается в сетях абстрактной метафизики при обсуждении всей своей проблемы. Ибо всю эту проблему нельзя конкретизировать, если не ставить вопрос о том, *какие люди и почему верили или не верили в определенного бога „вообще“ или даже в бога „христианства“*. Всякий, наприм., кто попытается разобрать многочисленные компромиссы Локка или Лейбница в вопросе об атеизме, не обращая внимания на развитие буржуазии в их стране в их эпоху, не сумеет их адекватно понять, даже как *отдельные явления*, — как бы ни был хорош его анализ в частности. И уже совершенно невозможно при таком методе работы понять историю развития, вскрыть *внутреннюю связь* между отдельными явлениями. В этом случае может получиться лишь ряд более или менее удачных портретов отдельных лиц; могут быть показаны их литературные и философские взаимоотношения; при этом, разумеется, может быть обнаружена великолепная филологическая точность и блестящее остроумие. Но подобного рода взаимоотношения не показывают их действительной *исторической связи*. Но, отвергая самым решительным образом метод Фрица Маутнера, мы именно здесь считаем нужным отметить, что его произведение чрезвычайно богато отдельными удачными характеристиками. Лишь в качестве отдельного примера, укажу на его ценные замечания о предшественниках и последователях Фейербаха. Он правильно заметил, что Шлейермахер является исходной точкой этой „религиозности без бога“ (IV, 188), а Яков Буркгардт (IV, 346) и Ницше представляют дальнейшее развитие той же тенденции (удивительно лишь, что Зиммель не упоми-

нается в этой связи). Во всяком случае, понимание истории, как взаимоотношения отдельных лиц, соответствуют миросозерцанию Фрида Маутнера, который, наприм., победу христианства над манихизмом в значительной степени приписывает факту перехода Августина от манихизма к христианству (I, 182—3 и т. д.). Такое чисто идеологическое миросозерцание имеет следствием то, что на ряду с правильными наблюдениями встречаются наивные замечания; достойные худших буржуазных историков. Наиболее ярко проявляется эта тенденция в обсуждении роли религиозного вопроса во Французской революции (III, 391 и сл.). Но и сравнение Бисмарка с Фридрихом Великим (IV, 301), доказательство политического предвидения Мадзини событиями 1918 г. (IV, 238), связь между Толстым и большевизмом на основе „русской души“ (IV, 343)—яркие образцы той же тенденции. В такого рода конструкциях ясно выступает *наивно идеологический* характер его исторического миросозерцания. Методологическая ограниченность объясняет его ошибки, хотя не уничтожает их.

Фриц Маутнер по своему миросозерцанию в значительной степени принадлежит еще восемнадцатому веку. И его произведение в самом деле часто имеет достоинства и недостатки этой эпохи: мужество в борьбе с лицемерием и лживостью своих товарищей по классу, и неспособность понять историческое развитие человечества, как общественный процесс. Указывая на принадлежность Фрица Маутнера к восемнадцатому веку, надо всегда иметь в виду на ряду с недостатками и достоинства, вытекающие из этой принадлежности. Ибо даже там, где он бывает несправедлив, вследствие ненависти к лицемерию и лживости,—в особенности по отношению к Лейбницу и Гегелю,—в самой этой несправедливости его обнаруживается здоровый буржуазно-революционный инстинкт, опирающийся на лучшие традиции буржуазной науки; благодаря этому он высоко стоит над современной разлагающейся буржуазией и достигает редкой ныне непредубежденности и объективности в обсуждении многих личностей. И этот корректив имеет тем более важное значение, что там, где Маутнер освобождается от влияния восемнадцатого века, он попадает в подозрительное и опасное общество архи-реакционных и ненаучных модных течений. И выход Маутнера за пределы метафизического материализма восемнадцатого века и его последователей в девятнадцатом веке (Фогт, Молешот, Бюхнер, Гекель) заключается в агностицизме, имеющем притом известную мистическую окраску и примыкающем во многом к средне-вековым и восточным мистикам (Мейстер Эккардт, Лао-Тзе). Как и все мыслители, стремящиеся выйти за пределы метафизического материализма, но не нашедшие перехода к диалектическому материализму, Маутнер романтически обращается к прошлому, вместо того, чтобы стремиться к будущему. Так как он слишком честен, чтобы обратиться к реакционной метафизике, то его романтическая тенденция получает форму скептически-мистического индивидуализма, смутного анархизма. (Вовсе не случайно то, что Г. Ландауер был так близок к Маутнеру). Лишь исходя из этого

можно понять, почему для Маутнера развитие агностицизма достигает своей вершины в Штирнере (IV, 201). Но в то время, как близкие к нему скептически-мистические агностики, вроде Леопольда Циглера (о котором Маутнер отзывается с похвалой; IV, 406), кончают, в качестве идеологов крайней реакции, близостью к школе Кайзерлинга (об ее „пророке“—Тогоре—Маутнер отзывается с презрением; IV, 345),—самого Маутнера удерживает от подобной последовательности его интимная близость к Дидро, Лессингу и Гольбаху. Благодаря этой непоследовательности Маутнер выигрывает, как личность, хотя его книга в целом сохраняет колеблющийся и неопределенный характер.

Поэтому его книга и не могла разрешить поставленной им себе задачи, имеющей теперь столь важное значение. Но она представляет в высшей степени ценную и значительную *подготовительную работу*. Весь материал обработан с изумительной начитанностью и философской основательностью. Замечательные личности выведены из состояния незаслуженного забвения, другие предстают в новом освещении, некоторым же, которые особенно близки ему, как напр., Эразм Роттердамский (I, 441 и сл.), Ванини (II, 207 и сл.), Вольтер (III, 43 и сл.) и т. д., он дает прямо блестящие характеристики. Таким образом, при всех своих недостатках, его произведение представляет в высшей степени полезную и поучительную книгу.

ГЕОРГ ЛУКАЧ (Вена).

Hermann Schmalenbach. Leibniz. XVI + 610. Drei Masken-Verlag. München. 1921.

Мы несколько не преувеличим, если скажем, что среди великих философов XVII—XVIII-го века Лейбниц представляет собою наиболее интересную, многогранную и противоречивую фигуру. В противоположность Декарту и Мальбраншу, Гоббсу и Спинозе, которые оставили после себя системы, зачателенные величественным единством стили (что, впрочем, все-таки не убергло их от жетолкований), творчество Лейбница дошло до нас в форме громадного собрания набросков, фрагментов, эскизов, писем, полемических статей и т. д. Как эта форма, так и чрезвычайная разносторонность обсуждавшихся им вопросов—от метода бесконечно малых до философии религии—доставили мыслям Лейбница огромное влияние на его современников и далее на весь XVIII-ый век (правда, оно было куплено ценою значительного ущерба его мыслей), пока кантовская философия не вытеснила его из центра философских интересов. И только в последнее время Лейбниц снова начинает привлекать к себе усиленное внимание¹⁾. Появившиеся одна за другой монографии Бергмана Расселя, Кутюра и Кассирера дают нам совершенно новое представление о научном значении его мыслей. Они вскрывают связь, которая

¹⁾ Замечу мимоходом, что Маркс был большим почитателем Лейбница. См. его письмо к Энгельсу от 10.X 1870 г.

роднит его открытия, замыслы и проблемы (исчисление бесконечно малых, *Analysis situs, scientia generalis*, проблема континуума и т. д.) с математикой и естествознанием нашего времени, и дают таким образом историю скрытого влияния лейбницевых мыслей от XVIII-го века до наших дней.

Как ни велика ценность этих исследований, они все же нуждаются в существенном дополнении. Ибо за более справедливой и глубокой оценкой отдельных научных достижений Лейбница теряется из виду философское единство его мысли, или, что еще хуже, в его идеи вкладываются модернистские мотивы. Поэтому все усиливающееся внимание к отдельным мыслям Лейбница лишь отчасти способствовало правильному историческому пониманию его деятельности в целом. Книга Шмаленбаха ставит себе задачей восполнить этот пробел (отчасти сознательно полемически по отношению к своим предшественникам).

Автор хочет добраться до подлинных истоков лейбницева мышления, он хочет воссоздать цельный образ Лейбница из исторических условий его эпохи, так чтобы наряду с тем, что его связывает с нашим временем, выявились и специфические черты его собственной современности. Таков замысел книги; но его выполнение далеко не во всем одинаково удачно. Если чисто философские мотивы Лейбница (между прочим и в их обусловленности эпохой) разработаны тонко и интересно, то нарисованная автором картина общей исторической среды бледна, абстрактна и вовсе не интересна, а местами — напр., в параллели между философией Лейбница и стилем барокко — носит даже прямо фельетонный характер (стр. 10 сл.). Тем ценнее чисто философские анализы. Шмаленбах усматривает основную черту философии Лейбница в ее *плюралистическом* характере: для Лейбница первично не единство мира, как для Спинозы, да и для всей философии вообще, а индивидуальная множественность его последних элементов. Этот плюрализм обнаруживается в двух тенденциях, которые тесно переплетаясь, иногда восполняют, а иногда ослабляют и даже уничтожают друг друга. Одна из этих тенденций — *арифметизм*. Не геометрия, как для Декарта и Спинозы, а алгебра является для Лейбница прототипом метафизики, основанием для построения картины мира (стр. 105—6, 510). Тут находит себе выражение противоположность между сплошным и дискретным. И Лейбниц, конечно, не отрицает значение континуума (сплошного), как задачи для познания, но континуум не есть для него первичная метафизическая действительность. Пространство и время и обусловленные ими механические закономерности относятся, по Лейбницу, только к миру феноменов, они только идеальны, а не реальны (стр. 429, 433 и т. д.). Но миром феноменов не исчерпывается для Лейбница, как для Канта, вся область нашего познания; нет, феноменальный мир неразрывно связан с миром реальным, первый является выражением второго, его представителем. Два эти мира относятся друг к другу как идеальное и реальное, как только возможное и актуально действительное. Законы пространства и времени, законы механики

предопределяют, следовательно, структуру всякого возможного мира (даже бог лейбницевой философии не мог бы создать какойнибудь иной мир), но таких миров бесконечное множество, и если именно этот, именно „наш“ мир стал действительным, то для этого требуются основания совсем другого рода.

Тут один из многих пунктов, где арифметизм Лейбница, его понимание мира, как дискретного множества, осложняется религиозным мотивом, именно его *кальвинизмом*, — в данном случае в виде проблемы теодицеи, проблемы „наилучшего из всех возможных миров“ (стр. 271). Но во многих других местах книги доказывается, что повсюду, где арифметизм терпит крушение на проблеме континуума (метод бесконечно малых есть, по Лейбницу, в конечном счете отказ от действительного одоления этой проблемы, хотя этот отказ и незаметен практически, потому что погрешность может быть сделана какой угодно малой), — повсюду в этих случаях Лейбниц прибегает к самым рискованным метафизическим гипотезам, чтобы за формами континуума обнаружить лежащий в их основе действительный дискретный мир. Ярче всего это проявляется в вопросе о сплошности движения, реальную сущность которого Лейбниц изображает, как „транскреацию“, т. е. как бесконечно часто возобновляемое „уничтожение“ и „сотворение заново“ движущегося предмета богом (стр. 444).

Все эти конфликты, апории и границы лейбницева мышления Шмаленбах изображает с большой пронципальностью. Но если их источник он усматривает в арифметизме, с одной стороны, и в кальвинизме, с другой — то этим он лишь повторяет вопрос в другой форме, а вовсе не дает ответа на него. В вопросе о границах арифметизма он, на мой взгляд, совершенно прав. И бесспорно, вся половинчатость лейбницевой философии проистекает главным образом отсюда. Но этим еще далеко не объясняется (а у Шмаленбаха даже не поставлено в виде проблемы), каким образом столь замечательный математик, как Лейбниц, мог дойти до такой невозможной позиции; тем более, что уже Декарт и в особенности Ньютон указали правильный путь. Дело в том, что Шмаленбах смотрит на основной характер лейбницева мышления как на последний неразложимый факт, забывая, что если бы позиция Лейбница была его „личной особенностью“, то ни в коем случае нельзя было бы объяснить продолжительное и интенсивное влияние его мысли. Необходимо, следовательно, признать, что в его „личной особенностях“ было нечто, что явилось идейным выражением тогдашней — по крайней мере, немецкой — общественной действительности. А уж ссылка на кальвинизм остается совершенно пустым словом. Шмаленбах находит, правда, несколько аналогий — большей частью поверхностных — между кальвинистическим учением о душе и боге и философией Лейбница, но несколько при этом не считается ни с внутренними изменениями кальвинизма до эпохи Лейбница, ни с общественными носителями этих изменений. Поэтому все его объяснения висят в воздухе, и подлинная проблема, историческое познание философии Лейбница, еще только должна быть формулирована: проб-

лема, собственно говоря, начинается там, где оканчивается изложение Шмаленбаха. Вся его заслуга—впрочем, не малая, потому что в своем труде он обнаружил большую основательность и остроту мысли—заключается в том, что он восстановил подлинно философский образ Лейбница, дважды искаженный вульгаризирующей традицией и хитроумной модернизацией. Настоящая проблема, правда, только начинается там, где он останавливается,—но если мы теперь можем правильно поставить вопрос, если мы ясно видим перед собой фактический состав системы, которая еще нуждается в социально-историческом истолковании, то этим мы не в малой мере, а во многих отношениях даже всем существенным обязаны его исследованиям.

Георг Лукач (Вена).

Friedrich Kuntze. Die Philosophie Salomon Maimons. XXVI + 532. Karl Winter. Heidelberg. 1912.

Эта книга представляет собою типичный пример того, что называется хорошей немецкой академической традицией,—тип, существующий, впрочем, сейчас скорее как лозунг, чем в действительности. Тип этот характеризуется глубочайшей враждой к подлинно движущим силам истории и, как следствием из этого, полнейшим непониманием современности. Положительными же его чертами являются большая эрудиция и действительное умение исследовать до последних деталей то изолированное явление, которое заинтересовало данного ученого. Оговоримся: насколько это вообще объективно возможно при подобном искусственном отвлечении от подлинной сущности истории, от истории в ее конкретной целостности. И раз мы вполне ясно сознаем границы, которых не могут переступить даже способнейшие представители этого типа, то спрашивается: какую ценность могут иметь такие исследования для нас, для исторических материалистов? Ответ как будто напрашивается сам собой, и ответ чисто отрицательный. Ведь единственное, казалось бы, достоинство этих книг—*филологическая точность* в обработке источников. Но этого может и должен достигнуть марксистский исследователь и сам (если только ему доступны самые источники), и поэтому он не нуждается в таких, методически несовершенных, подготовительных работах. И тем не менее мы склонны думать, что этот вопрос все таки не так прост. Задача марксистского исследователя заключается в историко-материалистическом объяснении фактического состава философских идей. Возможность правильного объяснения предполагает правильное узрение и описание этого фактического состава. Мы не будем здесь подробно входить в вопрос о том, почему до сих пор в любой марксистской обработке истории философии отсутствует как раз это правильное узрение фактического состава философских систем (с чем, я думаю, согласится всякий сколько-нибудь серьезный исследователь, хотя он и поймет, как велики уже одни внешние препятствия в этом отношении:

способ работы, трудность доступа к источникам и т. д.). Укажу только на то, что „установить фактический состав“ в истории философии, т. е. установить, что действительно думали такие-то мыслители, какова внутренняя—философская, логическая, гносеологическая—связь их воззрений, какие мыслители прошлого и в каком направлении на них влияли и т. д., вовсе не такая простая и отнюдь не только филологическая задача, как то может показаться на первый взгляд. Нет, это задача философская, для решения которой требуются не только обширные познания, но и настоящее философское дарование. В самом деле, обработка истории философии в марксистском духе только тогда станет на надлежащую высоту, когда преимущество марксистов перед прежними исследователями будет заключаться не только в ясном понимании тех общественно-экономических сил, которые в конечном счете определяют постановку и решение философских проблем, но когда марксисты сумеют проявить свое превосходство и в так называемых чисто философских вопросах. Ведь и сам Маркс не только первый вскрыл исторические движения, вызвавшие к жизни отдельные направления в политической экономии, но и разрешил много специально научных экономических проблем, над которыми тщетно билась предшествовавшая ему „чистая наука“ буржуазной экономии. Историко-материалистические исследования в области истории философии еще очень далеки от этой ступени. А между тем совершенно ясно, что и здесь существует целый ряд „чисто философских“ вопросов, которые „чисто философски“ никогда не будут решены, пока не будет выяснена та общественная действительность, которая составляет последнее основание как самой постановки вопросов, так и различных попыток их решения. Однако, если это—в общем вполне правильное, но пока еще абстрактное—убеждение мы будем (как это делается большей частью) применять к недостаточно выясненному материалу, то в результате получатся только незрелые и абстрактно-формальные обобщения. Ибо только там, где действительные проблемы данной философии действительно не могут быть разрешены ею, где самая „критическая“ постановка вопросов остается бессознательно догматической (потому что коренятся в общественных условиях) и т. д., только там может проявиться превосходство историко-материалистического метода. В промежутке между этими методическими „вехами“ (на них следует, конечно, смотреть как на абстракции, как на рабочие гипотезы, и отнюдь не вырывать их из общей связи) и исторический материалист должен идти путем имманентного истолкования философского материала: иначе он рискует впасть в ту—уввы, слишком частую—ошибку, когда второстепенные пункты и внешние стороны какой-либо философской системы, иногда, правда, характерные, приводятся в абстрактно-формальную связь с определенными социальными явлениями соответствующей эпохи, и такое связывание, поверхностное по сравнению с каким-нибудь основательным, при всей его ограниченности, анализом буржуазного ученого, выдается за исторический материализм.—С этой точки

зрения работы отмеченного выше типа безусловно необходимы. Ибо установление или, лучше сказать, восстановление фактического состава философских идей далеко не такая легкая и простая задача, как то кажется на первый взгляд. Тут приходится разрушать не только исторические легенды и произвольные конструкции ходячей истории философии (эти легенды и конструкции появляются не только там, где социальные, религиозные и т. д. интересы буржуазии затронуты непосредственно), но приходится бороться и с недоразумениями современников и с заблуждениями самих философов на свой собственный счет, чтобы добраться до подлинного смысла. Лишь тогда, когда реконструирован этот подлинный смысл данного учения, то, что в нем действительно содержится (а не только должно содержаться, по мнению его автора), — лишь тогда можно сказать, что мы имеем перед собой фактический состав учения, которое *затем* уже подлежит историко-материалистическому объяснению.

От этой цели мы в настоящее время еще очень далеки. Не говоря уже о древне-восточной, арабской, средневековой и др. философиях, по отношению к которым мы едва только приступили к подготовительным филологическим работам, приходится констатировать, что даже история сравнительно наилучше изученных античной и новой философии еще далека от возможности дать нам такой вполне пригодный материал. Нельзя, правда, отрицать, что кое-что здесь уже сделано; но на ряду с полезными исследованиями существует еще множество историко-философских легенд новейшего происхождения (в качестве особенно яркого примера укажу на интерпретацию Платона у Наторпа). Как вклад в изучение фактического состава новой философии, книга Кунце имеет бесспорную ценность. Правда, автор часто входит в утомительные подробности, — все вопросы излагаются в точном соответствии с текстами Маймона в различные периоды его мышления, — а критическая оценка, несмотря на всю ее пространственность, редко идет дальше круга непосредственного влияния Маймона. Автор стремится только проследить нити, соединяющие Маймона с прошлым, а также вскрыть результаты его непосредственного влияния (главным образом на Фихте). Там, где он идет дальше, напр., в вопросе об отношении геометрии к арифметике у Маймона и Гегеля (стр. 212), он довольствуется скудными намеками, хотя его же собственное изложение заставляет сильно чувствовать и эти более отдаленные связи.

Впрочем, это самоограничение Кунце составляет не только недостаток его исследовательской и литературной манеры. Оно же дает ему, с другой стороны, возможность с величайшей точностью реконструировать фактический состав той философии, которую он исследует. И если он этим очень сужил свою задачу, то она от этого отнюдь не стала незначительной или неинтересной. Ибо Саломон Маймон не только самый замечательный мыслитель среди непосредственных преемников Канта; он вместе с тем и тот, кто энергичнее всех способствовал переходу от трансцендентального идеализма Канта к абсолютному идеализму

Фихте (а тем самым и Шеллинга и Гегеля). Не в том смысле, чтобы Маймон был сам сторонником или хотя бы только духовным предшественником абсолютного идеализма. Наоборот. Тенденция Канта — ограничение наших познаний миром явлений, „критический“ отказ от всякого познания вещей в себе — выявлена у него еще более резко, чем у его учителя. В некоторых вопросах (напр., в вопросе о понятии причинности) Маймон возвращается даже к докантовской точке зрения, приближаясь к скептическому субъективизму Юма. Поскольку же это попятное историческое движение в других пунктах идет еще дальше, восходя к Лейбницу, оно уже выводит за пределы кантовой философии и подготавливает путь для Фихте.

Дело в том, что имена Юма и Лейбница означают не чисто личные философские взгляды, а целые большие направления, объективные возможности в области постановки и решения философских проблем, вытекающие из основных предпосылок всей философии XVII и XVIII века, — тенденции, которые в философии Канта были примирены скорее путем компромисса, чем путем действительного объединения. На языке современников Маймона эти две тенденции называются догматизмом и скептицизмом: первый признает, а второй отрицает возможность адекватно познать предметы, как они *действительно существуют*, средствами нашей мысли (для той эпохи это значит: средствами математики, геометрии и математической физики). Неразрешимая дилемма возникает тут, в философском смысле, оттого, что в опыте не может быть найдено гносеологическое основание для аподиктической значимости математических истин, ибо опыт мог бы дать только сравнительную всеобщность. Мысленная необходимость этих истин простекает из того, что субъект познания сам „производит“ или „порождает“ возможные формы и условия познаваемости; аподиктичность подобных суждений основана, следовательно, на том, что они относятся к некоторой „умопостигаемой“ (интеллигибельной) материи, к материи априорной (стр. 83). Но не ставятся ли тем самым эти суждения под угрозу исключительной субъективности? А если нет, то как может быть гносеологически обоснована их объективность? Имена Юма и Лейбница означают в истории этой проблемы два крайних полюса. Ибо одно из двух: или самим предметам, их объективной предметной структуре, приписывается, исконная форма математичности, как объективная форма их бытия (догматизм, Лейбниц), или же все формы „человеческого“ познания сводятся к чисто субъективным факторам — привычке и т. д. (скептицизм Юма). Кант пытается уклониться от этой дилеммы двумя способами. С одной стороны, он отрицает всякую познаваемость чисто объективной предметности (вещь в себе) и старается обосновать новую объективность — для мира явлений, формы которого „порождаются“ субъектом познания. А, с другой стороны и в теснейшей связи с этим, он исходит из „факта“ приложимости математических истин к единственно данной нам объективной действительности эмпирического мира (из факта ньютоновской астро-

номии) и пытается только дать гносеологическое оправдание этому факту. Компромиссность этого решения обнаруживается в той функции, которую выполняет в системе Канта вещь в себе. С одной стороны, она изгоняется из области объективного познания, с другой—вводится в нее обратно в качестве предпосылки реального, материального субстрата явлений („чувственность“, как результат воздействия вещи в себе на я.). Так возникает очень сложный догматизм. „Факт“ науки просто берется, а не выводится и не раскрывается в своей логической необходимости. Отношение форм рассудка, порождающих предметность, к чувственности остается в конечном счете неразъясненной, и, следовательно, приложимость категорий к эмпирической действительности попрежнему представляется проблематической. Все усилия Маймона направлены поэтому в первую очередь на то, чтобы изъять из философии понятие вещи в себе. В этом отношении он на самом деле является предшественником абсолютного идеализма, задача которого может быть вкратце выражена так: найти субъект, „порождающий“ всю действительность, и, таким образом, сделать для *всей области знания* то, что Кант стремился сделать для гносеологического обоснования ньютоновской физики. О проблемах идеалистического умознания, на путь которого немецкую философию направил Фихте, мы здесь не будем говорить, тем более что идеи Маймона связаны с Фихте только в одном этом пункте, т. е. только в критике кантовой вещи в себе. Резко отмежевываясь от Канта, Маймон называет себя рациональным догматиком и эмпирическим скептиком (стр. 41, 267). Это значит, что он освобождает объективную значимость рационального познания, т. е. математики, от ее кантовской связанности с „чувственностью“ и вырабатывает такое понятие математической истины, в котором намечены все мотивы новейшей математики, начиная с абсолютной геометрии (стр. 375). Тут он является соединительным звеном между *ars combinatória* Лейбница и современной математической логикой типа Рассела и Кутюра. Но зато приложимость этих априорно-аподиктических истин к эмпирическому миру он считает чем-то таким, чему не может быть дано чисто логическое обоснование и что поэтому навсегда должно остаться проблематичным и только прагматическим. В этом—юмовская тенденция его мышления, сближающая его с Пуанкаре, Дюгемом и т. д. О чрезвычайно интересных отдельных теориях Маймона (принцип определяемости, дифференциалы чувственности и т. д.), мы здесь не можем говорить. Для нашей настоящей цели достаточно этой беглой характеристики своеобразной позиции Маймона в ее историческом значении.

Для истории новейшей философии крайне важно уяснить себе все эти проблемы в их внутренней связи. Ибо только тогда, когда мы поймем, что вся история философии за период развития капитализма выработала единое и вполне своеобразное понятие истины и познания, варьирующее по форме, но неизменно сохраняющее некоторые типические черты,—только тогда мы будем в состоянии вывести все это мышление из общественного.

бытия капиталистического периода. Только тогда мы сумеем понять историю этой философии, обнаружив связь между математизированно-абстрактным понятием познания и его отношением к действительности, с одной стороны, и капиталистической структурой товарного хозяйства и ее отношением к общественному бытию—с другой. Возможно более подробное и точное установление „фактического состава“ соответствующих философских идей для этой цели безусловно необходимо. И с этой точки зрения строго продуманная и ясно написанная книга Кунце, хотя сама она даже и не затрагивает этой подлинно исторической проблемы, все же представляет собою весьма серьезный вклад в науку.

ГЕОРГ ЛУНАЧ (Вена).

Wilhelm Diltheys gesammelte Schriften. (Том I. Введение в науку о духе. Том II. Мирозерцание и анализ человека со времени возрождения и реформации. Том IV. История юности Гегеля и т. д.—Тейбнер, Лейпциг, 1913, 1920, 1922 гг.)

В судьбе сочинений Дильтея отразилось одно интересное социологическое явление, обычное в истории наук. Мы имеем в виду то обстоятельство, что между моментом, когда производится определенная научная работа и фиксируются ее идейные результаты, и тем моментом, когда эти результаты проникают в широкие круги и начинают оказывать заметное влияние, часто протекает значительный промежуток времени. Научная деятельность Дильтея обнимает период от 60 годов прошлого века, когда появились его первые крупные статьи по истории литературы и философии, до конца первого десятилетия настоящего века, когда был опубликован большой труд его старости, посвященный „Истории юности Гегеля“, а также его заключительные работы по методологии исторических наук. Однако, влияние Дильтея как на историческую науку, так и на широкие круги читателей обнаружилось сколько-нибудь заметно только в течение последних десяти лет. Это объясняется не столько тем, что Дильтея, по привычке немецких ученых, печатал свои лучшие статьи в мало-доступных изданиях Прусской академии наук, сколько тем, что попытка Дильтея понять и изложить исторически все науки о духе, в том числе и науку об обществе, должна была сначала натолкнуться на полное непонимание. Ибо как раз во второй половине XIX века в буржуазных науках о духе очень резко обнаружился уклон к отысканию для всей области духовной жизни таких же „вечных“, „вневременных“ закономерностей, какие буржуазная экономика пыталась установить для хозяйственного производства. За так называемым естественно-научным обоснованием наук о духе (Бокль, Тэн, Спенсер), которое не имело ничего общего с действительным естествознанием и могло заимствовать у него только поверхностные аналогии, скрывалось глубокое инстинктивное отвращение буржуазной мысли от исто-

рического понимания вещей. При таких условиях Дильтей — хотя он и сам не был вполне свободен от этого влияния — должен был казаться непрощенной помехой.

Труд жизни Дильтея состоял из непрекращающихся попыток овладеть систематически и исторически проблемой наук о духе, под которыми он разумеет то, что марксизм называет историческими науками об обществе (причем, однако, для Дильтея центр тяжести лежит в идеологической сфере). В систематическом отношении он стремился к тому, чтобы понять методы наук о духе с точки зрения *углубленной психологии*. Мы здесь не будем касаться его методологических работ — как потому, что важнейшие этюды, в которых он изложил свою методологию в законченной форме, еще не вошли в появившиеся до сих пор томы полного собрания его сочинений, так и потому, что для характеристики места, занимаемого Дильтеем в современной науке, они имеют несравненно меньше значения, чем его конкретные исторические исследования.

Обратимся к этим исследованиям. Дильтей ставит себе в них следующую задачу: мысленно охватить непрерывное развитие европейского духа, от первых начатков мифологических представлений вплоть до форм научного и философского мышления в XIX веке. В противоположность ограниченному специализму официальных немецких историков литературы, религии, философии и т. д., Дильтей стремился к синтетической истории духа. В этом понятии синтетической истории воскресает универсально-историческая тенденция гегелевой философии; но при этом конкретное содержание понятия претерпело полнейшее изменение.

Дильтеесово понимание истории духа не имеет ничего общего, по крайней мере по замыслу, с метафизической философией истории. Понятие духа сводится у него к тем содержательным формам сознания, которые объективировались в законах, письменных памятниках, творениях научной и художественной мысли, и которые должны быть истолкованы со стороны своего смысла. Единственно, что осталось от внутренне единого развития гегелева мирового духа, это — принцип *непрерывности* в развитии европейского искусства, религии, философии и науки. Окончательно порвав с идеей необходимой постепенной последовательности в духовном развитии, Дильтей жертвует величественным единством гегелева мировоззрения ради конкретно-реалистического исследования этого развития. Труд жизни Дильтея, как историка, состоит из ряда отдельных исследований, в которых непрерывность духовного развития изображается в продольных и поперечных разрезах.

Решающим фактом в истории нового европейского духа является, по Дильтею, возникновение *науки*. Общий ход развития начинается с мифологической картины мира, которая в античный период сменяется метафизически-религиозным мировоззрением. Это метафизически-религиозное понимание мира разлагается к концу средних веков, а в эпоху возрождения и реформации вытесняется

современным научным мышлением. Этот обширный процесс изображается Дильтеем в „Введении в науки о духе“ и во II томе собрания сочинений. В истории возникновения греческого естествознания связь между философией, религией и наукой становится особенно ясной. Но в связи между этим нарождающимся новым мировоззрением и общим состоянием общества Дильтей не полонел. Уже тут, наряду с его силой, сказывается и характерная ограниченность его духовного кругозора. Правда, для него духовное развитие уже не метафизический процесс самораскрытия мирового духа, но все-таки оно остается имманентным идеологическим процессом. Он неподражаем в историческом изображении таких процессов, как возникновение греческой науки, с ее попытками освободить научную мысль от метафизических предпосылок и вытекающими отсюда противоречиями и конфликтами мысли. Но так как Дильтей не доходит в своем изложении до общественных корней этого процесса, то развитие науки превращается у него в автономный процесс в сфере сознания. Метафизическая действительность гегелевой идеи продолжает жить в ослабленной и обесцвеченной форме — в форме допущения автономии духовной жизни. Правда, Дильтей все время пытается связать свою тему с общественным процессом в целом. Он был слишком замечательным историком, чтобы не почувствовать недостаточность чисто идеологической точки зрения. Но в круг рассмотрения вовлекаются, самое большее, формы государственной жизни: материальное производство игнорируется совершенно.

Те же самые достоинства и недостатки повторяются и в позднейших исследованиях Дильтея, вошедших во II том собрания сочинений под заглавием: „Мирозерцание и анализ человека со времени возрождения и реформации“. В этих обширных работах собран изумительно богатый материал, который правильнее всего может быть обозначен, как история источников современной философии, религии и исторической науки. Руководящей методической нитью является при этом, как сказано, принцип непрерывности. Со стороны содержания главной темой служат развитие современного исторического мировоззрения в историографии и в отдельных науках о духе, другими словами — история идеологических наук. Дильтей показывает, как антично-средневековая метафизика субстанциальных форм и обусловленное ею понимание истории постепенно разлагается, уступая место нарождающимся частным наукам, как эти последние овладевают при помощи аналитически-расчленяющего метода миром человеческого сознания и вскрывают его закономерности, и как, наконец, в XVII веке они объединяются в естественную систему наук о духе. Параллельно с процессом возникновения современного естествознания и естественно-научной картины мира совершается процесс развития рационализма и в области исторических наук об обществе.

Особенную виртуозность проявляет Дильтей в обработке истории религиозных догматов. В процессе образования есте-

ственной системы наук о духе центральное место занимает *библейская критика* нового времени. Ее значение для наук о духе заключается в том, что она применила к Библии, на которую до того смотрели, как на сверхъестественное, т.-е. сверхчеловеческое творение, те же исторические, логические и психологические критерии, которые имеют силу для всякого письменного памятника, как создания человеческого духа. Дильтей показывает революционную роль филологии, в какой она выступает в период зарождения протестантского богословия—впрочем, и здесь не связывая ее с общественно-революционной ролью первоначального протестантизма. Нельзя без величайшего наслаждения следить за этой историей новейшей критической истории религии по собранному Дильтеем превосходному материалу. Периоды зарождения, история первых начатков,—вот что вообще интересует Дильтея по преимуществу. В своих исследованиях он большей частью не успевал дойти до тех стадий, когда отдельные учения выливаются в законченную форму. Его изложение Спинозы останавливается перед „Этикой“, его „Жизнь Шлейермахера“ не пошла дальше первого тома, а его „История юности Гегеля“ представляет собою первую часть задуманного обширного труда по философии Гегеля.

В выработке современного исторического мировоззрения важное место принадлежит *антропологии*. Под последней Дильтей понимает не антропологию в нынешнем узком значении этого понятия, а такой метод исследования, который, опираясь на конкретный анализ исторически данного человека, стремится определить законы его бытия. В этом смысле он прослеживает историю зарождения антропологии в XVI и XVII веке. Что касается XVIII века, то тут он ограничился более узкой областью, дав только очерк историографии и истории религии в этом веке. Здесь главнейшей заслугой Дильтея может считаться разрушение того широко распространенного ложного взгляда, разделявшегося и Гегелем, будто рационализм XVIII века мыслил человека совершенно внеисторически. Дильтей показывает, наоборот, какое громадное количество конкретного исторического материала было извлечено на свет как раз в те времена рационалистической критикой Библии и историческими науками вообще.

Но как раз на истории антропологии видно яснее всего, как недостаточна и поневоле поверхностна такая совершенно автономная обработка истории идей. Правда, Дильтей заявляет, что нужно писать не историю абстрактного разума, а историю живых людей из „плоти и крови“, и тем знаменательно сближается с исходным пунктом исторического материализма. Но он берет этих людей не как членов общества, их бытие понимается им, как только *субъективно-психологическое*, а не как общественное. Он не видит, что, будучи оторвана от условий общественного производства, история идей неизбежно останется абстрактной даже и тогда, когда она рассматривается, как история живых человеческих мыслей и желаний, а не как раскрытие метафизической идеи. История антропологии, т.-е. первых попыток анали-

тического расчленения человеческой истории, повелительно требует обращения к общественно-историческим условиям времени. Но как раз производственные отношения лежат за пределами его кругозора. В этом, бесспорно, глубочайшая, им самим так и не осознанная причина того, что при попытке дать последний синтез своих исследований он всякий раз неизбежно терпел крушение. Недаром он перед своей смертью назвал свои труды грудой развалин.

Но среди этих развалин есть целые части, которые могут быть использованы как материал при построении всеобъемлющего историко-материалистического мировоззрения. Труды Дильтея означают вершинную точку в развитии буржуазной истории идей. (Религиозно-социологические исследования Макса Вебера, несмотря на всю его полемику против исторического материализма, находятся уже под решающим влиянием Маркса и, следовательно, знаменуют собою кризис классических буржуазных наук о духе,—кризис, который у Дильтея еще не получил сознательной формы). В пределах автономной истории идей он сделал для объединения, для установления внутренней связи между различными идеологическими областями гораздо больше, чем ограниченные специалисты-историки его поколения. Как в Гегеле происходит завершение и именно поэтому самоупражнение метафизической истории, так в Дильтее достигает своего завершения „чистая“ история духа. И в нем же она идет навстречу своему самоупраждению, потому что, сам того не желая, он яснее всех показывает, как такая обработка истории должна либо оставаться при одном только описании, либо прибегать к скрытым метафизическим предпосылкам. Подробный анализ произведений Дильтея показал бы, как две эти тенденции все время борются друг с другом в его мышлении.

Для духовного состояния нынешней Германии весьма характерно, что, будучи современником Маркса и Энгельса, Дильтей очевидно, даже и не знал их сочинений. И если он все-таки понял, как это неоспоримо явствует из разных мест его книг, что причиной утраты человечности и уничтожения всяких душевно-духовных отношений между личностями является капитализм, то это свидетельствует о необычайной проницательности его исторического зрения и выгодно отличает его и с этой стороны от подавляющего большинства буржуазных историков современной Германии.

АДАЛЬБЕРТ ФОГАРАСИ (Вена).

Редакционная коллегия:

Н. И. Бухарин, В. П. Милютин, М. Н. Покровский, Е. А. Преображенский, Ф. А. Ротштейн.

ОПЫТ УКАЗАТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ
ПАРТИИ НАРОДНОЙ ВОЛИ.

Настоящий указатель не может претендовать на исчерпывающую полноту, т. к. использована далеко не вся литература, которая могла бы дать материал для изучения истории партии Народной Воли. Обследованы пока, кроме ряда книг и брошюр, только следующие повременные издания:

Народная Воля—НВ.
Вестник Народн. Воли—ВНВ.
Былое—загр. и русск.—БЛ.
Голос Минувшего—ГМ.
Минувшие Годы—МГ.
Русское Богатство—РБ.
Русские Записки—РЗ.
Заветы—ЗВ.
Вестник Европы—ВЕ.

Русская Мысль—РМ.
Современная Жизнь—СЖ.
Историко-Революц. Бюлет.—ИРБ.
Пролетарская революция—ПР.
Красная Летопись—КЛ.
Историко-Революц. Вестник—ИРВ.
Музей Революции—МР.
Северн. Записки—СЗ.

Совершенно неиспользованными остались газеты того времени. Из книгохранилищ Москвы обследовано только одно: библиотека Социалистической Академии. В дальнейшем предполагается дополнить и расширить указатель. Теперь же он выпускается в этом неполном виде, как первый опыт собрать и систематизировать рассеянный по разным изданиям материал.

М. Дрей.

НАРОДНАЯ ВОЛЯ.

1879—1889.

I. Возникновение партии Нар. Воли. Съезды—Липецкий и Воронежский. Первый период партии Народной Воли.

1. Аптекман, О. Черный Передел [настроение землевольца перед возникновением Народной Воли]¹⁾. Памятники агитационной литературы. Т. I. Черный Передел. Госиздат. П. М. 1923 г., стр. 80—103.
2. Его же. „Земля и Воля“ 70-х годов. Русская Историч. Библиотека № 19. Изд. А. Сурат, стр. 198—223.
3. Богучарский, В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х г. г. XIX в. Изд. „Русская Мысль“. М. 1912 г., стр. 1—49.
4. Bienstock, I. W. Histoire du mouvement revolutionnaire en Russie. Paris. 1920 г., стр. 212—276.
5. Гал-ский, Б. Б. Революционный период русской истории. Изд. „Новое время“. П. 1913 г., стр. 327—546.
6. Гринберг-Коп, Хр. Эпизод из жизни народолюбцев. ПР. 1922, 7, стр. 241—243.
7. Иохельсон, В. И. Первые дни Народной Воли. Издат. Музей Революции. II. 1922 г.
8. Kulczycki, L. Geschichte der Russischen Revolution. Gotha. 1911. В. II, стр. 281—405.
9. Морозов, Н. Отголоски давних дней. БЛ. 1907, 10, стр. 241—245.
10. Его же. Возникновение Народной Воли. (Из воспоминаний о Липецком и Воронежском съездах). БЛ. 1906, 12, стр. 1—21.
11. Его же. Липецкий съезд (17—VI—79). Календарь русской революции. Ред. В. Бурцева. Издат. Шипсвик. П. 1917 г., стр. 165—168.
12. Никодеев-Бергин, Н. М. Борьба за свободу. Невское издат. 1922 г., стр. 21—32.
13. Попов, М. Р. „Земля и Воля“ накануне Воронежского съезда. БЛ. 1906, 8, стр. 13—43.
14. Его же. По поводу заметки Морозова „Отголоски минувших дней“. Наша страна. Истор. Сборн. П. 1907 г., стр. 399—400.
15. Памятников, К. А. Развитие социалистических идей в России. Харьков. 1918, стр. 176—194.
16. Полонский, Л. Письмо в редакцию [по поводу ст. Богучарского „Из истории политической борьбы 80-х год.“]. РМ. 1910, 11, стр. 199.
17. Попов, М. Из моего революционного прошлого. БЛ. 1907, 7, стр. 272—277.
18. Его же. Из моего прошлого. МГ. 1908, 2, стр. 170—186.
19. Русанов, Н. С. Идеинные основы Народной Воли. БЛ. 1907, 9, стр. 37—76.
20. Сельский, Е. По пути к свободе. М. 1907, стр. 63—75.
По пути к свободе. М. 1918, стр. 52—60.
21. Святиков, С. Г. Общественное движение в России. Издат. „Донская Речь“, ч. II, стр. 86—148.
22. „Свод показаний“, данных некоторыми из арестованных по делу о государственн. преступлениях. БЛ. 1907, 8, стр. 117—119.
23. Совет министров 8 марта 1881 г. Рассказ графа Лорис-Меликова В. А. Бильбасову. Из дневника В. А. Бильбасова. БЛ. 1918, 4—5, стр. 187—193.
24. Tichomirov, L. La Russie politique et sociale. Paris. 1886, стр. 265—539.
25. Тум, А. История революционного движения в России. Госиздат. П. 1920 г., стр. 146—191.
То же под редакцией Шишко. П. 1917 г., стр. 149—184.
26. Фигнер, В. Запечатленный труд. М. 1922 г. Ч. I, стр. 124—143.
27. Фроленко, М. Липецкий и Воронежский съезды. БЛ. 1907, 1, стр. 67—86.
28. Его же. Комментарий к статье Н. А. Морозова „Возникновение Народн. Воли“. БЛ. 1906, 12, стр. 22—33.

¹⁾ Прим. В квадратных скобках помещены краткие инвентари.

У. Народолюбцы и

А. Крестьяне

1. Нудряшов. Из деревни. Литература партии Народн. Воли. П. 1907 г. В. I, стр. 222—226.
То же. Париж, 1905, стр. 357—363.
2. Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому. 2/II—1881 г. Литература партии НВ. Ред. Б. Базилевск. П. 1907 г. В. II, стр. 302—303.
То же. Париж, 1905, стр. 900—901.

Б. Рабочие.

1. Алесандров, М. „Группа народолюбцев“ [1891—1894]. БЛ. 1906, 11, стр. 6—13.
2. Богучарский, В. А. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. Изд. „Русская Мысль“. М. 1912 г., стр. 124—142.
3. Воинов, Н. Народолюбческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г. БЛ. 1906, 2, стр. 175—182.
4. Дело о преступной пропаганде в среде СПб ских рабочих (1881 г.). БЛ. 1907, 1, стр. 288—294.
5. [О прокламации „русскому рабочему народу“ 26/XI—1881 г.] Хроника социалистического движения в России. 1878—1887. официал. отчет. Изд. Саблина. М. 1907, стр. 205.
6. От рабочих—членов партии Народн. Воли. 5—XI—1880 г. [По поводу казни Квятковского и Преснякова]. Лит. партии НВ. Ред. Базилевск. П. 1907, в. II, стр. 300—301.
То же. Париж, 1905 г., стр. 896—897.
7. От рабочих—членов партии Народн. Воли [По поводу убийства Александра II]. Лит. партии НВ. Ред. Базилевск., Париж, 1905, стр. 899—900.
8. Паниратов, В. Из деятельности среди рабочих в 1880—1884 г. Изд. „Молодая Россия“. М. 1906.
То же. БЛ. 1905, 3, стр. 236—257.
9. Программа рабочих—членов партии Народн. Воли. Литерат. партии НВ. Ред. Базилевск. П. 1907 В. II, стр. 259—295.
То же. Париж 1905 г., стр. 878—886. БЛ. 1903, № 3 тип. с.-р., стр. 191—198.

10. Пропаганда среди рабочих в Ростове-на-Дону в 1882—84 г.г. БЛ. типогр. с.-р. 1904 г. № 4, стр. 13—20.
11. Рабочая Газета № 1 15—XII—1880 г. и Приложение к № 1 „Раб. Газеты“. Лит. партии НВ. Ред. Базилевск. П. 1907 г. В. II, стр. 250—260.
То же. Париж, 1905, стр. 836—851.
12. Рабочая Газета № 2, 27—1—1881 г. Лит. партии НВ. Ред. Базилевск. В II, П. 1907, стр. 261—267.
То же. Париж, 1905 г., стр. 852—861.
13. Русскому рабочему народу, 24—VIII—1881. Комитет Народной Воли. Лит. партии НВ. Ред. Базилевск. П. 1907 г. В. II, стр. 308—310.
То же. Париж, 1905, стр. 912—915.

В. Студенты.

1. Беспорядки на анте в С.-П.-ком университете и „Сабуровская история“ — Глинский, Б. Революц. пер. русск. ист., изд. Суворина. П. 1913 г., стр. 454—458.
2. Богучарский, В. Я. Из истории политической борьбы 70-х и 80-х гг. XIX в., изд. „Русская Мысль“. М. 1912 г., стр. 165—178.
3. Брагинский, М. „Добролюбовская“ демонстрация (17—XI—1886 г.) По личным воспоминаниям.—„БЛ“. 1907, 5, стр. 306—309.
4. Валинский. Университетские дела. Лит. партии НВ. Ред. Базилевск. П. 1907. В. I, стр. 84—86.
5. К русскому юношеству. От Центрального Кружка Союза Молодежи партии Народной Воли I—II—1884 г. Лит. партии НВ. Ред. Б. Базилевского. П. 1907. В. II, стр. 332—335.
То же. Париж, 1905 г., стр. 954—960.
6. Л. С. Воспоминания студента-солдата. БЛ. 1906, 5, стр. 163—184.
7. Лукашевич, И. Воспоминания о деле 1-го марта 1887 г [Добролюбовская демонстрация 17—XI—1886 г.]—БЛ. 1917, 1, стр. 28—29.
8. От Киевской организации партии Народной Воли, 22—XI—1882 г. Литература партии НВ. Ред. Базилевского. П. 1907 г. В. II, стр. 312—313.
То же. Париж, 1905 г., стр. 923—924.
9. От Центрального кружка СПб. Университета, к студентам, 25—X—1881 г.

То же. 18—II—1882 г. Лит. партии НВ. Ред. Базилевского, П. 1907 г. В. II, стр. 310—312.

То же. Париж, 1905 г., стр. 920—923.

10. Поляков, А. С. „Второе 1-е марта“—Г. М. 1918, 10—12, стр. 252. [Добролюбовская демонстрация].

11. Последние события в университете. [Студенческие волнения в С.П.Б. университете, 8—II—1881 г.]—Литература партии НВ. Ред. Базилевск. П. 1907 г. В. I, стр. 233—235.

То же. Париж, 1905, стр. 274—377.

12. Студенческие волнения. В апреле и марте 1881 г. в Москве. БЛ. Лондон, № 1, стр. 43—44.

13. Тихомиров, Л. Как живет в России. (Из общественной хроники). ВНВ, Женева, 1885 г., № 4, стр. 155—184.

Г. Военные.

1. Ашенбреннер, М. Военная организация партии Народной Воли. БЛ. 1906, 7, стр. 4—24.
2. Богучарский, В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. Изд. „Русская Мысль“, М. 1912, стр. 142—165.
3. Документы и истории революционного движения в армии. ВНВ, Женева, 1886 г. № 5, стр. 127—136.
4. Иванов, С. К характеристике обществен. настроений в России в начале 80-х гг. БЛ, 1907, 9, стр. 193—202.
5. Исполнительный Комитет—офицерам Русской армии 24—VIII—1881 г. Лит. партии НВ. Ред. Базилевск. Париж, 1905, стр. 908—912.
6. К истории народолюбческого движения среди военных в начале 80-х гг. БЛ. 1906, 8, стр. 158—187.
7. №№ из воспоминаний о Н. Е. Суханове. ВНВ, Женева, 1886, № 5, стр. 61—81.
8. Программа военно-революционной организации. Литер. партии НВ. Ред. Базилевск. П. 1907. В. II, стр. 295—298.
То же. Париж, 1905, стр. 886—891.
9. Программа военно-революционной организации. Литер. партии НВ. Ред. Базилевск. П. 1907 г. В. II, стр. 295—298.

То же. Париж, 1905, стр. 886—891.

10. Серебряков, Э. Революционеры во флоте. БЛ. 1907, 4, стр. 96—129.

11. Славному казачеству войска Донского, Уральского, Оренбургского, Кубанского Терского, Астраханского, Сибирского и иных войск. От Исполнительного Комитета НВ. Объявление (3—XI—1881 г.) Литература партии НВ. Ред. Базилевск. Париж, 1905 г., стр. 915—920.

12. 1881 г. [По поводу прокламации „К офицерам русской армии“ 24—VIII—1881 г.] Хроника социалист. движ. в России. 1878—1887 г. Офиц. отчет. Изд. Саблина, М. 1907, стр. 205.

13. 1883 г. [О военных]. Хроника социалист. движения в России. 1878—1887, официал. отчет. Изд. Саблина. М. 1907, стр. 233—237.

14. Фигнер, В. Запечатленный труд. М. 1922. Ч. I, стр. 234—238.

15. Ее же. Из истории Народной Воли после 1-го марта 1881 г. ГМ, 1919, 5—12, стр. 40—56.

16. Ее же. Запечатленный труд, М. 1922. Ч. I, стр. 173—187.

Д. Евреи.

1. Богучарский, В. Я. Из истории политической борьбы 70-х и 80-х гг. XIX в. Изд. „Русская Мысль“ М. 1912 г., стр. 218—230.
2. Внутреннее обозрение. (Народная Воля № 6, 1881 г.)—Литература партии НВ. П. 1907. В. I, стр. 266—275.
То же. Париж, 1905, стр. 425—439.
3. [Жебунев, В. А.]. Из деревни. Литература партии НВ. Ред. Базилевск. П. 1907 г. В. I, стр. 242—247.
То же. Париж, 1905, стр. 388—396.
4. Ильяшович, М. Что делать евреям в России? ВНВ, 1886 г., № 5, Женева, стр. 83—126.
5. [По поводу прокламации 30—VIII—1881 г. О еврейских погромах].—Хроника социалистического движ. 1878—1887. Офиц. отч. Изд. Саблина. М. 1907 г., стр. 205.
6. По поводу еврейских беспорядков. Литература партии НВ. Ред. Базилевск. П. 1907. В. II, стр. 108—110.
То же. Париж, 1905, стр. 622—626.

С.

- Саратовец** [Майнов, И. И.]. Саратовский семидесятник П. С. Поливанов. МГ. 1908. 1, 3, 4.
- Светилов, С.** Общественное движение в России. Изд. Донская Речь. Суд показаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях. БЛ. 1907, 8.
- Сельский, Е.** По пути к свободе. М. 1907 и М. 1918 г.
- Семеновский, В.** У могилы П. Ф. Якубовича. РБ. 1911, 4.
- Семенов, П.** Из воспоминаний об А. И. Желябове. БЛ. 1906, 4.
- Серебряков, Э.** Революционеры во флоте. БЛ. 1907, 4.
- Слонимский, Л.** Лекция В. С. Соловьева по поводу 1-го марта 1881 г. БЛ. 1907, 3.
- Совет министров 8-го марта 1881 г.** Рассказ гр. Лорис-Меликова В. А. Бильбасову. С введением барона Б. Э. Нольде. БЛ. 1918, 4—5.
- Спандон, А.** Страницка из воспоминаний. БЛ. 1906, 5.
- Степлов, Ю. М.** Степан Халтурин. (1857—1882). Госиздат. П. и М. 1923.
- Столянский, П. Н.** Старый Петербург—колыбель русской свободы. Госиздат 1922 г.
- Студенческие волнения в апреле и марте 1881 г. в Москве.** БЛ. Лондон, № 1.
- Суд и казнь первомартовцев.** БЛ. 1918, 4—5.
- Суд над преступниками 1-го марта 1881 г.** Полный отчет в офиц. редакц. М. 1881 г.
- Т.
- Там** [Богораз]. Повести прошлой жизни. РБ. 1907, 9, 10.
- Тарасов, К.** Политические и экономические факторы в жизни народов. ВНВ. Женева. 1884, № 2.
- Торшиков, Н.** Московская молодежь 80-х гг. и Сергей Зубатов. МГ. 1908, 5.
- Тихомиров, Л.** Как живет в России. ВНВ. Женева. 1885, № 4.
- Его же.** Киевский процесс. Обвинительный акт. ВНВ. 1886, № 5.
- Его же.** Памяти честно погибших. ВНВ. Женева. 1885, № 4.
- Его же.** Современные приемы политической борьбы в России. ВНВ. Женева. 1884, № 2.
- Его же.** Чего нам ждать от революции. ВНВ. Женева, 1884, № 2.

- Его же.** В мире мерзости запустения. ВНВ. Женева, 1884, № 2.
- Tikhomirov L.** La Russie politique et sociale. Paris. 1886.
- [Торашев, П.]** Надин, П. Стрельниковский процесс. 1883 г. в Одессе. БЛ. 1906, 4.
- Его же.** Стрельниковский процесс. (Воспоминания народовольца) СЗ. 1914, 6.
- Тригони, М. Н.** Из воспоминаний об Алексеевском равелине. МГ. 1908, 4.
- Его же.** Мой арест в 1881 г. БЛ. 1906, 3.
- Его же.** После Шлиссельбурга. БЛ. 1906, 9.
- Т.** Судьба первомартовцев. БЛ. 1918, 4—5.
- Тун, А.** История революционного движения в России. Госиздат. П. 1920 г. То же под ред. Шишко, П. 1917 г.
- Тырнов, А.** К событиям 1-го марта 1881 г. БЛ. 1906, 5.
- Его же.** К событию 1-го марта 1881 г. Изд. Донск. Речь. Русск. истор. биб-ка, № 18.
- Тютчев, Н.** Знание у Цепного моста. БЛ. 1918, 4—5.
- Его же.** К характеристике Я. В. Стефановича. БЛ. 1921, 16.
- Его же.** Судьба Ивана Окладского. БЛ. 1918, 4—5.

У.

- Убийство царя-освободителя. М. 1881 г.** Устав местной центральной группы Народной Воли. БЛ. 1906, 12.

Ф.

- Фалеев, Н. И.** Россия под охраной. БЛ. 1907, 10.
- Фигнер, В.** Без приюта. РБ. 1908, 9.
- Ее же.** Григорий Прокофьевич Исачев. ГМ. 1917, 9—10.
- Ее же.** Две встречи. РБ. 1910, 12.
- Ее же.** Запечатленный труд. М. 1922 г.
- Ее же.** Из автобиографии В. Фигнер. БЛ. 1917, 3.
- Ее же.** Из истории Народной Воли после 1-го марта 1881 г. ГМ. 1919, 5—12.
- Ее же.** Из политической жизни 80-х гг. РБ. 1912, 11.
- Ее же.** Михаил Николаевич Тригони. ГМ. 1917, 7—8.
- Ее же.** Михаил Федорович Грачевский. Г. М. 1916, 12.
- Ее же.** После Шлиссельбурга. [РВ]. РЗ. 1916, 12; 1917, 1, 2, 3.

- Ее же.** Софья Перовская. БЛ. 1918, 4—5.
- Ее же.** Шлиссельбургская узница Л. А. Волкенштейн. Изд. Молод. Рос. М. 1905. То же БЛ. 1906, 3.
- Ее же.** Шлиссельбургские узники. М. 1920 г.
- Фроленко, М.** Дополнительные сведения о процессе 20-ти. БЛ. 1906, 6.
- Его же.** Из далекого прошлого. (1872—1881). О минувшем. Истор. сб. П., 1909.
- Его же.** Как я был тюремным надзирателем. РБ. 1906, 5.
- Его же.** Комментарий к статье Н. А. Морозова „Возникновение Народной Воли“. БЛ. 1906, 12.
- Его же.** Липецкий и Воронежский съезды. БЛ. 1907, 1.
- Его же.** Милость. Из воспоминаний об Алексеевском равелине. БЛ. 1906, 2.
- Его же.** На воле. РБ. 1913, 5.
- Его же.** Побег Алеши Поповича. БЛ. 1906, 5.

Х.

- Халтурин, И.** Семейные воспоминания о Степане Халтурине. БЛ. 1921, 16.
- Хроника социалистического движения в России. 1878—1887.** Официальный отчет. Изд. Саблина. М. 1907.

Харьяков, А. Событие 1-го марта и Лев Николаевич Толстой. БЛ. 1906, 3.

Ц.

Zilliacus, K. Das revolutionäre Russland. Frankfurt a/M. 1905.

Ш.

Шабалин, М. Летучая типография Народной Воли в 1883 г. БЛ. 1907, 1.

Шишко, Л. Памяти дорогого друга. БЛ. 1906, 11.

Щ.

Щеголов, П. Из истории конституционных веяний в 1879—1881 гг. БЛ. 1906, 12.

Щеголов, П. Петр Сергеевич Поливанов в Омске. БЛ. 1907, 3.

Щеголов, П. После 1-го марта 1881 г. БЛ. 1907, 3.

Щеголов, П. Событие 1-го марта и Владимир Сергеевич Соловьев. БЛ. 1906, 3.

Я.

Якимов, А. Из прошлого (заметки по поводу книги В. Н. Фигнер „Запечатленный труд“). ИРВ. 1922, 1 (4).

Якубович, П. Памяти М. Р. Гоца. РБ. 1906, 10.

М. ДРЕЙ.

Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения в России.

(Продолжение *).

Крестьянское движение 1861—1900.

1. А-а-а. Из Одесской волости (Харьковского уезда). „День“, 1862, № 27, стр. 8—10. (Об отношении крестьян к реформе 19 февраля)
2. Авдеев. Из Оренбургской губ. „День“, 1861, № 10, стр. 10—12; № 11, стр. 12—14 (О настроении крестьян при проведении реформы).
3. Аграрные недоразумения. „Право“, 1900, № 40, стр. 1894—1895. (Саратовская губ., 1899 г.)
4. Адрес крестьян дер. Кузовина. „Летучие Листки“, изд. Фондом вольной русской прессы, 1895, № 19, стр. 4—5 (Адрес Николаю II от крестьян д. Кузовина, Тверской губ.)
5. Айзенберг. К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае. Арх. Ист. Тр., 1923, № 6—7, стр. 137—154. (Волнения горнозаводских крестьян в 1861—1864 гг.)
6. А. И. Из Могилева на Днепре, губернского „День“, 1861, № 8, стр. 10. (О крестьянских волнениях в связи с проведением реформы).
7. А. К. Из Рязанской губ. „Современная Летопись Русск. Вестн.“, 1861, № 47, стр. 7—10. (Настроение крестьян в связи с реформой).
8. А. Л. (Лазаревский). Отрывки из черниговских воспоминаний. „Киевск. Стар“, 1901, № 3, стр. 355—356, 361. (О настроении черниговских крестьян во время реформы. Есть отдельное издание, стр. 4—5, 34).
9. А. И. Прилуки (Полтавской губ.). „День“, 1862, № 50, стр. 15—16. (Настроение крестьян при проведении реформы 19 февраля).
10. Антипов. Четверть века назад. (Воспоминания степного помещика). „Ист. Гестник“, 1887, № 11, стр. 384, 388—390, 392—393; № 12, стр. 638—
- 643, 646—647. (Крестьянское движение в Харьковской и Екатеринославской губ. в связи с реформой).
11. Архангельский. Аграрное движение в Нижегородской губ., 1861—1906 гг. „Материалы по истории революционного движения“ под ред. Илларионова, т. IV, стр. 181—191. (60-е годы).
12. А-х. Царевщинские бунтовщики. „Рус. Стар“, 1908, № 3, стр. 553—562. (Волнение крестьян Самарской губ. в 60-х годах).
13. Б. Суджанский уезд, Курской губ. „День“, 1863, № 15, стр. 16. (Настроение крестьян при проведении реформы 19 февраля).
14. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XVIII, стр. 82—84 (О настроении Шереметевских крестьян после объявления „воли“).
15. Безвестный. Из дневника мирового посредника. 1861—1862. „Русск. Вестн.“, 1863, № 8, стр. 794—820. (Настроение крестьян в одной из Поволжских губерний при введении уставных грамот).
16. Благородный монарх услаивает своими пророчествами свой добрый народ. „Колокол“, 1861, № 116, стр. 971. (Речь Александра II волостным старшинам в Полтаве 15 августа 1861 г.)
17. Б. М. Ю. Из Калуги. („День“, 186), № 9, стр. 6—7. (Настроение крестьян при проведении реформы).
18. Богатуров. Обзор хода крестьянского дела в Нижегородской губ. „Нижегородский Сборник“ под ред. Гацкого, т. I, стр. 15—24, 30, 35, 42, 51—58, 65—66, 68—69, 74—82. (Крестьянское движение во время реформы).

19. Богучарский. Активное народничество 70-х годов, стр. 253—257. (Чиринское дело).

20. Бонч-Бруевич. Значение сектантства для России. „Жизнь“, 1902, № 1, стр. 296. (О крестьянском движении в Херсонской губ. 1861—62).

21. Бонч-Бруевич. Сектантство в освободительную эпоху. „Великая Реформа“, т. V, стр. 254, 263. (О крестьянском движении в Херсонской и Вятской губ. в связи с реформой).

22. Бородавская. Эпизод из истории крестьянских волнений. „Ист. Вестн.“, 1884, № 6, стр. 694—696. (Крестьянское движение в Пермской губ. в 1862 г.)

23. Бородин. Опыт применения пассивного сопротивления в 70-х годах. „Былое“, 1907, № 3, стр. 93—95. (Волнения средне-уральских казаков в 1874—75 гг. в связи с новым положением овиоинской повинности и об общественном хозяйственном управлении).

24. Борьба царского правительства с „буйством и своеволием крестьян“. „Рабочее Дело“, 1899, № 1, стр. 40—52. (Очерк крестьянского движения в XIX в., в частности в селе Люторичи, Тульской губ., 1880 г., в с. Гоголевка, Черниговской губ., 1887 г. и в Сухом Нарбулаке, Саратовской губ., 1891 г.)

25. Бочкарев. Очерки по истории революционного движения и борьбы с ним в Ярославском крае, 1860—1917. „Кат. и Ссыл.“, 1923, № 5, стр. 56—61. (Крестьянские волнения в Ярославской губ. в связи с реформой 19 февраля).

26. Броневский. Из записок мирового посредника былого времени. „Русск. Архив“, 1901, № 8, стр. 552—560. (Настроение крестьян Воронежской губ. при проведении реформы).

27. Бутурлин. 1861 год. Эпизод из истории калужского крестьянства. „Русск. Архив“, 1876, № 10, стр. 245—254. (Крестьянское движение в связи с реформой).

28. В. Неделя беспорядков в Могилевской губ. „Русск. Вестн.“, 1864, № 14, стр. 336—360. (Участие крестьян в борьбе с поляками-повстанцами в 1863 году).

29. Василенко. Первые шаги по введению Положения 19 февраля 1861 года в Черниговской губ. „Киевск.

Стар.“, 1901, № 3, стр. 410—423. (Крестьянское движение в связи с реформой).

30. Васильев. Из Нерехотского уезда. „День“, 1862, № 14, стр. 10. (О настроении крестьян при проведении реформы).

31. Верховский. История уставной грамоты Московской губ., Звенигородского уезда. „День“, 1861, № 11, стр. 14—16. (О настроении крестьян при проведении реформы).

32. В защиту помещика Ольхина. „Колокол“, 1861, № 105, стр. 883—884. (Волнение крестьян в вотчине Ольхина, Петербургской губ., 1861 г.)

33. Вместо внутреннего обозрения. „Народная Воля“, 1884, № 10. „Лит. Парт. Нар. Воли“, стр. 688, 690—693. (О крестьянском движении в Уфимской, Екатеринославской губ., Донской области и др.)

34. Внутреннее обозрение. „Листок Народной Воли“, 1880, № 3. „Лит. Парт. Нар. Воли“, под ред. Базилевского, Paris, 1905, стр. 270—278. (Крестьянское движение в Черниговской, Воронежской, Псковской, Ставропольской губ. и др.)

35. Внутреннее обозрение. „Народная Воля“, 1881, № 6. „Лит. Парт. Нар. Воли“, ред. Базилевского, Paris 1905, стр. 425—437. (Об участии крестьян в еврейских погромах в Киевской, Черниговской и Херсонской губ.)

36. Внутреннее обозрение. „Народная Воля“, 1885, № 11—12. „Лит. Парт. Нар. Воли“, стр. 764—765. (Волнения крестьян с. Дурноселовки, Кубанской обл.), стр. 774—775. (Настроение крестьянства), стр. 779—786. (Крестьянское движение в Воронежской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Курской, Самарской, Харьковской, Вятской, Калужской, Таврической губ. и Донской обл.)

37. Вологда. „День“, 1861, № 3, стр. 9—10. (О крестьянских беспорядках в Вологодской губ. в 1861 г.)

38. Воронов. Из Смоленской губ. „День“, 1862, № 42, стр. 11—12. (Об отношении крестьян к реформе).

39. Вс. Св. Накануне крестьянского движения. „Жизнь“, 1902, № 6, стр. 270—283. (Настроение крестьян Полтавской губ. в 90-х годах).

40. Выездная сессия Самарского окружного суда. „Право“, 1900, № 13, 14, 15, 16. (Стр. 685—697, 728—742, 778—

* См. кн. 3 и 4.

226. **Спротивление властям.** „Право“ 1899. № 25, стр. 1299—1305 (Дело о крестьянском волнении в с. Днепрорке Таврической губ. 1898—1899 гг.).
227. **Спротивление властям.** „Право“ 1901. № 8, стр. 441—442. (Дело о крестьянских беспорядках в д. Волково, Костромской губ. 1900).
228. **С.-Петербург, 1 марта.** „Черный Передел“. 1881. № 3. Памятн. агит. литературы. Т. 1. 1923, стр. 244—246. (О росте крестьянского движения в конце 70-х годов).
229. **Слушский.** Из воспоминаний православного священника на Воляни. 1863 год. „Рус. Арх“. 1893, № 9, стр. 91—99. (Участие крестьян в подавлении польского восстания).
230. **Стопнян-Крайчинский.** „Подпольная Россия“. Собр. сочинений. Часть II, стр. 34—38. (Чигиринское дело).
231. **С Тихого Дона.** „Черный Передел“. 1880. № 1. Памятн. агитац. литерат. Т. 1. 1923, стр. 169—173. (Волнения донских казаков в конце 70-х годов, по поводу введения земских учреждений).
232. **Страница из истории освобождения крестьян.** „Рус. Стар“. 1904. № 5, стр. 451—454. (Безднинское дело).
233. **Стрельбицкий.** Краткий очерк штурдизма и свод текстов, направленных к его обличению. Стр. 3—53, 171, 173—174, 191—192, 195, 206—207. (Краткий исторический очерк штурдизма и характеристика его социально-политической идеологии).
234. **Сухотин.** Из памятных тетрадей. „Рус. Арх.“. 1894, № 2, стр. 231—234. (О настроении крестьян и крестьянских волнениях в связи с реформой, в частности в Рязанской губ.).
235. **Танков.** Крестьянские волнения в Курской губ. в 1862 году. „Ист. Вестник“. 1890. № 8, стр. 343—379.
236. **Тихомиров.** Как живет в России. (Из общественной хроники) „Вестн. Нар. Воли“ 1884. № 2, внутр. обзор, стр. 152—162. (Крестьянское движение в Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Уфимской, Оренбургской, Бессарабской, Курской, Черниговской, Подольской губ.).
237. **Тихомиров.** Как живет в России. (Из общественной хроники) „Вестн. Нар. Воли“ 1885. № 4, внутр. обзор. Стр. 209—218. (Крестьянское движение в Уфимской губ. в начале 80-х годов).

238. **Толстой.** Записки. „Рус. Арх“. 1885. № 5, стр. 35. (О крестьянских волнениях в Воронежской губ. в 1861 г.).
239. **Т-ров.** Современная летопись „Русск. Слово“ 1861 № 5, отд. III, стр. 18—24. (Бездна).
240. **Трубиная.** Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского Т. 1, кн. 2, стр. 238—244, 248—250, 252—253, 256—257, 263—267, 278—285 289 304—305, 307—308, 374—375. (О крестьянском движении в Тульской, Рязанской и Самарской губ. в эпоху крестьянской реформы).
241. **Турст.** С юга. „Современн. Летопись Русск. Вестн.“. 1861, № 51, стр. 2—3. (Настроения крестьян Екатеринославской губ. при проведении реформы).
242. **Уоллес.** (Mackenzie Wallace). Russia. 1905. Vol. II, стр. 172—175. (Отношение крестьян к реформе 19 февр., в частности в Рязанской губ.).
243. **Успешное поступление доходов.** „Летучие листки“, изд. Фондом вольной русск. прессы 1894. № 5, стр. 1. (Столкновение крестьян с полицией в Пермской губ.).
244. **Уставные грамоты.** „Общее Вече“ 1862. № 7, стр. 44. (Статистические итоги).
245. **Ученико насилья скопником.** „Право“. 1900. № 5, стр. 289—301. (Крестьянские беспорядки в Минской губ. в 1897 и 1898 гг.).
246. **Фаресов.** Наша Ванда. „Рус. Стар“. 1900. № 3, стр. 689—692. (Волнение крестьян в Тверской губ. в 1881 г. на патристической почве).
247. **Фаресов.** Три политической системы. 1897. Стр. 170—171, 177—186. (О крестьянском движении в Астраханской, Симбирской и Казанской губ. в 60-х годах).
248. **Хроника.** „Право“. 1900. № 3, стр. 701. (Крестьянские беспорядки в Орловской губ. в 1898 г.).
249. **Хроника.** „Право“ 1900. № 24, стр. 1252—1253. (Столкновение крестьян с властями в Нижегородской губ. 1900 г.).
250. **Хроника.** „Право“. 1900. № 35, стр. 1726. (Об аграрном движении в Борисоглебском уезде, Тамбовской губ.).
251. **Хроника.** „Право“. 1900. № 40, стр. 1899—1900. (Дело о сопротивлении крестьян властям в Орловской губ. 1899 г.).

252. **Хроника.** „Право“. 1901. № 18, стр. 938—939. (Участие крестьян в антиеврейских беспорядках в Херсонской губ. 1899 г.).
253. **Хроника.** „Право“ 1901. № 20, стр. 1047. (Сопротивление крестьян полиции в Нижегородской губ.).
254. **Хроника.** „Право“. 1901 № 42, стр. 1838—1898. (Сведения о суде над участниками крестьянских беспорядков в дер. Пустоши Тверской губ.).
255. **Хроника уголовного суда.** „Юр. Вестн.“. 1881. № 1, стр. 135—139. (Крестьянское движение в Ставропольской губ. в 1880 г.).
256. **Худков.** Бунт в Канделевке в 1861 году. „Ист. Вестн.“. 1881. № 12, стр. 773—793.
257. **Циркуляр Мин. Внутр. Дел 2 декабря 1861 г.** относительно превратных толков крестьян о новых льготах. „Летопись сельского благоустройства“. Т. 1. 1861, стр. 548—549.
258. **Циркуляр Министра Внутренних дел.** „Листки Своб. Слова“, под ред. Чертова. 1899. № 8, стр. 21—23. (По поводу крестьянских беспорядков в южных и юго-восточных губ., в частности в Воронежской губ. Конеч 90-х годов).
259. **Цылов.** Сборник распоряжений гр. М. Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях (1863—1864). Стр. 67—70, 78—79, 104, 111—115, 121—122, 137—138, 164—167, 176—184, 191—192, 215—216, 228—231, 240—241, 287—289, 345—346, 378—382. (Об участии крестьян в восстании и в его подавлении).
260. **Ченцов.** Крестьянское дело. „Отеч. Зап.“. 1879. № 6, стр. 246—250. (Случай сопротивления властям крестьян Вятской губ. в 70-х гг.).
261. **Черный передел.** „Черный Передел“. 1880. № 1, памятн. агитац. литературы. Т. 1. 1923 стр. 107—111. (Настроение крестьян в конце 70-х гг.).
262. **Что делается на родине.** „С родины и на родину“. 1893. № 3, стр. 124—127. (Крестьянские волнения в Подтавской и Екатеринославской губ. и Донской области).
263. **Что у нас выдают за крестьянский бунт.** „Рабочее Дело“, 1899. № 2—3, стр. 42—44. (Самовольная запашка крестьянами помещичьей земли в Самарской губ. 1899 г.).

264. **Шаховской.** Из воспоминаний мирового посредника начала 80-х годов. „Ист. Вес.“ 1905. № 11, стр. 524—534. (О крестьянском движении в Киевской губ. в 80-х годах).
265. **Шляхотская Рукава в Васильковском уезде.** „Киевлянин“, 1867, №№ 114—120. (Участие крестьян в подавлении польского восстания в 1863 г.).
266. **Шопулов.** Во время реформ императора Александра II. „Рус. Стар.“. 1898. № 10, стр. 75—90. (Крестьянские волнения в Самарской губ.).
267. **Штрах.** Из эпохи освобождения крестьян. „Рус. Стар“. 1911. № 2, стр. 408—409. (Крестьянские волнения в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губ. в связи с реформой).
268. **Щ. М. Подолья.** „Основа“ 1862, № 4, стр. 96—97. (Настроение подольских крестьян во время реформы).
269. **Энгельгардт.** Из деревни. 12 писем. Стр. 551—565. (Настроение крестьянства в Смоленской губ. в 1877—1881 гг.).
270. **Ю-ов.** Экономический и нравственный быт балтийских крестьян. „Отеч. Зап.“. 1867, т. 172, стр. 645—653. (Проявление враждебного отношения балтийских крестьян к помещикам в 60-х годах).
271. **Якушин.** Два эпизода из эпохи освобождения крестьян. „Др. и Нов. Рос.“. 1877. № 3, стр. 304—307. (О крестьянском движении в связи с реформой в Костромской и Саратовской губ.).
272. **Якушин.** Бунты в России. Сочинения. Стр. 59—76. (О волнении крестьян в Астраханской губ. в 1870 г.).
273. **Якушин.** „Велик Бог земли русской“. Сочинения, стр. 8—42. (Настроение помещичьих крестьян в Орловской губ. в эпоху реформы). (Первоначально напечатано в „Современнике“ 1863, т. 94, стр. 5—34).
274. **Я. С. (Стефанович).** Чигиринское дело. „Черный Передел“. 1880. №№ 1, 2. Памят. агитац. литературы. Т. 1. 1923, стр. 141—156, 199—214.

Е. Мороховец.

(Продолжение следует).

ТАБЛИЦА

к указателю по истории крестьянского движения.

Уч. по порядку	ГУБЕРНИИ.	1861—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900
1.	Архангельская . . .	—	—	—	—
2.	Астраханская . . .	247.272.	—	—	—
3.	Бессарабская . . .	—	—	236.	—
4.	Виленская	117.259.	—	—	—
5.	Витебская	121.259	72.	—	—
6.	Владимирская . . .	83.206.213.	—	—	—
		214. . .	—	—	—
7.	Вологодская	37.	—	—	—
8.	Волынская	106a.131.132.	—	124.	—
		192.229.	—	—	—
9.	Воронежская	26.48.126.	34.102.	36.101.	225.258.
		238.	—	—	—
10.	Вятская	21.69.181a.	260.	36.	—
11.	Гродненская	80.129.215.	—	—	—
		259.	—	—	—
12.	Донская обл.	—	90.231.	33.36.	262.
13.	Екатеринославская.	10.241.267.	—	33.124.236.	262.
14.	Казанская	57.75.86.	138.	—	187.
		113.121.159.	—	—	—
		189.209.212.	—	—	—
		213.214.232.	—	—	—
		239.247.	—	—	—
15.	Калужская	17.27.93.	—	36.	—
		112.146.195.	—	—	—
		213.	—	—	—
16.	Киевская	81.94.106a.107	19.51.52.53.	35.36.124.186.	42.93.
		108.127.165.	54.61.72.156.	233.236.264.	—
		183.186.221.	186.190.200.	—	—
		233.265.274.	206.230.233.	—	—

Уч. по порядку	ГУБЕРНИИ.	1861—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900
17.	Ковенская	259.	—	—	136.
18.	Костромская	30.172.271.	—	—	227.
19.	Курляндская	270.	—	—	—
20.	Курская	13.60.106.	—	36.67.236.	115.
		185.235.	—	—	—
21.	Лифляндская	116.270.	—	—	—
22.	Минская	191.205.259.	—	—	245.
23.	Могилевская	6.28.71.259.	72.	—	—
24.	Московская	31.92.	—	—	—
25.	Нижегородская . . .	11.18.114.	—	—	249.253.
		163.211.	—	—	—
26.	Новгородская	99.145.182.	—	67.	—
		204.	—	—	—
27.	Олонецкая	—	—	—	—
28.	Оренбургская	2.5.109.157.	—	236.	—
		215.	—	—	—
29.	Орловская	44.213.214.	—	—	248.251.
		273.	—	—	—
30.	Пензенская	58.62.63.189.	—	—	—
		213.214.256.	—	—	—
31.	Пермская	22.204.208.	147.	—	243.
32.	Подольская	41.59.160.161.	—	124.210.236.	164.
		179.204.213.	—	—	—
		214.268.	—	—	—
33.	Полтавская	9.104.122.134.	82.	36.67.82.	39.84.262.
		143.221.	—	124.236.	—
34.	Псковская	109.	34.	—	—
35.	Рязанская	7.45.49.80.	—	—	—
		105.203.234.	—	—	—
		240.242.	—	—	—
36.	Самарская	12.78.79.118.	—	36.100.	40.155.263.
		120.194.213.	—	—	—
		214.240.266.	—	—	—

№ по- поряд.	Г У Б Е Р Н И И .	1861—1870	1871—1880	1881—1890	1891—1900
37.	Петроградская . .	14.32.80.85. 121.189.213. 214.	—	—	—
38.	Саратовская . . .	89.271.	82.	82.101.103. 184.	3.24.73.
39.	Симбирская . . .	119.135.201. 213.214.227.	82.	82.100.	—
40.	Смоленская . . .	38.	82.269.	82.269.	55.
41.	Таврическая . . .	267.	—	36.124.	226.
42.	Тамбовская . . .	64.65.142.	72.	100.	250.
43.	Тверская . . .	4.163.	—	246.	—
44.	Тульская . . .	56.139.240.	—	21.	—
45.	Уфимская . . .	—	—	33.236.237.	—
46.	Харьковская . . .	1.10.144.171. 221.	178.	36.178.	—
47.	Херсонская . . .	20.21.186.188. 189.233.267.	186.323.	35.100.124. 186.233.	177.252.
48.	Черниговская . .	8.29.91.130. 133.	148.	24.35.36.124. 236.	—
49.	Эстляндская . . .	116.270. 25.26.100.	—	—	—
50.	Ярославская . . .	213.214.	—	—	—

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

(Указатель литературы на русском языке).

II. Отдельные профессионально-производственные группы ¹⁾.

2. Деревообделочники.

Отдельные издания.

Розенбаум, Н. Д. Санитарные характеристики деталей профессий деревообделочного производства. Вып. I. Производства: лесопильное, фанерное, мебельное, катушечное, шпулечное и пуговичное. Москва. Изд. Ц. К. Всерос. Производств. Союза раб. деревообделочников. 1922. 112 стр.

Степанов, И. К. вопросу о положении рабочих лесопильных заводов Архангельской губернии. Спб. 1915. 92 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Алексеев, Н. О казармах для рабочих при Бекетовских лесопильных заводах, находящихся в полосе отчуждения, и о мерах их упорядочения В трудах 2-го-Совещательного Съезда врачей Владикавказ. ж. д. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1913. № 4.

Городнов, А. Н. Лесопильные заводы в Новолдожском уезде Петербургской губернии. „Труды 10 санитарного съезда земских врачей С.-Петербургской губ.“. Т. III. Спб. 1913.

Гринович, Ф. Рабочий и цена его трудоспособности в Киевской губернии. [Повышение числа несчастных случаев на лесопильных заводах и при сплаве леса]. „Лесопромышленный Вестник“. 1912. № 45.

Егорин, И. Что же сделать? [Как улучшить условия труда резчиков по дереву?]. „Вестник рабочих по обработке дерева“. Спб. 1907. № 3.

Из жизни рабочих на фортепианных фабриках. „Рабочее Эхо“. Спб. 1910. № 2.

Как живут рабочие лесопильных заводов г. Архангельска. „Искра“. 1904. № 71. (Хроника рабочего движения).

Канатчиков, С. Положение рабочих в деревообрабатывающей промышленности. „Труды I Всерос. Съезда

фабричных врачей и представителяй фабрично-заводской промышленности“. Т. I. Москва. 1910.

Курский. Положение деревообделочников в Москве. „Рабочий Союз“. Москва. 1906. № 7.

Лившиц, М. К вопросу о положении труда в деревообделочной промышленности. „Деревообделочник“. Москва. 1918. № 1.

Международное движение деревообделочников. 1. Голландия. (Удлинение рабочей недели на 3 часа. понижение заработной платы на 30%). 2. В Швеции. „Деревообделочник“. Москва. 1922. № 2.

Положение деревообделочников в Италии. Кризис производства и наступление предпринимателей. „Деревообделочник“. Москва. 1922. № 2.

Положение труда в лесной промышленности Финляндии. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1915. № 4.

Результаты одного обследования. [Об условиях труда в деревообделочном производстве]. „Рабочее Эхо“. Спб. 1910. №№ 1 и 5.

С. Б. Несчастные случаи в лесобделочной промышленности. „Лесопромышленник“. 1912. № 22.

¹⁾ См. кн. 3 и 4 „Вестн. Ак.“.

Симаков, В. П. Столярно-мебельный промысел в Московском и Звенигородском уездах по данным исследования 1912 года. Москва. 1914. Гл. IV: „Период рабочего времени. Помещение для работы. Наемный труд в промысле“.

Статистика в предприятиях по обработке дерева и в других производствах. „Лесопромышленный Вестник“. 1911. № 44. (Хроника).

Статистика в производствах по обработке дерева. „Лесопромышленный Вестник“. 1912. № 9. (Хроника).

Степанов, И. К. вопросу о положении рабочих на лесопильных заводах

3. Домашняя прислуга.

Отдельные издания.

Белявский, Н. Н. Домашняя прислуга во Франции и Германии. Социально-юридический очерк. Юрьев. 1907. 54 стр. Ц. 40 к.

Ленская, Л. Н. О прислуге. Москва. 1908. 24 стр. Ц. 10 к.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Гудван, А. Хозяева и прислуга. „Современник“. 1912. № 4.

Двинкина. Раньше и теперь. (Из воспоминаний работницы домашнего труда). „Работник Народного Питания“.—Москва. 1922. № 9—12.

Кампфмейер, П. Проституция, как общественно-классовое явление, и общественная борьба с нею. Москва—Пг. 1923. Гл. X. „Проституция среди класса прислуги и меры к ее уничтожению“.

Ковров, А. Немецкая прислуга. „Правда“.—Москва. 1905. № 1—2.

Козловский, Л. И. Дворнички и швейцарские 2 участка Рождественской части г. Петербурга. „Журнал Русского Общества Охран. Народного Здравия“. 1911. № 7.

Лялина. Домашняя прислуга и женский день. „Работница“. Спб. 1914. № 1.

Листов, С. Женская домашняя прислуга в городах. „Известия Московской Городской Думы“. 1910. № 4.

Архангельской губернии. „Лесной Журнал“. 1915. №№ 1—2, 3.

Степанов, И. Несчастные случаи и вознаграждение потерпевших на лесопильных заводах Архангельской губ. „Лесопромышленный Вестник“. 1913. №№ 16, 17, 18 и 19.

Топельберг, М. Из предварительных итогов переписи деревообрабатывающей промышленности. II. Общие условия рабочего быта. „Бюллетень Центр. Управления Лесной Промышленности (Главлескома) и Центр. Комитета Профсоюза Деревообделочников“. Спец. вып. к V Всеросс. съезду деревообделочников. [Москва. 1922].

Турме-Турманская, Е. Белые невольники (Домашняя прислуга в России). Смоленск. 1906. 12 стр. Ц. 10 к.

Флевов, И. Белые рабы в России. (Положение прислуги). Москва. Изд. „Заря будущего“. 1907. 56 стр. Цена 11 к.

Листов, С. В. Женская домашняя прислуга, проституция и венерические болезни. „Вестник обществен. гигиены, суд. и практ. мед.“. 1910. № 4.

Листов, С. В. Санитарное положение домашней прислуги. „Вестник общественной гигиены, суд. и практ. медицины“. 1910. № 4.

Наумов, Г. Прислуга. „Энциклопедический словарь Т-ва Бр. Гранат и К°“. 7-е издание. Т. 33.

П., В. Ответ Чернышеву. [По вопросу о наемных слугах в Спб]. „Отечественные Записки“. 1859. № 7.

П., М. И. Женская прислуга в Берлине. „Русская Мысль“. 1899. № 2.

Пировская, М. Домашняя прислуга. „Неделя“. 1901. № 19.

Рубинов, И. Об американской прислуге. „Русская Мысль“. 1906. № 2.

С., Ф. Как живет домашняя прислуга. „Русская Мысль“. 1902. № 12.

Чернышев, Д. По вопросу о наемных слугах в Санктпетербурге. „Отечествен. Записки“. 1859. № 7.

Штальих, О. К. вопросу о положении прислуги в Берлине. „Промышленность и Здоровье“. 1903. Кн. 6.

4. Железнодорожники и водники ¹⁾.

Отдельные издания.

Билимович, Ал. Положение служащих на государственных железных дорогах Германии и России. Киев. 1906. 29 стр. (Оттиск из „Университетских Известий“ за 1906 год).

Б., И. П. Санитария Днестра. Судорабочие Днестровского водного пути. Одесса. 1913. 16 стр.

Божен-в, А. Санитарное описание зимовок и мастерских при затоках Нижегородской губернии. Нижний-Новгород. 1901. 39 стр.

Бощо, В. И. К вопросу об устройстве домов и поселков для железнодорожных служащих и рабочих. Изд. 2-е. Оттиск из журн. „Вестник Ю.-З. ж. д.“. Киев. 1916. 78 стр. Ц. 75 к.

Вебер-фон, М. М. Условия безопасности железнодорожного движения. Пер. с нем. Н. В. Бернацкого. Москва. 1880. 145 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Вурубов, А. А. О несчастных случаях с людьми в зависимости от железнодорожных служажих. 1899.

Вурубов, А. А. О нормировании рабочего дня и переутомлении железнодорожных служащих. 1893.

Гачковский, Г. И. Санитарное положение служащих Рыбинско-Бологовской железной дороги в 1899 г. и некоторые статистические данные за 14 лет о влиянии железнодорожной службы на здоровье служащих. 1890. Ц. 40 к.

Гачковский, Г. И. Статистические сведения о санитарном положении служащих на Рыбинско-Бологовской жел. дор. в 1887 г. и сравнение их с данными других железных дорог. Отд. отд.

Десятов, А. А. Несчастные случаи на водных путях Казанского округа путей сообщения.

Десятов, А. А. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на пароходах бассейна реки Волги. 1904. Ц. 20 к.

Заусидов, М. А. Помощь пострадавшим от несчастных случаев и травматические повреждения на Екатеринбургской железной дороге за 20 лет

ее существования (1884—1904). Диссертация. Екатеринослав. 1903. 254 стр.

Земблинов, В. И. Опыт изучения профессионального железнодорожного травматизма. 1910.

Нанель, В. Я. Судорабочие и судовладельцы. Москва. Изд. Доравтостовского и Чарушникова. 1906. 65 стр. Ц. 30 к.

Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 9-й. Труд и быт работников транспорта в 1921 г. Москва. 1922. 170 стр. (Н. К. П. С. Центральный Отдел Статистики и Картографии).

Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 15. Бюджет транспортного в октябре 1922 г. Москва. 1923. 289 стр. (Н. К. П. С. Центральный Отдел Статистики и Картографии).

Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 13-й. Труд и быт работников ж.-д. транспорта за первое полугодие 1922 г. Москва. 1923. 161 стр. (Н. К. П. С. Центральный Отдел Статистики и Картографии).

Материалы по статистике путей сообщения. Вып. 6-й. Труд и быт работников транспорта за 1920 г. Москва. 1921. 200 стр. (Н. К. П. С. Центр. Отдел Статистики и Картографии).

Мергель, В. М. Повреждения глаз в мастерских Владикавказской ж. д. Отд. отд. из „Трудов О-ва врачей Ростова и Нахичевани-на-Дону“ за 1900—1901 г.

Мориотун, К. С. Опыт изучения санитарных условий работы машинистов и кочегаров на судах флота. Диссертация на степень д-ра медицины. Спб. 1892. 94 стр.

Никитин, А. Ф. Буксирные пароходы на Волге в санитарном отношении. Отд. отд. из „Вестника общ. гигиены, суд. и практич. медицины“. Спб. 1902. 19 стр.

Никитин, А. Ф. Жилые помещения команды на волжских пароходах. Отд. отд. из „Сборника докладов и отчетов врачей санитарного надзора Казанского округа путей сообщения“. Спб. 1902. 8 стр.

¹⁾ Бурлаки отнесены к группе „рабочие местного транспорта“, рабочие ж.-д. мастерских — к металлстам, водолазы и кессонные рабочие — к строителям. С. К.

Никитин, А. Ф. Зимовки судовых команд в затонах р. Волги. Спб. 1904.
Никитин, А. Ф. Пассажиры пароходы на Волге в санитарном отношении [Машинное и кочеварное отделение Жилые помещения команд]. Отд. отт. Спб. 1902. 63 стр.
Никитин, А. Ф. Условия найма судорабочих на Волге (по расчетным книжкам). Спб. 1902. 41 стр.
Обезьянинов, М. Н. Травматические повреждения и ожоги на судах русского флота. Статистический материал для морской гигиены. Спб. 1899. 92 стр.
Островский, Н. С. О работе и отдыхе железнодорожных служащих, деятельность коих связана непосредственно с движением поездов. Харьков. 1896. 53 + 3 + 3 стр.
Рихтер, И. Личный состав русских железных дорог. (Патология, прогностика и терапия). Спб. 1900. 235 стр. Ц. 1 р.
Савостьянов, В. Записки мастерового. [Очерки из жизни железнодорожников]. Козлов. 1905. 83 стр. Ц. 25 к.
Слауащие на паровых и непаровых речных судах Европейской России и бассейнов рек Оби и Амура. По переписи 1901 года. Спб. [Изд.] От-

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

А. А. Железнодорожный травматизм. "Инженер". Киев. 1913. № 5.
Аким, Н. Условия труда плотовщиков. "Вопросы страхования". 1923. № 34.
Анисович, В. К вопросу о массовых заболеваниях на судах. "Медицинские прибавления к Морскому Сборнику". 1899. № 4.
Арнольдов, В. А. Буфетная прислуга на пассажирских пароходах. "Вестник обществен. гигиены, судебной практической медицины". 1907. № 4.
Арнольдов, В. А. Буфетная прислуга на пассажирских пароходах. "Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р.р. Волге и Ками и на Марининской системе за 1906 г.". Спб. 1907.
Арнольдов, В. А. О жилищных условиях рабочего на некоторых станциях Средне-Азиатской железной дороги. Труды IX Пироговского съезда. Т. V. Спб. 1906.

дела Статистики и Картографии Министерства Путей Сообщения. 1904. XIII + XXXVIII + (таблицы) 327 стр.
Танский, Ю. О переутомлении железнодорожных служащих. Спб. 1902. 40 стр. Ц. 40 к.
Трегубов, С. Л. Опыт изучения в санитарном отношении быта железнодорожных служащих в пределах Харько-Севастопольской железной дороги. Диссертация. Харьков. 1904. II + 203 + 3 стр.
Фромштейн, М. А. К вопросу о влиянии железнодорожной службы на слух машинистов и кочеваров и значение этого влияния в социальном отношении. Спб. 1892. 25 стр.
Характеристики и квалификация должностей — профессиональ железнодорожного и водного транспорта. Ч. I. Рабочие группы и служащие легкого труда. Ч. II. Техническо-административный и конторско-хозяйственный персонал. Москва. 1922. 144 стр. (Н. К. П. С.).
Черников, А. В. Отчет по командировке на р. Вислу. [Имеются сведения об условиях труда судорабочих]. Спб. Изд. Управл. водн. и шосс. сообщ. и торговых портов. 1902. 33 стр.
Экономические требования паровозных бригад Московского узла. Москва. [1905?]. 11 стр.

Арнольдов, В. А. О лодочниках у Нижнего-Новгорода. "Вестник обществен. гигиены, суд. и практич. медицины". 1911. № 7.

Аронштейн, М. Тихвинский водный путь в медико санитарном отношении. [Условия жизни и работы судорабочих, гоночников и рабочих по ремонту]. "Вестник Новгородского Стества". 1906. № 19.

Богинер. Вахта на палубе. [Условия службы. Рабочий день]. "Морск" — общеросс. орг. морских и речных судовых команд. Вена. 1913. № 13.

Билимович, А. Д. Положение служащих на государственных дорогах Германии и России. "Университетские Известия". Киев. 1906. № 6.

Б-ов, П. Борьба за жилище. [К вопросу об организации железнодорожных поселков]. "Рычаг" — орг. Дорпрофсожа, Дорпосоюза и Дор-

страхкасы. Сам.-Зл. ж. д. Самара. 1922. № 23 24.

Быльев. О характере повреждений железнодорожных служащих по данным Кинельского приемного покая за последние шесть лет. "Протоколы 2 съезда врачей Самаро-Златоустовской жел. доруг". Москва. 1912.

Бовин, П. Бурлацкие беды. Быт и условия труда волгари-водника. "Рабочий водного транспорта". Москва. 1923. № 45.

Богданов, М. Забастовки на железных дорогах, их причины и следствия. "Голос Жизни". Москва. 1905. № 10 14.

Божие-Божинский, Г. Г. Обзор заболеваний служащих на Курско-Киевской дороге за 1892 г. "Протоколы О-ва Курских врачей". 1893.

Болезни служащих на железных дорогах. Журнал Русского Общества Охранения Народного Здравия. 1891. № 4. (Хроника).

Бр. Железно-дорожные тузы и агенты. "Неделя". 1879. № 44-45.

Бунин, М. Пасынки техники на железных дорогах. [Условия труда паровозных бригад]. "Труд Техника". Спб. 1907. №№ 3-4; 7-8.

Введенский, А. Заметки по истории труда на Руси 16-17 в. I. Транспортные рабочие - водники. "Архив истории труда в России". Изр. 1922. Кн. 3.

Введенский, В. М. Очерк травматических повреждений на железных дорогах по данным врачебных донесений Николаевской и Рыбинско-Псковской жел. дор. Труды IX Пироговского съезда. Т. V. Спб. 1906.

Введенский, В. Ш. Травматические повреждения на железных дорогах. "Вестник обществен. гигиены, суд. и практич. медицины". 1904. № 4.

Вести с пароходов ("Ялта", "Чихачев" и др.). "Морск" — орг. Черноморских судовых команд. Вена. 1912. №№ 1-4.

В каной мере улучшается положение железнодорожных служащих. "Голос Жизни". Москва. 1905. № 9.
Воронов, И. Подожжение труда в железнодорожном хозяйстве. "Народное Хозяйство". 1903. № 5.

Выдрин, Г. П. О заболеваемости железнодорожных телеграфистов. "Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины". 1902. №№ 7 и 9.

Выдрин, Г. П. О заболеваемости железнодорожных телеграфистов в связи с условиями их службы. "8-й Пироговский съезд". Москва. 3-10 января 1902 г.". Вып. II-й и VI-й. Москва. 1902.

Выдрин, Г. П. О заболеваемости железнодорожных телеграфистов в связи с условиями их службы. "Железнодорожное Дело". 1902. № 34-35.

Вьрубов, А. К. вопросу о несчастных случаях на железных дорогах. "Общественно-Санитарное Обозрение". 1896. № 16.

Вьрубов, А. А. О несчастных случаях с людьми в зависимости от железнодорожных происшествий. "Протоколы заседаний второго совещательного съезда железнодорожных врачей русских железных дорог, созванного в Варшаве на 12 ноября 1899 года". Спб. 1900.

Гамалаев, П. Н. О заболеваемости и смертности населения Либаво-Роменской железной дороги в 1912 году. "Вестник железнодорожной медицины и санитарии". 1913. № 9.

Гейман, К. вопросу об увеличении травматических повреждений во флоте за последние 10 лет. "Труды 9-го Пироговского съезда". Т. V. Спб. 1906.

Герценштейн, Г. М. Заметки о болезненности железнодорожных служащих и, в особенности, паровозного персонала. "Железнодорожное Дело". 1887. № 37-38.

Гольдштейн, В. С. Жилища и поселки железнодорожников. (Их санитарное состояние). "Путь". Москва. 1918. № 1.

Гольдберг, О. Б. О положении железнодорожных служащих. "Зависки Московского Отделения Импер. Русского Технического Общества". 1904. Вып. 2.

Гольдштейн, И. Англия. — Несчастные случаи со служащими на железных дорогах и предлагаемые парламентской комиссией меры для уменьшения их числа. "Народное Хозяйство". 1900. № 4.

Губанов, В. Бюджетное обследование транспортников за октябрь 1922 г. "Вестник Путей Сообщения", 1923. № 5.

Губанов, В. Бюджет транспортника в октябре. "Материалы по статистике путей сообщения". Вып. 15-й. Москва, 1923.

- Десятов, А. К.** вопросу об изучении несчастных случаев на внутренних водных путях. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р. р. Волге и Каме и на Марининской системе за 1903 год“. Спб. 1904.
- Десятов, А. К.** вопросу о несчастных случаях на внутренних водных путях. „Труды 9-го Пироговского съезда“. Т. V. Спб. 1906.
- Десятов, А.** Несчастные случаи на водных путях Казанского округа путей сообщения. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р. р. Волге и Каме и на Марининской системе за 1906 г.". Спб. 1907.
- Десятов, А.** Очерк санитарно-экономического положения рабочих на пароходах бассейна реки Волги. „Промышленность и Здоровье“. 1903. № 9.
- Десятов, А.** Очерк санитарно-экономического положения судорабочих на пассажирских пароходах р. Волги. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р. р. Волге и Каме и на Марининской системе за 1903 год“. Спб. 1904.
- Десятов, А. А. и Никитин, А. Ф.** К вопросу о заболеваемости судорабочих на реке Волге. „Сборник докладов и отчетов врачей санитарного надзора Казанского округа путей сообщения. Материалы для описания р. Волги и ее судоходства“. Спб. 1902.
- Дмитриев, В.** Быт служащих и рабочих на железных дорогах. „Современный Мир“. 1912. № 1.
- Дмитриевский, К. Ф.** О заболеваемости на Южных дорогах в 1912 г. „Вестник Южных железных дорог“. 1913. № 43—44.
- Дмитриевский, И. Ф.** О несчастных случаях с людьми в 1912 г. [на железных дорогах]. „Вестник Южных железных дорог“. 1913. № 26.
- Дмитриевский, И. Ф.** О помещениях для отдыха паровозных и кондукторских бригад. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1912. № 11.
- Дмитриевский, И. Ф.** О помещениях для отдыха паровозных и кондукторских бригад. „Вестник Южных железных дорог“. 1913. № 45.
- Донлад** врачей, осматривавших жилища служащих на Николаевской железной дороге и рабочих на фаб-

рике Рождественской мануфактуры. „Труды 4-го Тверского съезда земских врачей“. 1874.

Дроздов, А. Т. Квартирный вопрос на железных дорогах. „Седьмой совещательный съезд врачей Северо-Западных жел. дор., проищ. в Варшаве 20/21 октября 1913 г., сост. С. Е. Шрейбером“. Спб. 1914 г.

Ефимов, А. И. К жилищному вопросу на железных дорогах. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1907. Март. **Еще о железнодорожных служащих в Англии.** „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1912. № 5. (Специальные корреспонденции из Лондона).

Жанголь, Н. Нижегородский судоходный съезд | 1903 г. [О положении судорабочих]. „Русское Судостроение“. 1904. Июль, август, сентябрь.

Железнодорожный поселок. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1913. № 2. (Хроника).

Жилищная нужда железнодорожных рабочих. „Пути Сообщения Севера“. Петроград. 1919. № 9. (Июнь).

Жилищный вопрос на Р.-У. ж. д. и меры к его разрешению. „Возрождение Транспорта"—орг. Дорпрофсоюза Р.-У. ж. д. Саратов. 1920. № 1.

Жилищный вопрос на Южных дорогах. „Вестник Путей Сообщения“. 1922. № 21.

Жуковский, Ф. Заболеваемость судорабочих на Волге. „Фельдшер“. 1903. № 20.

Жуковский, Ф. О. Несчастные случаи с людьми на водных путях. „Вестник общественной гигиены, суд. и практ. медицины“. 1909. № 9.

Жуковский, Ф. О. Несчастные случаи с людьми на водных путях Казанского округа путей сообщения. „Водные пути и шоссевые дороги“. 1915. № 1—3.

Жуковский, Ф. О. Санитарное состояние непаровых судов бассейна р. Волги. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р. р. Волге и Каме и на Марининской системе за 1906 г.". Спб. 1907.

Забалуев, В. Е. Санитарные условия работы на непаровых судах Волжского бассейна. (По данным Царицынского лечебно-продовольственного пункта для пришедших рабочих Саратовского губ. земства за трехлетие 1909—1911 г.г.) „Труды деся-

того губ. съезда земских врачей Саратовской губ. 2—12 мая 1913 г.". Т. III. Саратов. 1913.

Завядье, Н. Питание железнодорожного населения. „Бюллетень Всеросс. Совета снабжения железнодорожников“. Москва. 1919. № 33.

Задораций, П. Наши недуги. [Исследование современного положения железнодорожных служащих в России]. „Железнодорожное Дело“. №№ 35, 37, 39—40, 42—47.

Земблинов, В. И. Несколько отчетных цифр о несчастных случаях на Моск.-Курской, Нижегородской и Муромской ж. д. до и после воспреещения продажи спиртных напитков. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1915. № 8—9.

Земблинов, В. И. Опыт изучения профессионального железнодорожного травматизма. „Труды 4-го общего совещательного съезда железнодорожных врачей в 1911 г.“.

Земблинов, В. И. О необходимости некоторых изменений в существующих отчетах о болезненности железнодорожного населения. „Труды 4-го общего совещательного съезда железнодорожных врачей в 1911 г.“.

Земблинов, В. И. Опыт изучения профессионального железнодорожного травматизма (извлечение из доклада IV Совещательному съезду железнодорожных врачей 1911 г.). „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1912. № 4.

Землянич, как жилое помещение для судорабочих. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1913. № 4. (Хроника).

Зетов, К. вопросу о положении железнодорожных служащих. [О мерах к устранению произвола начальников]. „Железнодорожное Дело“. 1893. № 45—46.

Игнатьев, М. Заболевания душевным расстройством среди железнодорожных служащих. „Журнал Министерства Путей Сообщения“. 1904. № 4.

Из рассказов м-ра Людиана. Взгляд на быт железнодорожных служащих в Сибири. „Железнодорожное Дело“. 1900. № 30—31.

И. А. Условия труда и отдыха железнодорожных служащих. „Вестник Саратовского Отдел. Имп. Русского Технич. Общества“. 1904. №№ 43 и 44.

Калашников, В. П. К вопросу о раении глаз на железных дорогах и о предупреждении подобных повреждений. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1912. № 2.

Каминский, Л. С. Несчастные случаи на Северо-Западных железных дорогах. „Гигиена и санитария путей сообщения“. 1923. № 3—4.

Канель, В. Я. Судорабочие и судовладельцы. „Образование“. 1905. № 8. **Квартирный вопрос на железных дорогах.** „Железнодорожное Дело“. 1902. № 30-31.

Квартирный вопрос служащих казенных железных дорог в Австро-Венгрии. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1910. № 45.

К вопросу о положении низших агентов железнодорожной службы. „Железнодорожное Дело“. 1882. № 25.

К вопросу о положении служащих на железных дорогах. [Три письма в редакцию]. „Железнодорожное Дело“. 1892. № 29—30.

Котриц, В. И. О постройке домов для железнодорожных служащих за счет позаймствований из капиталов пенсионных касс. „Железнодорожное Дело“. 1917. № 15—16.

К-ий, А. Положение служащих по движению. „Вестник Саратовского Отдел. Имп. Русского Технического Общества“. 1901. № 50—52.

Клементовский, „Диктатор“. [К условиям быта трудящихся при Мстинском желеosome]. „Новгородский Пролетарий"—орг. Губ. Совета Проф. Союзов. 1921. № 25.

Кнушевичий, А. Из быта поездных контролеров. „Вестник Саратовского Отдел. Имп. Русского Технического Общества“. 1905. № 15—16.

Комendantsов, В. Е. К жилищному вопросу на Северо-Западных железных дорогах. „Гигиена и санитария путей сообщения“. 1923. № 2.

Кочетков, В. Н. Заболеваемость судорабочих и береговая. „Морской Врач“. 1914. № 1. 1915. № 7.

Краснодарский. На железнодорожных путях. Картинки жизни и быта в Краснодарском Линотделе. „Наш Труд“. Орг. Юговостбюро ВЛСПС, Донсовпрофа и Кавоктрана. 1923. № 28—29. (На местах).

Кулеша, Г. С. О заболеваемости судорабочих и о страховании их от болезни и несчастных случаев. „Водное Дело“. 1908. № 8—9.

Кулеша, Г. С. О заболеваниях судорабочих. „Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины“. 1904. № 6.

Кулеша, Г. С. О заболеваемости судорабочих. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р.р. Волге и Каме и на Марининской системе за 1906 г.“. СПб. 1907.

Кулеша, Г. С. О санитарном состоянии буксирных пароходов в бассейне реки Невы с озерами и Марининской системой в связи с данными о развитии буксирного флота на внутренних водах Европейской России. [Машинные отделения. Помещения команды]. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р.р. Волге и Каме и на Марининской системе за 1902 год“. СПб. 1902.

Кулеша, Г. С. Отчет санитарного врача С.-Петербургского участка за 1903 г., с данными о заболеваемости судорабочих. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р.р. Волге и Каме и на Марининской системе за 1903 год“. СПб. 1904.

Ландшевский, Н. Из области заболеваний на флоте. „Медицинские прибавления к Морскому Сборнику“. 1902. № 6—8.

Лебедев, С. И. К вопросу о травматизме на железных дорогах и его зависимости от потребления алкоголя. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1915. № 5.

Левашев, В. Корреспонденция из общества охранения народного здоровья. [Доклад студ. Лысенко о санитарных условиях жизни судорабочих на озере Ильмене, р. Волхове и реках, впадающих в них]. „Врач“. 1901. № 22.

Левашев, В. Корреспонденция из общества охранения народного здоровья. [Доклад М. Д. Ильина о санитарном состоянии и условиях труда рабочих на речных судах]. „Врач“. 1901. № 12.

Лисицын, И. В. Характер и частота повреждений глаз у железнодорожных служащих. „Вестник обществ. гигиены, судебной и практической медицины“. 1908. № 1.

Л. Н. К. вопросу о положении служащих на железных дорогах Линейной стражи. „Железнодорожное Дело“. 1894. № 2.

Лыщенко, И. Несчастные случаи на железных дорогах. „Материалы по статистике путей сообщения“. Вып. 6. Москва. 1923.

Л-ский, И. Железнодорожный рабочий. „Гражданин“. 1874. № 30.

Мергель, В. К. Повреждения глаз в мастерских Владикавказской железной дороги „Еженедельник Практической Медицины“. 1901. № 4.

Мергель, В. К. Повреждения глаз в мастерских Владикавказской железной дороги. „Труды О-ва врачей городов Ростова и Нахичевани-на-Дону за 1900—1901. г.“.

Мергель, В. К. Повреждения глаз у служащих на Владикавказской жел. дор. в 1911 году. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1913. № 3. См. „Труды 2-го совещательного съезда врачей Владикавказской жел. дор.“.

Мергель, В. К. Профессиональные повреждения глаз на Владикавказской жел. дороге. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1912. № 10.

Моравен, И. Заметки о болезненности железнодорожн. служащих, и в особенности. паровозного персонала. „Железнодорожное Дело“. 1887. № 37—38.

Моравен, В. К. вопросу о заболеваемости железнодорожных служащих. „Железнодорожное Дело“. 1884. № 15—16.

Моравен, В. О. санитарном положении служащих на германских ж. д. в 1845 г. „Железнодорожное Дело“. 1887. № 13.

Моравен, В. Сравнение отчетов о санитарном положении железнодорожных служащих германских железных дорог и русских казенных железных дорог. „Железнодорожное Дело“. 1886. № 9.

Моравен, В. Статистические сведения о санитарном положении железнодорожных служащих. „Железнодорожное Дело“. 1884. № 10.

Мориютун, И. С. Опыт изучения санитарных условий работы машинистов и кочегаров на флоте. „Медицинские прибавления к Морскому Сборнику“. 1892. №№ 5, 6.

Наступление капитала и союзы транспортников. (Сведения о рабочем дне, зар. плате и пр. рабочих транспорта). „Международный Комитет Пропаганды транспортных рабочих“. Август 1921 г. — ноябрь 1922 г.“. Москва. 1922.

Неронов, О. судовых кочегарах в медико-гигиеническом отношении. „Медицинские прибавления к Морскому Сборнику“. Вып. 1.

Несчастные случаи на железных дорогах. „Вестник Промышленности“. Москва. 1858. № 5.

Несчастные случаи на железных дорогах во Франции и в России. „Железнодорожное Дело“. 1903. № 4.

Несчастные случаи на железных дорогах Сев. Америки, Англии, Германии и России. „Железнодорожное Дело“. 1890. № 41—42.

Несчастные случаи с железнодорожными служащими в 1905 г. в Англии. „Вестник Финансов, Промышленности и Торговли“. 1907. № 50.

Несчастные случаи с поездами в Соединенных Штатах. Пер. В. Г. „Железнодорожное Дело“. 1901. № 43—44.

Никитин, А. Ф. Буксирные пароходы на Волге в санитарном отношении. „Вестник общ. гигиены, суд. и практ. медицины“. 1902. № 4.

Никитин, А. Ф. Буксирные пароходы на Волге в санитарном отношении. [Население буксирных пароходов. Жилые помещения команды]. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р. Волге и Каме и на Марининской системе за 1902 год“. СПб. 1902.

Никитин, А. Ф. Жилые помещения команды на волжских пароходах. „Сборник докладов и отчетов врачей санит. надзора Казанского округа путей сообщения“. 1901. № 43—44.

Никитин, А. Ф. Зимовки судовых команд в затоках реки Волги. „Сборник отчетов и докладов врачей санит. надзора по р. Волге и Каме и на Марининской системе за 1903 г.“. СПб. 1903.

Никитин, А. Ф. Из отчета санитарного врача Нижегородского участка р. Волги с данными о химическом исследовании сточных и трюмных вод. [Сведения о санитарных условиях работы при землечерпательных машинах и на плотках]. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р. Волге и Каме и на Марининской системе за 1903 год“. СПб. 1904.

Никитин, А. Ф. Машинная команда на волжских пароходах. „Русское Судостроение“. 1905. №№ 11 и 12.

Никитин, А. Ф. О речных дебаркадерах в санитарном отношении. [Помещения команды]. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р. Волге и Каме и на Марининской системе за 1902 г.“. СПб. 1902.

Никитин, А. Ф. Пассажирские пароходы на Волге в санитарном отношении. [Машинное и кочегарное отделение. Жилые помещения команды]. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора Казанского округа путей сообщения“. СПб. 1902.

Никитин, А. Ф. Условия найма судорабочих на Волге. „Сборник докладов и отчетов врачей санитарного надзора по р. Волге и Каме и на Марининской системе за 1901 г.“.

Николаев, А. В. Заболеваемость судорабочих реки Невы и прилазовских каналов по данным Шлиссельбургской городской больницы. „Вестник обществ. гигиены, судебной и практической медицины“. 1913. № 7.

Николаев, А. В. Заболеваемость судорабочих р. Невы и прилазовских каналов (по данным Шлиссельбургской городской больницы). „Труды X санитарного съезда земских врачей С.-Петербургской губ.“. Т. II. СПб. 1913.

Николевский, Д. П. О несчастных случаях на водных путях. „Медицинское Обозрение“. 1908. № 16.

Ни—с. К вопросу о положении железнодорожных служащих. (Письмо в редакцию). „Железнодорожное Дело“. 1892. № 35—36.

Нобльмер, М. Ж. Условия труда на железных дорогах [во Франции]. Пер. Д. Дестрем. „Железнодорожное Дело“. 1902. №№ 26—27 и 30—31.

Новосельский, С. А. Инвалидность и смертность железнодорожных рабочих и служащих. „Гигиена и санитария путей сообщения“. 1923. № 2.

Обезьялинов, М. Н. Травматические повреждения на судах русского флота. „Медицинские прибавления к Морскому Сборнику“. 1899. № 10—12.

О вежливости. [Отношения между командой и судовой администрацией]. „Моряк“—орг. Черноморских судовых команд. Вена. 1912. № 2.

Ололо-Кулак, Н. Смерть и увечье на железных дорогах и некоторые способы предупреждения их. „Инженер“. Киев. 1899. № 6.

Олейников, Н. Санитарные условия жизни пароходной команды на р. Лене. „Голос Рабочего“. Иркутск. 1919. № 8.

О положении железнодорожных станционных агентов. (Письмо в редакцию). „Железнодорожное Дело“. 1897. № № 41—42.

О положении стрелочников. „Железнодорожное Дело“. 1899. № 25—26. (Газетные сообщения).

О рабочих домиках на плотах. „Лесопромышленный Вестник“. 1913. № 8. (Хроника).

О'Рурри, А. Н. Служебное положение и быт железнодорожных агентов. „Известия Собрания Инженеров Путей Сообщения“. 1913. № 23.

О'Рурри, А. Н. Служебное положение и быт железнодорожных служащих. „Вестник Южных железных дорог“. 1913. № № 39 и 41.

Останов. Жилищный вопрос на железных дорогах вообще и казармы для рабочих службы пути в частности. „Железнодорожник“. Москва. 1919. № 5—6 (июль).

Пароходные рабочие. (Письмо из Одессы). „Неделя“. 1875. № 29.

Перфильев, О. Жилища. „Рычаг“—орг. Дорпрофсожа, Дорпосоюза и Дорстрахкасса Сам., Злат., Троицкой и Волго-Бугул. ж. д. Самара. 1922. № 20.

П. И. Из условий труда и жизни судорбочих. „Металлист“. Спб. 1912. № 13.

Письмо в редакцию по поводу положения железнодорожных служащих. „Железнодорожное Дело“. 1892. № 6.

П., М. Ближайшие мероприятия по жилищному вопросу. „Рычаг“—орг. Дорпрофсожа, ДТЮ и Дорстрахкасса. Самара. 1923. № 44.

По квартирному вопросу. „Железнодорожное Дело“. 1904. № 35—36. (Новости).

Положение низших служащих в правлениях железных дорог. „Голос Жизни“. Москва. 1905. № 4.

Положение персов-рабочих в парочодных компаниях]. „Еженедельник Практической Медицины“. 1900. № 25. (Хроника и смесь).

Положение плотовых рабочих и сплав леса в волжском бассейне. „Лесопромышленный Вестник“. 1908. № 1.

Положение служащих на венгерских казенных железных дорогах. „Железнодорожное Дело“. 1904. № 16. (Новости).

Положение служащих на железных дорогах в Италии. „Железнодорожное Дело“. 1896. № 30—31. (Газетные сообщения).

Полов, В. Г. Травматические повреждения глаз на Сызрано-Вяземской ж. д. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1913. № 5.

По поводу отвода квартир железнодорожным служащим. „Железнодорожное Дело“. 1883. № 35—36. (Новости).

Поселки для служащих Рязанско-Уральской жел. дор. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1916. № 11. (Хроника).

Продовольствие, местопребывание, ночлег и т. д. железнодорожных служащих в Пруссии. „Трудовая Помощь“. 1903. Июнь. (Хроника).

Просуринов, В. Заработная плата и бюджет транспортника. „Материалы по статистике путей сообщения“. Вып. 15-й. Москва. 1923.

Пухляно. Обзор состояния здоровья людей на коммерческих и каботажных судах, пришедших к Кронштадтскому порту в 1866, 1867, 1868, 1869 и 1870 годах. „Медицинские прибавления к Морскому Сборнику“. Вып. XIII.

Р., А. Дома с казенными квартирами и с квартирами, отдаваемыми в наём своим служащим, а также бани (ванны) на вюртембергских железных дорогах. „Железнодорожное Дело“. 1904. № 10—11. (Новости).

Рабочий вопрос на последнем съезде волжских судопромышленников. „Искра“. 1904. № 69. (Вопросы труда).

Радциг, А. Аугустин о работе и отдыхе железнодорожных служащих, деятельность которых связана с движением поездов. „Железнодорожное Дело“. 1897. Стр. 435.

Радциг, А. Улучшение быта железнодорожных служащих и рабочих без расходов со стороны казны. [К квартирному вопросу]. „Железнодорожное Дело“. 1898. № № 13—14.

Радциг, А. [пер]. Учреждения и устройства для улучшения быта служащих на железных дорогах d'Orleans, de L'Ouest et de L'Est. „Железнодорожное Дело“. 1901. № № 39—40, 42—48.

Рубель, Н. Н. Судовая гигиена на Всероссийск. выставке. [Данные о работе санитарных врачей, о питании, заболеваемости, несчастных случаях и пр. судовых рабочих]. „Санитарная хроника Петроградского губ. земства“. 1914. № 7.

Рудзкий, Г. Т. К вопросу о санитарном благоустройстве проектируемых железнодорожных поселков. „Гигиена и Санитария Путей Сообщения“. 1923. № 1.

Санаторно-курортное лечение для транспортников. 2. Заболеваемость на дороге. „Железнодорожник“—ж. Дорпрофсожа и Правления Ю.-В. С. ж. д. Воронеж. 1923. № 7. (Хроника).

Санитарные условия X участка Уфа-Златоустовской жел. дороги за 1888—1889 г. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практич. медицины“. 1890. № 1. (Хроника).

Сведения о санитарном состоянии служащих на железных дорогах. „Железнодорожное Дело“. 1886. № 1.

Серебряников, И. И. К характеристике быта линейных служащих Китайско-Восточной ж. д. „Русское Обозрение“. Пекин. 1921. № 5.

Синдровский, Ю. Из отчета врача Царицынского участка. [О помещенных пароходной прислуги, условиях работы в машинном отделении, заболеваемости и пр.]. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по рр. Волге и Каме и на Мариинской системе за 1902 г.“. Спб. 1902.

Сиверцов, Н. А. Условия труда и жизни судорбочих на Волге. „Русская Мысль“. 1903. № 8.

Сивала, М. в Шапошников. Судходство на реке Дону в Воронежской губернии. [Сведения об условиях жизни и труда судорбочих]. „Памятная книжка Воронежской губ. на 1861 г.“.

Соглашение между одесскими судовладельцами и командами черноморского флота. [Об условиях работы]. „Русское Судходство“. 1905. № 10.

Соколов, Е. Очерк быта и нужд железнодорожных служащих. „Русское Богатство“. 1906. № № 6 и 7.

Соколов, А. К статье А. Радцига: „Улучшение быта железнодорожного служащего без расходов со стороны казны“. [К квартирному вопросу]. „Железнодорожное Дело“. 1899. № 4.

Соловьев, В. В. Жилища рабочих в затонах р. Волги. „Гигиена и Санитария Путей Сообщения“. 1923. № 3—4.

Соллогуб, А. В. Сборник статистических сведений о железных дорогах в России по 1 января 1874 г. 3-е испр. и доп. издание. Спб. 1874. Табл. 12-я. Число несчастных случаев на железных дорогах в 1871, 1872 и 1873 годах.

Статистика несчастных случаев на американских ж. д. в 1892 году. „Железнодорожное Дело“. 1893. № 19. (Новости).

Статистика происшествий на Южных железных дорогах. [67,2% пострадавших—ж.-д. служащие]. „Вестник Южных железных дорог“. 1913. № 32.

Статистический сборник Министерства Путей Сообщения. Выпуски: 1-й—140-й. Спб. 1877—1916. Таблицы: о числе пострадавших людей при происшествиях и несчастных случаях на железных дорогах; о происшествиях с судами и плотами на внутренних водных путях Европейской России.

Судовое обозрение. [Из жизни моряков]. „Моряк“—орг. черноморских судовых команд. Вена. 1912. № № 8—9.

Сытенко, Н. А. Город-сад Московско-Казанской железной дороги. „Железнодорожное Дело“. 1913. № 47—48.

Танский Ю. О переутомлении железнодорожных служащих. „Спутник Здоровья“. 1902. № 8.

Тополи, А. К вопросу о положении железнодорожных служащих. „Железнодорожное Дело“. 1892. № 17—18.

Транспортные рабочие Болгарии. [Сведения об условиях труда]. „Рабочий водного транспорта“. Москва. 1922. № 2.

Грязные условия жизни баржевой команды в Люблиновском затоне. „Промышленность и Здоровье“. 1903. № 6 (Хроника).

Уваров, М. С. Прилаженные каналы. Санитарные условия работы на местных промыслах, на тяге и на судах. „Вестник обществ. гигиены, суд. и практич. медицины“. 1898. № 9.

Урегулирование трюмных работ в одесском порту. „Русское Судоходство“. 1905. № 7. (Наше судоходство).

Фелицын, Н. Санитарные условия жизни и работы стянщиков плотов на р. Костроме. „Врачебно-санитарный обзор Костромской губ.“ 1910. Вып. 6.

Фор Лии. Пловучие кладбища. [Пароходы Русского Общества]. „Моряк“—изд. инициат. группы черно-морских моряков. Вена. 1912. № 1.

Халатов, А. Бюджет транспортника. „Вестник Путей Сообщения“. 1922. № 24.

Халатов, А. Обследование бюджета транспортника. „Вестник Путей Сообщения“. 1922. № 22.

Халатов, А. О бюджете транспортника. „Материалы по статистике путей сообщения“. Вып. 15-й. Москва. 1923.

Холщевников, В. Н. Об организации низшего персонала казенных служащих на внутренних водных путях и о потребностях их быта. Прилож. к „Трудам девятого съезда русских деятелей по водным путям в 1902 г.“. СПб. 1902.

Цветаев, А. В. Условия жизни и труда служащих и рабочих на ст. Иланская Сибирской ж. д., по преимуществу служб тяги. „Сибирские Врачебные Ведомости“. 1904. № № 9—11.

Цезаревский, П. Из действительности. Заметки железнодорожного врача. „Железнодорожное Дело“. 1890. № № 33—34, 39—40, 45—46.

Цезаревский, П. Несколько железнодорожных санитарно-статистических цифр с критическими замечаниями

к ним. „Вестник общественной гигиены, суд. и практич. медицины“. 1890. № 10.

Цезаревский, П. В. Несколько штрихов к профессиональной гигиене железнодорожных мастеровых. „Труды Харьковского Медицинского Общества“. 1897. Вып. 2.

Цезаревский, П. В. Очерк гигиенических и бытовых условий железнодорожной профессии. „Вестник общественной гигиены, судебной и практич. медицины“. 1893. № 4—6.

Цезаревский, П. В. Salus populi в Люботинских мастерских казенной Харьково-Николаевской жел. дороги. Санитарно-бытовой очерк. „Железнодорожное Дело“. 1897. Стр. 9, 18, 33, 51, 182, 168, 204, 222.

Целович, М. Н. Частный опыт исследования железнодорожного травматизма в связи с профессиональностью. „Вестник железнодорожной медицины и санитарии“. 1913. № 5.

Чернышев, В. Рабочий вопрос в торговом мореплавании и регистрации моряков торгового флота. „Русское Судоходство“. 1915 № 4.

Чириков, В. В. Отчет о деятельности санитарного врача Пермского участка за 1902 г. [Сведения о командных помещениях пассажирских и буксирных пароходов]. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р. Волге и Каме и на Мариинской системе за 1902 г.“. СПб. 1902.

Чириков, А. В. Отчет по Самарскому участку за навигацию 1902 г. [Имеются сведения об условиях работы служащих дебаркадеров и буфетных служащих]. „Сборник отчетов и докладов врачей санитарного надзора по р. Волге и Каме и на Мариинской системе за 1902 г.“. СПб. 1902.

Чупров, А. И. Речи и статьи. Т. III. Москва. Изд. Сабашниковых. 1910. Статьи по разным железнодорожным вопросам: 1. О положении служащих на железных дорогах (1876 г.) 5. Положение служащих и несчастные случаи на железных дорогах. (1888 г.).

Ш. К вопросу об утомлении паровой прислуги. „Железнодорожное Дело“. 1900. № 23—24.

Шешинцев, Н. С. К вопросу о переутомлении железнодорожных служащих. „Практический Врач“. 1905. № 3.

Щепановский. Гигиенические условия труда железнодорожных служащих и рабочих. „Вопросы Страхования“. 1917. № 2 (Рабочая жизнь).

Южанский. Об урегулировании железнодорожного труда. [К положению служащих в правлениях железнодорожных обществ]. „Голос Жизни“. Москва. 1905. № 7—8 (Вопросы техники).

Яблонский, Е. К. Санитарные условия службы минеров и горняков машинистов на судах. „Медицинские прибавления Морскому Сборнику“. 1911. № 5.

Январские ш.-д. мастерские. II. Рабочий быт. „Рычаг“—прилож. к жур. „Профессиональная Жизнь“. Одесса. 1923. № 38—39.

5. Искусств и просвещения работники.

Отдельные издания.

Липаев, Ив. Оркестровые музыканты. Исторические и бытовые очерки. СПб. Изд. „Русской Музыкальной Газеты“. 1904. 212 стр. Ц. 1 р.

Лозовский, А. Французский народный учитель. Изд. 2-ое. Москва. Книгоизд. „Работник Просвещения“. 1922. 62 стр.

Мягкова, К. О положении народных учителей в связи с экономическим значением народного образования и постановкой последнего в России.

СПб. Изд. „Северное Эхо“. 1905. 71 стр. Ц. 25 к.

Николаев, А. А. Хлеба и света! Материальный и духовный бюджет трудовой интеллигенции у нас и за границей. (По данным анкеты „Вестника Знания“). Под ред. В. В. Битнера. СПб. Издат. „Вестника Знания“. 1910. 87 стр. Ц. 60 к.

Труды I Всеросс. съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания, б. в Москве 1902/3 уч. г. 2 тома. Москва. 1907.

Статьи, отдельные главы, заметки и т. п.

Аникин, С. В. О материальной и юридической необеспеченности русского народного учителя. „Труды I Всеросс. съезда представителей обществ вспомоц. лицам учительского звания 1902/3 года“. Т. I-й. Москва. 1907.

Анисимов, М. Материальное положение работников просвещения в истекшем году. „Работник Просвещения“. Москва. 1922. № 9.

Аннота о материальном положении петроградских школьных работников. „Рычаг Просвещения“. Прг. 1921. № 5.

Ариадов, О. о положении учителей вообще и в Тверском уезде в частности. „Труды I Всеросс. съезда представителей обществ вспомоществов. лицам учительского звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.“. Т. II. Москва. 1907.

Бел-а, Е. О положении учительницы в прусской народной школе. „Техническое образование“. 1898. № 8.

Белов, Н. А. Программа обследования работников просвещения. „Рычаг Просвещения“. 1921. № 4.

Белоусов, И. Ф. Экономическое и правовое положение учителя министерской школы в Иркутской губернии. „Труды I Всеросс. съезда обществ вспомоц. лицам учит. звания, б. в 1902/3 уч. г. в Москве“. Т. I. Москва. 1907.

В-ч. Профессиональные нужды московского учителя. „Врачебно-санитарный обзор Костромской губ.“ 1912. № 3.

Гинзбург, С. Труд учителя. (Последовские заметки). „Работник Просвещения“. Москва. 1923. № 2.

Год-дное житье. (Из Гдовского уезда). [Из жизни народных учителей]. „Образование“. 1898. № 11.

Дебаты Бакинско-Дагестанского Общества. Положение учащихся в школах Бакинско-Дагестанской дирекции народных училищ. „Труды I Всеросс. съезда представителей

обществ вспомощ. лицам учительского звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.". Т. I. Москва. 1907.

Дваряхе, А. В. Быт учителей Ковровского уезда. Санитарное положение учащихся земских школ Ковровского уезда. «Врачебно-санитарная хроника Владимирской губ.», 1913. № 12.

Дмитриев, С. А. О положении учащихся в городских, по положению 1872 года, училищах. «Труды I Всероссийск. съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.". Т. I. Москва. 1907.

Долинко. Материальное положение работников просвещения. «Работник Просвещения»—орг. Ц. К. Всероссийск. Союза Раб. Просвещения. Москва. 1923. № 7.

Звягинцев, Е. Идеалисты или лодыри? [Отношение училищной администрации к учителям на местах]. «Русский Учитель». 1913. № 4.

Иванчик-Писарев, А. Материальное положение учащихся народных школ земской России по работам I-го общеземского съезда по народному образованию. «Русский Учитель». 1912. № 1.

Иванчик-Писарев, А. А. Правовое положение учащихся народных школ земской России. «Русский Учитель». 1912. № 2.

Из учительского быта. «Вопросы и нужды учительства». Москва. 1910. Сборник б.

Интеллигентный пролетариат во Франции. «Образование». 1898. № 2. (На Западе).

И., П. Изучение личности педагога и его работы. «Голос Работника Просвещения». Москва. 1923. № 4.

Калантаров, Г. С. Очередные задачи исследования санитарного состояния земского учительства. «Врачебно-санитарная хроника Пензенской губ.». 1914. № 1.

Калантаров, Г. С. Очередные задачи исследований санитарного состояния земского учительства. «Гигиена и санитария». 1913. № 21—24.

Калантаров, Г. С. Санитарное состояние земского учительства Пензенской губ. по данным анкеты на учительских курсах 1913 года. «Врачебно-санитарная хроника Пензенской губ.». 1913. № 6.

Калантаров, Г. С. Санитарные условия профессионального учительства труда по данным анкеты... «Врачебно-санитарный обзор Костромской губ.». 1912. № 4.

Каришнев, Н. Иностранное обозрение. [Имеются сведения о положении учителей в Тунисе и о смертности учителей в некоторых странах]. «Русский Учитель». 1912. № 4.

Каришнев, Н. Народные учителя и их организация в Норвегии. «Русский Учитель». 1913. № 6.9.

Качаев, С. О работниках 3-го фронта. (В Башкирии). «Работник Просвещения». Москва. 1923. № 7.

Кашадалов, В. Изучение труда педагогов. (О деятельности петроградской комиссии по изучению условий труда педагогов). «Работник Просвещения». Москва. 1923. № 4.

Кашадалов, В. П. Отчет о работе комиссии по изучению условий труда педагогов. «Вопросы психофизиологии, рефлексологии и гигиены труда». Казань. 1923. № 1.

Комштам, А. М. О необходимости учреждения Общества Попечения об улучшении быта учителей-евреев в России. [Положение народных учителей-евреев, ничтожность оказываемой материальной помощи о-вами взаимопомощи учителей]. «Труды I Всероссийск. съезда представителей обществ вспомощ. лицам учительского звания 1902/3 уч. г. в Москве». Т. II. Москва. 1907.

Корнеев, А. Быт и материальное положение учащихся в народных училищах Могилевской губ. и способы его улучшения. «Труды I Всероссийск. съезда представит. обществ вспомощ. лицам учительского звания 1902/3 уч. г. в Москве». Т. I. Москва. 1907.

Коробица, О. И. К вопросу об устройстве обществами взаимопомощи дешевых квартир и дачных поселков. «Труды I Всероссийск. съезда представителей обществ вспомощ. лицам учительского звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.". Т. II. Москва. 1907.

Лодыженский, В. Из учительской жизни. «Современный Мир». 1912. № 12.

Лычагин, А. Ф. Сведения о материальном положении народных учителей в Таврической губ. «Труды I Всероссийск. съезда представителей об-

ществ вспомощ. лицам учит. звания в 1902/3 уч. г.". Т. II. Москва. 1907.

Любимов, А. Незаметный труд. (О рабочих сценах). «Искусство Труд»—орган Москоопрабиса. 1921. № 1.

Матусевич, М. Н. Материальное положение сельских учителей вообще и в Витебской губернии в частности. «Труды I Всероссийск. съезда представителей обществ вспомоществов. лицам учительского звания 1902/3 уч. г. в Москве». Т. I. Москва. 1907.

Милютин, А. П. Положение учителей народных училищ в Томском и Мариинском округах Томской губ. «Труды I Всероссийск. съезда представителей обществ вспомоществов. лицам учительского звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.". Т. I. Москва. 1907.

Миронов, А. Правовое и материальное положение приват-доцентов в русских университетах. «Вестник Воспитания». 1906. № 1.

Михайлова, Ю. Из жизни приходских учителей. «Архив истории труда в России». Прг. 1922. Кн. 4.

Москаленко, Ю. Н. Материальное положение работников просвещения Киевщины. «Работник Просвещения». Москва. 1922. № 9.

Н. О положении учителей епархиальных женских училищ. «Русский Учитель». 1913. № 2.

Николаев, А. Несколько слов о бюджете народного учителя. «Русская Школа». 1912. № 5.

О-ов, М. Об астраханских казачьих школах и учащихся. «Русский Учитель». 1912. № 6/9.

О материальном положении учащихся в земских школах Волоколамского уезда. «Русский Учитель». 1912. № 4.

О мерах к улучшению положения учителей-евреев. Доклад Общества взаимного вспомоществования учащихся и учившим евреям гор. Варшавы. «Труды I Всероссийск. съезда представителей обществ вспомощ. лицам учительского звания в 1902/3 уч. г. в Москве». Т. II. Москва. 1907.

О положении народных учителей. «Для Народного Учителя». 1907. № 1.

О-синий, М. Материальное обеспечение учителей. «Для Народного Учителя». 1908. № 8.

Положение народного учителя. «Жизнь». Женева. 1902. № 6. (Внутреннее обозрение).

Полинов, С. П. Материальное положение учащихся; способы выяснения его ненормальности, в нем замечаемой, и средства к устранению их. «Труды I Всероссийск. съезда представителей обществ вспомоществов. лицам учительского звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.". Т. II. Москва. 1907.

Румянцев, А. Н. О положении учащихся в сельских школах Московского воспитательного дома. «Труды I Всероссийск. съезда представителей обществ вспомоществов. лицам учительского звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.". Т. II. Москва. 1907.

Румянцова, Н. П. О положении учащихся в начальных городских училищах С.-Петербурга. «Труды I Всероссийск. съезда представителей обществ вспомоществов. лицам учительского звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.". Т. I. Москва. 1907.

Русова, С. Положение народного учителя в школах Харьковской губернии. «Русский Учитель». 1912. №№ 4 и 6/9.

Русова, С. Положение народного учителя на Украине. «Школа и Жизнь». 1911. № 13.

Рышков, С. О санитарных и гигиенических условиях работы народного учителя. «Труды I Всероссийск. съезда представителей общ. вспомощ. лицам учительского звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.". Т. I. Москва. 1907.

Самсонов, В. Быт учащихся в Новгородской губернии. «Вестник Новгородского Земства». 1906. №№ 14—17.

Спаский, С. А. О бытовом положении учащихся земских начальных школ. «Труды I Всероссийск. съезда представителей обществ вспомощ. лицам учительского звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.". Т. I. Москва. 1907.

Среди работников детских домов. Кременчуг. «Работник Просвещения». Москва. 1923. № 2. (На местах).

Танаевская, В. В. Несколько слов о положении народного учителя. «Труды I Всероссийск. съезда представ. общ. вспомощ. лицам учит. звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.". Т. II. Москва. 1907.

Тулунов, Н. В. Основные вопросы учительского быта. „Труды I Всероссийского съезда представителей обществ вспомощ. лицам учит. звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.“. Т. I. Москва. 1907.

Фальборн, Г. Положение народного учителя. „Школа и Жизнь“. 1914. № 14.

Филимонов, А. В. К вопросу о материальном положении учащихся народных училищ. „Труды I Всероссийского съезда представителей обществ вспомощ. ли-

цам учител. звания, б. в Москве в 1902/3 уч. г.“. Т. II. Москва. 1907.

Фриче, В. Из жизни интеллигентного пролетариата. „Образование“. 1904. № 1.

Шафанова. К вопросу об условиях труда и быта педагогов. „Вестник Труда“. орг. ВЦСПС. Москва. 1922. № 6.

(Продолжение следует).

С. Каплун.

Содержание вышедших книг „Вестника Социалистической Академии“.

Содержание 1-й книги.

I.	Стр.	III.	Стр.
От редакции	3	Научная библиография.	
Ближайшие задачи Социалистической Академии. <i>Е. Преображенского.</i>	5	а) Экономика.	
Очерк истории Социалистической Академии (1918—22 гг.) <i>А. Удальцова.</i>	13	Проф. Швигтау. „Революция и народное хозяйство“. <i>Е. Преображенского.</i>	154
Фактически замечания к очерку истории Соц. Акад. <i>М. Покровского.</i>	38	б) Политика и право.	
Внеклассовая теория развития русского самодержавия. <i>М. Покровского.</i>	40	Д. М. Кейнс. „Пересмотр мирного договора“. <i>В. Милютина.</i>	157
Русская революция. <i>Г. Крицмана.</i>	55	Проф. Котляревский. „Развитие международных отношений в новейшее время“. <i>Ф. Р. Манабendra Нат Рой.</i>	160 163
Идейное наследие бабузиама. <i>В. Волгина.</i>	67	Библиография теории права и государства. <i>П. Стучка.</i>	164
Вопросы научной организации труда и производства.		Общая теория права тов. <i>П. И. Стучки.</i>	173
Основные положения организации предприятий (статья проф. Шиллинга и инж. Герлиц). <i>Д. Бружес.</i>	85	в) Литература и искусство.	
Перечень из новейшей немецкой литературы по научной организации производства. <i>Д. Хлебникова.</i>	96	Очерки научно-художественной литературы. <i>А. Луначарского.</i>	182
II.		Seger. „Kunst und histor. Materialismus“. <i>Ф. Фриче.</i>	189
Стенограммы докладов, читаемых в Академии, и прения по ним.		Сакулин. „Русская литература и социализм“. <i>В. Переверзева.</i>	192
„Версальское устроительство“. Доклад <i>А. Богданова.</i>	106	IV.	
		Хроника	195

Содержание 2-й книги.

I-й отдел. Статьи.	Стр.	Стр.	
Откуда взялась внеклассовая теория русского самодержавия. <i>М. Покровского.</i>	3	стического накопления. <i>Д. Кузовкова.</i>	18
Финансовая система в период первоначального социали-		Учение об аналогиях (по книге Мишеля Петровича). <i>А. Богданова.</i>	78
		О предмете диалектики. <i>Талгеймера.</i>	98

	Стр.		Стр.
Научная организация труда и производства.		в) Исторический материализм и философия.	
Проблема трудового ритма. (О. Ерманский).	106	Новые книги по философии марксизма. <i>Б. Горева</i>	268
Положение и задачи психотехники на Западе и Р.С.Ф.С.Р. <i>И. Шпилерейна</i>	114	Карл Форлендер. „Общедоступная история философии“. <i>Б. Горева</i>	271
II отдел. Стенограммы докладов, читаемых в Социалистической Академии.		г) Литература и искусство.	
О сущности религии. Доклад <i>Б. Горева</i>	130	Очерки научно-художественной литературы. <i>А. Лукачарского</i>	272
Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства. Доклад <i>В. Милоткина</i>	165	Кризис буржуазного искусства. <i>В. Фриш</i>	281
III отдел. Библиография.		д) Приложение.	
а) Экономика.		Списки книг, полученных за последние годы: Кабинет экономики.	285
Обзор литературы по мировому хозяйству. <i>М. Бронского</i>	210	Кабинет мировой войны и международной политики.	290
Е. Преображенский. „От непа к социализму“. <i>В. Милоткина</i>	223	IV отдел. Хроника.	
За 5 лет. Сборник агитетд. ЦК РКП. <i>В. Фирсова</i>	236	О коммунистическом научно-исследовательском институте в Петрограде.	293
Современная русская литература по аграрному вопросу (критический очерк). <i>С. Дубровского</i>	230	Кабинет Карла Маркса при Томском рабфаке.	296
Проблемы социализации в германской литературе. (Сводный обзор). <i>А. Базарова</i>	247	Социалистическая Академия в Москве.	
б) История революционного движения.		О секции по общей теории и истории права и государства.	297
Козьмин. „П. П. Ткачев и революционное движение 60-х годов“. <i>М. Покровского</i>	259	О работе экономической секции.	298
Айнафт. „Зубатовщина и Гапоновщина“. <i>М. Покровского</i>	262	Секция литературы и искусства.	299
		Читальный зал Социалистической Академии.	—
		Общество „Октябрь Мысли“.	300

Содержание 3-й книги.

	Стр.		Стр.
I-й отдел. Статьи.		Математические законы денежной комиссии. <i>О. Шмидт</i>	85
К постановке проблем теории исторического материализма. <i>Н. Бухарин</i>	3	К теории рынка. <i>Ш. Дволайцкий</i>	100
Исторический материализм и вопросы первобытной жизни. <i>А. Богданов</i>	16	Закон тенденции нормы процента к понижению. <i>В. Е. Мотылев</i>	134
Диалектика в системе Фихте. <i>А. Деборин</i>	28	В защиту революционно-марксистского понятия классового права. <i>П. Стучка</i>	159
Теоретические основы спора о золотом и товарном рубле. <i>Е. Преображенский</i>	58		

	Стр.		Стр.
Научная организация труда и производства.		Старое и новое в доистории. (Обзор литературы по первобытной культуре). <i>В. Никольский</i>	376
Задачи научной организации труда и ее положение. <i>О. Ерманский</i>	170	Рецензии.	
Персонализм Вильяма Штерна в его отношении к психотехнике. <i>Исаак Шпилерейн</i>	200	Оптимальные размеры с.-х. предприятий (Труды Высшего Семинария с.-х. экономики и политики при Петровской с.-х. Академии). <i>Л. Н. Кришман</i>	400
II отдел. Стенограммы докладов, читаемых в Соц. Академии.		Макс Адлер. „Учение марксизма о государстве“. <i>Г. Лукач</i>	407
Проблема психологии в теории исторического материализма. Доклад <i>М. А. Рейснера</i>	210	Кайо. „Куда идет Франция“. <i>М. Павлович</i>	411
Взгляды на доклад О. Ю. Шмидта: „Математические законы денежной эмиссии“ и заключительное слово докладчика.	256	Приложение.	
III отдел. Библиография.		Опыт библиографического указателя по истории крестьянского движения. <i>Е. А. Морозов</i>	415
Обзор литературы по мировому хозяйству. <i>М. Бронский</i>	278	Указатель русской литературы по положению рабочего класса. <i>С. П. Каптур</i>	421
Обзор литературы по аграрному вопросу. <i>С. Дубровский</i>	295	Книги издания 1921 г., полученные в кабинете мировой войны и внешней политики Соц. Академии.	433
Статистика 1918 — 1922 гг. <i>П. Попов</i>	311	IV отдел. Хроника.	
Обзор научно-популярной литературы по теории относительности. <i>В. Базаров</i>	324	Доклады в Социалистической Академии „Соц. Энциклопедии“.	441
Литература по чартизму. <i>Ф. Ротштейн</i>	342	Подарок уральских рабочих. Секция советского строительства.	442
Обзор литературы о революции 1848 г. <i>Ст. Кривцов</i>	363	Секция по общей теории и истории права государства.	443
		Библиотека Социалистической академии.	—

Содержание 4-й книги.

	Стр.		Стр.
I отдел. Статьи.		Материалы по теории и политике денежного обращения в России (период 1914—1923 г.). <i>Д. Кузнецов</i>	101
О кривой капиталистического развития. (Письмо в редакцию вместо обещанной статьи). <i>Л. Троцкий</i>	3	Теория накопления Розы Люксембург. (По поводу статей тов. Дволайцкого). <i>В. Е. Мотылев</i>	136
Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия. (Окончание.) <i>М. Покровский</i>	13	Материальный базис коммунистического общества. <i>И. Иванов</i>	169
К методологии научения денежной эмиссии. <i>В. Базаров</i>	28	Материализация и пролетарское сознание. <i>Г. Лукач</i>	186

Стр.	Рецензии.	Стр.
<p>Сущность идеологического воз- зрения. <i>И. Разумовский</i>.</p> <p>Организационные принципы социальной техники и эконо- номики. <i>А. Богдамов</i>.</p> <p>Идеалистическая легенда о Канте. <i>И. Боричевский</i>.</p> <p>Комплексный метод в доносто- рии. <i>В. Никольский</i>.</p> <p>К постановке проблемы сти- ля. <i>В. Фриче</i>.</p> <p>Мировоззрение и формы стиля. <i>В. Циммер</i>.</p> <p>II. отдел. Стенограммы до- кладов, читаемых в Социали- стической Академии.</p> <p>Маркс, как историк. <i>М. Покров- ский</i>.</p> <p>Действительность и диалек- тика в философии К. Марк- са. <i>Л. Ахгельрод - Ортодокс</i>.</p> <p>III отдел. Библиография.</p> <p>Обзор литературы по мирово- му хозяйству. (Продолжение). <i>М. Бронский</i>.</p> <p>Обзор русской литературы по аграрному вопросу. (Окон- чание). <i>С. Дубровский</i>.</p> <p>Проблемы логики в современ- ной философии. (Обзор ли- тературы 1916 — 1922 гг.). <i>Г. Вамелин</i>.</p>	<p>Запоздалая критика Маркса (по книге <i>И. Рев</i>).</p> <p>Первый опыт библиографии марксистской критики. (О книге Мандельштама „Худо- жественная литература в оценке русской марксист- ской критики“). <i>В. Пере- верев</i>.</p> <p>IV отдел. Хроника.</p> <p>Кабинет внешних сношений. Соц. Академии.</p> <p>Библиотека соц. академии за первую треть 1923 г.</p> <p>Курсы по изучению марксизма при Соц. Академии (по пово- ду I-го выпуска).</p> <p>Приложение.</p> <p>Опыт библиографического ука- зателя по истории крестьян- ского движения в России. (Продолжение). <i>Е. Морого- вец</i>.</p> <p>Положение рабочего класса. (Указатель литературы на русском языке). (Продолже- ние).</p> <p>Обзор иностранной периоди- ки, поступающей в Соц. Ака- демию.</p> <p>Кабинет внешних сношений Соц. Академии (новые книги)</p> <p>Кабинет экономики Соц. акаде- мии (новые книги).</p>	<p>223</p> <p>272</p> <p>285</p> <p>309</p> <p>350</p> <p>362</p> <p>372</p> <p>385</p> <p>397</p> <p>413</p> <p>431</p> <p>446</p> <p>453</p> <p>456</p> <p>457</p> <p>459</p> <p>465</p> <p>473</p> <p>487</p> <p>492</p> <p>496</p>

Книгоиздательство Социалистической Академии.

Знаменка, д. № 11. Телеф. 1-94-66.

НОВЫЕ КНИГИ:

1. **Стучка, П.** Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 2-ое пересмотренное и дополненное издание. Стр. 154. Ц. 75 к.
2. **Адоратский, В.** О государстве. (К вопросу о методе исследования). Стр. 96. Ц. 50 к.
3. **Сапронов, Т.** Очередные вопросы Советского стро-
ительства. Стр. 60. Ц. 40 к.
4. Библиография периодики. Вып. I—IV: 1. Указатель статей и материалов, помещенных в журнале „Научное Обозрение“ (1897—1902 г.г.). 2. Ука-
затель статей и материалов, помещенных в рус-
ских исторических журналах за 1922 год. 3. Ука-
затель статей и материалов, помещенных в жур-
налах „Былое“ и „Минувшие Годы“ за 1906—
1908 г.г. Стр. 165. Ц. 1 р.
5. **Гурвич, Г. С.** проф. История Советской Конституции.
Стр. 216. Ц. 1 р.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Москва, Знаменка, Мал. Знаменский, 11.

Тел. 1-94-66, 1-94-54. Кремль, доб. 2-75.

НОВЫЕ КНИГИ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ.

- Бешкин, Г. Идеи Фурье, Петрашевского и петрашевцев. Ц. 40 к.
- Гойкбарг, А. П., проф. Хозяйственное право Р. С. Ф. С. Р. Т. 1-й. Гражданский Кодекс. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
- Горев, А. На идеологическом фронте. Сборник статей. Ц. 70 к.
- Жорес, Ж. История Великой Французской Революции. Т. II-й. Конвент. Вып. II-й. Социально-политические идеи Европы и революция. Перев. с франц., под ред. Н. М. Лукина и Н. М. Попова. Ц. 3 р. 75 к.
- Маркс, К. и Энгельс, Ф. Коммунистический Манифест. С введением и примеч. Д. Рязанова. Изд. 3-е дополн. (Библиотека научного социализма, под общей редакцией Д. Рязанова). Ц. в изящном переплете 1 р. 50 к.
- Их же. Полное собрание сочинений. Библиотека научного социализма под общей редакцией Д. Рязанова. Т. I-й. Карл Маркс. Статьи и письма 1837—1844 г.г. Под редакцией и с примечаниями Д. Рязанова. Ц. 1 р. 70 к.
- Моринг, Ф. История германской социал-демократии. Т. III-й. До франко-прусской войны. Предисл. И. Степанова. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- Манг и Бруннер, Л. Рабочее движение в Бельгии. Перев. Н. Л. Мещерякова. Ц. 1 р.
- Подволицкий, П. Марксистская теория права. Очерк с предисл. Н. Бухарина. Ц. 80 к.
- Преображенский, Е. О морали и классовых нормах. Ц. 40 к.
- Сен-Симон, А. Собрание сочинений. Перев. с франц., под ред. с введением и примечаниями проф. В. В. Святловского. Ц. 2 р.
- Тун, А. История революционных движений в России. Перев. В. Засудич, Д. Кольцова и др. С воспоминаниями об А. Туне Дейча. С предислов. Г. Плеханова, статьей „О социальной демократии в России“ Г. Плеханова и примечаниями П. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 10 к.
- Эртыш, Луи. История французской революции 1848 года и Второй республики. Вып. 1-й. (1814—1848 г.г.) Изд. 2-е, иллюстрир. Ц. 3 р.

Все цены в червонцах по курсу Госбанка.

Открыта на льготных условиях подписка на собрание сочинений классиков марксизма (Ленин, Маркс и Энгельс, Плеханов, Каутский).

Принимать подписки на все периодические издания Госиздата.

Подписка производится в конторе объявлений, подписных и справочных изданий Госиздата (Москва, Никольская, 3. Тел. 2-17-23) и через особо уполномоченных на то лиц.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Москва, Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский, 4. Тел. 47-35.
Петроград, Проспект 25 Октября (Невский), 28. Тел. 5-49-32.

ОТДЕЛЕНИЯ:

Вологда, Площадь Свободы; Воронеж, Проспект Революции, 1-й д. Совета; Назань, Гостинодворская, Гостиный Двор; Киев, Крещатик, 38; Кострома, Советская, 11; Краснодар, Красная, 33; Нижний-Новгород, Б. Покровка, 12; Одесса, ул. Ласалы, 12; Пенза, Интернациональная, 39/43; Пятигорск, Советский пр., 48; Ростов и/Дону, ул. Фридриха Энгельса, 106; Саратов, ул. Республик., 42; Тамбов, Коммунальная, 14; Тифлис, Проспект Руставели, 16; Харьков, Московская, 20.

МАГАЗИНЫ:

МОСКВА: 1) Советская пл., под гост. „Презден“, Тел. 1-28-94; 2) Моховая ул., 17. Тел. 1-31-50; 3) Ул. Герцена (Б. Никитская), 13 (зд. Консерватории). Тел. 2-64-95; 4) Никольская ул., 3. Тел. 49-51; 5) Серпуховская пл., 1/43. Тел. 2-84-82; 6) Кузнецкий мост, 12. Тел. 1-01-35; 7) Лялин пер., 11. Тел. 81-94; 8) М. Харитоньевский пер., 4; 9) Оптов-розничный магазин при складе „Теплые ряды“, Ильинка, Богоявленский пер., 4.

ПЕТРОГРАД: 1) Проспект 25 Октября (Невский), 28; 2) Ул. Володарского (Литейный пр.), 21; 3) Проспект 25 Октября (Невский), 13.